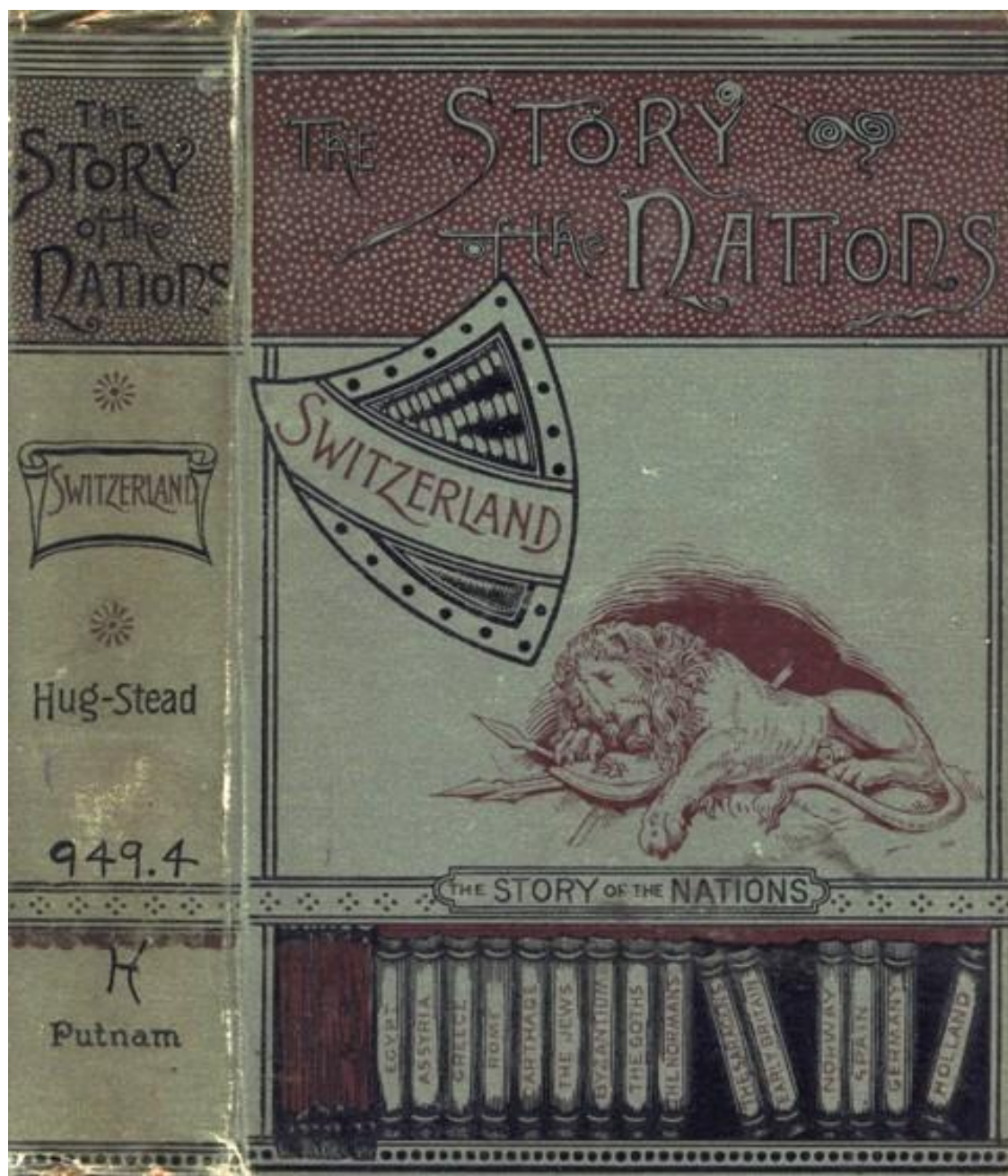

История Швейцарии

Ричард Стэд
Лина Хаг

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории Швейцарии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Швейцарии

Автор: Лина Хуг

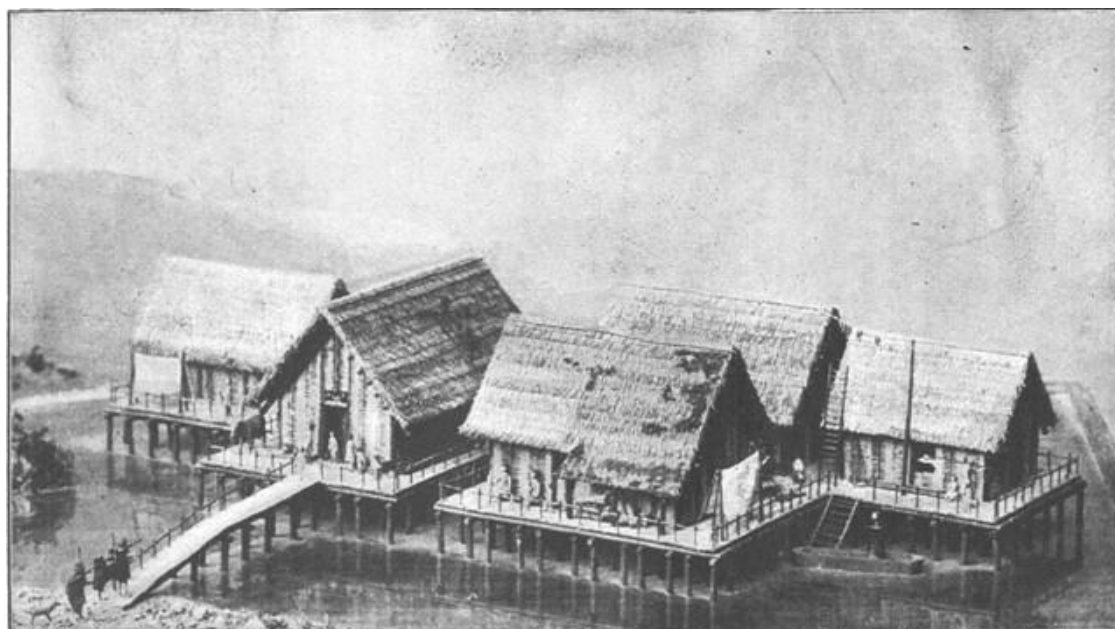
Ричард Стэд

Дата выхода: 14 мая 2012 [Электронная книга №39695]

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Джульет Сазерленд, Жозефина Паолуччи и команда корректоров, распространяющая корректуру онлайн по адресу <http://www.pgdp.net>.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ ШВЕЙЦАРИИ" ***

ДРЕВНИЕ
ШВЕЙЦАРСКИЕ ОЗЕРНЫЕ ЖИЛИЩА, ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО. (По проекту доктора Ф. Келлера.)

История народов

ИСТОРИЯ ШВЕЙЦАРИИ

ОТ ЛИНЫ ХАГ И РИЧАРДА СТЕДА

НЬЮ-ЙОРК
СЫНОВЬЯ Дж. П. ПАТНЭМА
Лондон: Т. ФИШЕР АНВИН
1890 г.

Авторское право, 1890 г.
от
G. P. Putnam's Sons

Введено в Stationer's Hall, Лондон
Т. Фишером Анвином

Издательство
G. P. Putnam's Sons
Нью-Йорк

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

12МО, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ. За ТОМ, 1,50 доллара

БОЛЕЕ РАННИЕ ТОМА

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ. Автор: профессор Джас. А. Харрисон
ИСТОРИЯ РИМА. Артур Гилман
"ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ". Профессор Джас. К. Хосмер
"ИСТОРИЯ ХАЛДЕИ". З. А. Рагозина
ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ. С. Бэринг-Гулд
ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ. Профессор Х. Х. Бойсен
"ИСТОРИЯ ИСПАНИИ". Э. Э. и Сьюзан Хейл
"ИСТОРИЯ ВЕНГРИИ". Автор: профессор А. Вамбери
"ИСТОРИЯ КАРФАГЕНА". Автор: профессор. Альфред Дж. Черч
"ИСТОРИЯ САРАЦИН". Артур Гилман
"ИСТОРИЯ МАВРОВ В ИСПАНИИ". Стэнли Лейн-Пул
"ИСТОРИЯ НОРМАННОВ". Сара О. Джуэтт
ИСТОРИЯ ПЕРСИИ. С. Г. В. Бенджамин
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. Автор Гео. Роулинсон
ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ АЛЕКСАНДРА. Автор: профессор Дж. П. Махаффи
ИСТОРИЯ АССИРИИ. З. А. Рагозин
"ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ". Достопочтенный. Эмили Лоулесс
"ИСТОРИЯ ГОТОВ". Генри Брэдли
"ИСТОРИЯ ТУРЦИИ". Стэнли Лейн-Пул
"ИСТОРИЯ МИДИИ, ВАВИЛОНА И ПЕРСИИ". З. А. Рагозина

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ. Гюстав Массон
ИСТОРИЯ МЕКСИКИ. Сьюзан Хейл
"ИСТОРИЯ ГОЛЛАНДИИ". Джеймс Э. Торольд Роджерс
"ИСТОРИЯ ФИНИКИИ". Джордж Роулинсон
"ИСТОРИЯ ГАНЗЕЙСКИХ ГОРОДОВ". Хелен Циммерн
"ИСТОРИЯ РАННЕЙ БРИТАНИИ". Проф. Альфред Дж. Черч
ИСТОРИЯ БЕРБЕРИЙСКИХ КОРСАРОВ. Автор: Стэнли Лейн-Пул
ИСТОРИЯ РОССИИ. У. Р. Морфилл.
ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ Под ВЛАСТЬЮ РИМА. У. Д. Моррисон.
ИСТОРИЯ ШОТЛАНДИИ. Автор: Джеймс Макинтош.

С проспектом серии можно ознакомиться в конце этого тома

СЫНОВЬЯ Дж. П. ПАТНЭМА, НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

С УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЕТСЯ
ТО
ПРОФЕССОРУ ГЕОРГУ ФОН ВИССУ
И
ПРОФЕССОРУ Дж. MEYER VON KNONAU

ПРЕДИСЛОВИЕ.

По многим причинам, некоторые из которых очевидны для наименее вдумчивых, история Швейцарии особенно интересна, и не в последнюю очередь для англоговорящих народов. Во-первых, "игровую площадку Европы" каждый год посещает большое количество британцев и американцев, некоторые из которых действительно знакомы почти с каждым ее уголком. Тогда для англосаксонской расы грандиозное зрелище горстки свободных людей, благородно борющихся за свою свободу, часто среди огромных трудностей и вопреки ужасающим шансам, не может не волновать сердца. Гражданину великой американской республики изучение конституции маленькой европейской республики должно принести как интерес, так и выгоду - конституции, во многом напоминающей конституцию его собственной страны, и все же во многих других отношениях столь отличной. И мы думаем, что немногие читатели, независимо от национальности, могут прочесть эту историю без чувства восхищения доблестным народом, который боролся против угнетения так, как боролись швейцарцы, который любил свободу так, как они любили ее, и который совершил почти невероятные ратные подвиги, которые совершили швейцарцы. И, как отмечают сэр Фрэнсис О. Адамс и г-н Каннингем Уэлл в своей недавно опубликованной работе о

Швейцарской конфедерации как исследовании конституционной истории, ценность истории развития Конфедерации трудно переоценить.

Немногие из существующих описаний швейцарской истории, появившихся на английском языке, восходят к 1291 году н.э., дате самой ранней Швейцарской лиги, и, конечно, Швейцария как нация не может похвастаться более ранним происхождением. Но, несомненно, следует рассказать о предыдущей истории людей, основавших Лигу. Для страны, которая в разные периоды была оккупирована озерными жителями, гельветами и римлянами; где алеманны, бургунды и франки сыграли свои роли; где жил и правил Карл Великий, а Карл Смелый сражался; где боролись великие семьи Заэнгов, Кибургов и Савойи; и откуда возник (и властвовал) ныне могущественный дом Габсбургов — и все это до 1291 года — для страны, у которой есть такая история о ее прежних временах, мы говорим, что не следует оставлять эту историю невысказанной. Соответственно, в этом томе история периода до образования Конфедерации была рассмотрена довольно подробно. Следует также упомянуть, что ввиду весьма широкого интереса, вызванного замечательным открытием швейцарских озерных поселений несколько лет назад, этому вопросу была посвящена отдельная глава.

Однако, памятуя о высшей важности формирования и прогресса Конфедерации, была предпринята попытка проследить этот прогресс шаг за шагом, показывая, как люди, отличающиеся по расе, языку, вероисповеданию и образу жизни, объединились, чтобы противостоять общему врагу и построить компактное маленькое государство, которое, как мы теперь видим, играет свою роль на европейской арене. Все преподавание истории страны может быть резюмировано словами мистера Кулиджа в его "Истории Швейцарской конфедерации" (стр. 65). "История Швейцарии на протяжении всего пути учит нас, что свобода Швейцарии была завоевана тесным союзом множества малых государств". И мистер Кулидж добавляет мнение, что "его лучше всего сохранить теми же средствами, а не стирая все местные особенности, нигде столь поразительные, нигде столь исторически важные, как в Швейцарии".

Остается добавить несколько слов относительно авторитетных источников, к которым обращались авторы этого небольшого тома. Естественно, в основном использовались стандартные швейцарские исторические труды, такие как труды доктора Карла Дедликера, Дирауэра, Вуллимина, Даге, Стриклера, Вегелина и Вебера ("Всеобщая история"). Среди других исторических работ и различных сочинений — эссе, брошюр и всего остального — можно упомянуть работы доктора Фердинанда Келлера, Вартмана, Хеера, Хейерли, Фон Аркса, Моммзена, Буркхардта, Мореля, Марквардта, Дана, Бюдингера, Секретана, Фон Висса, Мейера фон Кнонау, Швейцера, Финслера, Роже, Бахтольда, Маркмонье, Рамбера, Хеттнера, Шерера, Рокетта, Фрейтага, Песталоцци, Шульце и Керн. Среди рассмотренных английских работ — труды Фримена, Письма Общества Паркера, "Швейцарская конфедерация" Адамса и Каннингема, перепечатка Кулиджем статьи "История Швейцарской конфедерации", "Священная Римская империя" Брайса и др.

Авторы признательны за любезную и ценную помощь нескольким выдающимся швейцарским ученым. Профессору Дж. Georg von Wyss and Prof. Особая благодарность Мейеру фон Кнонау, а проф. Кессельринг, герр Й. Хайерли и другие проявили большой полезный интерес к ходу работы. Они также должны выразить огромную благодарность доктору Имхуфу, который любезно предоставил им слепки со своей знаменитой коллекции монет; и выдающимся скульпторам Веле и Ланцу, которые разрешили использовать фотографии своих последних работ в иллюстративных целях.

Цюрих и Фолкстон, июль 1890 г..

Содержание.

Страница

Предисловие [ix](#)

Таблица кантонов [xiii](#)

Таблица с названиями, районами и населением кантонов [xxiv](#)

Я.

Обитатели озера [1-12](#)

Открытие озерных поселений —Исследования доктора Фердинанда Келлера—Три разные эпохи—Повседневная жизнь озерников—Озерные поселения в Восточном Йоркшире.

II.

Гельветы [13-28](#)

Размеры их территории —Их правительство и образ жизни—Оргеторикс—Дивико разбивает римские войска—Цезарь разгромил гельветов—Верцингеторикс—вализийцев—ретийцев.

III.

Гельвеция при римлянах [29-43](#)

Способ обращения Цезаря с Гельвечьей—Август—Гельвеция включена в состав Галлии—Веспасиан—алеманны и бургунды—Введено христианство.

IV.

Предки швейцарской нации 44-57

Гунны и их опустошительные действия—аламанны—бургунды—"Племя нибелунгов"—Франки покоряют как аламанны, так и бургундцев—Ирландские монахи проповедуют в Швейцарии.

V.

Каролинги—Карл Великий 58-70

Пепин ле Бреф—Шарлемань — Его связь с Цюрихом.

VI.

Бургундское королевство, герцогство Швабия и Германская империя 71-82

Разделение территории Карла Великого на три части—Рудольф Гвельф—Швабские герцоги—Генеалогические таблицы.

VII.

Бургундия и Швабия при германских императорах 85-94

Берта, "Прядущая королева" — Ее сын Конрад—Гельвеция в тесной связи с Германией—Генрих III.—Борьба с папской властью.

VIII.

Правление дома Заэрингенов 95-100

Их происхождение — Основан Фрейбург и другие города—Основан Берн—Побежден Савойей—Крестовые походы.

IX.

Дома Кибургов, Савойи и Габсбургов 101-117

Падение династии Церингс—Кибургов—Рост феодализма—Гогенштауфены—Савойя—Возвышение Габсбургов—Рудольф.

X.

Конфедерация, Или Eidgenossenschaft 118-130

Лесные кантоны—Клятва на Рютли—Рудольф подавляет Waldstätten—Tell и apple—Расследование фактов, касающихся основания Лиги.

XI.

Битва при Моргартене 131-137

Покушение Габсбургов на Цюрих—Альбрехт—Объединение народов Вальда—Поражение Австрии.

XII.

Лига восьми государств 139-146

Люцерн присоединяется к Лиге—Цюрих следует за ним—Война с Австрией—Гларус присоединен к Лиге как подчиненное или защищенное государство—Цуг присоединяется к Союзу—Берн.

XIII.

Цюрих - пример швейцарского города средневековья 147-157

Церковь аббатства Богоматери—Влияние леди—настоятельница—Граждане трех классов — Они постепенно обретают свободу—Торговля города—Цюрих литературный центр— Восстание рабочих классов-Новая конституция.

XIV.

Берн сокрушает дворянство: Великая победа Лаупена 158-166

Берн военного склада—Формирует Западно—Швейцарский союз—Осада Золотурна—Берн выступает против Габсбургов—Захватывает Лаупен—Победа при Лаупене-Лига восьми государств завершена.

XV.

Битвы при Семпахе и Нейфельсе 167-178

Противостояние Австрии—Леопольд III., Характер—Его планы—Поражение и смерть при Земпах—Винкельриде—Битва при Нейфельсе.

XVI.

Как Швейцария получила Подвластные Земли 179-189

Желательно приобретение прилегающих территорий—Аппенцель—Вале—Граубюнден— Аргау—Ссоры с Миланом.

XVII.

Война между Цюрихом и Швицем 190-199

Спор о землях Тоггенбургов—Цюрихский Штюсси и фон Рединг из Швиц—Цюрихской камвольной фабрики—Заключают союз с Австрией—Франция присоединяется к альянсу— Битва при Сен-Жаке.

XVIII.

Бургундские войны 200-216

Карл Смелый—Людовик XI Французский—Причины, приведшие к войне—Политика Берна— Начало военных действий—Битва при Внук—Морат—Осада Нанси и смерть Карла.

XIX.

Встреча в Stanz &c. 217-229

Престиж, завоеванный Лигой—Споры о приеме Фрайбурга и Золотурна—Сейм в Станце—Николас фон дер Флюэ—Завет Станца—Вальдмана —Его казнь.

XX.

Лига тринадцати кантонов завершила 230-242

Максимилиано—Швабская война—Отделение Швейцарии от империи—Базель присоединяется к Лиге—Шаффхаузен—Аппенцелль—Итальянские войны—Осада Новары—Битва при Мариньяно-Св. Желчь.

XXI.

Великие советы, Ландсгемейнд, сейм и др. 243-253

Два вида кантонов—Конституция Берна и Цюриха—Landsgemeinde—Tagsatzung—Интеллектуальная и литературная жизнь.

XXII.

Реформация в Немецкой Швейцарии 254-268

Цвингли —Его ранняя жизнь—Его стремление к реформации—Назначен в Цюрих—Основана национальная реформатская церковь—Распространение новой веры—Каппелевская молочная партия—Споры между Лютером и Цвингли—Вторая ссора с Лесом—Цвингли убит.

XXIII.

Реформация в Западной Швейцарии 269-278

Политическое положение Во и Женевы —Карл III. и Женева — "Оруженосцы Ковша" —Бонивар, брошенный в Шильон—Реформатская вера, проповедуемая Фарелем во Французской Швейцарии— Сен—Жюльенский мирный договор—Операции в Савойе.

XXIV.

Женева и Кальвин 279-290

Кальвин — Его "Институты" —Его исповедание веры—Изгнание из Женевы—Его возвращение—*Консистория*—"Дети Женевы" —Сожжение Сервета—Основание Академии—Смерть Кальвина.

XXV.

Католическая реакция 291-302

Асильное право—Пфиффер—Карло Борромео, архиепископ Милана—Лига Борромео—Протестанты изгнаны из Локарно—Приют для религиозных беженцев в Швейцарии—Влияние швейцарской реформации на Англию—Возрождение образования—Эскалада Женевы.

XXVI.

Аристократический период 303-314

Тридцатилетняя война —Граубюнден и его трудности—Резня в Вальтеллине—Рохане—Йеначе—Восстание крестьян—Мирный договор с Францией.

XXVII.

Политические вопросы в восемнадцатом веке 315-323

Аристократия и плебеи—Французская лига—Резня в Грайфензее—Заговор Давеля—Берн —Его три касты—Конституционная борьба в Женеве—Драка в Невшателе.

XXVIII.

Швейцария и эпоха Возрождения: влияние Вольтера и Руссо 324-342

Вольтер—Резиденция в Ферне—Особого влияния на Женеву не оказал—Руссо—мадам де Сталь—Швейцарские ученые—Уголок поэтов Цюриха—Брайтингер, Бодмер, Галлер, Клопшток и др.—Песталоцци—Лафатер—Гельветическое общество.

XXIX.

Французская революция и Швейцария 343-359

Резня швейцарских гвардейцев в Париже—Восстание Штафы—Кампо—Формийский мирный договор—Парижский гельветический клуб—"Леманская республика"—Капитуляция Берна—Провозглашена Гельветическая республика—Оппозиция Швица, Станца и др.

XXX.

"Единая и неделимая Гельветическая республика" 357-368

Налог, введенный Францией—Франко-гельветический альянс—Австрийская оккупация—Русская оккупация—Битва при Цюрихе—Чрезвычайные марши Суворова—Тяжелые французские реквизиции—Ренгер и Штапфер,—Централисты и федералисты,—Наполеон как посредник.

XXXI.

Закон о посредничестве и Наполеон 369-381

Конференция в Париже по швейцарским делам— Подписан Закон о посредничестве—Бокенкриг—Образовано шесть новых кантонов—Материальный и интеллектуальный прогресс—Отмена диеты—"Длительная диета"—Венский конгресс—Создание двадцати двух кантонов.

XXXII.

Швейцария по Конституции 1815-48 гг. 382-394

Недовольство результатами Венского конгресса—Французская революция 1830 года—"День Устера"—Конкордат Зибнера—Католическая лига—Прогресс образования—Политические беженцы в Швейцарии—Луи Филипп—Луи Наполеон—Беспорядки в Цюрихе со стороны антинационалистов—Война Зондербунда.

XXXIII.

Согласно Конституции 1848 года [395-407](#)

Новая Федеральная конституция—Федеральное собрание—Федеральный совет—Федеральный трибунал—Полномочия отдельных кантонов—Военная служба—Проблемы Невшателя—Поправки к Федеральному пакту—Инициатива—Референдум.

XXXIV.

Промышленность, Торговля, Железные дороги, Образование. "Право на убежище" [408-421](#)

Масштабы торговли—Экспорт и импорт—Железные дороги—Образование—Поэт Келлер—Женевская конвенция—Международный почтовый союз—Международный конгресс труда—Швейцария как политическое убежище—Франко-германская война—Сводная демографическая статистика.

Генеалогические таблицы [83](#), [84](#)

Индекс [423](#)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Иллюстрация под названием "ВЕРХНЕЕ ПАДЕНИЕ РЕЙХЕНБАХА (МЕЙРИНГЕН)" в списке иллюстраций на самом деле представляет собой ЗНАМЕНОСЦЕВ ШВИЦА, УРИ, УНТЕРВАЛЬДЕНА И ЦЮРИХА. Оригинальный текст содержит неправильное описание в списке иллюстраций.

СТРАНИЦА

ЖИЛИЩА У ОЗЕРА, ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО, ПО ПРОЕКТУ
ДОКТОРА [КАРТА-](#)

фронтиспис ФЕРДИНАНДА КЕЛЛЕРА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОЗЕРНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОКРУГ
ЦЮРИХСКОГО ОЗЕРА, АВТОР Г-н ХЕЙЕРЛИ [2](#)

(1) УКРАШЕНИЕ НА РУКОЯТИ МЕЧА; (2 И 3) КАМЕННЫЕ КЕЛЬТЫ, НАЙДЕННЫЕ В
ШВЕЙЦАРСКИХ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩАХ (СКОПИРОВАНО С РАЗРЕШЕНИЯ
ИЗ "HARPER'S MAGAZINE") [4](#)

(1) СОСУД; (2) ОБРАЗЦЫ ТКАНЕЙ, НАЙДЕННЫХ В ШВЕЙЦАРСКИХ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩАХ
(СКОПИРОВАНО С РАЗРЕШЕНИЯ

"ЖУРНАЛА HARPER'S") [7](#)

ОБРАЗЦЫ КЕРАМИКИ, НАЙДЕННЫЕ В ШВЕЙЦАРСКИХ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩАХ (СКОПИРОВАНО С РАЗРЕШЕНИЯ "ЖУРНАЛА HARPER'S") [10](#)

ЙОХАННИСШТЕЙН С РУИНАМИ ЗАМКА ХОЭНРЕТИЯ, НЕДАЛЕКО ОТ ТУЗИСА, ГРАУБЮНДЕН [16](#)

ДОМ (БЫВШАЯ ЧАСОВНЯ) В РОМАУНШСКОМ СТИЛЕ, В ШУЛЬСЕ, НИЖНИЙ ЭНГАДИН, ГРАУБЮНДЕН [27](#)

СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ, ВЕРЦИНГЕТОРИКС (DR . ИМХУФ, ВИНТЕРТУР) [29](#)

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА, ВЕСПАСИАН [ВЕСПАСИАН ИМПЕРАТОР-ВЕЧНОСТЬ] (DR. IMHOOF) [34](#)

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА [СВ. ФЕЛИКС, СВ. РЕГУЛА-САНКТУС КАРОЛУС] (DR. IMHOOF) [42](#)

ЭЙГЕР [52](#)

ВЕЛИКИЙ СОБОР И ВАССЕРКИРХЕ, ЦЮРИХ (АППЕНЦЕЛЛЕР, ЦЮРИХ) [67](#)

ПЕРЕВАЛ ФУРКА [79](#)

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР (СНАРУЖИ), ЛОЗАННА [92](#)

ЗАМОК ВУФФЛЕНС, ВО (ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЕК) [102](#)

БРОНЗОВЫЕ ФИГУРЫ ИЗ ПАМЯТНИКА МАКСИМИЛИАНУ, ИНСБРУК (АРТУР ИЗ КРУГЛОГО СТОЛА, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ; ТЕОДОБЕРТ, ГЕРЦОГ БУРГУНДИИ; ЭРНЕСТ, ГЕРЦОГ АВСТРИИ; ТЕОДОРИХ, КОРОЛЬ ОСТГОТОВ) [106](#)

СТАРЫЙ ЗАМОК ГАБСБУРГОВ, КАНТОН АРГАУ [112](#)

ТАЛЕРОВ ТРЕХ КАНТОНОВ (УРИ, ШВИЦ И УНТЕРВАЛЬДЕН) [120](#)

КАРТА СТАРОЙ ШВЕЙЦАРИИ [138](#)

ВЕРХНИЙ ВОДОПАД РАЙХЕНБАХА (МЕЙРИНГЕН) [160](#)

КРЫЛЬЦО БЕРНСКОГО СОБОРА Со СТАТУЕЙ РУДОЛЬФА ФОН ЭРЛАХА [165](#)

ПАМЯТНИК ВИНКЕЛЬРИДУ, СТРОФА [174](#)

ГЕРБ УРИ [189](#)

ул. ПАМЯТНИК ЖАКУ, БАЗЕЛЬ, РАБОТЫ ШЛОТА [196](#)

ГЕРБ ШВИЦА [198](#)

ЕЛИЗАВЕТА, ЖЕНА АЛЬБЕРТА II.; МАРИЯ БУРГУНДСКАЯ; ЭЛЕОНОРА ПОРТУГАЛЬСКАЯ;
КУНИГУНДА,
СЕСТРА МАКСИМИЛИАНА (ИЗ ПАМЯТНИКА МАКСИМИЛИАНУ, ИНСБРУК) [201](#)

КАРТА ВНУКА [210](#)

СТАРИННОЕ ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ В ЦЮРИХСКОМ АРСЕНАЛЕ [214](#)

ВНУТРЕННИЙ ДВОР АББАТСТВА БОГОМАТЕРИ. ЛЮТСКИЙ
КАПИТУЛ ЦЮРИХА [220](#)

ГЕРБ УНТЕРВАЛЬДЕНА [229](#)

МРАМОРНЫХ РЕЛЬЕФОВ, ПАМЯТНИК МАКСИМИЛИАНУ, ИНСБРУК [231](#)

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ МУРТЕНА [235](#)

ТАМОЖНЯ, ФРАЙБУРГ [240](#)

САРНЕН, БЕРН [244](#)

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ ЛЮЦЕРНА [246](#)

УЛЬРИХ ЦВИНГЛИ [256](#)

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР, БЕРН [270](#)

ТАЛЕРОВ 1564 ГОДА (СВЯТОЙ ГАЛЛ) [289](#)

ГЛАВНЫЙ АЛТАРЬ КУРСКОГО СОБОРА [306](#)

РУССО [329](#)

ПЕСТАЛОЦЦИ [330](#)

ХАЛЛЕР [333](#)

ЛАФАТЕР [340](#)

ЛЮЦЕРНСКИЙ ЛЕВ [344](#)

ЛА ГАРП [348](#)

РЕДИНГ [354](#)

ДИЛИЖАНС, ПЕРЕСЕКАЮЩИЙ ПЕРЕВАЛ СИМПЛОН [362](#)

ИНТЕРЛАКЕН, ИЗ ФЕЛЬЗЕНЕГГА [386](#)

ПОЛИТЕХНИКУМ В ЦЮРИХЕ [397](#)

ВИД На СИОН [404](#)

СУДЫ В ЛОЗАННЕ [407](#)

"ЖЕРТВЫ ТРУДА", ТУННЕЛЬ СЕН-ГОТАРД, С БАРЕЛЬЕФА ВЕЛЫ (ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ РАЗРЕШЕНИЮ СКУЛЬПТОРА) [411](#)

ПОРТРЕТ ПОЭТА ГОТФРИДА КЕЛЛЕРА [413](#)

ИНТЕРЬЕР СОБОРА ЛОЗАННЫ [419](#)

ТАБЛИЦА

ПОКАЗАНЫ НАЗВАНИЯ (НЕМЕЦКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ), РАЙОНЫ И НАСЕЛЕНИЕ КАНТОНОВ.

Немецкое название.	Французское название.	Площадь в квадратных милях.	Население (приблизительное) на 1 декабря 1888 г.
1. Aargau	Арговия	543	193 000
2. Appenzell	Appenzell		
{Ausser Rhoden	{Rhodes Extérieures	100	54,000
{Inner Rhoden	{Rhodes Intérieures	60	13,000
3. Basel Stadt	Bâle-Ville	14	74,000
" Land	" Campagne	163	62,000
4. Bern	Berne	2,660	539,000
5. Freiburg	Fribourg	644	119,000
6. St. Gallen	St. Желчь	779	229 000
7. Genf	Genève (Geneva)	109	107,000
8. Glarus	Glaris	267	33,000
9. Graubünden	Grisons	2,774	96,000
10. Luzern	Lucerne	579	135,000
11. Neuenburg	Neuchâtel	312	109,000
12. Schaffhausen	Schaffhouse	116	37,000
13. Schwyz	Schwyz (Schwytz)	351	50,000
14. Золотурн	Солейур	303	85,000
15. Тессин	Тессин (Италия,	1,095	127,000

	Тичино)		
16. Тургау	Турговье	381	105 000
17. Unterwalden {Obdem Wald	Unterwalden {Le Haut	183	15,000
	{Mid dem "	{Le Bas	112
18. Uri	Uri	415	17,000
19. Уоллис	Вале	2,026	102 000
20. Waadt	Vaud	1,244	251,000
21. Zug	Zoug	92	23,000
22. Цюрих	Zurich	665	332,000
	Всего	15,987	2,920,723[1]

СНОСКИ:

[1] Эта общая численность населения на 1 декабря 1888 года взята из предварительных таблиц переписи, выпущенных правительством Швейцарии в 1889 году.

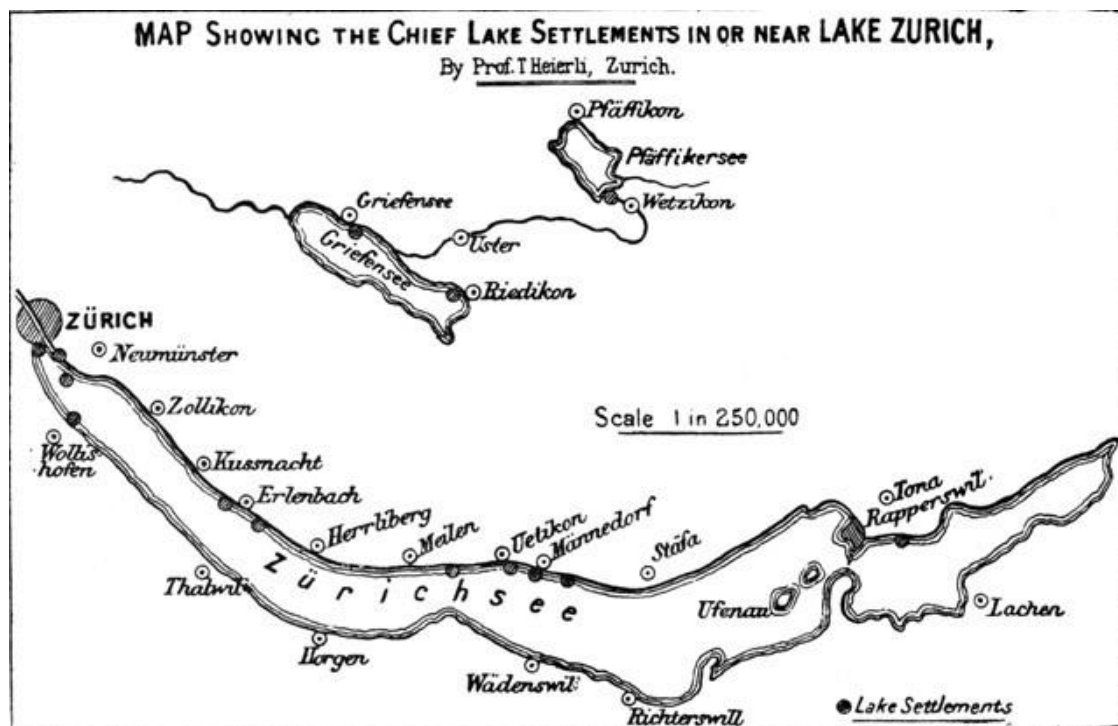
ИСТОРИЯ ШВЕЙЦАРИИ.

Я.

ОБИТАТЕЛИ ОЗЕРА.

Кто первым поселился в нашей стране? Кем и что за люди были те, кто первыми поселились на ее девственной земле и сделали ее "домом"? Эти вопросы, естественно, время от времени возникают у большинства вдумчивых людей. И человек с любыми претензиями на культуру испытывает интерес к истории других стран, помимо своей собственной.

Но какими бы интересными ни были эти вопросы о первичных колонизациях, обычно именно на них труднее всего ответить в истории страны. Время от времени мы можем сносно знать историю какой-нибудь ранней греческой иммиграции или владеть полными отчетами о современном заселении острова Питкэрн; но в гораздо большем количестве случаев мы можем лишь смутно догадываться, кто и что было первыми жителями того или иного региона.

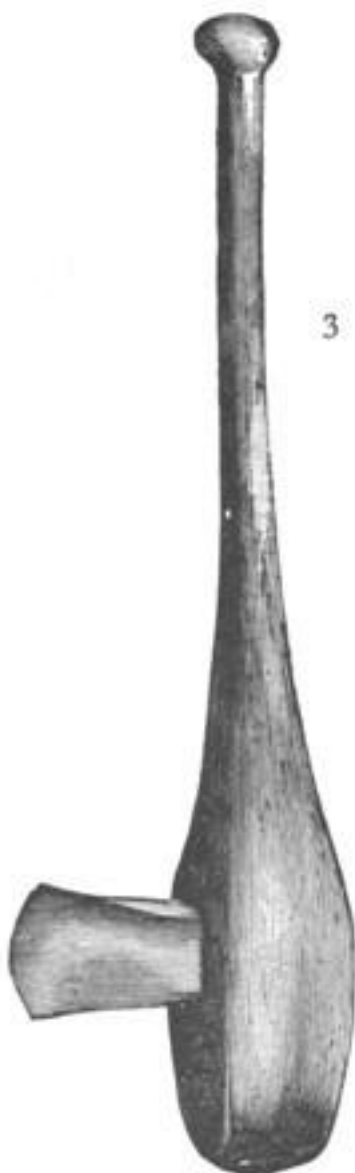
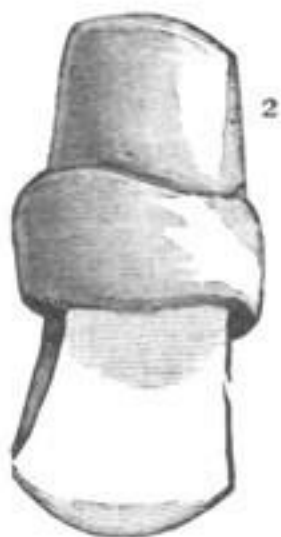

КАРТА с

указанием основных озерных поселений в Цюрихском озере или вблизи него, автор: профессор Т. Хайерли, Цюрих.

Однако в случае со Швейцарией нам особенно повезло. "Каждый школьник" слышал о замечательных открытиях, сделанных на берегах прекрасных швейцарских озер за последние несколько лет, и тот же самый школьник даже понимает, пусть и несколько смутно, важность, придаваемую этим открытиям. Тем не менее, краткий рассказ о первых обитателях суровой Гельветии должен занять эту первую главу. А для широкого читателя, возможно, не помешает немного информации о том, что и как было найдено на берегах озера.

Зимой 1853 года воды Цюрихского озера опустились так низко, что вдоль берегов обнажилась широкая полоса ила. Жители Мейлена, большой деревни примерно в двенадцати милях от Цюриха, воспользовались этим необычным положением вещей, чтобы внести определенные улучшения, и во время работ инструменты рабочих наткнулись на некоторые препятствия, которые оказались большими деревянными подпорками, или сваями. Было обнаружено, что эти кучи, верхушки которых находились всего на несколько дюймов ниже поверхности грязи, были посажены рядами и квадратами, и количество их казалось огромным. А затем из грязи было извлечено большое количество костей, рогов, оружия, всевозможных орудий труда и прочего. Доктор Фердинанд Келлер, большой специалист по гелльветским древностям, был прислан из Цюриха осмотреть это место, и он объявил, что это озерное поселение, вероятно, какого-то очень древнего кельтского племени. Ранее было обнаружено много следов доисторического обитания, но до сих пор никаких следов жилищ не было. Естественно, известие об этом важном открытии озерных поселений вызвало большую сенсацию и дало мощный импульс археологическим исследованиям. Доктор Келлер назвал этих первых поселенцев *Пфаль-бауэрами*, или строителями свай, из-за их особого способа возведения домов.

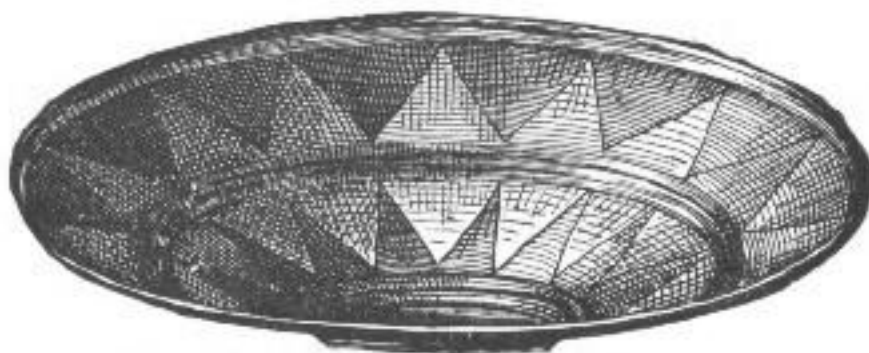
(1) УКРАШЕНИЕ НА
РУКОЯТИ МЕЧА; (2 И 3) КАМЕННЫЕ КЕЛЬТЫ, НАЙДЕННЫЕ В ШВЕЙЦАРСКИХ ОЗЕРНЫХ
ЖИЛИЩАХ.

(Скопировано с разрешения "Harper's Magazine".)

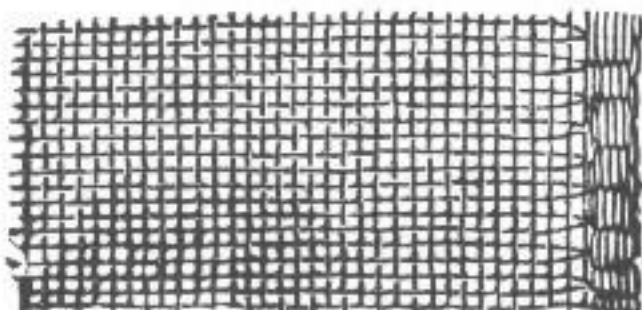
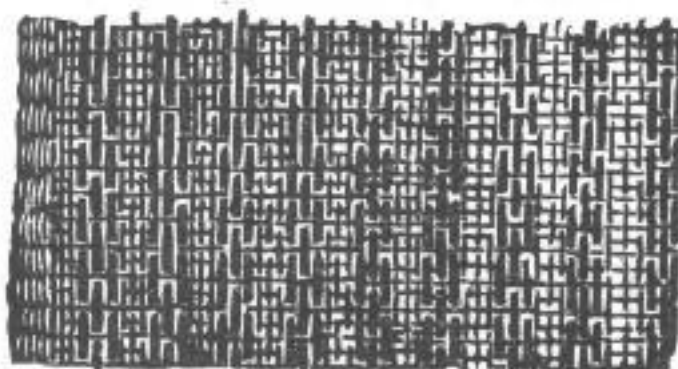
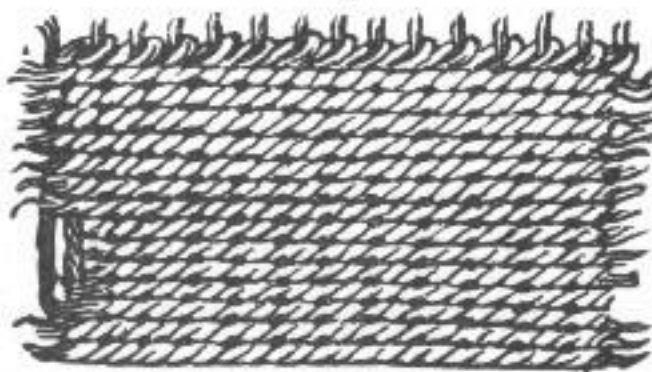
За последние тридцать лет было обнаружено более двухсот таких водных деревень - на берегах Боденских, Женевских, Цюрихских, Невшательских, Бьеннских, Моратских и других небольших озер, а также на некоторых реках и болотистых участках, которые когда-то были озерами или квазиоз. Однако на альпийских озерах с их крутыми и часто недоступными берегами нет и следа озерных поселений.

Жилища у озера в основном[2] размещены на сваях, вбитых примерно на 10 футов в дно озера, и в одном поселении было найдено до тридцати или сорока тысяч таких свай. Сами дома были сделаны из плетня и покрыты соломой или тростником. Чередующиеся слои плетня и глины образовывали полы, а стены, по-видимому, были сделаны более устойчивыми к атмосферным воздействиям благодаря покрытию глиной, а также камышом или соломой. Вокруг каждой хижины тянулась плетеная ограда, отчасти, без сомнения, для защиты от воды озера, а отчасти для защиты детей. Легкие мостики, или легко передвигаемые сходни, соединяли хижины друг с другом и с берегом. В каждом доме было как минимум по две комнаты, а некоторые жилища имели размеры 27 на 22 фута. Почерневшие от огня камни очага часто остаются, чтобы показать, где раньше были кухни. Циновки из лыка, соломы и тростника в изобилии встречаются в поселениях и показывают, что у жителей озера были свои представления об уюте и комфортных условиях. Большие талисманы в форме полумесяца, вырезанные на одной стороне, были подвешены над входами в хижины, что довольно ясно свидетельствовало о поклонении богине луны. Доисторические коллекции в государственных музеях Цюриха, Берна, Бьенна, Невшателя и Женевы, не говоря уже о частных коллекциях, очень обширны и очень прекрасны, содержат инструменты, красивое оружие, ножи самой изысканной формы и резьбы, женские украшения, некоторые из них самого элегантного вида. "Владычица озера" в полном облачении, казалось бы, являла собой впечатляющее зрелище. Нижнее белье из тонкого льна было подпоясано на талии широким поясом с инкрустацией или тиснением из бронзы. На плечи был наброшен шерстяной плащ, скрепленный бронзовыми застежками или булавками, в то время как шея, руки и лодыжки были украшены большим количеством безделушек — ожерелий, щиколоток, браслетов, колец, блесков и так далее. Все это дополняла диадема из длинных булавок с большими головками, красиво выточенными и инкрустированными металлическими или стеклянными бусинами, причем эти булавки были воткнуты в нечто вроде кожаной ленты, которой были скреплены волосы. Некоторые безделушки настолько красивы, что современные дамы пользуются спросом на их золотые имитации.

I

2

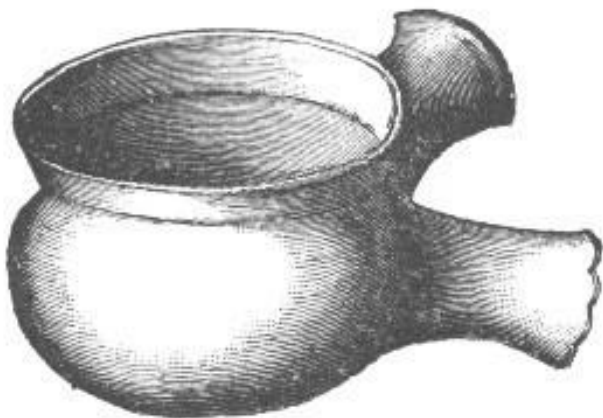
(1) СОСУД; (2) ОБРАЗЦЫ

ТКАНЕЙ, НАЙДЕННЫХ В ШВЕЙЦАРСКИХ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩАХ.
(Скопировано с разрешения "Harper's Magazine".)

Любопытно обнаружить, что одна из самых обширных озерных колоний Швейцарии расположена на обширных болотах Робенхаузен (Цюрих), которые когда-то были частью озера Пфеффикон. Посетитель, которого не останавливают неудобства спуска в сырую и илистую яму глубиной около 11 футов, где все еще ведутся раскопки, оказывается перед тремя последовательными поселениями, расположенными одно над другим, и все они относятся к отдаленному каменному веку. Между последовательными поселениями лежат слои дерна толщиной около 3 футов, выросшего за многие столетия. Сам дерн покрыт слоем липкого вещества толщиной 4 дюйма. В него вложено множество реликвий, причем как разрушаемые, так и неразрушимые объекты прекрасно сохранились, причем первые сохранились от разложения из-за того, что были обуглены огнем. Покойный профессор Хир обнаружил и проанализировал остатки более ста различных видов растений. Зерна и даже целые колосья пшеницы и ячменя, семена клубники и малины, сушеные яблоки, текстильные изделия, орудия труда, топоры из нефрита — этот минерал и восточные злаки достаточно ясно показывают, что жители озера вели торговлю с Востоком, хотя, несомненно, и через средиземноморские народы — прялки, соковыжималки, настилы, фрагменты стен - все это найдено в изобилии в каждом из трех слоев. Однако самое верхнее поселение не содержит разрушаемых веществ, таких как кукуруза, фрукты и тому подобное. Это следует объяснить тем фактом, что два нижних поселения были уничтожены пожаром, а самое верхнее - ростом дерна или возвышающимися болотами. В последнем случае не было никаких дружественных действий с применением огня для сохранения различных объектов.

Мысли ученого сразу же возвращаются к рассказу Геродота о фракийских озерных жителях.^[3] Люди этого племени, по его словам, строили свои дома над водой, чтобы иметь возможности для рыбной ловли. Они спускали корзины через люки в полу своих хижин, и эти корзины быстро наполнялись всевозможной рыбой, которая собиралась вокруг, соблазненные пищевым пометом.

Хотя озерные жители в основном добывали пищу из воды, все же они были охотниками и великими земледельцами, а также рыбаками. Они выращивали пшеницу и ячмень, держали лошадей, крупный рогатый скот, овец и коз. Женщины пряли лен и шерсть и ткали из них ткани для одежды. Их посуда поначалу была очень примитивной, делалась из черной глины и почти не отличалась отделкой или художественным оформлением. Но о детях не забыли, потому что им подарили крошечные кружечки и стаканчики.^[4]

ОБРАЗЦЫ

КЕРАМИКИ, НАЙДЕННЫЕ В ШВЕЙЦАРСКИХ ОЗЕРНЫХ ЖИЛИЩАХ.

(Скопировано с разрешения "Harper's Magazine").

Относительно даты начала иммиграции жителей озера ученые безнадежно расходятся во мнениях. Не лучше они сходятся и в датах каменной и бронзовой эпох, на которые делится история озерных поселений. Но поскольку на некоторых заболоченных станциях эти две эпохи доходят до железного века, многие авторитетные источники предполагают, что обитатели озера жили в исторические времена. Это особенно заметно на аллювиальной почве и болотах между озерами Невшатель и Бьен, причем Префаржье является одной из главных станций, где поселения, относящиеся к каменному, бронзовому и железному векам, расположены друг над другом в хронологическом порядке. В самом верхнем слое, или колонии, изделия озерников встречаются вперемешку с железными и бронзовыми предметами гельветского и римского производства, и этого факта, вероятно, достаточно, чтобы показать, что озерные жители были связаны с историческими народами. Было бы бесполезно и утомительно подробно излагать все господствующие теории относительно происхождения и возраста озерных жилищ. Достаточно сказать, что некоторые авторитетные источники относят начало каменного периода к шести тысячам лет, а другие - к трем тысячам лет до христианской эры, причем последнее, вероятно, ближе всего к истине.

Что касается бронзового века, мы можем с уверенностью отнести его к 1100-1000 годам до н.э., поскольку профессор Хир убедительно доказывает, что время Гомера — бронзовый век Греции — было современником бронзовой эпохи озерников.[5]

Озерный период, по-видимому, подошел к концу примерно в 600-700 годах до н.э., когда бронзовый век сменился железным. Согласно самым тщательным исследованиям, проведенным г-ном Хейерли из Цюриха, который в настоящее время является крупнейшим авторитетом в этом вопросе в Швейцарии, жители озера покинули свои водные поселения примерно в только что указанную дату и начали обустраивать свои жилища на *твердой земле*. Различные гробницы, уже найденные на суше, могли бы свидетельствовать об этом изменении. Когда эти своеобразные люди однажды поселились на берегу, они постепенно были поглощены соседними и последующими расами, без сомнения, некоторыми кельтскими племенами и, скорее всего, гельветскими народами. Таким образом, они сыграли свою роль, какой бы незначительной она ни была, в истории швейцарской нации. Следует добавить, что пфаль-бауэры больше не считаются кельтским народом, но, как полагают, принадлежали к какой-то предыдущей расе, хотя какая именно, пока не установлено.

Но, пожалуй, на эту тему написано уже достаточно. Однако, с другой стороны, было бы невозможно обойти молчанием жителей озера, особенно сейчас, когда важные открытия подобных озерных поселений в Восточном Йоркшире привлекли к этому предмету внимание всех интеллигентных англоговорящих людей.[6]

СНОСКИ:

[2] Существуют два различных вида урегулирования, но здесь мы имеем дело с первым или более ранним видом.

[3] Ирод, ст. 16.

[4] Озерные племена бронзового века, однако, не только понимали использование меди и бронзы, но и были гораздо более искусны в этих искусствах, чем их предшественники. Некоторые из найденных текстильных изделий имеют самое сложное плетение, а некоторые бронзовые изделия имеют самую изысканную резьбу, хотя они, вероятно, были импортированы из Италии, с которой у озерных жителей, по-видимому, были значительные торговые связи. Самые ранние образцы керамики обычно украшены простыми грубыми царапинами от ногтей, но у изделий бронзового периода прямые линии и изгибы были нанесены гравировальным инструментом. Фактически, более поздние племена стали любителями искусства ради него самого, и даже самые маленькие изделия были украшены более или менее проработанными узорами.

[5] Продукты почвы, по-видимому, были такими же у жителей озера, как и у народа Гомера. Оба знали ячмень и пшеницу, и ни один из них не знал ржи. В способах приготовления ячменя в пищу два народа сходились. Из него не делали хлеб, а обжаривали, чтобы снять шелуху. Жареный ячмень по-прежнему является излюбленным продуктом питания в Нижнем Энгадине. Греки ели его во время жертвоприношений и всегда брали с собой запасы, отправляясь в путешествие. Поэтому Телемах просит свою старую кормилицу Эвриклею наполнить его козью шкуру жареным ячменем, когда он отправится на поиски своего отца. А от молодых греческих невест требовалось пополнить запас домашних вещей, снабдив их в день свадьбы сосудом для запекания ячменя.

[6] Тем, кто желает достаточно хорошо понять все, что можно сказать по этому вопросу, следует прочитать ценную статью в *Вестминстерском обозрении* за июнь 1887 года.

II.

ГЕЛЬВЕТЫ.

История страны часто включает в себя историю многих народов, поскольку история - это сцена, на которой нации и народности фигурируют как отдельные персонажи, разыгрывающие свои роли и уходящие, а на их место приходят другие. И поэтому швейцарская земля была истоптана многими владельцами — кельтами, ретийцами, алеманнами, бургундами, франками. Все они оставили свой след и внесли свой вклад в историю швейцарской нации, и все они должны фигурировать в предыдущих частях нашего рассказа.

Мы улавливаем смутные проблески раннего состояния гельветов, но туман, окутывающий этот народ, рассеивается, хотя и медленно, в конце второго века до нашей эры, когда они вступили в тесный контакт с римлянами, которые вели хронику их деяний. Действительно, сами гельветы, хотя и не были невеждами в искусстве письма, были слишком много заняты войной, чтобы быть кропотливыми летописцами. В кельто-римский период, о котором мы рассказываем, Гельвеция включала в себя всю территорию, лежащую между горой Юра, Женевским озером и Боденским озером, за исключением Базеля, который включал Граубюнден и простирался до Сен-Галля и Гларуса. Она была разделена между многими племенами, как и в наши дни. Гельветы, которые ранее занимали все земли между Рейном и Майном, были вытеснены наступающими немцами на юг и колонизировали плодородные равнины и нижние холмы Швейцарии, оставив другим более труднодоступные альпийские регионы. Они разделились на четыре племени, из которых нам известны названия трех — тигурини, тойгени и вербигени. Первые названные племена, по-видимому, поселились около озера Морат, со столицей в Авентикуме (Avenches). Базель был резиденцией раурачи; к

западу от Невшателя было местопребывание секвани; в то время как Женева принадлежала диким Аллоброгам. Вале^[7] Район был населен четырьмя разными кланами и был известен как "долина Пинин" из-за поклонения Пинину на Большом острове Сен-Бернар, где находился храм божества. В Тичино жили лепонтины, лигурийское племя, название которого до сих пор сохранилось в "Лепонтинских Альпах". Горные крепости Гризонд (Граубюнден) удерживались выносливыми ретианами, тосканским племенем, которое, будучи однажды побежденным римлянами, быстро переняло их речь и обычаи. Романш, искаженная латынь, по сей день господствует в более высоких и отдаленных долинах этого кантона.

Все эти племена, за исключением двух последних, принадлежали к великой и воинственной семье кельтов, и из них самыми богатыми, доблестными и наиболее заметными были гельветы.^[8] О жизни и нравах этих гельветов мы знаем очень мало, но, без сомнения, они несли на себе общий отпечаток кельтов. Они управлялись с копьем более искусно, чем с плугом, и своей репутацией великих воинов они обязаны скорее их личной храбрости, чем их мастерству в тактике. Но с течением времени их характер сильно изменился, и, вероятно, благодаря своему уединенному положению, они привыкли к более мирным привычкам и достигли богатства и почестей, сочетая со своими великими способностями определенную культуру. Они практиковали искусство письма, взяв на вооружение греческий алфавит, и золото, которое, возможно, находили в их реках, свободно циркулировало среди них. Судя по реликвиям, найденным в гельветийских курганах, гельветы любили роскошь в виде украшений и изящных доспехов, и они преуспели в искусстве обработки металлов, особенно бронзы. Они добились некоторого прогресса в сельском хозяйстве и в строительстве своих домов, и особенно стен, защищавших их города, которые поразили римлян своей аккуратностью и практичностью. В этом также не было бы ничего удивительного, если бы можно было доверять старым легендам, которые рассказывают нам, что сам Геркулес научил гельветов строить, а также дал им их законы; без сомнения, это намек на тот факт, что культура пришла к ним с востока, от народов Средиземноморья. Помимо множества деревушек, они основали не менее четырехсот деревень и двенадцати городков и, по-видимому, сумели выбрать для своих поселений наиболее живописные и удобные места. Ибо многие из их географических названий дошли до нас, в некоторых случаях почти не изменившись. Таким образом, из колоний у нас есть Цурикум (Цюрих), Салодурум (Солер), Виндонисса (Виндиш), Лузониум (Лозанна) и Женева; из рек, пригодных для судоходства или иных полезных, - Рейн, Рона, Ар, Рейс, Тур; из гор - Юра и, возможно, Камор. Не любя тягот альпийской жизни, гельветы оставили гигантские горы более выносливой расе.

ЙОХАННИСШТАЙН С РУИНАМИ ЗАМКА "ХОЭНРЕЦИЯ", НЕДАЛЕКО ОТ ТУЗИСА, ГРАУБЮНДЕН.
(С фотографии.)

Природа их политического кодекса была республиканской, но в значительной степени в нем присутствовали элементы аристократического толка. Их знать была богатыми землевладельцами с многочисленными вассалами, слугами и рабами. В случае импичмента их господину эти слуги должны были выступить на его стороне перед народным трибуналом. Можно привести пример Оргеторикса. Он был династическим лидером и возглавлял более ста поселений долины; его имя фигурирует на гельветских серебряных монетах как Оркитрикс. Он предстал перед судом по обвинению в стремлении стать королем, и не менее тысячи сторонников явились в суд, чтобы оправдать его, но *vox populi, vox dei*, и народное голосование одержало верх. Оргеторикс был приговорен к смерти на костре - наказание, присуждаемое всем, кто посягал на права народа.

Их форма религии, скорее всего, была общей для всех кельтов - поклонение друидам. Облеченные властью, гражданской и духовной, друиды имели абсолютную власть над суеверными кельтскими племенами. Как ни гордились кельты своей независимостью, они все же были неспособны управлять самостоятельно из-за постоянных раздоров между племенами; и они были поражены интеллектуальным превосходством жрецов, которые владели всеми науками того времени — медициной, астрологией, предсказаниями, некромантией — и взяли в свои руки воспитание молодежи. Простые люди были всего лишь слепыми приверженцами и беспрекословно подчинялись указам друидов. Фактически, друидизм был единственной силой, которая могла двигать всей кельтской расой и могла объединить кельтов Темзы, Гаронны и Роны, когда они собирались на великое ежегодное собрание в Шартре, тогда "Столице Земли". Человеческие жертвоприношения были одной из самых жестоких и отвратительных черт религии друидов.

Кельты были необычайно одаренным народом, хотя и сильно отличались от современных греков и римлян. Они были правящей расой до того, как на сцене появились римляне и отняли у них ведущую роль. Они, так сказать, запленили весь мир в поисках постоянного пристанища и распространились до Британских островов, сделав Галлию своим религиозным и политическим центром, и привыкли к более мирным привычкам. Движимые избытком населения, или своей неутолимой жаждой войны, или просто своими кочевыми привычками — иначе нельзя объяснить их регресс — они мигрировали на восток, откуда пришли, — в Италию, Грецию и Малую Азию, требуя территории и наводя ужас на каждую нацию, к которой приближались своими воинственными привычками. Они постучались в ворота Рима, и галаты обратили на себя внимание своими зверствами. [9] Их отличительными чертами были блестящие качества и большие национальные недостатки. Они были сообразительны, высокоинтеллектуальны, изобретательны, откровенны, разносторонни; придавали большое значение блеску и духу; восприимчивы и доступны любому впечатлению, искусные ремесленники; но склонны быть тщеславными, хвастливыми и непостоянными, питали отвращение к порядку и дисциплине, им не хватало настойчивости и моральной энергии. Таков, по мнению как древних, так и современных авторов, был их характер. Они не смогли создать объединенную империю и противостоять своему смертельному врагу, Риму.

В чем они действительно преуспели, так это в борьбе. Одетый в безвкусный костюм — широкую тунику, яркую клетчатую ткань и тогу, расшитую серебром и золотом, — кельтский аристократ предпочитал сражаться один на один, чтобы показать личную выгоду, но в разгар битвы он сбрасывал одежду, чтобы сражаться беспрепятственно. Битуит, царь арвернов, в великолепном одеянии садится на свою серебряную колесницу и, сопровождаемый арфистом и сворой гончих, отправляется навстречу цезарю в битве и завоевывает его уважение.

Гельветы были мирными соседями Италии до тех пор, пока не вступали в прямой контакт с римлянами, но на Рейне они были вовлечены в повседневную вражду с германскими племенами, которые изгнали их из их поселений в Шварцвальде и продолжали свои набеги за реку. Ради грабежа или просто из-за беспокойных привычек германцы покинули свои северные дома на Балтийском и Северном морях, кимвры и их братья, германцы и другие, и медленно продвигались на юг, отражая атаки или будучи в свою очередь отраженными. Самые отважные переправились через Рейн и направились прямо через земли бельгийцев и гельветов на Юг, тем самым предвосхитив великое переселение народов, которое должно было произойти лишь пятьсот лет спустя, когда Римская империя, подорванная под корень, развалилась на куски, не в силах больше сопротивляться напору варваров.

В одной из таких экспедиций к кимврам, рассказывавшим о солнечной Галлии и добытой там добыче, присоединились гельветские тигурины, лидером которых был молодой и пылкий Дивико (до н.э., 107). Они отправились в путь с намерением основать новый дом в провинции Нитиоброги в Южной Галлии; но когда они достигли этой территории, то были внезапно остановлены на берегах Гаронны римской армией под командованием консула Кассия и его наместника Пизона. Но, мало впечатленные военной славой римлян, тигурины, засев в засаде, дали бой войскам великого Рима и наголову разбили их при Ажене, на Гаронне, между Бордо и Тулузой. Это была блестящая победа; и римские вожди, и большая часть их людей были убиты, а остальные умоляли сохранить им жизнь. Гордые римляне оказались перед унижительной необходимостью давать заложников и переходить под ярмо — пятно на римской чести, которое не следует забывать; но победители, будучи кем угодно, только не дипломатами, не нашли лучшего применения своей блестящей победе, чем побродить некоторое время, а затем вернуться домой.

Несколько лет спустя (102 и 101 гг. до н.э.) тигурины, тойгени, кимвры и германцы объединили свои силы в последней экспедиции на юг. Экспедиция закончилась уничтожением этих германских племен. Тойгены погибли в страшной резне при Акве Секстии, а кимвры позже при Верцелле. Когда тигурины услышали об этом последнем упомянутом бедствии, они вернулись домой.

Цезарь был назначен губернатором провинции (Прованс), простиравшейся до Женева, самых ворот Гельвеции; на Рейне немцы продолжали совершать свои ужасные набеги. Таким образом, у подвижных гельветов было очень мало простора, а почва давала лишь скудный запас пищи; поэтому они с тоской обратили свои взоры в сторону прекрасной Галлии. Собравшись на совет, они приняли решение о всеобщей миграции, оставив свою страну тому, кто захочет ею завладеть. Тогда восстал Оргеторикс, один из их самых богатых вельмож, и поддержал план, вызвавшись обеспечить свободный проход через соседние провинции Аллоброги и Эдуи. 28 марта 58 года до н.э. был назначен день отъезда, и местом встречи должна была стать Женева; оттуда они должны были проследовать через территорию Аллобров. В течение двух лет до этого они должны были заготовить провизию и собрать повозки, лошадей и волов, но еще до истечения этого срока Оргеторикс был обвинен в государственной измене и, будучи не в состоянии оправдаться, покончил с собой, чтобы избежать общественного порицания. Этот эпизод ничего не изменил в общем плане. Гельветы, действительно, настаивали на его выполнении. Поджигая свои города и деревни, чтобы помешать людям вернуться, они отправились в свое полное приключение путешествие тем весенним утром 58 года до н.э. Цифры Цезаря кажутся очень большими, но, если ему доверять, племена насчитывали около 368 000 человек, из которых 263 000 были гельветами, остальные были их соседями. Но 93 000 человек были способны носить оружие.

Любопытным и в то же время захватывающим зрелищем, должно быть, был этот пестрый караван огромных размеров — десять тысяч повозок, запряженных сорока тысячами волов, везущих женщин, детей и стариков; рядом всадники и оруженосцы, с трудом пробирающиеся через леса и броды, вверх и вниз по скалистым холмам; позади переселенцев дымились руины домов, которые они покидали без особого сожаления. И все же они не были простыми искателями приключений, а с распирающими сердцами предвкушали более светлое время и более процветающий дом. Прибыв в Женеvu, они обнаружили, что мост через Рону разрушен по приказу цезаря. Цезарь был, по правде говоря, фактором, на который они не рассчитывали, и после бесполезных попыток продвинуться вперед они направили свои стопы к горе Юра, и пока они преодолевали крутой и неровный Па-де-л'Экюз, Цезарь вернулся в Италию, чтобы собрать свои легионы. Возвращаясь в Галлию, он прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как гельветы с величайшими трудностями переправляются через Араp (Сону). Тигурины переправились последними. И на них обрушился Цезарь и зарубил их, отомстив таким образом за смерть Пизона — прадеда жены Цезаря - и смыв пятно с чести римского оружия. Его легионы пересекли Сону за двадцать четыре часа, и это выступление настолько вызвало восхищение гельветов, которым самим потребовалось двадцать дней, чтобы пересечь ее, что они снизошли до отправки легатов для переговоров с цезарем о бесплатном переходе. Они пообещали ему, что никому не причинят вреда, если он выполнит их просьбу, но пригрозили, что, если он перехватит их, ему, возможно, придется увидеть кое-что из их древней храбрости. Однако никакие угрозы или мольбы не помогли такому человеку, как Цезарь, который, улыбаясь их наивной простоте, попросил их дать заложников в знак подтверждения их обещания. "Заложники! - в ярости воскликнул Дивико, герой Ажена. - Гельветы не привыкли давать заложников; их отцы научили их принимать заложников, и римляне должны хорошо помнить об этом". Сказав это, он ушел.

Гельветы продолжали свой марш, Цезарь следовал за ними на некотором расстоянии, выжидая удобного случая напасть на них. В Бибракте, важном городе Галлии (ныне Мон-Бевре), к западу от Отена в Бургундии, такая возможность представилась сама собой. Цезарь захватил холм, разместил там свои войска и атаковал врага своей кавалерией. Гельветы яростно отразили атаку и хлынули на римский фронт, но были совершенно неспособны противостоять ливням римской пилы, которые часто пробивали сразу несколько щитов и таким образом скрепляли их вместе, так что их нельзя было разъединить. Сбитые с толку этим неожиданным результатом, гельветы вскоре были сбиты с толку резкой атакой с применением мечей, которая немедленно последовала. Удалившись на некоторое время на соседний холм, варвары снова выстроились в боевой порядок и снова вступили в бой. Последовавшая за этим борьба была долгой и ожесточенной; гельветы дрались как львы до самого вечера, ни разу не повернувшись к врагу спиной. Это собственный отчет цезаря. Но героизм варваров не шел ни в какое сравнение с регулярной, хорошо организованной и хорошо обученной римской армией, и, снова отброшенные назад, они отступили к холму, где оставили своих жен и детей вместе с поклажей. С этого места они отважились оказать последнее сопротивление и выстроили свои повозки в виде глубокого квадрата, оставив в середине место для мирных жителей и багажа. Затем, взобравшись на свой импровизированный форт — так называемый Вагенбург, - мужчины—гельветы вступили в бой, даже их женщины и дети метали во врага дротики. Только в полночь римляне захватили грубый вал и вступили на него, а когда они это сделали, лязг оружия прекратился. Все доблестные защитники лежали убитыми у их ног, и дух смелой независимости гельветов был сокрушен навсегда.

После этого ужасного бедствия остальные эмигранты числом 110 000 человек продолжили свой поход через Галлию, но, испытывая недостаток как в продовольствии, так и в способных вождях и, кроме того, подвергаясь жестокому обращению со стороны галлов, они обратились за помощью к Цезарю. Он потребовал заложников и приказал им вернуться домой и отстроить свои города и деревни заново. И, кроме того, он снабдил их провизией на дорогу и попросил Аллоброгов сделать то же самое, когда гельветы придут в их провинцию. Цезарь признает, что это кажущееся великодушие с его стороны было продиктовано не состраданием, а политикой. В его интересах было, чтобы эти варвары вновь заняли Гельветию, потому что они будут следить за Рейном и предотвратят вторжение германцев в страну. В их нынешнем состоянии он называет гельветов Соратниками (*fœderati*), а не подданными, и оставляет им их собственную конституцию и, в некоторой степени, свободу. Но им не нравилась эта вынужденная дружба, которая на самом деле больше походила на рабство; и когда галльские кельты подняли восстание под предводительством благородного и любимого Верцингеторикса, который был другом Цезаря, они присоединились к своим братьям (52 г. до н.э.) и снова были побеждены. После поражения гельветов при Бибракте, последовавшего за поражением вализийцев в 57 году до н.э., чтобы установить прямое сообщение между Центральной Галлией и Италией, Цезарь предпринял те же меры, которые много позже применил Наполеон I. он завоевал Вале (с помощью своего лейтенанта Гальбы), чтобы обеспечить переправу Великого Сенбернара. Над горой Пинин была проложена великолепная дорога, а в честь Юпитера Пинина воздвигнут храм, где путешественник оставлял таблички с обетом в качестве благодарственного подношения после удачного восхождения.

Покорение Реции затянулось более чем на одно поколение. Чтобы защитить империю от восточных орд; от горных разбойников из Граубюндена и Тироля, которые спустились в долины реки По, опустошая страну вплоть до Милана и, без сомнения, щедро расплачиваясь своей монетой, римлян, которые время от времени устраивали такой хаос в альпийских домах, — чтобы защититься от них и диких винделицианцев Баварии, Август послал двух имперских принцев, чтобы подчинить их. Друз двинулся в Тироль, в то время как Тиберий продвинулся к Боденскому озеру, где даже ретийские женщины участвовали в конфликте и, за неимением метательных снарядов, от чистого раздражения швыряли своих грудных детей в лицо завоевателям. Однако их дикая храбрость не принесла им никакой пользы; вторжения с Востока были подавлены; и как только ретийцы были побеждены, они стали самыми полезными вспомогательными силами римской армии. В "оде Друзу" Горация упоминается ретийская кампания.

Рето-римские жители Граубюндена — ибо они все еще населяют высокогорные долины Энгадина и Верхнего Рейна - представляют большой интерес с точки зрения языка и древностей. Крепкие ретийцы принадлежали к этрусской расе, любившей искусство, чье мастерство в *изготовлении амфор* мы так высоко ценим. Старая легенда называет их предка Ретуса тосканцем. И не без оснований, говорит Моммзен, поскольку первые жители Граубюндена и Тироля были тосканцами и говорили на диалекте, совпадающем с диалектом округа Мантуя, тосканской колонии во времена Ливия. Около тридцати лет назад в Граубюндене и Тичино были найдены камни с надписями на этом диалекте. Ретийцы, возможно, отстали в этих альпийских регионах при иммиграции этрусков в долины По; или, с такой же вероятностью, они могли бежать туда при появлении кельтов, когда эта воинственная раса захватила плодородные равнины реки и вытеснила этрусков из их дома на юг и север. Как бы то ни было, однако, несомненно, что ретийцы, некогда смешавшиеся с римлянами, сохранили латинский язык и обычаи до наших дней, поскольку на испорченной

латыни Romaunsh, без сомнения, с некоторой примесью тосканского, до сих пор говорит более трети населения Гризонда.

ДОМ (БЫВШАЯ ЧАСОВНЯ) В РОМАУНШСКОМ СТИЛЕ, В ШУЛЬСЕ, НИЖНИЙ ЭНГАДИН, ГРАУБЮНДЕН. (После фотографии Гюлера.)

СНОСКИ:

[7] Вале (по-немецки, *Wallis*) означает долина, и названа так потому, что представляет собой длинную узкую долину, окруженную высокими горами.

[8] Моммзен, "Римская история", том ii. стр. 166.

[9] "История империи Александра" Махаффи, стр. 79.

III.

ГЕЛЬВЕЦИЯ ПРИ РИМЛЯНАХ.

СЕРЕБРЯНАЯ

МОНЕТА, ВЕРЦИНГЕТОРИКС. (доктор имхуф, Винтертур.)

После капитуляции благородного Верцингеторикса, доблестного рыцаря, но не государственного деятеля — он сдался цезарю, доверившись его великодушию под предлогом прежней дружбы, и умер в плену у Рима — война с Галлией фактически подошла к концу. Последовавшим за этим спорадическим восстаниям не хватало духа единения, и они не привели ни к каким результатам. За семь лет своего наместничества в Галлии (58-51 гг. до н.э.) Цезарь завершил подчинение всей страны, за исключением провинции Нарбоненсис, завоевание которой относится к более древней эпохе. Он продолжил свои победы и закрепил их результаты, организовав линию надежной обороны на северной границе Галлии вдоль Рейна, создав тем самым новую систему открытой обороны — так сказать, оборонительно-наступательной, — которую он набросал со всеми подробностями и сделал саму Галлию оплотом против вторжений агрессивных германцев. Чтобы обеспечить мир и добровольное подчинение, он также урегулировал внутренние дела новой провинции, оставив ей, однако, большую часть ее старых национальных институтов, надеясь примирительными мерами постепенно подчинить ее римскому влиянию и склонить на сторону Рима. Но осуществление его планов было предоставлено другим, и император Август был первым, кто воплотил их в жизнь; Италии снова угрожала гражданская война, и Цезарь вернулся домой, чтобы продолжить свое великое состязание с Помпеем за главенство в государстве.

Хотя планы цезаря были лишь наброском, они были добросовестно осуществлены, и галльское завоевание оказалось чем-то большим и имело более высокие цели, чем простое подчинение кельтов. Цезарь был не только великим полководцем, но и дальновидным политиком. Он ясно понимал, что германцы-варвары вполне могли бы оказаться более чем достойными противниками греко-латинского мира, если бы вступили с ним в тесный контакт. Его поражение от Ариовиста, который был на грани образования германского королевства в Галлии, и его мудрые меры обороны сдерживали орды варваров на протяжении веков, и, таким образом, было достаточно времени для того, чтобы греко-латинская культура пустила

корни по всему Западу. В результате случилось так, что, когда Рим больше не мог оказывать сколько-нибудь серьезного сопротивления и германцы хлынули на его земли, народы Запада уже были романизированы, а народы Галлии, Британии и Испании стали средством передачи немцам духа классицизма, который в противном случае на них вряд ли оказал бы влияние; и эти народы стали связующим звеном между классической эпохой и германской эпохой, впитавшей ее высокую культуру. Если об Александре можно сказать, что он распространил эллинизм на Востоке, то можно считать, что Цезарь сделал не меньше, а на самом деле гораздо больше для Запада, поскольку именно благодаря ему, хотя мы едва ли можем осознать этот факт в наши дни, германская раса проникнута духом классической древности.

Падение Цезаря и вновь последовавшее за этим состояние анархии задержали процесс умиротворения, и Гельвеция была предоставлена самой себе. Но когда Август прочно воссел на императорский трон, он возобновил выполнение задачи, которая была ему завещана. Организация Галлии была главным образом его работой, и это требовало энергичной, но умеренной политики. Старый район Нарбоненсис, который долгое время был преобразован в римскую провинцию, был передан под контроль сената. Новая Галлия, или Коматская Галлия (*Gaule Chevelue*), как называлась вся территория, завоеванная Цезарем, была подчинена императорской власти, и с ней обращались более адекватно в соответствии с древними конституциями различных племен. Для облегчения налогообложения и администрирования Новая Галлия была разделена на три провинции, каждой из которых управлял римский губернатор. Из этих трех провинций одной была Бельгика, простиравшаяся от Сены и устья Рейна до Боденского озера, включая, таким образом, собственно Гельвецию. Бельгика, из-за своих размеров, была разделена на три команды, в одной из которых, в Верхней Германии, оказалась Гельвеция. Таким образом, мы находим Гельвецию объединенной с Галлией.

Политической столицей *Tres Galliae*, или Трех Галлий, был Лугдунум (Лион), благодаря своему центральному положению, и, по-видимому, это был очень важный город. Здесь Друзас воздвиг алтарь своему отцу-императору Августу и Гению Города. Здесь собрались представители шестидесяти четырех галльских государств (включая государства гелльветов и равраков) по случаю годовщины правления императора. Здесь же заседал галльский сейм; и здесь же, в амфитеатре, проходили риторические состязания, у кельтов красноречие было в большом почете.

Восточная Швейцария, то есть Граубюнден и земли вокруг озера Валленштатт вплоть до Боденского озера, были присоединены к Реции, которая также включала, среди прочих округов, Тироль и Южную Баварию. Всей этой территорией управлял губернатор, проживавший в Аугусте Винделикорум (Аугсбург). Округ Вале был присоединен к какой-то части Савойи и управлялся прокуратором Пнинских Альп. Тичино нас здесь не касается, поскольку он оставался частью Италии вплоть до шестнадцатого века.

Однако, несмотря на то, что Гельвеция таким образом произвольно стала частью Галлии, она образовала самостоятельную провинцию, имела свою собственную историю и сохранила свою собственную конституцию благодаря мудрой и великодушной политике Цезаря, посредством которой он предусмотрел, что кельты не должны подвергаться вмешательству ни в их племенной метод правления (*pagi* или *civitates*), ни в их конституцию, пока это не противоречит римским законам. Когда Цезарь победил гелльветов, он отправил их обратно отстраивать их старые дома, и они вновь заняли свою древнюю территорию, за исключением той части, которая простирается от форта л'Эклюз до Женевы и Обона и граничит с горой Юра. Эта часть была отторгнута и передана Конной юлианской колонии,

обосновавшейся в Новиодуне (Ньон) на Женевском озере, для охраны горных перевалов (43 год до н.э.). Хребет Юра отделял Гельвецию от территории Раурачи, где примерно в то же время была основана другая ветеранская колония для защиты Рейна от вторжений немцев. Впоследствии Колония Рауракорум была названа *Augusta Rauracorum* в честь императора. Колонисты этих двух поселений были в основном римлянами или были приняты в римское гражданство и занимали положение, отличное от положения жителей страны в целом, поскольку им были предоставлены римские привилегии и поблажки — освобождение от налогов, скорее всего, среди прочего, — но, с другой стороны, они были полностью зависимы от римского правительства.

Кропотливые исследования ученых Моммзена и Шарля Мореля показывают, что их хозяева мягко обращались с гельветами. Они были приняты в черте римской Империи как друзья (*fœderati*) и как таковые жили с ними в благоприятных отношениях и пользовались настолько высокой степенью свободы и автономии, насколько это было совместимо с их положением римских подданных. Ретийцы были изгнаны из своей страны; гельветы, напротив, были отправлены обратно домой и им была поручена охрана Рейна, от них требовалось лишь предоставить контингент для службы за границей. Им было разрешено содержать собственные гарнизоны — например, в Тенедо на Рейне, — строить форты, собирать ополчение на случай войны. И, как уже упоминалось ранее, никто не вмешивался ни в их религиозное богослужение, ни в их традиционное деление на *паги*, или племена, и им было разрешено иметь национального представителя в столице Галлии, Лионе. Гельвеция получила статус государства (*Civitas Helvetiorum*), ее главной резиденцией (*chef-lieu*) был Авентикум, который также был центром управления. До тех пор, пока Гельвеция подчинялась правилам, установленным имперским правительством, ей разрешалось самостоятельно управлять своими местными делами. Официальным языком была объявлена латынь, хотя родной язык не был запрещен.

ЗОЛОТАЯ

МОНЕТА ВЕСПАСИАНА (*VESPASIANUS IMPERATOR-AETERNITAS*). (Автор: доктор Имхуф, Винтертур.)

69-79 гг. н.э. Однако при Веспасиане произошли большие перемены. Благодаря щедрости этого императора, которому очень нравился Авентикум, этот город утратил свой кельтский характер и превратился в великолепный город по итальянскому типу. Он отправил туда жить свою близкую и верную колонию флавиев гельветов, дав ей пространный титул *Colonia Pia Flavia Constans Emerita Helvetiorum FœDerata* в обмен на услуги, поскольку она стойко поддерживала его партию против Вителлия, когда последний боролся с Гальбой за императорский трон. Жители, скорее всего, получили латинское право (*Droit Latin*) или считались римскими гражданами и как таковые были более тесно связаны с Римом и должны были подчиняться более жесткому контролю. Ее учреждения были ассимилированы с

учреждениями итальянских городов. У нее был сенат, декуриальный совет, городские магистраты, *общественный префект* (или специальный чиновник, отвечающий за строительство общественных зданий), августейшие фламены, или священники, и так далее.

Несмотря на огромное значение Авентикума, определенная степень самоуправления была оставлена за сельскими округами, городами и деревнями (*vici*). Жители Виндониссы (Виндиш), Акве (Баден), Эбуродунума (Ивердон), Салодурума (Солеуре) самостоятельно возвели общественные здания. Города Вале, Октодурум (Мартиньи), Седунум (Сион) и др. имели свой собственный городской совет и муниципальных чиновников и получили латинское право. В случае с гельветами жители столицы и провинций в равной степени пользовались этим Правом; тогда как в случае с *Augusta Rauracorum* дело обстояло иначе, только колонистам в городах-крепостях были предоставлены аналогичные права и свободы. В целом можно сказать, что, хотя Гельвеция сохранила многие свои особенности и некоторые из своих древних свобод, она подчинилась Риму и находилась под сильным влиянием развитой цивилизации империи. Гельветы, действительно, претерпели ту перемену в речи и характере, которая разделила их на две нации, французов и немцев.

Одним из главных факторов, способствовавших римской колонизации Гельвеции, была военная оккупация ее северной границы, хотя эта оккупация тяжелым бременем легла на страну. Великой целью Рима было сдержать германцев, которые постоянно угрожали вторгнуться в империю. Виндонисса была одним из военных штабов, и выбор ее для этой цели был оправдан ее превосходным положением, поскольку она находилась на возвышенном перешейке, омываемом тремя судоходными реками, Аре, Ройсс и Лиммат, и на пересечении двух великих дорог, соединяющих Восточную и Западную Гельвецию с Италией. Кроме того, по всей стране планировалась капитальная система дорог.

Без сомнения, между гельветами и солдатами, находившимися в оккупации, часто было мало любви. Тацит ("Анналы") рассказывает об одном кровавом эпизоде. После смерти героя-безумца двадцать первый легион, прозванный *Рапакс*, или Хищный, без сомнения, по уважительным причинам, был расквартирован в Виндониссе. Цецина, жестокий человек, лейтенант Вителлия, тогдашнего командующего Рейнской армией, вошла в Гельвецию, чтобы провозгласить Вителлия императором. Но гельветы поддержали его противника Гальбу, не зная, что он только что был убит, и напали на посланцев Цецины и заключили их в тюрьму, предварительно отобрав их письма. Лейтенант, разгневанный этим оскорблением, опустошил соседнюю Акву (Баден близ Цюриха), цветущее водное место, часто посещаемое своими развлечениями, сообщает нам Тацит. Призвав ретийские когорты, он погнал их к Бецбергу и тысячами вырезал в лесах и крепостях горы Юра; затем, опустошая по пути местность, Цецина двинулся на Авентикум, который сразу же сдался. Альпин, выдающийся лидер, был предан смерти, а остальные были оставлены на милость Вителлия. Однако римские солдаты требовали уничтожения нации, но Клавдий Коссус, гельветин с большим красноречием, растрогал их до слез своими трогательными словами, они изменили свое мнение и умоляли отпустить гельветов на свободу.

Однако эта военная оккупация, длившаяся шестьдесят лет, подходила к концу. При Домициане и Траяне все земли между Страсбургом и Аугсбургом, вплоть до Майна, были завоеваны и присоединены к Римской империи. По всей стране от устья Майна до Регенсбурга на Дунае был возведен искусственный вал, а военный кордон был снят от швейцарской границы до новой пограничной линии. Гельвеция, теперь уже не место встреч римских легионеров, спокойно обосновалась в римской провинции, где вскоре должны были перенять язык, обычаи, искусство и ученость Рима.

Если военные базы были отправными точками новой культуры, то именно более мирные иммигранты привнесли сельское хозяйство, торговлю и богатство или, во всяком случае, способствовали их прогрессу. Постепенно гельветы смешались с римлянами, переняв даже их религию. Появились садоводство и виноградарство. Римский фермер выращивал виноград на клочке земли недалеко от Калли, на Женевском озере, и на камне с надписью (выкопанном в Сен-Прексе) умоляет Бахуса (*Liber Pater Cocliensis*) благословить урожай. Он никак не ожидал, что его плантация станет, так сказать, прародительницей знаменитого Ла Кот, ныне столь высоко ценимого.

Где бы ни останавливался любящий искусство римлянин, он строил свой дом из замечательной римской каменной кладки и обставлял его со всей роскошью и искусством, которые предполагал его утонченный вкус. Таким образом, страна постепенно приобретала римский облик. Многие города и *vici*, или деревенские поселения, возникли или приобрели большее значение под римским влиянием — Цюрих, Акве (Баден близ Цюриха), Клотен, Виндонисса и другие.^[10] Тем не менее, восточная часть страны не могла конкурировать в плане красивых зданий с западными кантонами. Действительно, в восточных районах влияние гельветов никогда не преобладало над влиянием латыни, и гельветы цеплялись за свою родную речь, несмотря на то, что латинский язык был официальным.

Но иностранца больше всего привлекал мягкий и солнечный запад, который привлекает его до сих пор. Богатые римляне в большом количестве селились между горой Юра и Пеннинскими хребтами. Каждый уголок кантона Во до наших дней несет на себе отпечаток римской цивилизации. Берега и солнечные склоны Женевского озера были усеяны виллами, а лесистая полоска земли между Вильневом, Лозанной и Женевой пользовалась почти таким же спросом у великих римлян в качестве загородных местечек, как и этот восхитительный участок побережья в Неаполитанском заливе, от Позилиппо до Поццуоли и Байи, где у Цицерона и Вергилия, а также у многих римлян менее известных, были свои *виллы*.

Но самым замечательным местом, будь то с точки зрения искусства, образования или богатства, был Авентикум, столица Гельветии. Об этом городе уже упоминалось выше, и, если бы позволяло место, вполне можно было бы дать полное описание этого поистине великолепного и истинно римского города. Его театр, академия, здание сената, суды, дворцы, бани, триумфальные арки и частные здания были прекрасны. А.М. Марцеллин, римский писатель, посетивший Авентикум вскоре после его частичного разрушения аламаннами, очень восхищался его дворцом и храмами, даже в их полуразрушенном состоянии. Следующим по красоте и размерам городом была Августа Рауракорум (Basel Augst), где руины огромного амфитеатра до сих пор вызывают наше удивление и восхищение.

Но за этим периодом величия последовал постепенный упадок империи, которая уже прогнила до основания. Выродившиеся римляне более поздних времен были не в состоянии противостоять нападениям более энергичных германцев. История слишком длинная, чтобы рассказывать ее подробно, но несколько моментов можно кратко отметить. В 264 году н.э. аламанны пронеслись по стране по пути в Галлию, сравняв Августу Рауракорум с землей и значительно повредив Авентикум. В конце третьего века римляне оставили свой вал между Рейном и Дунаем и вернулись к старой военной границе первого века. Таким образом, Гельвеция подверглась второй военной оккупации. И все же престиж Рима был утрачен. В 305 году нашей эры аламанны снова захватили Гельвецию и довершили разрушение Авентикума. Римская мощь становилась все слабее и слабее, и когда готы вторглись в Италию, императорские войска были полностью выведены из Гельветии. Что касается самих гельветов, то они были совершенно неспособны оказать какое-либо сопротивление, и когда

аламанны в очередной раз ворвались в страну (406 г. н.э.), они смогли полностью овладеть восточными районами. Бургунды, другое германское племя, последовали его примеру и в 443 году нашей эры обосновались в Западной Гельвеции. Только неприступные крепости Граубюндена остались нетронутыми волной немецкого вторжения, которое произвело такие изменения в соседних районах.

В этот период мирского величия и внутреннего упадка происходит другое историческое событие величайшей важности - возникновение христианства, содержащего жизненно важные элементы, необходимые для осуществления духовного возрождения мира. Социальное и политическое разложение по всей империи, жестокая тирания монархов, ветхость государства и его институтов, растущее безразличие к национальной религии, которое проявилось в легком принятии или, скорее, адаптации к восточным формам поклонения — например, принятию божеств Исида и Митры, — все это и многое другое, о чем нет необходимости упоминать, были безошибочными признаками того, что римское правление приближалось к концу, и они также подготовили почву для восприятия новой доктрины. Вера в единого Бога милосердия и любви; в единого Спасителя, Искупителя мира; в будущую жизнь — были поразительной, но благой вестью для бедных и угнетенных, и оказывали свое влияние также на богатых и образованных людей, которые видели в христианстве терпимость, благожелательность, человеческую любовь, возвышенность принципов и моральное совершенство, которых не могли достичь вероучения древности. Страстный пыл и сила убеждения среди христиан были таковы, что они скорее столкнулись лицом к лицу со страданиями и смертью, чем отреклись от своих догматов или перестали проповедовать их другим.

Рассказы о введении христианства в Швейцарии в основном легендарны, однако принято считать, что это не было работой специальных миссионеров. Более вероятно, что новая вера пришла на землю как неотъемлемая часть римской культуры. Действительно, в настоящее время это наиболее распространенное мнение. Военные операции империи требовали от войск постоянной смены местности; таким образом, мы находим египетских, нумидийских и испанских солдат, расквартированных на Рейне и Дунае, и таких, которых они, скорее всего, первыми приняли бы новую веру.

Сначала римские власти смотрели на христиан как на государственных мятежников, и последовали жестокие гонения. Древнейшая христианская легенда этой страны повествует о подобном конфликте между государственными чиновниками и христианами и, без сомнения, содержит некоторую долю правды, как и многие из этих историй. Легион, набранный в египетских Фивах — отсюда и название *Фиваиды* — был направлен в Кельн, чтобы заменить войска, необходимые для подавления восстания в Британии. Прибыв в Вале, император Максимиан потребовал от них принести жертву языческим богам (280-300 гг. н.э.), но, будучи в основном христианами, они отказались и были убиты вместе со своим вождем Маврикием. Некоторым, однако, на время удалось спастись, но позже они были призваны принять мученический венец и в других местах. Двое таких, Урс и Виктор, прибыли в Солеур с шестьюдесятью шестью товарищами и были преданы смерти по приказу римского наместника Гиртея. Двое других, Феликс и его сестра Регула, добрались до Цюриха, где их успешное обращение вызвало раздражение Деция, который предал их дыбе, а затем обезглавил. И все же, как ни удивительно, продолжает легенда, они схватили свои упавшие головы и, поднявшись с ними на вершину ближайшего холма, похоронили себя вместе с телами и головами. Этот чудесный подвиг был точной копией того, который, как сообщается, также совершили Урсус и Виктор при Солере. Феликс и Регула стали святыми покровителями Цюриха и играют заметную роль в местной истории. Традиция гласит, что сам Карл Великий

в более поздние времена воздвиг собор на месте их захоронения. Таким образом, как всегда, кровь мучеников стала семенем Церкви.

ЗОЛОТАЯ
МОНЕТА ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА (СВЯТОЙ ФЕЛИКС, СВЯТАЯ РЕГУЛА-SANCTUS CAROLUS).
(Автор: доктор Имхуф, Винтертур.)

Римские города Женева, Сен-Морис, Августа Рауракорум, Авентикум, Виндонисса и Курия были епископальными кафедрами с третьего века, хотя некоторые из этих кафедр со временем были перенесены в другие места. Таким образом, Августа, Виндонисса и Сен-Морис были переведены в Базель, Констанц и Сион соответственно.

СНОСКИ:

[10] Мы мало знаем о них, скорее всего, они были, но *vici* (сельские поселения). Из Тацита мы знаем, что только Аква была водопоем, похожим на город; в Клотене были красивые виллы, но что это было, мы не знаем.

IV.

ПРЕДКИ ШВЕЙЦАРСКОЙ НАЦИИ.

АЛАМАННЫ; БУРГУНДЫ; ФРАНКИ; МЕРОВИНГИ.

Пятый век был знаменателен тем, что можно назвать перемещением народов Европы — миграцией германцев в Римскую империю и, что было самым могущественным движением из всех, вторжением гуннов под предводительством их ужасного короля Атиллы, "Бича Божьего". Один только вид отвратительных азиатов приводил людей в ужас. Никогда не передвигаясь пешком, а всегда верхом на своих неказистых, но быстрых скакунах, к спинам которых они, казалось, были приклеены и на которых жили почти день и ночь, казалось, что человек и лошадь превратились в одно существо. Их большие головы плохо сочетались с их тощими телами; их смуглые лица с глубоко посаженными глазами и высокими, выступающими скулами делали их скорее похожими на грубо высеченные фигуры из камня, чем на людей. Готы считали их порождениями духов пустыни и ведьм. Эти массы азиатского варварства, ворвавшиеся в Европу, некоторое время оставались в Венгрии, но вскоре покатались на Запад, вытесняя все народы, с которыми они соприкасались. Двинувшись к Рейну, они изгнали бургундов из их поселений в районе Вормса, земли, столь богатой песнями и сагами, и вошли в Галлию, чтобы основать новое королевство. Но судьба гуннов была близка, ибо Аэций, римский полководец и последний защитник империи, разбил их в 451 году н.э. в поистине гигантской битве на Каталаунской равнине, в стране Шампань. Резня была настолько ужасной, что повсюду распространилась поговорка о том, что река наполнилась кровью 300 000 человек.

Но было ясно, что пошатнувшаяся империя не сможет защитить себя от целого охваченного волнением мира. Пришло время, когда Риму предстояло уйти со сцены истории. Формировалась великая германская нация. Было бы утомительно и бесполезно упоминать все германские племена за Рейном и Дунаем, почти бесконечный список имен, который невозможно запомнить. Кроме того, мелкие племена и кланы постепенно заключали союзы друг с другом для большей безопасности и, отказавшись от своих древних названий, взяли коллективные, более привычные нашему слуху — саксы, франки, тюринги, бургунды, аламанны и баварцы.

Из них аламанны и бургунды - это те, от кого произошли швейцарцы, и поэтому Швейцария, как и Англия, должна оглядываться на Германию как на свою прародину. Говорят, что высокие, светловолосые, искренние аламанны, которыми Каракалла так восхищался, что, чтобы быть похожим на них, носил рыжий парик, были потомками Семнонов, которые мигрировали из Лужицы на Шпрее (в Силезии) на Майн. Ученые обычно считают, что название аламанны происходит от *ала*, храмовой рощи, и подразумевает сочетание различных племен, "людей Божественной рощи". У свевов, из которых семноны были самым заметным племенем, была священная роща в районе Шпрее, где они собирались для богослужения. В пятом веке мы находим аламанны, занимавших территорию от Майна до Шварцвальда, Восточной Гельвеции и Эльзаса вплоть до Вогезов.

Когда эта грозная орда овладела Восточной Гельвецией, они не встретили особых проблем со стороны кельто-римского населения, которое, поредевшее от предыдущих вторжений и непривычное к сражениям, не могло оказать серьезного сопротивления и превратилось в рабов и прислугу. Города были превращены в руины, страна разорена, а вся культура растоптана. Казалось, что "стрелка на циферблате истории отодвинулась на столетия назад",^[11] и цивилизации снова предстояло приступить к своей работе. Они превосходили

числом местных жителей и не были ими поглощены, а, напротив, на полуразложившемся поголовье римской провинции аламанны были привиты как истинный германский народ, сохранивший свой старый язык, институты и образ жизни.

Аламанны не сразу превратились в цивилизованный и образованный народ, но сохранили свою любовь к войне и охоте, а также другие черты своей древней жизни. Их величественные леса наложили отпечаток на бесстрашных духов, чья глубокая субъективность и правдивая натура сильно контрастируют с отточенным искусством римлян. Ибо могущественные аспекты природы — леса, горы, море — играют свою роль в формировании характера нации. А их непроходимые леса повлияли на судьбы германцев в ранние периоды их истории — спасли их от римского ига, от лабиринтов болот и рек, бросив вызов даже силам почти всемогущей империи. И тогда, когда шли ожесточенные бои и мужчины сжигали свои усадьбы перед наступлением врага, обширный лес служил безопасным убежищем для женщин и детей. Кстати, первоначальный дом представлял собой простую деревянную палатку на четырех столбах, и ее можно было увезти на тележках, которые помещались под ней. Следующим этапом была хижина в стиле швейцарского горного сарая, но она все еще была передвижной — по сути, это было движимое имущество, которое можно было брать с собой в странствия.^[12]

Способ их поселения в новой стране был достаточно любопытным, хотя раннее заселение Англии было очень похожим по характеру. Не любя города-крепости на римский манер, германцы чувствовали, что их свобода передвижения ограничена, а разум угнетен жизнью в укреплениях сильных городов, похожих на тюрьмы. Но, тем не менее, любя уединение и независимость, они строили обширные усадьбы, где каждый мужчина был сам себе хозяином. К усадьбе были пристроены поля, луга и обширный фермерский двор; все это окружала живая изгородь, чтобы оградить владельца от соседей. Каждый фермер ставил свою палатку везде, где "его соблазнял источник, или медовуха, или лесной массив", сообщает Тацит. Эта склонность немцев к уединению хорошо видна на примере Цюриха, поскольку когда-то в кантоне было три тысячи фермерских хозяйств по сравнению с сотней деревень и двенадцатью поселками.

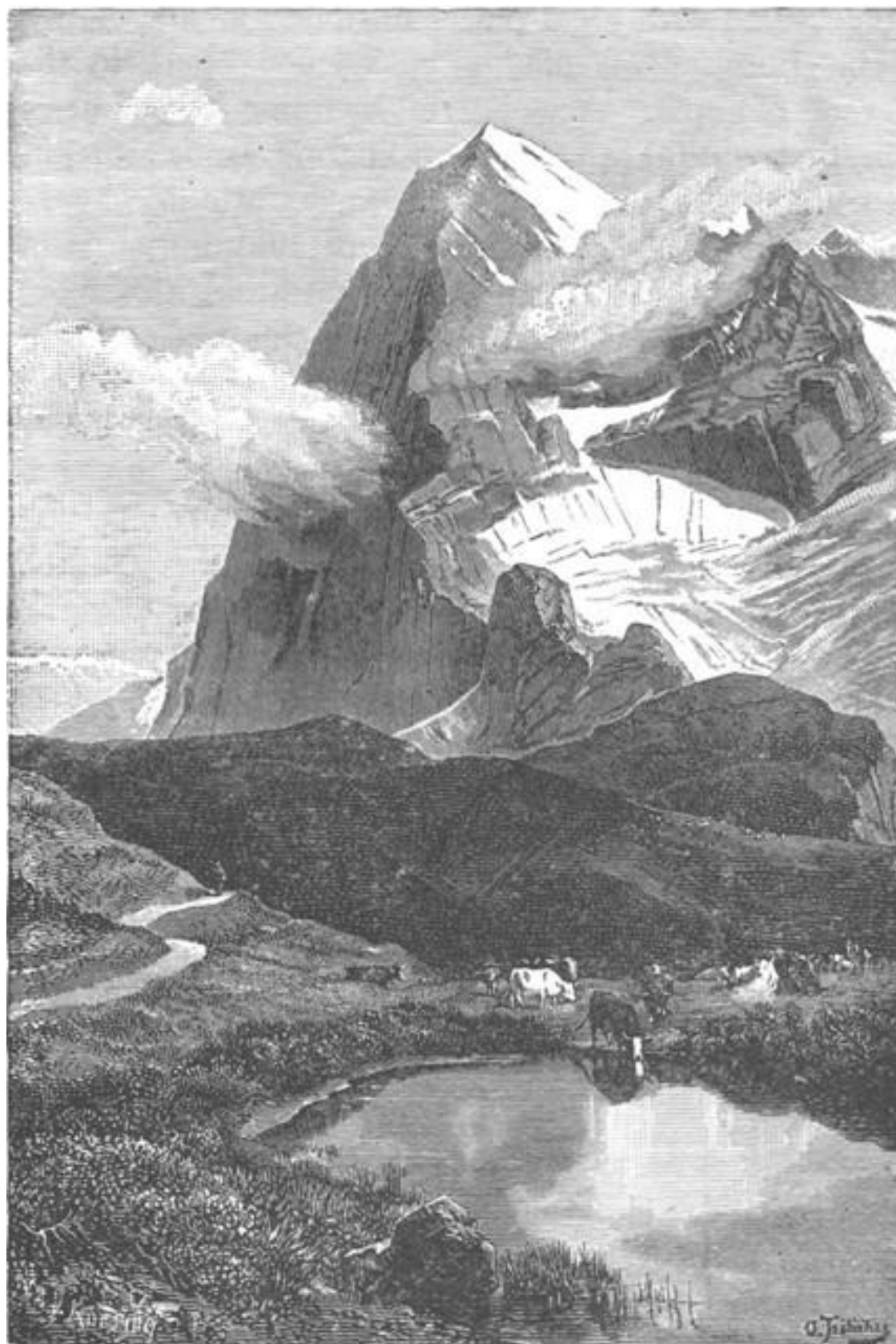
Способ раздела земель имеет демократические черты. Он был разделен между общиной в зависимости от размера семей и стад крупного рогатого скота, но один большой участок был оставлен для общего пользования. Большой *Олменд*, или коммон, поставлял древесину для общины, и там тоже каждый мужчина мог прокормить свои стада. Дворянин как таковой не имел специально отведенных для него владений, его положение и привилегии были почетными. Во время войны он мог быть выбран высшим офицером округа или даже герцогом или командующим армией. Плата за такие услуги была неизвестна. Денег было мало, и действительно, пользоваться ими их в основном научили римляне. Отары составляли не только их главное богатство, но и были эталоном ценности, поскольку каждый предмет оценивался как стоящий столько-то в пересчете на крупный рогатый скот.

Общество с самого начала было резко и четко разделено на два больших класса — землевладельцев и крепостных, "свободных и несвободных". Первый класс снова был разделен на "низших людей", "средних людей" и "первых людей", или ательингов (*Adelige*), причем последние были благородных кровей и владели большей частью земли и наибольшим количеством рабов и крупного рогатого скота. "Несвободными" были либо *хуриги*, которые принадлежали имению, которое они обрабатывали, и могли быть проданы вместе с ним, либо рабы, которые ничего не могли назвать своим, поскольку все, что они накопили, перешло к их господину после их смерти, если он того пожелал. Удел или большой округ делился на сотни. Все свободные люди собирались в каком-нибудь священном месте,

под каким-нибудь священным деревом, со своими священниками и лидерами. Здесь, помимо выполнения религиозных упражнений, они обсуждали войну и мир, вершили правосудие, выбирали своих государственных чиновников и своего лидера, если война была неизбежна. Война и юрисдикция были всем или почти всем в общественной жизни на той ранней стадии. Народные собрания, упраздненные феодальной системой, возродились позже в форме знаменитых "Ландсгеймандов" лесного округа, которые до сих пор используются в некоторых кантонах. Кровавые деньги, или *вергильды*, взимались с правонарушителей, как во времена саксов в Англии. Установленный тариф за телесные повреждения раскрывает корыстный и драчливый нрав полукцивилизованного народа.

В то время, когда аламанны поселились в Швейцарии, они были язычниками и поклонялись божествам природы — в рощах, у источников или в горах, имена некоторых из которых мы до сих пор прослеживаем в названиях дней недели. Их религия, которая была общей для всей Германии, раскрывает немецкий ум, полный мечтательности, глубокой вдумчивости и диких романтических фантазий, которые приводят к трагической развязке. Как и большинство языческих народов, аламанны облекали своих богов в их собственную плоть и кровь. Водан и сопровождающие его божества, девы-воительницы Фрейр и Фрейя, король и королева эльфов, карлики, великаны, духи — все это нам хорошо известно и действительно является очарованием сказок нашей юности. Светлые духи, *Асены*, воюют против духа тьмы, великанов, и теряют позиции, поскольку нарушили заключенные с ними договоры. Асены - это благожелательные силы природы, весеннее солнце и оплодотворяющий дождь, они живут в светлых дворцах, в Валгалле, и принимают умерших; злые духи - это бесплодный камень, ледяная зима, бушующее море, разрушительный огонь. Тор разрушает камни своим Молотом, вбивая их в землю, чтобы человек мог выращивать кукурузу. Гиганты взбираются на небо, бросая вызов богам за помощь человечеству, но Хеймдалль стоит и наблюдает на радужном мосту, который ведет в Асгард - сад *Асен*— и предотвращает их вход. Но сами боги запятнаны чувством вины, и в битве с Великанами перед воротами Валгаллы они полностью уничтожают друг друга. Небесные колонны и радужный мост рушатся, вселенная разрушена, и падение богов завершено. Но германские язычники не могли смириться с мыслью о полном уничтожении, поэтому в своего рода эпилоге за великой трагедией следует рассвет более светлых и благих времен, боги вновь обретают свою былую невинность, когда они играли в золотые кости, не зная ценности золота. [13] *Наступил Götterdämmerung*, Божественный Рассвет, и для богов и людей наступила новая эпоха. Одна из музыкальных драм Вагнера, как хорошо известно, основана на этих мифах. . Обратимся к бургундцам. Они стали соседями аламанных в Гельвеции около 443 года нашей эры, после тяжелого поражения от гуннов. Эта великая битва с большой силой изображена в "Нибелунгах". Бургунды играют заметную роль в этом великом древнем эпосе. В нем чудесно сочетаются героические мифы, прекрасная романтика и исторические саги, повествующие о великих героях раннего Средневековья — Теодорихе Великом, Гюнтере Бургундском, Атилe, короле гуннов. Если бы позволяло место, можно было бы рассказать всю историю целиком, но в этом месте позвольте привести в качестве примера один подвиг. Зигфрид, убийца Драконов, полубог, неуязвимый, как Ахилл, за исключением одного места, и умеющий становиться невидимым, добывается расположения милой и прелестной девы из Вормса. Как "невидимый чемпион", он помогает ее брату Гюнтеру в его битве с воинственной Брунгильдой, королевой Севера, которую Гюнтер хочет заполучить в жены. После долгих лет счастливой супружеской жизни королева Червей поссорилась с королевой Ксанта из-за вопроса о старшинстве, а доблестный Зигфрид стал жертвой ненависти Брунгильды и ее интриги с Хагеном. Чтобы отомстить за его смерть, безутешная вдова выходит замуж за могущественного Атилу и вступает в ужасную битву с бургундами. В этой битве она и ее сородичи были убиты. Однако Атила и Дитрих Веронский (Теодорих Великий) спасены.

Аэций отдал бургундам в качестве поселения Сабаудию (Савойю) при условии, что они будут защищать Галлию и Италию от вторжений алеманнов. Одна треть земель и приусадебных участков была передана им римлянами, а позже две трети были уступлены. Постепенно бургунды продвинулись во внутренние районы Гельвеции, Во, Вале и Фрибурга, а также в Южную Галлию. Они действительно занимали всю территорию от Вогезов до Альп и Средиземноморья. Они жили в дружеских отношениях с предыдущими поселенцами, значительно отличаясь по характеру от аламманов. Менее многочисленные, менее энергичные и более податливые, они не смогли германизировать Запад, как это сделали алеманны на Востоке, но были достаточно сильны, чтобы влить новую жизненную силу в ослабленное римское население. Легко культивируемая раса, бургунды воспользовались римской цивилизацией и прогрессом и постепенно смешались с предыдущими поселенцами — в основном латинского происхождения — образовав новый народ. Таким образом, благодаря римскому влиянию и немецкой прививке — с двумя отчетливыми немецкими прививками — в Швейцарии возникли две национальности, и мы находим, как и в наши дни, немцев на северо-востоке и французов на юго-западе.

ЭЙГЕР В

БЕРНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Римское влияние на бургундов было значительно усилено политикой короля Гундобада (500 г. н.э.). Он побывал в Италии и был очень впечатлен римскими институтами. Сохранилось его письмо, в котором он просит у Теодориха Великого солнечные или водяные часы, которые он

видел при его Дворе. Свод законов Гундобада представлял собой сочетание римского законодательства с немецкой юрисдикцией. Он официально ввел латинскую речь и хронологию и предоставил римлянам равные права и равное положение с немецким населением. Возникшие религиозные разногласия — бургунды были арианами — и возникшие конфликты между королем и народом, франки воспользовались беспорядками, чтобы подчинить подданных Гундобада своему влиянию.

Между аламанными и их соседями, бургундами, не было утраченной любви; действительно, национальная антипатия друг к другу была велика, но господство франков больше, чем что-либо другое, способствовало установлению союза между враждебными народами. Оставленные ими сообщения о характере франков не являются лестными. Говорили, что франки способны нарушить клятву с улыбкой на лице, и была такая поговорка: "Бери франк за друга, но никогда за соседа". Хлодвиг, франкский король, взошел на трон по крови своих соплеменников. Однако он был первым, кто придерживался более широких взглядов в политике и планировал создание объединенного германского королевства по типу Римской империи. Первыми жертвами его обширного плана стали аламанны. Произошла великая битва, в которой они потерпели поражение. Хлодвиг поклялся, что примет христианство, если одержит победу над аламанным Одином. Победа оказалась на его стороне, Хлодвиг и его вельможи приняли крещение. Его обращение было великим триумфом Церкви и дало королям Меровингов предлог для покорения германцев-ариан, которые были сбиты с толку ортодоксальной верой. Чтобы увенчать эту работу и усилить его величие в глазах римских и германских подданных, греческий император пожаловал Хлодвигу императорский пурпур и титул римского Патриция.

Подчинение Бургундии произошло в следующее правление Сигизмунда, который был виновен в убийстве своего сына по желанию мачехи. Он бежал в Сен-Морис, который он так щедро одарил, что он дал приют более чем пятистам монахам. Однако его благочестие не принесло ему победы, поскольку бургунды потерпели поражение от франков при Отене в 532 году, а Сигизмунд и его семья были сброшены в колодезь.

В том же году Курреция была уступлена франкам готами, которым требовалась их помощь в борьбе с Востоком. Реция, избежавшая германского вторжения, досталась на долю итальянских готов и пользовалась защитой и щедростью их славного короля Теодориха Великого. Он защищал ее от соседей как оплот Италии, но оставил нетронутыми римские институты.

Так Гельвеция оказалась во франкской зависимости; от самого названия Гельвеция не осталось и следа. И все же франкское правление было скорее номинальным, чем реальным. Графы назначались для управления графствами и сотнями и, будучи королевскими губернаторами, избирались франкскими королями и зависели от них. Юрисдикция, военное командование, призыв на войну, повышение налогов — рыболовство, охота, чеканка монет стали королевскими прерогативами — и фермеры брыкались против поборов — таковы были функции правящих графов. Тем не менее бургунды сохранили своего короля или патриция, а аламанны остались под властью своего собственного герцога, которому одному они присягали на верность. Курреция пользовалась особыми привилегиями. Им управлял королевский губернатор, который был верховным судьей, графом и *президентом*, и это достоинство сохранялось в течение ста пятидесяти лет в одной могущественной и богатой местной семье по имени Победоносец, которая также получала церковные средства к существованию. После его исчезновения в 766 году епископ Телло, последний из семьи, передал огромные богатства религиозным домам Дисентиса и Кура.

Распространение христианства и твердая поддержка Церкви королями Меровингов были, пожалуй, самыми большими преимуществами франкского правления. Зная, что Церковь является единственным средством, с помощью которого в тот мрачный век можно было распространять культуру и цивилизацию, эти монархи воспользовались ее услугами и даровали ей взамен огромное богатство и высокие prerogatives. Церкви и религиозные дома возникали так, что трудно было сказать, как именно. Во Французской Швейцарии были основаны епископства Женевы, Лозанны и Сиона; а в восточной половине страны епископства Базеля, Виндониссы (перенесенной в Констанц в VI веке) и Кур. Сен-Морис, которым, как мы видели, воспользовался Сигизмунд, был процветающим городом-аббатством. И все же многие алеманны упорно придерживались своих старых богов, и их святыни и идолы стояли бок о бок с Крестом; даже христиане взывали к Водану, опасаясь, что он будет оскорблен их пренебрежением.

Дальнейшее слияние язычества и христианства было наиболее эффективно остановлено — любопытно сказать — караваном ирландских монахов. Фактически, более поздняя традиция приписывала этим монахам основание религиозных домов, число которых, как показало современное исследование, было сильно преувеличено. Ирландия, которая до сих пор избегала борьбы с великой тевтонской расой, отдала всю свою энергию распространению новой веры, и с четвертого века христианство чудесным образом процветало на острове. Преисполненный миссионерского пыла, ирландец Колумбан загорелся страстным желанием завоевать Галлию и Германию и в 610 году отправился в свои странствия со штатом из двенадцати спутников. Вооруженные "сучковатыми палочками", кожаным флаконом, дорожной сумкой, футляром для реликвий и с запасной парой ботинок, висящих на шее, "татуированные", с длинными развевающимися волосами,^[14] отважная группа прибыла в Галлию и основала монастыри в районе Вогезов. Однако они оскорбили королеву Брунгильду своей откровенностью, и им пришлось удалиться. Отправившись в Восточную Гельвецию, они прибыли в Цюрих, но, в конце концов, не найдя там больше ничего интересного, как мы можем предположить, они направились в Тугген, расположенный в Верховьях Цюрихского озера. Здесь они увидели людей, совершавших подношение пива национальным богам. Охваченные священным гневом, монахи опрокинули сосуд и бросили идолов в озеро, чем привлекли многих в христианство. Мы не можем здесь следовать за ними в их самоотверженных трудах. Колумбан отправился в Италию, но оставил своего ученика Галла в окрестностях Боденского озера. Так возник знаменитый монастырь, носящий его имя.

СНОСКИ:

[11] "Малая история Англии" Грина, стр. 42.

[12] Dahn, "Urgeschichte der Römisch-germanischen Völker."

[13] Дан

[14] Профессор Ран.

V.

КАРОЛИНГИ—КАРЛ ВЕЛИКИЙ.

При последних королях-Меровингах, о характере которых достаточно свидетельствует имя *Фейнеантов*— бездельников, Аламания и Бургундия из всех сил пытались сбросить франкское иго. Теперь богатство и власть этих слабых королей переходили от них к их "Мэрам Дворца". Карл Мартелл, один из этих "мэров", разбил аламанных в великой битве (730 г. н.э.), а Карломанн, брат Карла Великого, предал мечу ряд аламанных вельмож, а их земли конфисковал (746 г. н.э.).

Шарль Мартель оставался простым "мэром дворца", но Пепин ле Бреф сам был коронован королем в Сен-Дени Стефаном II в 751 году, вознаградив папу за эту великую службу участком земли вокруг Святого города. В результате этого *государственного переворота* были установлены как династия Каролингов, так и светская власть папы римского — практически взаимозаменяемые условия. Новая династия в значительной степени способствовала развитию религии и продолжила работу, начатую ирландскими и англосаксонскими монахами. Келья Святого Галла стала аббатством церковь и монашеская школа; школа святого Леодегара в Люцерне была объединена с аббатством Мурбах в Эльзасе; а на берегу Лиммата в Цюрихе возник колледж пребендов.

Пепину ле Брефу наследовал его сын Карл Великий, или Карл Великий, как его обычно называют (768-814). На протяжении почти полувека этот талантливый, могущественный и возвышенно мыслящий государь вершил судьбы Европы с неослабевающим рвением, никогда не забывая об ответственности, связанной с его высоким положением. Он правил обширными владениями, простиравшимися от Эбро в Испании до Тайса в Венгрии и от Дании до Тибра. Саксы, славяне, авары, лангобарды и арабы находились под его властью. Его двор был великим интеллектуальным центром, откуда просвещение распространилось

во все части его владений. Карл Великий был велик как полководец, как государственный деятель, как политик; он был кропотливым экономистом, а его человечность и другие добродетели обеспечили ему благородный титул "Отца Европы". Блестящая фигура в темную эпоху, которая пролила свой свет на последующие времена. Неудивительно, что средневековая фантазия с любовью хранила память о нем; и вокруг его имени сложились песни, саги и легенды. Карл Великий - особый любимец швейцарцев; действительно, из всех немецких правителей, которые имели над ними власть, он тот, чья память наиболее дорога; и Швейцария внесла, по крайней мере, свою лепту в раздувание массы легенд и вымыслов, посвященных ему. Одного импульса, который он придал образованию в этой стране, было достаточно, чтобы память о нем полюбилась швейцарцам. Базель, Женева, Кур и Сион получили пользу от его мудрого управления, а Цюрих особенно превозносит его, называя "Источником своей интеллектуальной жизни" в средние века. Невозможно, да и нет необходимости подробно излагать в этом томе историю этого долгого и блестящего правления. Несколько моментов может быть достаточно, чтобы указать на характер Карла Великого и пролить некоторый свет на то время и состояние страны.

Стремление франков основать империю по римскому образцу было практически реализовано, когда Адриан в 800 году нашей эры короновал Карла Великого императором Запада. И все же Карл стремился не столько к простому внешнему величию, сколько к установлению духовного царства на земле, царства, которое должно охватить весь его народ единой христианской церковью, поддерживаемой сильным и хорошо организованным государством-содружеством. Союз Церкви и государства, при преобладании последнего, был ведущей идеей Карла Великого и почти полностью определял его религиозное и политическое кредо. Сильная религиозная склонность этого "царя-священника" проявилась в самом начале его правления, когда он взял на себя миссию "Защитника Святой Церкви и соадьютора Апостольского престола"[15], таким образом, претендуя, с согласия Предстоятеля, на духовное руководство своим государством. Близкий по духу характер и склонности Адриана помогли осуществить этот союз. И все же в этом вопросе Чарльз лишь соответствовал политике своих предков и духу эпохи, эпохи, примечательной проявлениями благочестия и набожности. И история Швейцарии для того периода - это скорее история религиозных движений того времени, чем политическая хроника. Ибо на тех ранних этапах Церковь была пропорционально гораздо важнее, чем в наше время. Тогда она была единственным или почти единственным центром интеллекта, искусства, литературы и олицетворяла идеальную сторону жизни в неграмотный век. Несмотря на свои недостатки, Церковь была благословением для человечества.

Земли гельветов полностью утратили свою политическую независимость. Во время этого правления энергичное правительство монарха пресекало все попытки восстания, и в конце концов и аламанны, и бургунды начали ощущать преимущества, вытекающие из существования мудрой и твердой администрации. Чтобы обуздать их власть, суверен отменил титулы могущественных герцогов и разделил землю на графства меньшего размера (чем старое деление на графства) и поставил над этими графствами королевских губернаторов с судебной властью. Люди больше не появлялись *во плоти* в ширмоутах, но были представлены при малом дворе *Шеффеноми* или Ривзом. Эти ривзы должны были вынести вердикт; если они не могли прийти к согласию, прибегали к судебному разбирательству. Дважды в год Карл собирал свою знать и епископов, чтобы выслушать их отчеты и выработать законы, которые, однако, были представлены народу, то есть "фригольдерам" на "настоящем собрании" в мае. Для контроля над администрацией графства и для того, чтобы дать людям возможность более непосредственно обращаться к

королевскому правосудию, он назначил специальную комиссию из духовных и светских чиновников (*missi dominici*).

Вряд ли нужно говорить, что законодательство Карла Великого было в высшей степени благоприятным для Церкви и имело тенденцию к значительному увеличению ее богатства. Он выделял ей десятину с плодов земли, и люди по собственной воле заваливали церковные и монашеские учреждения пожертвованиями земель и денег. В восьмом веке монастырь Святого Галла уже владел 160 000 акрами земли, которые были дарованы благочестивыми жертвователями, в то время как тысяча двести дарственных документов, найденных среди старых документов аббатства, свидетельствуют о рвении дарителей. Религиозные учреждения стали крупнейшими землевладельцами в стране, возникли вассалитет и феодальная система.

При территориальном делении Швейцария распалась на графства Тургау, Аргау, Женевагау, Вальдгау (Во) и др., Гораздо более крупные, чем в настоящее время, откуда и произошли названия различных кантонов в том виде, в каком они у нас есть сейчас. Некоторые швейцарцы, по-видимому, разделили военную славу Карла Великого. "Монах Святого Галла",^[16] недавно идентифицированный с Ноткером Бальбулусом (Заикой), популярным биографом Карла Великого, в напыщенном стиле рассказывает о подвигах аламманского героя из Тургау. Этот средневековый Геркулес — по имени Великан Эйшер — сопровождал императора в походе на аваров, а по возвращении сообщил, что они "косили врага, как траву", и что он сам "нанизал на свое копье шесть или восемь карликовых чешских жаб, как будто это были жаворонки, а затем носил их туда-сюда, не понимая, о чем они ворчат"! Ноткер, хронист, в юности слышал историю о военных подвигах Карла Великого от старого солдата из Тургау, который сопровождал императора в его войнах. И когда Карл III. находясь с визитом в Сент-Галле в 883 году, он был так восхищен оживленной беседой монаха о несравненном императоре, что попросил его записать воспоминания о своем прославленном предке. Этому монашескому хронисту мы обязаны столь многими приятными историями о Карле Великом, дошедшими до нас.^[17]

Интересными и трогательными являются черты, с которыми мы постоянно сталкиваемся, когда получаем представление о Дворе и частной жизни императора. Его дочерям не разрешалось выходить замуж, потому что он не мог вынести разлуки с ними. Хатто Базельский, самый прославленный из его старших епископов, часто критиковал слабости монарха, однако Карл Великий не только снес порицания епископа, но и отправил его с весьма почетной миссией ко двору Константинополя и избрал его одним из свидетелей своей последней воли. Дружба императора с папой Адрианом была весьма примечательной и, несмотря на многие разногласия, глубокой и длительной. Услышав весть о смерти Адриана, Карл Великий разрыдался и восхвалял его в самых лестных выражениях. Управление императором своими королевскими поместьями было в высшей степени благоразумным, умелым, энергичным и во всех отношениях достойным восхищения. Своей собственности он уделял самое пристальное и постоянное внимание, вплоть до яиц, производимых на его фермах.

Он собрал вокруг себя ученых, художников и учителей из Италии и Греции, и Алкуин, англосаксонский ученый, открыл придворную школу — англичане тогда были самым культурным из германских народов, — и группа английских учеников последовала за ним во Францию. Алкуин стал другом и советником Карла Великого в вопросах образования, который доверил ему переработку Библии. Варнфриду Паулусу Диакону, знаменитому ломбардскому писателю, было приказано составить сборник проповедей Отцов Церкви. Копии обеих этих замечательных рукописей — Библии и Проповедей — были подарены

цюрихской церкви, а одна из них, прекрасная Библия Алкуина, сохранилась до наших дней и входит в число ее литературных сокровищ. В ученом кругу, поэтическим центром которого был сам Карл, с его женой, дочерьми и двумя сестрами, были Эйнхард Немец, доверенное лицо и биограф императора; Огильхард, рыцарский поэт; гот Теобальд, епископ Орлеанский, ученый и светский человек; а также многие другие выдающиеся люди. Две сестры Карла Великого были монахинями, и одна из них, Гизела, была большой подругой Алкуина.^[18]

Карл Великий любил бывать в гостях и время от времени преподавать в своей Придворной школе. Он проявлял большой интерес к успехам своих учеников, хваля прилежных и предостерегая ленивых. "Монах" сообщает нам, что однажды, сочтя сочинения мальчиков из бедных семей достойными похвалы, в то время как сочинения молодых дворян были неудовлетворительными, император поднялся в гневе и предупредил этих последних юношей, что их высокое происхождение и прекрасные манеры не должны спасать их от наказания, если они не избавятся от своей лени. Затем, обратившись к бедным, но достойным юношам, он высоко похвалил их и увещевал всегда быть такими прилежными, обещая им награды и привилегии, если они будут продолжать в том же духе. Карл Великий действительно снискал нетленную славу своими образовательными усилиями, благодаря которым был заложен фундамент на последующие века. Полный убеждения, что религия и ученость необходимы для счастья, он стремился распространять образование среди своего народа и сделал это главной целью своих последних лет. Все родители должны, говорит он, "отправлять своих мальчиков в школу и позволять им оставаться там до тех пор, пока они не станут хорошо образованными", - принцип, который лишь несовершенно понимают и которому следуют даже в наши дни. Эта идеальная сторона его сложной деятельности возвышает его намного над другими правителями Средневековья. На наш взгляд, есть только один, кто может сравниться с ним по величию характера и возвышенным целям — Альфред Великий из Уэссекса. Духовные колледжи и пристроенные к ним светские школы возникли по всей стране, и знания Священного Писания, до сих пор принадлежавшие только духовенству, были свободно предоставлены народу.

Император поручил епископам позаботиться о том, чтобы священники были "хорошо подготовлены как религиозные учителя". Теобальд призывает свое духовенство открывать школы и "учить детей с любовью и не брать никакой платы, кроме той, которую захотят дать родители". Воспитательное рвение императора было таково, что он предписывает порку и лишение пищи даже мужчин и женщин, если они не знают наизусть Исповедания Веры и Молитвы Господней и не в состоянии повторить их на латыни священникам. Тем не менее, он делает скидку на тупиц, которым разрешается учить и повторять эти упражнения на их родном неграмотном языке. Он увещевает монахов лучше изучать грамматику и избавляться от своей неотесанной речи. Он делает строгий выговор мальчику из хора, чьи неправильные ноты раздражают его нежный слух.

Среди епископов Швейцарии Хатто Базельский и Ремедий Куррецийский были главными сторонниками Карла Великого и законодателями в своих собственных епархиях. Последний прелат был большим другом Алкуина и имел блестящий двор со многими вассалами. Власть этих теократических правителей была очень велика. В качестве примера этого можно упомянуть, что Ремедий постановил, что лиц, виновных в святотатстве, следует обмазывать горячей смолой и заставлять ездить таким образом на осле по деревням. Защита императором церковных и школьных фондов осуществлялась во многих случаях в Швейцарии. Согласно традиции, Сион обогатился земельной собственностью, а святому Маврикию была подарена прекрасная чаша из оникса, украшенная прекрасными греческими *рельефами*, которая до сих пор находится среди сокровищ этой церкви. Цюрих

приписывает свои старейшие церкви и школы щедрости императора. Говорят, что ему она обязана своим храмом, носящим его имя, и статуей; Хорхерренштифт, или Колледж канонов, и Каролинум, духовная школа для пребендов, или каноников, которая в 1832 году превратилась в Университет и гимназию соответственно, и, наконец, Вассеркирхе, часовня на берегу реки, на том месте, где когда-то пострадали мученики Феликс и Регула.

ВЕЛИКИЙ

СОБОР И ВАССЕРКИРХЕ, ЦЮРИХ. (Appenzeller, Zurich.)

Цюрих действительно, согласно традиции, был любимой резиденцией великого монарха, и говорят, что его особняком был Haus zum Loch (дыра или пещера), стоящий на крутом склоне недалеко от собора. С этим связана очаровательная легенда, которая отражает стремление к

справедливости, которое он приобрел среди людей. Эта история также может служить примером, единственным, который нам позволит привести наше пространство, из богатого запаса легенд, собранных вокруг памяти Карла Великого. На берегу реки была часовня, где он установил колокол, в который люди могли звонить, если хотели воззвать к правосудию. Однажды, когда он обедал со своей королевой, этот колокол начал звонить. Никто из слуг не мог сообщить ему, в чем дело. Звонок прозвенел во второй раз, затем в третий. На это император встал из-за стола, сказав: "Я уверен, что есть какой-то бедняк, которого вы не хотите, чтобы я видел". С этими словами он спустился с холма к часовне, где, подвешенный к веревке колокола, обнаружил большую змею. Рептилия спустилась вниз, подошла к нему и завилала хвостом, выражая свое почтение. Затем, идя впереди, она подвела Карла Великого к зарослям крапивы, и его слуги, осматривая это место, обнаружили большую жабу, сидящую на яйцах в змеином гнезде. Сразу же поняв смысл этого обращения, он усадил его в свое кресло судьи и вынес приговор, согласно которому жаба должна быть убита и четвертована. На следующий день во время обеда змея появилась в коридоре, сильно напугав прислугу. Однако Чарльз успокоил их и сказал: "Бог прекрасен, и мы не можем знать, что это значит". Змея вошла в зал, взобралась на стол и, сделав императору знак снять крышку с его золотого кубка, уронила в него прекрасный драгоценный камень. Затем, выйдя из-за стола, она поклонилась королевской чете и исчезла. Чарльз счел это добрым предзнаменованием и решил никогда не расставаться с драгоценностью. Мораль очевидна. Карл Великий был настолько справедлив, а его репутация беспристрастного человека была настолько широко распространена, что даже низшие животные взывали к нему, и не напрасно.

Согласно другой версии, камень притягивался подобно магниту, поскольку там, где он был брошен, император не мог покинуть это место. Но архиепископ Турпен бросил его в источники Ахена, и поэтому Карл Великий больше не покидал эту королевскую резиденцию.

В нашем пространстве было бы невозможно, даже если бы это было интересно широкому читателю, вступать в дискуссии, касающиеся основания Карла Великого в Цюрихе и его визитов в Цюрих. Две вещи, однако, становятся очевидными; во-первых (благодаря трудам ученого историка, профессора Георга фон Висса), эта традиция не совсем недостойна доверия, поскольку до сих пор сохранились документальные свидетельства того, что Карл Великий реформировал колледж (Chorherrenstift); во-вторых, что он поддерживал тесную связь с городом, независимо от того, проживал он там на самом деле или нет.

Несомненно, такое превознесение заслуг Карла Великого является выражением привязанности к его личности, и восхищения его замечательными образовательными усилиями. Его внук, Людовик Немецкий, основал аббатство Богоматери в 853 году на месте старого женского монастыря, возведенного в память о святых покровителях Цюриха. Людовик воздвиг это новое аббатство, чтобы придать более блестящий церковный вид своей дочери Хильдгард, настоятельнице небольшого женского монастыря в Вюрцбурге. Эта принцесса-настоятельница получила исключительное право юрисдикции, и монастырь быстро вырос, а вместе с ним расширилось городское содружество. (В следующей главе мы покажем, как это женское правительство сдерживало рост политической власти в этом городе и в то же время создавало ее саму.)

СНОСКИ:

[15] See Büdinger, "Von den Anfängen des Schulzwanges," Zurich, 1865, p. 10.

[16] Профессор Бахтольд, "История немецкой литературы в Швейцарии", Фрауэнфельд, 1887.

[17] Профессор Бахтольд, "История немецкой литературы в Швейцарии", Фрауэнфельд, 1887.

[18] Посмотрите очаровательные "Картины средневековья" Густава Фрейтага.

VI.

БУРГУНДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО, ГЕРЦОГСТВО ШВАБИЯ И ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ.

(843-1100.)

Смерть великого императора привела это государство в полное замешательство, вся структура его мудрого и твердого правления развалилась на куски. Все разнородные и часто непокорные элементы, которые его суровое правление держало в узде, вышли из-под контроля и получили полную силу во время правления его потомков, которые становились все слабее и слабее, хотя кое-где и были исключения. Притязания Церкви, которые, так сказать, возвестила и укрепила собственная защита и забота Карла Великого; борьба выдающихся семей и династических домов за суверенитет в отсутствие единой центральной и неоспоримой власти; усиление иммунитетов и рост феодализма — все это было серьезными трудностями, с которыми предстояло справиться грядущим правителям.

Людовик Благочестивый, единственный оставшийся в живых сын Карла Великого, и наследник его короны, явно был совершенно неспособен удовлетворительно справиться с этими трудностями. Несвоевременное распределение земель короны, на котором настаивала властная Джудит, его вторая жена, в пользу собственного сына, и затяжная борьба между принцами империи погрузили королевство в междоусобные войны и, в конце концов, привели к его распаду. В этом коротком очерке невозможно проследить за трагическим концом этого недостойного сына великого отца. Верденский мирный договор (843) урегулировал кровавые конфликты, но разделил империю на три новых доминиона; Восточно-Франкское королевство перешло к Людовику Немецкому; Западно-Франкское

королевство перешло к Карлу Лысому; и средний округ, включающий Италию и полосу земель между двумя только что упомянутыми первыми разделами, и включающий Прованс, Бургундию, Лотарингию и Нидерланды. Это последнее царство перешло к Лотарю.

Верденский мирный договор, от которого берут начало Французское и германское государства, также произвел самые радикальные изменения в Гельвеции и значительно изменил ее политический аспект. Страна была разделена на две половины: Восточная Швейцария, образовавшая Аре, с Куррецией, присоединенной к Восточно-Франкскому королевству; и Западная Гельвеция и Вале с Лотарингией или средним королевством. Это, естественно, привело к возрождению национального антагонизма между двумя гельветиями.

Освобожденные от железной руки, которая подавляла все попытки восстания, народы снова начали борьбу за восстановление национальной независимости и отдельного правления, и в результате были восстановлены Бургундское королевство и герцогство Аламания, или Швабия.^[19] Бургундия первой позаботилась о своей национальной свободе. После смерти Лотаря в 855 году его королевство распалось на куски. Граф Босо из Вены, его родственник, основал Бургундское королевство без Гельвеции в 879 году (Прованс или Арль — *Арелатский рейх*). После бесплодных попыток различных бургундских дворян установить свой суверенитет в пределах Гельвеции, известный дворянин Рудольф из прославленного дома Гвельфов объявил себя претендентом на швейцарскую Бургундию по примеру графа Босо. Рудольф владел обширными поместьями в Швабии, на Боденском озере. Он поклялся в верности Карлу III. ("Крепкий"), который, каким бы слабым он ни был, как ни странно, еще раз объединил Империю под своим скипетром. После своей смерти, в 888 году, Рудольф Гвельф был коронован в Сен-Морисе, почтенном городке-аббатстве в Нижнем Вале, многочисленным собранием бургундских епископов и знати. Так было основано гельветское королевство Верхняя или Новая Бургундия (*Бургундия трансижуранская*), которое, по-видимому, простиралось на Лотарингию и Савойю. В 933 году обе Бургундии были объединены.

Рудольф не только сохранил свою независимость от агрессивного духа вторгшихся соседей, но и перенес свои победы в Восточную Гельвецию, вплоть до Цюрихского озера, и после его смерти в 912 году его корона без сопротивления перешла к его сыну Рудольфу II. Этот король унаследовал большие способности своего отца и беспокойные привычки, которые вовлекли его в многочисленные войны. Его величайшим военным достижением стало поражение венгров, которые совершали свои ужасные набеги на Европу. Однако в Восточной Гельвеции его продвижение было остановлено Буркхардом I, герцогом Аламании, который разбил его при Винтертуре, недалеко от Цюриха, в 919 году. Движимые, без сомнения, взаимным восхищением доблестью друг друга и общими политическими интересами, они заключили мир и завязали прочную дружбу. Чтобы скрепить союз между двумя Гельветиями, Буркхард выдал свою прелестную дочь Берту замуж за бургундского короля и дал ей в приданое земли между реками Аре и Рейс, округ, за который он боролся. Он даже последовал за Рудольфом в его экспедиции в Италию и пал в перестрелке, помогая своему зятю. Но Рудольф не смог сохранить власть своей итальянской короны и в 933 году обменял свои права на Ломбардию на королевство Нижняя Бургундия (Прованс); однако это соглашение было сильно оспорено.

Когда он не был занят войнами, он помогал своей королеве в ее добрых делах. Бургундские короли тогда еще не имели постоянной резиденции и переезжали с места на место в своих королевских поместьях — в Лозанну, Пайерн, Ивердон, Золотурн или на озеро Тун. Совершая эти обходы, Рудольф любил поступать как судьи Израиля в древности — садиться в тени прекрасного дуба и вершить правосудие над любым, кто мог бы приблизиться и обратиться к

нему. И все же память об этом добром короле почти затмевается славой его жены, знаменитой "Королевы прядения", ее мудростью и служением бедным.

С аламанными дела обстояли менее приятно. Их попытки восстановить отделение или самоуправление - страстное стремление к национальной независимости, присущее германским племенам, во многом способствовало разделению Германской империи на ее многочисленные королевства, княжества и герцогства — встретили гораздо более стойкое и ожесточенное сопротивление, чем в случае с бургундами.

При мирном правлении Людовика Немецкого (843-876) аламанны пользовались преимуществами его мирных наклонностей, и мы не слышим ни о каких попытках восстания. Этот разумный и практичный монарх оставил Восточной Гельвеции "память о себе в добрых делах". Две вещи сблизили его с этой страной — основание им аббатства Богоматери в Цюрихе, куда он поместил своих дочерей Хильдегарду и Берту, как уже говорилось ранее; и его благотворительность Святому Галлу, который он освободил от власти Констанции. Действительно, летописец этого последнего учреждения Ноткер, *Монах С. Галленсис*, по-видимому, был очарован его личным обаянием и приветливыми манерами. Возведенный в ранг независимого аббатства, не подчинявшегося никому, кроме самого короля, и обогащенный постоянными земельными пожалованиями со стороны благочестивых жертвователей, Сент-Галл превратился в процветающее монашеское содружество. Мирная колония бережливых и прилежных монахов — они были бенедиктинцами, — которые, подобно своему ирландскому основателю, сочетали ручной труд с ученым размышлением, серьезной учебой и литературным мастерством, — образуют общество, совершенно уникальное в своем роде. Святые люди "вызывают в свои кельи умерших духов классической древности",^[20] и свободно общаются с ними; отданные церковному образованию, не пренебрегая при этом светскими занятиями, эти образованные и высокородные ученые составляют поистине средневековый университет. Их жизнь и характер ярко описаны перед нами их летописцами.

Арнульф Кернтенский (887-899), внук Людовика, поддерживал тесную связь со Святым Галлом через своего капеллана Соломона III, его настоятеля. Он управлял Восточно-Франкским королевством с твердостью и большими способностями. Военная слава Каролингов, казалось, была восстановлена, когда он блестяще разбил норманнов при Левене на реке Дайл. К сожалению, этот энергичный правитель умер после короткого правления, оставив корону своему единственному сыну, Людовику "Младенцу", которому тогда было всего шесть лет. Во время правления этого болезненного принца (900-911) страну раздирали партийная борьба, а нашествия венгров усугубили бедствия того времени. Современные писатели, кажется, едва ли способны выразить тот ужас, который они испытывали при одном виде азиатов, которые казались им даже отвратительными. Арнульфа упрекали в том, что он направил их в Европу, когда вел их против своих врагов, меренов; в то время как политика Карла Великого была полностью противоположна этому, он запер их, возведя гигантские стены на Дунае против аваров. Это были последователи гуннов пятого века и походили на них своей жестокостью в ведении войны и неопишущими повадками.

"Горе королевству, царь которого - дитя", - пишет Соломон III. епископу, с которым подружился: "все враждуют, граф и вассалы, графство и соседи по границе; города поднимают восстания, законы попираются ногами, и мы находимся во власти диких орд". Таково было состояние страны в начале десятого века. Соломон, написавший эти плачущие послания, сам был могущественным политическим правителем не менее, чем церковным властелином. После архиепископа Хатто из Майнца, правившего во время несовершеннолетия Людовика, Соломон был самым влиятельным человеком при немецком

дворе и распоряжался его судьбами после смерти Хатто. Этот высокородный церковник, получивший образование светского священника в Санкт-Галле, стал секретарем, капелланом и канцлером при германском дворе и пользовался дружбой четырех сменявших друг друга монархов. Возведенный Арнульфом в аббатство Святого Галла в 890 году, а вскоре после этого - в Констанцкий престол, он, таким образом, объединил достоинства двух соперничающих институтов. Утонченный, разносторонний и неутомимый, этот высокопоставленный священнослужитель был самым непревзойденным придворным и человеком в мире. Красивый и величественный, он пленял своих слушателей в совете ясностью своих аргументов и живым остроумием; и растопил людей до слез своим красноречием за кафедрой. Его руководство в Сент-Галле способствовало великолепию аббатства и превратило его в выдающийся литературный и политический центр. Однако она была лишена своего аскетического характера, во-первых, Соломону не хватало подлинного благочестия.

Абсолютное правление этого могущественного прелата в значительной степени сдерживало национальные восстания швабских лидеров, поскольку он энергично поддерживал единство Церкви и государства. Конрад I (911-919), последний из восточно-франкских королей, отдал всю свою энергию единственной цели - укреплению своего правления путем подавления или упразднения герцогств, которые, по его мнению, подрывали власть суверена. Опираясь на поддержку духовенства, он находился под сильным влиянием инсинуаций Соломона, когда тот предпринял свои кровавые меры против швабских претендентов.

Во время правления Людовика Малолетнего состояние анархии породило многочисленные национальные восстания, которые привели к созданию Баварского, Франкского и Саксонского герцогств. В самом конце аналогичная попытка была предпринята в Аламании. Буркхард, маркиз Курреции, впоследствии Граубюндена, один из самых выдающихся швабских вельмож, выдвинул претензии на герцогство. Его сыновья были изгнаны, и, как шептались, из-за махинаций Соломона (911). Однако все это не остановило устремлений двух братьев, Эрчангера и Бертольда, зятьев короля, которые претендовали на герцогство Швабия. Они тоже стали жертвами политики прелата, чья ненависть усилилась, когда они наложили на него руки, чтобы арестовать. Конрад созвал Синод, чтобы помочь ему, и претенденты были сурово наказаны. Однако король приказал обезглавить их, без сомнения, чтобы угодить своему канцлеру.

ПЕРЕВАЛ

ФУРКА.

Жестокая судьба этих двоих произвела глубокое впечатление на людей. В следующем году, когда Буркхард, сын несчастного маркиза, вернулся в свою страну, откуда бежал, поскольку он присоединился к восстанию двух братьев и был вызван в Синод, он был единогласно избран дворянством и народом (917). И королю, и епископу было немало обидно, что их замыслы были таким образом сорваны, а принцип, которому они так яростно сопротивлялись, был претворен в жизнь. Анналы Святого Галла свидетельствуют о том, что Соломон был замешан в убийствах, поскольку, хотя обычно превозносят его заслуги, они

сообщают, что могущественный прелат раскаялся в своих жестоких действиях, поскольку он отправился паломником в Рим, раскаивающийся, плачущий и стонающий, чтобы покаяться в своих грехах.

Конрад I в конце своего правления признал, что его политика была ошибочной, отдав корону своему самому могущественному противнику, саксонскому лидеру герцогу Генриху, власть которого он стремился упразднить. Генрих I, прозванный "Птицеловом" и "Основателем города" (919-936), был первым немецким правителем, создавшим настоящее немецкое королевство. Обладая быстрой проницательностью, он основал власть короны на союзе племен, примилив их вождей и добившись их подчинения благодаря господству своего собственного могущественного саксонского племени. Связав их клятвой верности, не умаляя их чести, он не встретил никакого сопротивления. Его сын Отон I, "Великий", получил императорскую корону в Риме и увеличил величие своего нового королевства. Таким образом, мы находим Восточную Гельвецию с Куррецией, входящими в состав Аламании, и вскоре вся страна была поглощена огромной империей, и ее судьбы были связаны с ней.

Буркхард I, принявший титул "герцога Аламании по Божественному праву", без особых возражений подчинился королевскому превосходству Генриха, без сомнения, считая это гарантией своего собственного положения. Его преемники также придерживались Германии и были верными приверженцами императоров, которые, в свою очередь, стремились теснее связать Швабию с империей. Они высоко ценили этот союз; им приходилось проезжать через Куррецию во время своих экспедиций в Италию; аламанны славилась своей доблестью; а их религиозные учреждения, Санкт-Галль, Райнау и Райхенау, были известными центрами культуры. Швабия стала очень ценным феодальным владением, которое предоставлялось по воле императоров. После смерти Буркхарда, который пал в перестрелке, сопровождая своего зятя Рудольфа Бургундского на юг, как мы видели выше, герцогство перешло к сыну Отона I, а затем к Буркхарду II Курляндскому. Он никогда не отступал от своей политики сохранения империи, и его брак с племянницей Отона, чья красота, мужество и литературное мастерство были воспеты в балладах и хрониках, еще больше сблизил их союз. После смерти мужа Хадвига унаследовала титул и его поместья, но герцогство перешло к другу Отона II. Она удалилась в свою любимую резиденцию, в свое поместье на горе Хозентвиль, недалеко от Боденского озера, где жила в глубоком уединении до своей смерти в 994 году. Будучи хорошим знатоком греческого языка и любя учиться, она пригласила молодого Эккехарда II из Сент-Галла в свой замок и сделала его своим капелланом и наставником по изучению классической литературы. Хадвиг - центральная фигура блестящего романа Шеффеля "Эккехард", который светится жизнью и искрометным юмором и представляет собой причудливое воспроизведение забавных повествований, содержащихся в "Анналах Сент-Галла". Объединившись, летописец и поэт создали бессмертное произведение и пролили неизгладимую славу на монастыри Святого Галла.

Другим известным монашеским учреждением, возникшим примерно в это же время, *т.е.* при саксонском императоре Оттоне, и получившим, подобно Лоретто, европейскую известность как место паломничества, был Айнзидельн в кантоне Швиц.

В 1024 году герцогство Швабия перешло к Эрнесту II., пасынку императора Конрада II. из династии Саликов. Возникла ожесточенная борьба по вопросу наследования бургундского престола. Эрнест претендовал на него через свою мать, а Конрад - через свою жену, племянницу Рудольфа III. Видя, что его надежды рухнули, Эрнест вместе со своим другом Вернером Кибургским и его отрядом напали на имперские войска, и произошли кровавые разборки. Эрнест был заключен в тюрьму, а поместье Кибург осаждено; но оба друга бежали и снова объединились в новой оппозиции Конраду. Чтобы разорвать их союз, император

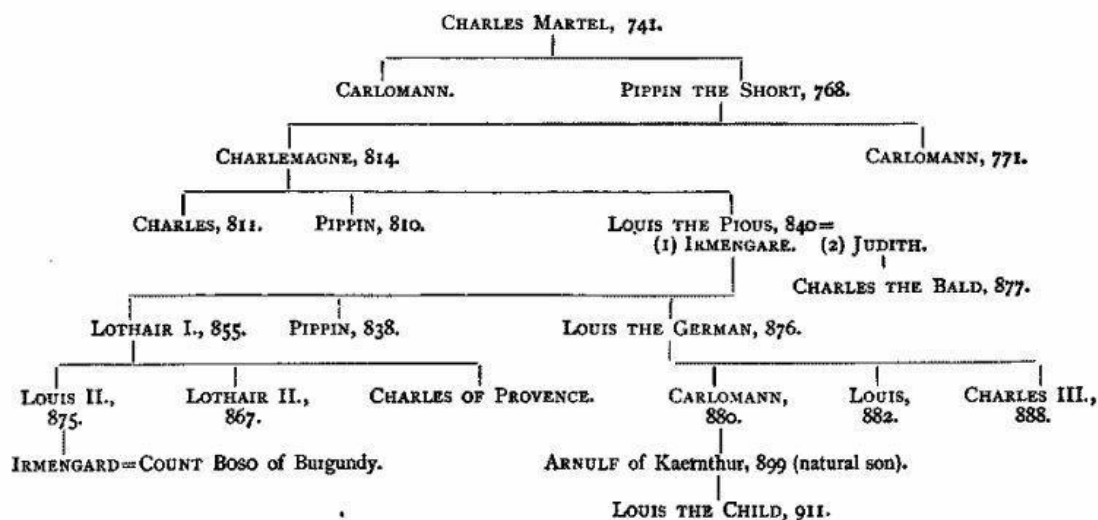
пообещал своему сыну правление в Бургундии, если тот выдаст своего друга. Но в этом было с негодованием отказано, борьба началась заново, и доблестные юноши пали в стычке в 1030 году. Эрнест долгое время был главной фигурой средневековой героической поэзии.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ.

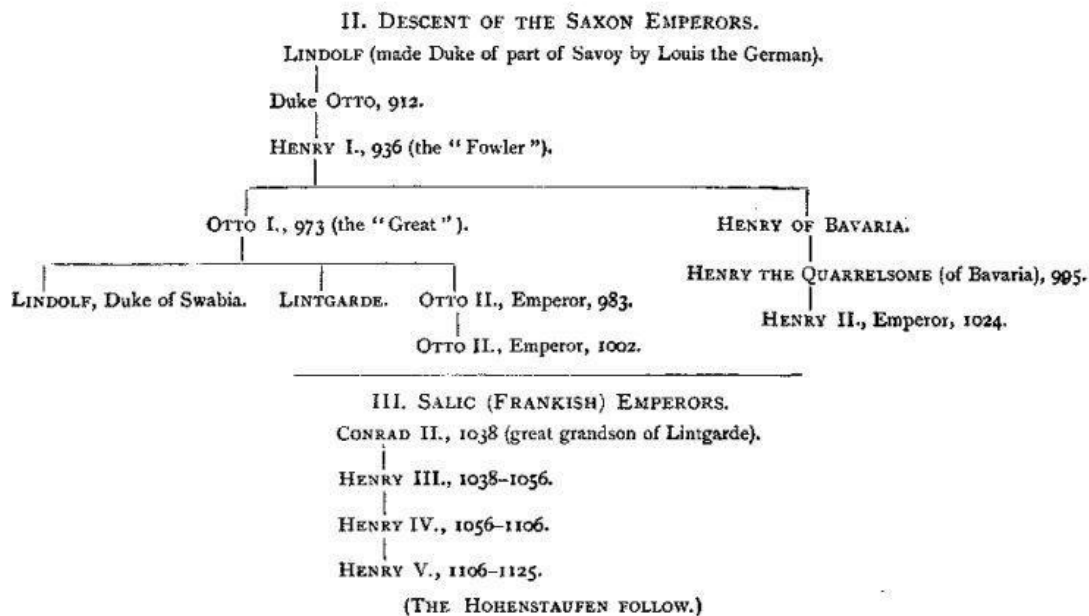
I. Карловингцы (в той мере, в какой они касаются этой истории).

GENEALOGICAL TABLES.

I. THE CARLOWINGIANS (so far as they concern this history).

II. Происхождение саксонских императоров.

СНОСКИ:

[19] Возможно, предпочтительнее так часто использовать слово *Швабия* вместо *Аламании*. Фримен в своем эссе о Священной империи говорит о швабских императорах, Гогенштауфенах.

[20] Подробнее.

VII.

БУРГУНДИЯ И ШВАБИЯ ПРИ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРАТОРАХ.

Вернуться в бургундское королевство. Рудольф значительно расширил свои владения; в 919 году он добавил к ним земли между Аре и Рейссом, а в 933 году Нижнюю Бургундию, которую он получил в обмен на итальянскую корону. Теперь королевство включало Западную Швейцарию, Прованс, Дофине и Франш-Конте. Во время отсутствия короля в военных экспедициях и во время несовершеннолетия Конрада бразды правления находились в руках Берты, "Прядильной королевы". Она изображена на печати документа об основании монастыря Пайерн — одного из ее аутентичных фондов — с прялкой и словами *Bertha humilis regina* ниже. Эта альпийская королева, которую французские швейцарцы называют "Матерью своих свобод", была образцом промышленности и экономики. Как и Карл Великий, она была превосходной хозяйкой и даже знала, сколько яиц было снесено в ее поместьях. Скромная по осанке, но твердая и решительная, эта дама укрепила страну против вторжений венгров и сарацин. Разрыв между Альпами и горой Юра был усилен рядом башен, которые все еще можно увидеть, хотя и разрушающихся от времени, в Невшателе, Ла-Мольере, Мудоне, Гурзе. Эти башни были почти неприступны и обладали толстыми стенами, узкими окнами и дверями, добраться до которых, находясь на высоте десяти футов над землей, можно было только с помощью лестниц. При первом сигнале тревоги сеньоры и крестьяне поспешили в эти крепости, неся с собой все, что могли; когда они вошли, были втянуты лестницы, и там люди оставались до тех пор, пока не утих дикий ураган дикости. Постепенно бургундцы сплотились как регулярные войска, чтобы встретить орды в открытом бою.

Сама всегда занятая, Берта ненавидела безделье, и куда бы она ни пошла, ее можно было застать за прядением, даже в дороге. Кто не слышал о скромной и грациозной королеве, скачущей верхом на своей лошади с веретеном в руке, переходящей из дома в дом, посещающей замок, монастырь, ферму, приусадебный участок и хижину, совершающей дела благочестия и благотворительности? Однажды, когда королева Пайерна, как ее часто называли, совершала инспекционные поездки, она встретила крестьянскую девушку, которая пасла свои стада и пряла. Восхищенная трудолюбием девушки, она преподнесла ей красивый подарок. На следующий день все дамы из ее свиты предстали перед ней с веретенами в руках. Улыбнувшись при этом зрелище, она сказала: "Мои дамы, молодая крестьянка, как и Джейкоб, была первой, кто получил благословение". Пространство не позволит нам дольше останавливаться на памяти о "Королеве прядения", которая больше всего дорога французским швейцарцам. Следует, однако, добавить, что бургундские традиции, посвященные этой королеве, несомненно, смешаны с мифологическими элементами. В немецких религиозных мифах Берта (*Berchta*, *Perahta*) означает светлое, чистое и упорядоченное: она Богиня Плодородия и Мать Земли, дарующая человечеству богатые благословения.

После смерти своего отца, который оставил его совсем ребенком, сын Берты Конрад получил образование при дворе Оттона Великого. Опасаясь, что Бургундия может стать добычей

агрессивных соседей, император вмешался и назначил себя защитником королевы и наставником детей, что, естественно, оказало большое влияние на страну. Конрад, достигнув совершеннолетия, правил мудро, и более полувека (937-993) Бургундия процветала. Его прекрасная сестра Адельхейд была первой королевой Италии, но после безвременной кончины Лотаря стала императрицей Германии Оттона I. желая объединить Италию со своей собственной империей, он сделал ее своей женой.

Правление Рудольфа III (993-1032) нанесло большой вред стране, престиж и процветание которой быстро падали. Более подходящий для монастыря, чем для трона, он расточал свое богатство и поместья духовенству с целью заручиться их помощью в борьбе с вторгающимися феодальными вассалами. В конце концов, он действительно был настолько унижен, что был вынужден жить на подавание своих священников. Его собственная неспособность вынудила его искать защиты у империи. Не имея детей, он назначил наследником своего королевства своего племянника, императора Генриха II, и даже при своей жизни договорился передать бразды правления Генриху. Противодействие бургундской знати и смерть императора помешали этому позорному соглашению фактически вступить в силу. Следующий император, Конрад II, подал иск против своего пасынка Эрнеста II, как было сказано выше, и был коронован в Клюниакенском монастыре, основанном Бертой в Пайерне (1033). Его восшествие на бургундский престол было подтверждено в следующем году блестящим собранием бургундских, немецких и итальянских епископов и знати в Женеве. Незадолго до своей смерти в 1038 году он возвел на престол своего сына Генриха, и бургундская знать принесла ему клятву верности на Золотурнском сейме. Таким образом, Швейцария была очень тесно связана с империей; Генрих III. держал бразды правления в качестве короля Бургундии и герцога Аламании или Швабии. Это третье объединение с империей оказало на страну большее влияние, чем римское или франкское владычество; в значительной степени оно запечатлело в народе немецкий характер и дух.

Эти внешние изменения, эти меняющиеся сцены, эти различные хозяева и системы правления, естественно, повлияли и на внутреннее состояние страны. Однако об общественной жизни страны мы знаем очень мало. Летописцы того периода - монахи или знатные священнослужители, которые писали о своем классе и для своего класса, и люди не вникали в их проблемы. Но политические изменения были очень значительными. Администрации франкских графств вышли из употребления из-за увеличения иммунитетов, предоставляемых королевским и церковным фондам, благодаря которым они были освобождены от подчинения должностным лицам графства. Сами графы, которые ранее занимали свои должности по воле государя, постепенно превратили свои титулы в наследственные поместья, которые стали семейной собственностью богатых и влиятельных домов. Таким образом, в конце IX-начале X века мы уже находим в Швейцарии ряд графов, таких как Нелленбургер в Цюрихгау; Ленцбургер в Аргау; Буркхард в Куртии; Кибургер в Винтертуре, недалеко от Цюриха. Наибольшие изменения, однако, были вызваны ростом феодализма, который действительно возник при Карле Великом, но в какой-то степени был им сдержан. Феодализм перерос все другие системы и полностью дезорганизовал социальную шкалу. Свободное крестьянство сократилось до небольшого числа, и возникла боевая знать из высокопоставленных чиновников, которые занимали должности в армии или судах и оказывали большое влияние. На родной земле, в тех самых местах встреч, где древнегерманский народ собирался для решения гражданских и судебных вопросов, выдающиеся люди основывали семьи, которые перерастали в царствующие дома. Эти люди, сочетавшие политическую проницательность с военными способностями и опытом, возвысились над своими собратьями и заняли самые высокие посты. Бедствия, раздоры,

внутренние войны и особенно вторжения диких орд заставляли людей искать защиты у могущественных лордов, даже рискуя потерять собственную независимость. В большинстве случаев люди становились "несвободными", или крепостными. Таким образом, общество было разделено на отдельные классы; старая немецкая демократия уступила место высокоразвитому аристократическому порядку, когда дворянство господствовало над народом. Таким образом, мы видим, что Швейцария, как и другие европейские страны, переживает эпоху феодализма, и еще должны пройти столетия, прежде чем ей удастся установить систему правления, которая одна будет соответствовать ее особому характеру.

На том этапе истории благосостояние страны в значительной степени зависело от личного характера императорских государей. Они посетили Швабию и Бургундию, обеспечивая порядок и дисциплину, соблюдая диету в важных местах и наделяя прерогативами светские и религиозные фонды. По правде говоря, эти императорские визиты в значительной степени способствовали развитию растущих городов. Из германских императоров ни один не приезжал в Швейцарию так часто, как могущественный салический правитель Генрих III. Когда он покинул Бургундию — он часто бывал в Базеле и Золотурне, — люди почувствовали, говорит современный писатель, что солнце зашло. Генрих II. и Генрих III. председательствовала на императорских сеймах в Цюрихе, и последняя проживала там неделями подряд, а также расточала привилегии и подарки своим религиозным фондам. Он устраивал фестивали в королевском дворце (Пфальц), в Линденкурте; Цюрих был местом встреч его бургундских и итальянских подданных, столицей Швабии и резиденцией швабских герцогов, где они основали свой монетный двор. Его мудрое правление в значительной степени способствовало уничтожению всех политических разногласий и враждебных чувств между двумя гельветиями.

Это национальное согласие (1057-77 гг.) было еще больше укреплено правлением Рудольфа Рейнфельденского, который в течение двадцати лет вершил судьбы страны в качестве "ректора Бургундии" и герцога Аламании. Королевская и герцогская власть была дарована ему императрицей Агнессой после смерти Генриха III, чьим зятем он был. Рудольф происходил из поместья Райнфельден, недалеко от Базеля, и был дальним родственником бургундской королевской семьи. Он владел обширными поместьями на Женевском озере и в Швабии и, таким образом, не встречал сопротивления со стороны бургундской знати. Но этот длительный период мира был внезапно и печально прерван ужасной катастрофой, обрушившейся на империю; ожесточенный антагонизм, возникший между Григорием VII. и Генрихом IV. Император не желал подчиняться чрезмерным посягательствам Церкви или, скорее, понтифика на свои прерогативы и, подобно Вильгельму I Английскому, полностью отверг притязания папы и попытался пресечь его посягательства. "Завоеватель" действительно приобрел такую власть, что папа мог издавать отлучения от церкви против английских подданных только с разрешения Вильгельма, но Генрих IV. пал жертвой интердикта. Никогда еще суверен не был так унижен папской властью и так не унижал себя, чтобы избежать ужасного наказания, ибо интердикты были страшным оружием в руках понтификов средневековья. Рассказ об этой долгой борьбе — о том, как императору не удалось добиться своего, — о его переходах через Альпы глубокой зимой, о его покорности при Каноссе — несмотря на весь этот захватывающий интерес, читатель должен обратиться к истории Германии.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР ЛОЗАННЫ.

После низложения Генриха наш Рудольф Рейнфельденский был избран королем противоборствующей партией и с тех пор назывался папским королем (Pfaffenkönig); таким

образом, Швейцария, о чем почти нет необходимости говорить, была втянута в борьбу и сотрясалась междоусобицами. Епископы Лозанны, Женевы и Базеля; сеньоры Внука и Невшателя держались за императора; графы Женевы и Тоггенбурга, дома Габсбургов, Кибургов и Савойи, а также духовенство Аламании и Куртии встали на сторону нового короля. Сент-Галл сплотился вокруг своего доблестного аббата Ульриха III, чтобы поддержать дело Генриха. Войны продолжались с попеременными успехами и поражениями с каждой стороны, вплоть до смерти Рудольфа в 1080 году на Гроне, недалеко от Лейпцига, как говорили, от руки Годфруа де Бульона, знаменитого крестоносца, сражавшегося на стороне Генриха. Накал горьких чувств постепенно спадал. Генрих даже пытался установить свою королевскую власть в Бургундии, но в Аламании вспыхнули новые распри по вопросу о наследовании герцогства. За герцогство боролись два коренных швабских герцога: Фридрих фон Штауфен, дед Фридриха Барбароссы, родоначальника прославленной династии, и герцог Бертольд фон Заэринген, шури и наследник поместий сына покойного Рудольфа Райнфельденского, который умер вскоре после своего отца. Разногласия были урегулированы на сейме в Майнце в 1097 году, и Фридрих фон Штауфен, зять Генриха, который стойко поддерживал имперское дело и сражался за него в папских распрях, был наделен Швабским герцогством. Тем не менее, его власть на швейцарской стороне Рейна была скорее номинальной, чем реальной, и ее осуществлял Бертольд II Зарингенский, который получил в качестве компенсации за потерю герцогства герцогский титул и *Рейхсвогтейский Цюрих* (своего рода префектуру) вместе с королевскими прерогативами над светскими и религиозными учреждениями города. Ибо Цюрих в то время был самым благородным и заметным городом Швабии, как утверждает епископ Отто фон Фрейзинген, самый выдающийся историк Средневековья. Это отделение швейцарской Аламании, и особенно имперской префектуры Цюриха, от империи в значительной степени привело к постепенному политическому обособлению. При Заэрингере снова наступил длительный период относительного мира.

VIII.

ПРАВЛЕНИЕ ДОМА ЗАЭРИНГЕНОВ.

(1050-1218.)

Правление герцогов Заэрингенских положило начало длительному периоду сравнительного мира (1100-1218), который улучшил социальное и материальное положение народа. Однако это мирное время от времени прерывалось на западе междоусобицами с бургундской знатью. Эта швабская семья получила свое название от родового поместья Заэринген, недалеко от Фрайбурга, в Брайсгау (Шварцвальд). Обширные поместья, которые они унаследовали от дома Райнфельденов после его исчезновения, простирались от Женевского озера до рек Аре и Эмме и обеспечили им доминирующее положение в стране в начале двенадцатого века.

Бургундия медленно отпадала от империи во время ее внутренних раздоров и конфликтов с папством. Но после смерти графа Вильгельма IV, который был убит своим собственным народом в 1127 году, император Лотарь еще больше приблизил эту провинцию к своему королевству, передав регентство над ней своему стороннику Конраду Заэрингенскому. Позиция Конрада, однако, была яростно оспорена Райнальдом III, родственником убитого графа. Бургундская знать сплотилась вокруг него и оказала отчаянное сопротивление немецкому вмешательству, и он сохранил свою независимость во Франш-Конте, как впоследствии стал называться этот округ. Когда Фридрих Барбаросса женился на Беатрикс, дочери и наследнице Райнальда, он предъявил права на бургундскую территорию и вступил в конфликт с заэрингерами. Berchtold IV. получил положение сюзерена над епархиями Женеви, Лозанны и Сиона, и в результате этого раздела швейцарская Бургундия была отрезана от своего придатка за горой Юра. Непокорные прелаты объединились со светскими князьями, чтобы свергнуть немецкое правление. Чтобы защититься от этой затяжной борьбы и усилить свое собственное влияние в стране, заэрингеры прибегли к средству, которое делает им большую честь и которое завоевало им любовь народа. Они начали основывать города, как это было в Германии, или превращать поселения в укрепленные города, и предоставили им широкие свободы. Мелкая знать и простые люди нашли убежище в этих обнесенных стенами городах от притеснений высшей знати; торговля и промышленность начали процветать, и эти города достигли расцвета и стали источником богатства, а также надежной поддержкой своих основателей.

Бертольд IV (1152-1186) спланировал целую стратегическую линию укреплений на западе, чтобы сдерживать дворянство; а в 1177 году он основал вольный город Фрейбург в своих собственных поместьях. Ситуация на высоком плато над рекой Саане находилась на демаркационной линии между французским и немецким языками. Этому новому городу он предоставил хартию свобод, аналогичную той, которая была предоставлена его одноименному братскому фонду в Брайсгау.

Берхтольд V. (1186-1218) пошел по стопам своего отца. Он основал и укрепил Бургдорф, Мудон, Ивердон, Лаупен, Муртен, Гюмминен, Тун. Эти города, которые он основал, должны были стать не только местами военной мощи, но и центрами промышленности и торговли, которые должны были увеличить процветание его народа. Но ему, однако, пришлось противостоять сильному сопротивлению бургундской знати. Когда он готовился отправиться в крестовый поход с Фридрихом Барбароссой, они взялись за оружие. Поспешив назад, он разгромил непокорных повстанцев как при Авенчесе, так и в долине Гриндельвальд в 1191 году, и сразу после своих побед возобновил свои стратегические проекты. На мысе,

омываемом рекой Аре, на землях императорской короны он воздвиг новую цитадель, которой дал название Берн, в память о Дитрихе Бернском (Веронском), любимом герое средневековой поэзии алеманнов.^[21] Мелкие дворяне по соседству, а также более скромные люди хлынули в Берн в поисках убежища, и, получив самую либеральную хартию, эти горожане быстро достигли богатства и власти. Будучи построенным на имперской земле, Берн с самого начала занял более высокое положение, чем город-побратим Фрайбург.

Фундаменты этих городов являются главным краеугольным камнем в структуре швейцарских свобод. Достигнув политической независимости, города выстояли против агрессоров. Чтобы добиться освобождения от угнетения, они объединялись с родственными общинами или с могущественными князьями и таким образом положили начало системе наступательных и оборонительных союзов.

На Западе возник новый враг, и Берхтольд V. потерпел поражение от графа Томаса Савойского (1211), который вторгся в Во и захватил Мудон. И все же церингеры неуклонно и успешно укрепляли свою власть над страной и добились наиболее полной независимости. И, действительно, казалось, приближался момент, когда Швейцария должна была превратиться в прочное монархическое государство. Однако она была избавлена от этой участи, от которой, вероятно, не спас бы ее ни один патриотический поступок какого-либо национального героя, благодаря естественному, но провиденциальному событию - исчезновению герцогской семьи. Ибо в 1218 году Берхтольд V. умер, не оставив потомства.

Этот век - в высшей степени век религиозных движений. И хотя наше пространство не позволяет нам вдаваться во все подробности, все же невозможно обойти стороной великое религиозное возрождение, центром которого были Крестовые походы, то есть в той мере, в какой это движение затрагивает Швейцарию.

10 декабря 1146 года в кафедральном соборе Шаффхаузена можно было наблюдать самую трогательную сцену. Аламанны толпились в церкви, чтобы послушать пламенную проповедь французского монаха-цистерцианца Бернара де Клерво. Ярko описав бедственное положение христиан в Палестине, он пригласил своих слушателей присоединиться ко второму крестовому походу. Франция была готова, сказал он, но Дом Гогенштауфенов все еще колебался. Его пленительные манеры, благородная серьезность, элегантность и плавность его языка — хотя массы понимали его лишь наполовину — вызвали у аудитории взрыв энтузиазма. "Ваша земля плодородна, - были заключительные слова монаха, - и мир полон славы вашей доблести. Вы, воины Христа, восстаньте! и низвергните врагов Креста!" Возлагая руки на слепых и хромых, гласит полулегендарная история, он возвращал им зрение или способность пользоваться конечностями и, разбрасывая кресты среди толпы, покидал церковь. Люди в состоянии экстатического рвения били себя в грудь и, проливая слезы, разражались криками: "Кирие элейсон, святые с нами!"^[22] 15 числа того же месяца Бернард проповедовал в Цюрихе, а на Рождество в Шпейере перед Конрадом III, которого он завоевал для крестового похода. Его пылкие призывы, похоже, нашли отклик и в стране. Шаффхаузен и Айнзидельн приняли активное участие в этой работе. Мы слышим о почти бесчисленном количестве духовных и светских принцев, дворян, рыцарей и просто людей помельче, которые присоединились к крестовому походу. Графы Монфор, Кибург, Габсбург, Заеринген и Невшатель, а также епископы и аббаты отправились на Восток. Современные писатели оплакивают потерю стольких лучших и храбрейших людей Южной Германии, погибших в Палестине. Святые ордена рыцарей Святого Иоанна, Тевтонского ордена ирыцарей-тамплиеров создали свои аристократические институты в этой стране; возникли новые монашеские ордена, на которых мы не можем здесь останавливаться. Среди

этих новых орденов был орден нищенствующих монахов, хотя следует отметить, что в Швейцарии они не играли такой роли, как в Англии.

Однако Бургундия, или западная часть страны, погрузилась в движение глубже, чем восточная. Немецкий энтузиазм, но медленно завоевывался французским религиозным экстазом, который в значительной степени положил начало крестовым походам. Тем не менее, эпоха была наполнена религиозным и романтическим безумием. Не просто практические цели завоевания или наживы волновали умы людей, но мистические элементы движения и грандиозные, новые и поистине сказочные зрелища, свидетелями которых предстояло стать; и старая любовь к странствиям и приключениям возродилась и погнала людей на Восток. По счастливому стечению обстоятельств эффект проповедей Бернарда был в некоторой степени ослаблен в этой стране предыдущими учениями другого энтузиаста совершенно иного толка. Бесстрашный итальянский реформатор Арнольд Брешийский в течение некоторого времени проповедовал в Цюрихе и Констанце, сея семена ереси. Смело нападая на злоупотребления Церкви и выступая за возвращение к простоте апостольского учения, он призывал людей больше не расточать богатства на церковные учреждения. Арнольд пал жертвой своих передовых религиозных и политических взглядов, но его учение завоевало популярность среди жителей альпийских районов. К его влиянию можно смело отнести стойкое сопротивление папской агрессивности, проявленное в XIII веке жителями Цюриха и Лесных кантонов.

СНОСКИ:

[21] См. Нибелунгены.

[22] Профессор. Бахтольд, "Литература для проповедей в Швейцарии".

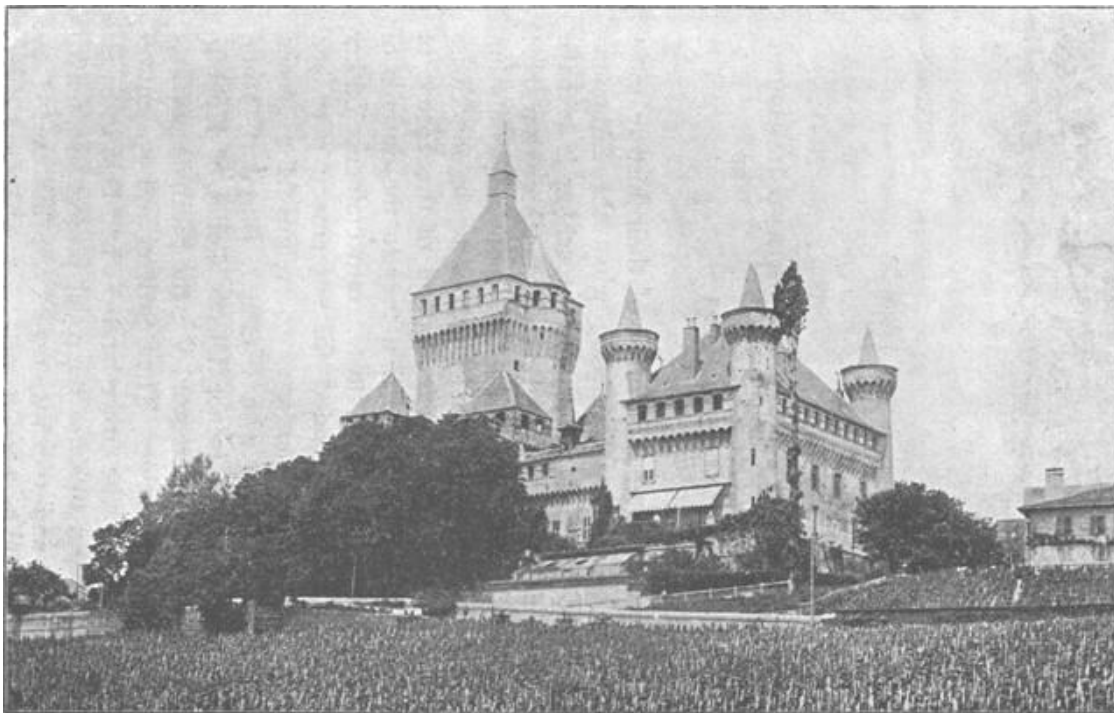

IX.

ДОМА КИБУРГОВ, САВОЙИ И ГАБСБУРГОВ.

(1218-1273.)

Мы приближаемся к периоду их истории, наиболее дорогому для швейцарцев, периоду формирования Eidgenossenschaft, но прежде чем достичь его, нам еще предстоит пройти, насколько это возможно, через короткую эпоху хаотического феодализма и политической неразберихи в целом, предшествующую великой борьбе за независимость Швейцарии. После исчезновения Дома Церингенов Швейцария пала жертвой замыслов вассальных князей, которые начали возвышаться на ее земле, а теперь боролись за господство над ней. Королевство заэрингенских государей распалось на части, швейцарские владения с Фрейбургом, Бургдорфом, Туном отошли к родному принцу Ульриху, графу Кибургу, шурина Берхтольда V. Швабские владения достались немецкому родственнику. Таким образом, Швейцария была отрезана от Швабии. Земли короны, которыми он владел в швейцарской Бургундии, а также королевская прерогатива перешли к империи, а вице-регентство перешло к Фридриху II. у его младшего сына, Генри, это постепенно стало номинальным и, наконец, вымерло. Таким образом, все вассальные князья на западе, а также все территориальные лордства и вольные города, такие как Берн, Золотурн, Морат, Лаупен, Гумминен, которые были построены на землях короны и были подчинены Заэрингам, теперь находились в ведении непосредственно императора. Цюрих также был возвращен империи. К этому времени большинство этих мест стали фактически независимыми.

CHÂTEAU DE

VUFFLENS, VAUD. (Четырнадцатый век.)

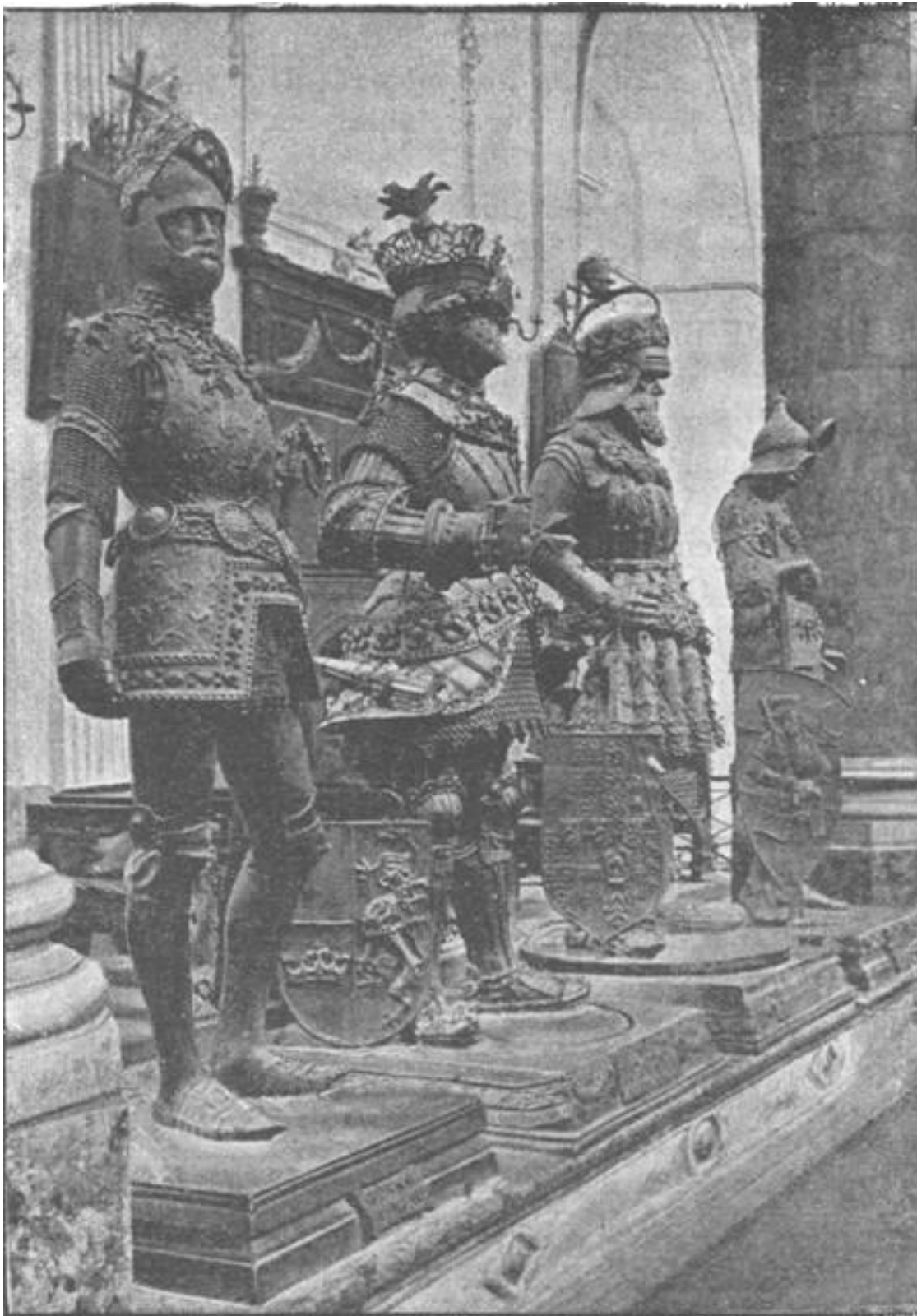
Швейцария наиболее точно отражает феодальное и политическое состояние империи в целом. Она была разделена на почти бесчисленное количество духовных и светских территориальных суверенитетов. Пользуясь состоянием растерянности, царившим во всем королевстве, церковные прелаты, религиозные фонды, большая и меньшая знать и даже процветающие горожане крупных городов-богатств, все стремились превратить свои земли

в небольшие независимые владения. Епископы взяли на себя светскую власть в своих собственных епархиях; религиозные дома, благодаря своим "богатым иммунитетам", пользовались почти полной свободой. Крестьянство превратилось в небольшие группы людей, и на месте франкских окружных офицеров (графов) возникла боевая знать, которая, захватив общественные функции и достоинства, превратила эти должности во фригиды, независимые от суверена. С тех пор они взяли названия феодальных поместий, которыми владели, и начали возводить *замки-крепости* на возвышенных или живописных местах. В Швейцарии удерживали свое феодальное господство до двухсот территориальных правителей. Называть даже их имена было бы не только бесполезно, но и абсурдно, и все же они внесли свой вклад в политическое развитие страны.

В Нижнем Вале графы Савойские закрепились и, более того, продвигались в Во. В то время Во управлялся множеством более или менее важных дворян, таких как бароны Внук, Коссоне, Блоне и др., и за него боролись епископы Лозанны и Женевы, а также графы последнего города, в то время как графы Грейерц управляли округами Сан, а графы Невшатель - озерными районами Юры. Маленькая Бургундия со столицей в Золотурне перешла к графам Бучегг. Одной из самых богатых и древних местных семей была семья Ленцбургов, графы которой правили в Аргау, Цурихгау и Лесных кантонах и были управляющими известными религиозными домами. Один из графов Ленцбурга, Ульрих IX, был близким другом и министром Фридриха Барбароссы, и после прекращения правления этих графов их наследие перешло к Габсбургам, что придало этой семье большое значение в первые дни их возвышения. На востоке мы встречаемся со знаменитым Домом Кибургов, к которому принадлежал молодой Вернер, друг Эрнеста II Швабского. Их родовое поместье недалеко от Винтертура все еще в хорошем состоянии. У них было множество вассалов и последователей. В Цурихгау бароны Регенсберг и другие, а также графы Рапперсвиль преследовали людей. Самыми могущественными дворянами на востоке были аббаты Санкт-Галла, которые управляли частью Санкт-Галла и Аппенцелля, и графы Тоггенбург, а в Куртии и Рейнских округах - графы Монфор и Верденберг. Это в достаточной степени показывает, насколько быстро развивался феодализм в Швейцарии и какую тяжелую борьбу пришлось вести народу, чтобы противостоять навязываниям князей и знати. Как возник феодализм, уже было показано в предыдущей главе.

Чтобы найти какое-то объяснение этому быстрому росту и последовавшему за ним состоянию растерянности, мы должны на мгновение обратиться к империи. Несомненно, благодаря возвышенности императорского достоинства — ибо императоры, бесспорно, были величайшими из цивилизованных монархов — вассальные князья достигли в империи гораздо большей независимости, чем в других странах. И все же обладание императорской короной в конечном итоге привело к ослаблению королевской власти. Генрих III. это подняло империю на вершину величия, а императорское достоинство повысило престиж немецкого имени и окружило немецкого монарха ореолом славы и даже благоговения. Но сражения за границы, кампании в Италии, борьба с понтификами и пристальное внимание, которое требовалось уделять итальянским делам, отвлекали императоров от домашних обязанностей. Итальянские притязания и титулы, по сути, оказались в долгосрочной перспективе вредными для интересов Германии. Фридрих I, Барбаросса, действительно, своим справедливым и могущественным правлением принудил своих непокорных вассалов к подчинению, но с его внуком, блистательным Фридрихом II, все было совсем по-другому (1215-50). Родился в Италии и воспитан в любви к родине, Неаполю и Сицилии, больше, чем к своему отечеству, Фридриху II. был скорее южанином, чем тевтоном. Он дал Южной Италии образцовую администрацию, но позволил ослабить Германию из-за раскола внутреннего правительства. И хотя мы не можем не восхищаться непоколебимостью, с которой это "чудо

света" продолжало свою неравную борьбу с папством, все же ясно, что конфликт, решивший судьбу его собственной семьи, был столь же губителен для империи.^[23]

ФИГУРЫ С ПАМЯТНИКА МАКСИМИЛИАНУ В ИНСБРУКЕ.

БРОНЗОВЫЕ

Во время междоусобия (1254-73) Германия осталась без фактического правителя, хотя два иностранных принца были избраны ее суверенами. Один из них никогда даже не

показывался в Германии, а другой, Ричард Корнуоллский, не смог обеспечить себе господства в стране, несмотря на все деньги, которые он расточал на эту попытку. Это было несчастливое время *Фаустрехта* — название указывает на его характер, — когда действовало только право сильной руки (кулака). Империя потеряла свой престиж и медленно распалась на рыхлую конфедерацию примерно из пяти тысяч больших или меньших штатов и фрагментов государств, каждое из которых боролось за независимость.

Самыми выдающимися среди толпы знати на швейцарской земле, стремившейся к своему личному возвышению, были графы великих домов Кибургов, Савойи и Габсбургов. Пользуясь общим состоянием плохого правления или его отсутствием, они систематически планировали возвышение своих собственных семей, будь то путем завоевания, покупки или несправедливого вторжения. Однако горожане оказали сопротивление, увидев, что их свободы в опасности, и почувствовав, как в их груди пробудилась любовь к свободе.

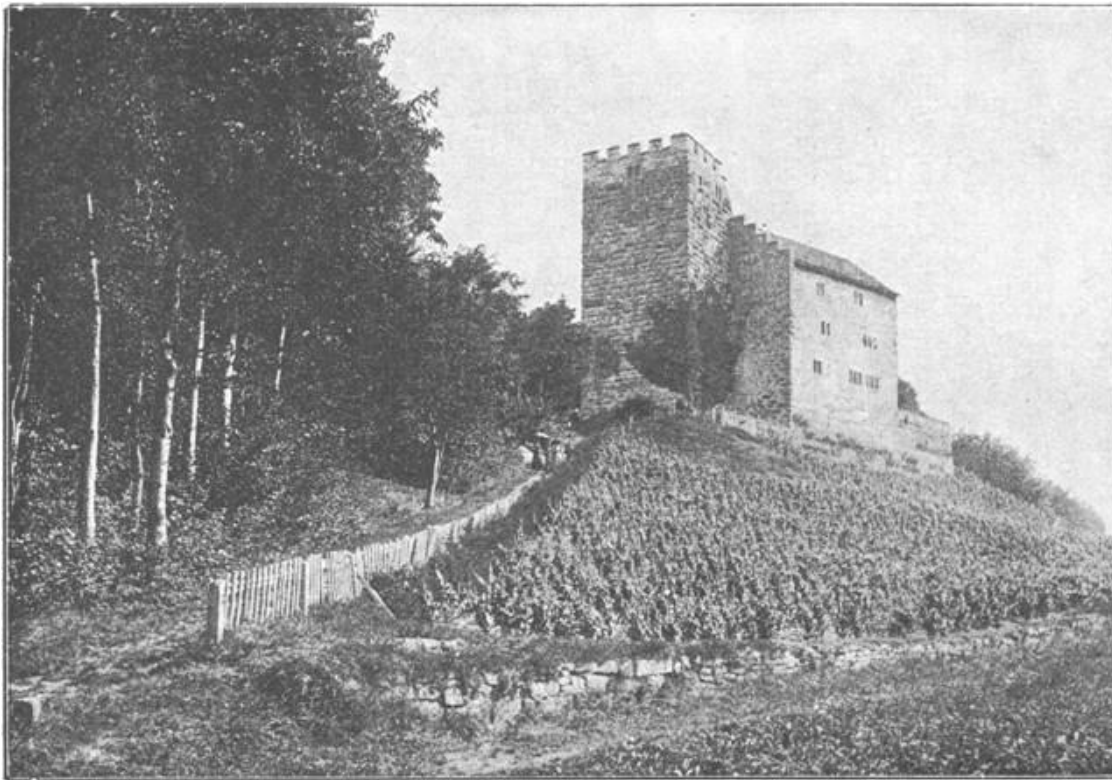
Могущественные бюргеры, самые могущественные швейцарские дворяне, были первыми, кто угрожал свободам народа. Граф Ульрих считался одним из богатейших князей Швабии. С помощью хитроумной политики он организовал союз своего сына Хартмана (старшего) с Маргаритой Савойской. Дочь Ульриха тоже была замужем за Альбрехтом Габсбургским и стала матерью Рудольфа, немецкого короля. Он поддерживал дело Фридриха II, и его старший сын Вернер отправился вместе с ним в крестовый поход, где его унесла чума, оставив одного сына, Хартмана-младшего. Их территории, после того как они унаследовали поместья Заэринген, простирались от Боденского озера до швейцарской Бургундии. И старший, и младший Хартманы без зазрения совести посягали на земли короны, прилегающие к их поместьям, в то время как Фридрих II. был занят своей борьбой с церковью. В этой чрезвычайной ситуации Берн и Муртен, чья независимость была поставлена на карту, последовали их примеру и прибегли к средствам, которые станут прецедентом в будущей борьбе за свободу Швейцарии. Они вступили в наступательный и оборонительный союз с городом Кибург, Фрайбургом, с Люцерном и епископом Сиона (1243). Берн всегда был тесно связан с Гогенштауфенами, и когда в 1255 году Хартманн отважился на открытое нападение, этот город обратился за помощью к империи. Однако, не сумев заручиться поддержкой, и Берн, и Муртен перешли под покровительство графа Питера Савойского, который уже был в ссоре с Кибургом, и был заключен мир.

Петр Савойский, "второй Карл Великий", как его называли, был самым замечательным человеком и яркой фигурой среди савойских принцев. Будучи четвертым из семи братьев, он был отдан в приход Церкви своим отцом, графом Томасом. Однако после смерти отца Петр снял с себя священнические одежды, женился на наследнице Фосиньи, присоединил эту провинцию и Шабле к своим территориям и стал опекуном своих братьев. Как и его отец, он постоянно думал о Во, и ежедневные распри среди оставшейся без лидера толпы дворян способствовали завоеванию. Для достижения его целей возводились замки; и Шильон, который сегодня дает нам прекрасное представление о том, каким прекрасным феодальным замком был средневековый замок, стал его княжеской резиденцией, поскольку действительно был в значительной степени построен им самим. Приглашенный ко двору Англии своей племянницей Элеонорой, он провел большую часть своей жизни за границей, собираясь на службу Генриху III. люди и деньги. Ими он воспользовался, чтобы добиться захвата Во, к которому время от времени возвращался, чтобы свергнуть своих врагов. В Англии он занимал высокое положение в Совете, был посвящен в рыцари, его осыпали титулами и почестями; Савойский дворец на Стрэнде свидетельствует о его великолепии. Многие дворяне из его свиты, такие как Де ла Порт, Внук, Флешер, женились на англичанках, отсюда и возникли фамилии Портер, Грандисон, Флетчер. Обладая железной волей и

досконально разбираясь в дипломатии, Петр Савойский в конце концов аннексировал Во, частично завоеванием, частично соглашением. По правде говоря, вся знать лежала у его ног, готовая засвидетельствовать ему свое почтение и признать его верховным лордом. Немецкое правительство санкционировало его протекторат в Берне и Морате, а Ричард Корнуолльский - его завоевания в Бернском нагорье. Таким образом, Западная Швейцария стала уделом савойского князя, а на месте древнего королевства Верхняя Бургундия возник феодальный суверенитет. Однако порядок, дисциплина и мудрая организация были плодами правления Петра. А его щедрая натура, рыцарский дух и любовь к справедливости и хорошему управлению снискали ему любовь народа и титул Маленького, или Второго, Карла Великого.

В настоящее время владения Кибургов в Восточной Швейцарии перешли к нему, мужская линия вымерла в 1264 году — старший Хартманн не оставил детей, а младшая, кроме одной дочери, Анны, была несовершеннолетней. Но когда Петр попытался вступить во владение наследством от имени своей сестры Маргареты Савойской, он оказался в конфликте с более сильным соперником - Рудольфом Габсбургом. Этот князь конфисковал все земли Хартмана Старшего, невзирая на притязания вдовы Маргареты. Значение этого было очевидным, и между Савойей и Габсбургами разразилась война. Рудольф призвал всю западную знать восстать против графа Питера. Он был занят в Восточной Швейцарии, когда бургундские лорды приступили к осаде Шильона в 1266 году. Сам Петр воевал в Вале. Он внезапно вернулся и глубокой ночью напал на врага. Он нашел их спящими, и около восьмидесяти дворян, баронов, графов, сеньоров и их последователей попали в его руки. Он отвел их в Шильонский замок, но вместо того, чтобы обращаться с ними как с пленниками, пригласил на банкет. Таким образом, Петр снова стал хозяином запада. Берн "судебным приказом о подчинении" вернул Савойскому дому свободу, которой он был лишен в предыдущем случае.[24] Рудольф подписал мир в Морате и получил наследие Кибурга, за исключением земель, закрепленных за вдовствующей графиней. После смерти "Завоевателя Во", которая произошла вскоре после этого, верховная власть перешла к его брату Филиппу, человеку гораздо более низкого происхождения. Французская Швейцария, за исключением Женевы, постепенно превратилась в свободную конфедерацию мелких государств, и их вялотекущая политическая жизнь привела к постепенному объединению с Восточными республиками.

Самый опасный чемпион выходит на ристалище, когда великий принц Габсбург берет бразды правления в Швейцарии в свои руки. На своих ранних стадиях правление габсбургов тесно связано с национальным движением или восстанием, если такое слово можно применить к только формирующемуся народу, и действительно является его подстрекательством. Знаменитая семья Габсбургов имела правильное благородное и древнее происхождение. Происходили ли они из швейцарской земли (Аргау) или происходили из Эльзаса, не совсем ясно. На самом деле это была швабская семья, владевшая обширными поместьями в обеих этих странах. Их поместья ("Эйген", аллоды или фригольды) с Виндишем, Брюгг-Нурри, располагались на стыке рек Аре и Ройсс, в Аргау. Первоначально они жили в замке Альтенбург, недалеко от Брюгга, а впоследствии в своем поместье Габсбург, в Вюльпельсберге,[25] небольшой холм с видом на древнюю Виндониссу. Со временем они захватили множество других замков.

СТАРЫЙ ЗАМОК

ГАБСБУРГОВ (КАНТОН АРГАУ).

Рудольф дер Альте (Старый) - первый из предков, о которых мы много знаем. Он сопровождал Фридриха II. во время своих походов этот великий император был крестным отцом своего сына Рудольфа, которому позже предстояло надеть его королевскую корону. После его смерти династия разделилась на две ветви: Габсбург-Австрийскую (старшую) и Габсбург-Лауфенбург-Аргау (младшую), главами которых стали соответственно Альбрехт Мудрый и Рудольф Молчаливый, его сыновья. Каждая из этих ветвей придерживалась своей собственной политики, младшая придерживалась папства. Альбрехт ловко ухитрился жениться на Хайльвиге Кибургской, надеясь таким образом унаследовать поместья ее бездетного брата, Хартмана старшего. Ходили слухи, что он умер, участвуя в одном из крестовых походов, и его поместья перешли к его сыновьям, из которых, однако, выжил только один, наш Рудольф Габсбург. Этот человек за тридцать лет сделал свою семью одной из самых могущественных в империи. Рудольф унаследовал от своего отца фамильное поместье на реке Аре с замком Габсбургов. Помимо этого, он унаследовал различные титулы и земли, господство над несколькими городами в Аргау, префектуру (*Vogtei*) над религиозными домами Сакингена и Мури, ландграфство Эльзас и так далее.

Хотя Рудольфу было всего двадцать один год, когда умер его отец, он сразу же проявил большую энергию, а также твердость и осторожность. В борьбе с папством он придерживался штауфенов. Для него мало имело значения, что на его владения наложен интердикт, а он сам отлучен от церкви. Он был верен прославленной династии и сопровождал ее последнего представителя, Конрадина, через Альпы в Верону в 1267 году. После смерти Конрадина на эшафоте в Неаполе и последующего исчезновения рода Штауфенов Рудольф постепенно перешел на сторону папы.

Рудольф пользовался большой популярностью у крестьян, покориw их сердца своей приветливостью, простыми привычками и незлобивым добродушием. Его высокая и стройная фигура, тонкое лицо и орлиный нос были поразительными чертами, которые

нелегко забыть, однажды увидев. Было известно, что после кампании он собственноручно заштопал старое серое пальто, которое обычно носил, и это было всего лишь типичным его поступком. И гордое противодействие, которое он оказал грабящей знати, вполне завоевало ему доверие народа. Крупные города были с ним в хороших отношениях и искали его дружбы и помощи. Так эльзасские города обратились к нему за помощью против епископов Страсбурга; Цюрих - против баронов Регенсберга и Тоггенбурга. Во многих случаях он оказывал таким образом замечательную услугу, для чего одного примера должно быть достаточно. У баронов Регенсберга был замок на Уто, горе, возвышающейся над Цюрихом, и оттуда они часто посылали людей подстергать и грабить горожан, случайно проезжавших этим путем. Рудольф наткнулся на хитроумное устройство. Поднявшись по Утлибергу с тридцатью воинами из Цюриха, он поставил позади каждого по спутнику и так подъехал к воротам замка. Гарнизон, презрев столь малочисленный отряд, бросился на них из ворот. Но велик был их ужас, когда внезапно в поле зрения показались люди, ехавшие позади, и, обратившись в бегство, они оставили замок на милость странного отряда нападавших. Место было сровнено с землей. Группа свободных людей Ури попросила Рудольфа быть их судьей в споре, и он действительно принимал решение по этому вопросу под липой в Альторфе, что свидетельствует о его популярности среди народа. Тем не менее, обладая многими приятными качествами, Рудольф был алчным, амбициозным и жестоким. Стремясь возвысить свою семью до величия, он проявляет самый корыстный дух и показывает себя беспринципным в погоне за наживой. Выше было показано, как он захватил земли Кибургов; он также назначил себя опекуном Анны Кибург, а когда она достигла совершеннолетия, соединил ее со своим двоюродным братом, Эберхардом Габсбургским. Так был основан новый дом Кибург-Бургдорф. Он получил от них наследство Анны в Аргау, помимо Цуга, Арта, Виллизана, Семпах и др., а также земли в Лесных кантонах. Он был одним из тех вождей, которые извлекли огромную выгоду из беспорядков во время междуцарствия.

Во время штурма Базеля, епископ которого вторгся на эльзасские территории, Рудольфу (1 октября 1273 г.) было сообщено, что он был избран королем Германии во Франкфурте, и, сняв осаду, он сразу же отправился на свою коронацию в Экс-ла-Шапель.

Влияние Рудольфа сильно изменило политику Германии. Он заключил мир с Григорием X в Лозанне в 1275 году и заключил с ним тесный союз. Таким образом, был положен конец досадным распрям с папской властью, и германский король получил свободу следовать своим собственным амбициям, целям и планам. Он отказался от всех притязаний на Италию, а до сих пор также и на императорское достоинство, которое когда-то отличалось таким величием и действительно было почти равносильно управлению всем миром. Каким бы трезвым, осторожным и деловитым он ни был, Рудольф заботился не просто об идеальном величии, а посвятил себя преследованию более практических целей. Империя была разорена недавним кризисом и различными бедствиями, которые на нее обрушились; и германские князья заняли вызывающе независимые позиции. Заранее понимая, что авторитет короны должен основываться на богатстве и наследственных владениях государя, Рудольф сделал возвышение своей семьи главной целью своей карьеры. Казалось, он действительно был любимцем Фортуны и одержал великую победу над своим соперником на трон Оттокар Боемским (1278) и получил от него австрийское герцогство со Штайермарком. Это он передал в качестве нового достояния своей собственной семье.

Несмотря на распространение своей власти на восток, он также продолжал свою агрессивную политику в Швейцарии. Он вынудил Филиппа Савойского уступить Пайерн, Муртен и др. и развязал войну с Берном, который удерживал Савойю, отказываясь платить королевские налоги (1279). Широко используя свое высокое положение и неограниченную

власть, он не упускал возможности подкупать князей и религиозные дома, испытывавших финансовые трудности. Он вынудил аббатов Санкт-Галла, Альриха Гюттингенского и Вильгельма Монфор уступить ему земли и фермы, назначив им управляющим никчемного человека, который был преданным приверженцем Габсбургов. Когда мужская линия Рапперсвиля вымерла, поместья, которые должны были перейти к аббатству Сент-Галл, он передал своим собственным сыновьям. И, воспользовавшись денежным затруднением монастыря Нурбах, он тем или иным способом заполучил Люцерн, принадлежавший аббатству, а также многочисленные фермы, расположенные в Лесных кантонах. Руководство Айнзидельном и Пфефферсом также выпало на его долю. Можно привести еще много примеров, показывающих, как умные и беспринципные интриги Рудольфа распространили его власть на все центральные земли и восточные округа, и как болезненно ощущалась его тяжелая рука по всей стране. И все же знаменитые Габсбурги, какими бы способными, воинственными и энергичными они ни были, столкнулись с одним препятствием на пути своего прогресса, которое они не смогли устранить и против которого все их планы пошли прахом, - любовью к свободе, присущей швейцарским народам.

СНОСКИ:

[23] Для более полного описания Гогенштауфенов см. "Священную Римскую империю" Фридриха I., II.

[24] История гласит, что Петр позволил городу попросить об одолжении в обмен на прошлые услуги, и остроумные жители Берна сразу же взмолились о возвращении им утраченной свободы. Отныне Петр считался благодетелем и вторым основателем города.

[25] Традиция гласит, что один из их предков, Радбот, охотясь в Аргау, потерял своего любимого ястреба и нашел его сидящим на гребне Вюльпельсберга. Придя в восторг от вида, Радбот построил там замок и назвал его *Ястребиный замок*, Хабихтсбург или Габсбург.

Х.

КОНФЕДЕРАЦИЯ, ИЛИ EIDGENOSSENSCHAFT.

(1231-1291.)

В настоящей главе мы должны попытаться отделить правду от вымысла, что, возможно, во все времена было трудным, а часто и невыполнимым делом в вопросах истории. Эта глава действительно естественным образом делится на *Wahrheit* и *Dichtung*. К счастью, истории о Телле и трех Эйдгеноссенах хорошо известны повсюду, и в нашем описании они почти не нуждаются.

Озеро изысканной красоты простирается между Лесными кантонами и, так сказать, связывает их воедино, образуя необычайно живописный участок местности. Отделенные от родственных кантонов и от внешнего мира, каждое из этих маленьких государств образовывало свой собственный мир. Озеро было общим выходом и местом объединения народов уединенных долин. Различные рукава, на которые она разветвляется, как и прилегающие к ним районы, имеют каждый свое особое очарование. Из этих кантонов Унтервальден имеет пасторальный характер и привлекает внимание своей красивой зеленью — бархатистые склоны, зеленые луга, скопления ореховых деревьев в нижних частях, сады фруктовых деревьев, местность, повсюду усеянная выгоревшими на солнце хижинами, образующими *настоящий ансамбль* поистине идиллический. Швиц - кантон с похожим природным обликом, с зелеными пастбищами и несколько более пологими склонами, но широкие террасы с красными коттеджами тянутся вдоль долины. Над главным городом с тем же названием, который приютился в начале долины, над которой он господствует, сияющие, ослепительно белые, с его уютными побеленными домами, вздымаются к небу разрушенные, но внушительные пирамиды двух Митенов. Ури является *по преимуществу* высокогорным округом среди трех маленьких штатов. Высокие горы и неприступные скалы обрамляют полосу воды и придают ей тот чудесный оттенок, который придает очарование озеру Ури.

Обитатели имеют альпийскую форму. Жилистые, крепкие, быстрые, проницательные, они настойчивы, бесстрашны, отважны и полагаются на себя; при этом они просты в своих привычках, бесхитростны в манерах, набожны и сильно консервативны, однако у каждого народа есть свои характерные отличия. Постоянно подвергаясь опасности, они борются с природой за удовлетворение своих повседневных потребностей, что увеличило их физическую силу, пробудило их отвагу и обострило их природный интеллект. Таким образом, не любовь к инновациям и даже не к реформам побудила их сформировать в 1291 году свою "Лигу вечного союза". Они вступили в Конфедерацию, но только для того, чтобы сдерживать агрессию габсбургов.

Таков район и такова раса, из которой вышли трое знаменитых эйдгеноссенов, Вальтер Фюрст фон Аттингхаузен, Вернер Штауфахер и Арнольд фон Мельхаль, которые на "Рютли" дали торжественную клятву спасти свою страну от правителей, столь же бесстыдных, сколь и жестоких.

ТАЛЕР ТРЕХ

КАНТОНОВ —УРИ, ШВИЦА И УНТЕРВАЛЬДЕНА [SANCTUS MARTINUS EPISCOPUS.

(Автор: доктор Имхуф.)

Традиция сообщает, что король Альбрехт, сын Рудольфа (1298-1308), сильно притеснял троих Вальдштеттенов, делая все возможное, чтобы низвести народ до положения рабов. Различным управляющим или судебным исполнителям, которых он поставил над ними, он отдал строгие приказы держать в узде жителей Лесных кантонов. Эти надзиратели превратились в алчных и жестоких тиранов, которые взимали налоги, штрафовали, сажали в тюрьмы и поносили несчастных жителей. Жаловаться монарху было бесполезно, поскольку он отказывался слушать. Одним из таких управляющих, или вице-губернаторов, был Гесслер, и он был особенно надменным и злобным губернатором. Проезжая однажды через Штайнен (Швиц), он был поражен видом прекрасного каменного дома и, преисполнившись зависти, спросил Вернера Штауфахера, который оказался владельцем, чей это дом. Опасаясь гнева губернатора, богатый владелец осторожно ответил: "Владения принадлежат королю, вашей светлости и мне". "Неужели мы можем допустить, чтобы крестьяне жили в таких прекрасных домах?" презрительно воскликнул Гесслер, отъезжая. Ланденберг, другой из этих "несправедливых управляющих" в Сарнене, узнав, что у богатого фермера в Мельхи (Унтервальден) есть пара прекрасных быков, послал за ними своего человека. Молодой Арнольд из Мелхтала, сын фермера, стоял рядом, когда распрягали животных, и, придя в ярость при виде этого, поднял свою палку и нанес слуге губернатора удар, сломав ему один из пальцев. Но, испугавшись гнева губернатора, юный Арнольд бежал. Итак, Ланденберг схватил старого отца, привез его в свой замок и приказал выколоть ему глаза.

Вернер Штауфахер был охвачен тайным горем, и его жена, догадавшись, что у него на уме, дала ему такой совет, что, воодушевившись к действию, он отправился к Ури и Унтервальдену искать родственных душ и товарищей по несчастью. В доме Вальтера Фюрста из Аттингхаузена (Ури) он встретился с молодым человеком из Мельхи, которому смог сообщить печальную новость о том, что старый отец был ослеплен Ланденбергом. Здесь три патриота излили друг другу свою скорбь на сердце и поклялись освободить свою страну от угнетателей и восстановить ее древние свободы. Постепенно раскрывая свои планы родным и друзьям, они устраивали ночные встречи на Рютли, уединенном альпийском луговине над Митенштейном, на озере Ури. Собираясь небольшими группами, чтобы не возбуждать подозрений, они обсуждали, как лучше всего осуществить свое освобождение. В ночь на 17 ноября 1307 года Вальтер Фюрст, Арнольд Мельхтальский и Вернер Штауфахер встретились на Рютли, каждый из которых привел с собой по десять ближайших помощников. Их сердца

наполнились любовью к своей стране и ненавистью к тирании, и эти тридцать три человека торжественно поклялись отдать свои жизни друг за друга и за свое отечество.

Подняв свои правые руки к небу, три лидера призвали Бога и святых засвидетельствовать, что их торжественный союз был заключен в духе — "Один за всех и все за одного". В этот момент солнце пробило свои первые лучи над вершинами гор, зажег в сердцах этих серьезных людей надежду на успех.

Тем временем в городке Альторф в Ури произошло весьма примечательное событие. Гесслер повесил шляпу на шест на рыночной площади, строго приказав прохожим относиться к ней с почтением, поскольку он хотел проверить их послушание. Вильгельм Телль презрел этот образец чрезмерной тирании и гордо прошествовал мимо, не поклонившись шляпе. Его схватили, и подъехавший Гесслер спросил, почему он ослушался приказа. "По недомыслию, - ответил он, - потому что, если бы я был остроумен, мое имя не было бы названо". Губернатор в ярости приказал Теллю сбить яблоко с головы его сына, так как Гесслер знал, что Телль был самым искусным лучником и, более того, у него были прекрасные дети. Мольбы Телля о том, чтобы заменить это каким-нибудь другим видом наказания, не возымели никакого эффекта. Пронзенный в сердце, лучник взял две стрелы и, положив одну в свой колчан, прицелился другой и расколол яблоко. Потерпев неудачу в своем замысле, Гесслер поинтересовался значением второй стрелы. Телль колебался, но, получив заверение, что его жизнь будет сохранена, немедленно ответил: "Если бы я ранил своего ребенка, вторая стрела не попала бы тебе в сердце". "Хорошо! - воскликнул разгневанный правитель. - Я обещал тебе жизнь, но я брошу тебя в темницу, где ни солнце, ни луна не будут освещать тебя". Телля заковали в цепи и поместили на баржу, повесив лук и стрелы ему за спину. Когда они гребли к Аксенштейну, внезапно поднялся страшный шторм, и команда, опасаясь, что они могут погибнуть, предложила Теллю, опытному лодочнику, спасти их. Гесслер отвязал его, и он направился в Аксенберг, где была естественная пристань, образованная плоской скалой - *Телленплатте*. Схватив лук и стрелы, он швырнул лодку на скалу и спрыгнул на берег, предоставив ее обитателей их судьбе. Горе ему, однако, если губернатор избежит смерти на озере! Телль поспешил в Швиц, а оттуда к "полой дороге" близ Куснаха, по которой должен был пройти Гесслер, если он вернется в свой замок. Спрятавшись в зарослях вдоль дороги, Телль подождал и вскоре, увидев проезжающего мимо тирана, прицелился и выстрелил ему в сердце. Последними словами Гесслера были: "Это шахта Телля".

Так начинается старая история. Естественно, возникает вопрос, что из всего этого правда, а что вымысел? точно так же, как это будет в случае с Винкельридом и другими. Этот вопрос легче задать, чем ответить, по крайней мере, в том очень ограниченном пространстве, которым мы располагаем. Правда в том, что этот вопрос на протяжении полувека был предметом всегда оживленных, часто страстных и жестоких споров. Некоторые авторитетные лица выступают за то, чтобы полностью стереть все традиционные летописи и всех полумифических национальных героев. Другие, не менее способные, добросовестные и не менее образованные, вновь допустили традицию к расследованию и уделили особое внимание тому, чтобы отделять исторические зерна от плевел вымысла. В рамках нашего пространства невозможно обсуждать достоинства многочисленных хроник, популярных песен и пьес, в которых сохранены традиции телльского периода. Достаточно сказать, что "Белая книга Сарнена" (1470), наивная и бесхитростная по своему тону, заслуживает наибольшего доверия; "Швейцарский Геродот", "патриотическое чудо" (1570), самое увлекательное и искусно написанное. Работа последнего представляет собой в основном серию отрывков из "Белой книги" вместе с дополнительными рисунками, сделанными собственным карандашом Чуди. Он объединил и снабдил датами и второстепенными

детальями и отлил целое в форму, по-видимому, настолько историческую, что она стала авторитетом для Йоха фон Мюллера, великого швейцарского историка восемнадцатого века. А бессмертный Шиллер, глубоко взволнованный великим эпосом, создал свою великолепную драму "Вильгельм Телль".

Вряд ли нужно говорить, что в наши дни, хотя никому и в голову не приходит воспринимать эти прекрасные истории из старого света буквально, все же мало кто из нас хотел бы пренебрежительно и полностью отбросить их в сторону. Действительно, у них есть значение, пусть и не совсем то, которое когда-то было принято. В данном случае они представляют и иллюстрируют долгую эпоху, в течение которой энергичный народ был занят созданием конфедерации и поддержанием ее в борьбе с могущественным врагом - одной из долгих попыток добиться освобождения от габсбургской тирании — эпоху, которая началась с получения хартии вольностей для Ури в 1231 году и завершилась блестящей победой при Моргартене в 1315 году.

Теперь остается вкратце показать, что можно считать подлинной историей того периода, то есть историей, изложенной в подлинных документах.

И, во-первых, совершенно абсурдно предполагать, что три Лесных кантона внезапно возникли как демократии. Феодализм раскинул свою сеть по Вальдштеттену, как и по всей Швейцарии и Европе в целом. Но врожденная любовь к свободе среди "свободных людей" трех кантонов усиливалась двумя причинами: уединенной альпийской жизнью и тиранией и агрессивностью Габсбургов. Обитателями Леса были алеманны, которые в седьмом веке переселились в высокогорные районы Альп, иммиграции в эти регионы значительно способствовал указ Карла Великого, согласно которому тот, кто будет обрабатывать землю там своими руками, должен быть ее владельцем. Но помимо этих свободных фермеров, землей владели религиозные дома и светские вельможи, которые претендовали на землю, обрабатываемую их крепостными, рабами и иждивенцами всех мастей. По щедрости Людовика Немецкого, "Готтсхаслут" (народ Божьего дома) приобрел большое значение в Ури; в 853 году этот монарх пожаловал свои королевские земли в Ури со всем, что к ним относится, аббатству Богоматери в Цюрихе, аббатству, основанному для его дочерей. Под мягким правлением этих придворных дам жители приобрели большую независимость и разделили со своей хозяйкой высокую привилегию "Reichsfreiheit", которая спасла их земли от ипотеки или от попадания под власть вассальных князей. Помимо госпожи настоятельницы, в Ури были и другие владельцы — Maison Dieu из Веттингена, бароны из Рапперсвиля и другие высокородные семьи и, наконец, группа "свободных людей".

Это разрозненное и разнообразное общество было объединено в одну тесную пограничную ассоциацию владением "Альмендом", участком земли, общим для всех, согласно старому немецкому обычаю — для свободных и несвободных, богатых и бедных, дворян и крепостных, которые собирались на совет для обсуждения. Эти собрания дали начало политическим собраниям "Ландсгемайнде".

Теперь указом императора Фридриха II Ури был выведен из-под юрисдикции Цюрихского аббатства в 1218 году и передан под контроль Габсбургов, которые унаследовали губернаторство Цурихгау, округа, который тогда включал три Лесных штата. "Reichsfreiheit" был потерян, и жители, опасаясь, что их государство попадет в руки Габсбургов, обратились за защитой к Генриху, сыну Фридриха II., в то время враждовавшему с семьей Габсбургов. Он выполнил их просьбу и 26 мая 1231 года даровал им хартию вольностей, восстановил "Reichsfreiheit" и принял их в черту империи. Теперь Ури находился под прямым контролем монарха, а местная власть была передана in an *Amman* выбранному из местных семей.

Имперский представитель появлялся в стране дважды в год, чтобы проводить свои полугодовые сессии и собирать имперские налоги. Когда Рудольф Габсбург вззошел на императорский трон, он полностью признал действительность хартии Uri. Однако хартия была лишь слабым сдерживающим фактором монархической тирании, и мы находим страну раздраженной изнурительными налогами Рудольфа.

Жители Швица были не менее смелыми, решительными и энергичными, чем жители Ури, и не менее неохотно попадали в руки Габсбургов. Здесь преобладали свободные люди, владевшие большей частью страны. Здесь нет места рассказывать об их долгой ссоре с монахами Айнзидельна из-за некоторых лесных угодий. Достаточно сказать, что после решительного отстаивания своих прав им было приказано разделить со своими оппонентами *состав преступления*- лес. Во время ссор между Римом и Гогенштауфенами Швиц стойко поддерживал дело Фридриха II., но нерешительная политика Рудольфа из младшей линии Габсбург-Лауфенбург была сильным искушением отделиться от него (1239). Они посылали письма, гонцов и, скорее всего, вспомогательных войск Фридриху, когда он осаждал Фаэнцу с целью отвоевать ломбардские города, и умоляли о защите империи. Фридрих выразил свое удовлетворение тем, что свободные жители Швица добровольно перешли под его защиту, и послал им хартию, подобную хартии Ури (1240 г.) — "своим верным людям", — по которой они получили "Reichsfreiheit" и гарантию того, что они не будут отделены от империи.

Всего несколько лет спустя мы слышим о первом федеральном союзе, о котором у нас есть какие-либо определенные сведения. Великая ссора между императором и папой римским и бегство последнего в Лион подожгли Европу. Швиц взялся за оружие, чтобы защитить основателя своих свобод, и заключил союз с Ури и Унтервальденом — и даже Люцерном — чтобы сбросить иго младшей линии Габсбургов. Война свирепствовала в Лесных долинах и у озера Люцерн, пока партия папистов не была остановлена, а надсмотрщик изгнан из замка Габсбургов. Мы не знаем результатов этого восстания; оно, без сомнения, закончилось смертью Рудольфа и Фридриха в 1249-50 годах.

Несомненно, именно к этому периоду восстания наиболее ясно относятся истории о Телле, клятве на Рютли и др. Вероятно, это воспоминания о каких-то забытых эпизодах тех кампаний. Если бы летописцы связали эти истории с этими временами, а не с правлением Альбрехта, их достоверность вряд ли можно было бы оспорить.

При Рудольфе III. став императором Габсбургов Австрии и купив у младшей ветви своего дома поместья и титулы в Вальдштеттене, он наиболее тесно сблизил Швиц со своей семьей. Он отказался подтвердить хартию Фридриха под предлогом того, что этот монарх был отлучен от церкви. Магистраты были его собственными служащими; он собирал налоги от своего имени и в 1278 году передал их в качестве приданого английской невесте своего любимого сына Хартмана. Швиц чувствовал себя неуютно при всем этом и был настороже.

Унтервальден^[26], низменный лесной район, политически сильно отстал от времени. Он был чрезвычайно плодороден и пользовался большим спросом, а в тринадцатом веке был распределен между религиозными домами, крупной знатью и более мелкими свободными людьми. Габсбурги, будучи не только крупнейшими собственниками, но и управляющими религиозными домами, естественно, обладали суверенной властью. Только благодаря помощи действительно дружественных соседей Унтервальден смог выстоять против таких могущественных хозяев, а из всех его соседей жители Швица были не только наиболее организованными в политическом отношении, но и самыми энергичными и дальновидными. То, что швицеры взяли на себя ведущую роль в освобождении района, довольно ясно из

названия, которое было дано новообразованному государству окружающими землями и австрийцами после битвы при Моргартене.

Смерть Рудольфа в 1291 году стала хорошей новостью для жителей Леса, и все их сдерживаемые надежды на восстановление своих древних прав вновь вспыхнули. И все же, опасаясь новых опасностей со стороны новых губернаторов, они приняли меры предосторожности. В течение двух недель после смерти Рудольфа три округа Ури, Швиц и Унтервальден вступили в бессрочную лигу или оборонительный союз (*Ewiger Bund*), без сомнения, возобновление предыдущего пакта, вероятно, от 1246 года. Возможно, они встретились на Рютли, чтобы принести торжественную клятву, которая должна была объединить их в конфедерацию *на вечные времена*. Различные акты соглашения были составлены на латыни, и документ - Великая государственная хартия, хранящийся в Швице и пользующийся уважением всей швейцарской нации. Он носит по существу консервативный характер и свидетельствует о продуманности и внимательном рассмотрении данного вопроса не в меньшей степени, чем о сильном чувстве справедливости и четком суждении договаривающихся сторон. Среди прочего, он предписывает, чтобы каждый подчинялся своему хозяину и служил ему в соответствии со своим положением; что не должен назначаться судья, купивший свою должность за золото, и если он не является местным жителем; что, если возникнут ссоры между местными жителями (*среди прочих заговорщиков*), более разумные должны урегулировать разногласия, и если одна сторона не подчиняется, решение по этому вопросу принимает оппозиция. К документу были прикреплены печати трех стран в качестве гарантии его подлинности.

СНОСКИ:

[26] Унтервальден разделен на две неравные половины горным хребтом, протянувшимся от Титлиса до Буохсер-Хорна, с Кернским лесом в его центре. Районы по обе стороны отсюда получили названия Об и Нидвальден, выше и ниже леса.

XI.

БИТВА При МОРГАРТЕНЕ.

(1315.)

Главной целью Вечной лиги было обеспечить трем Вальдштеттенам ту безопасность, которую империя с ее изменчивой судьбой и состоянием была не в состоянии обеспечить. Богатые и могущественные города Германии и Италии вступили в союз с аналогичными намерениями, но в то время как эти союзы сошли на нет, простые лесные крестьяне, закаленные постоянной борьбой, превратились в силу, перед которой даже Габсбурги были бессильны; ибо, одаренные поразительным политическим пониманием и дальновидностью, эти прирожденные дипломаты знали, как повернуть ход событий в свою пользу.

В качестве дополнительной безопасности они в течение нескольких недель заключили союз с Цюрихом и антигабсбургской коалицией, возникшей в Восточной Швейцарии, когда Адольф Нассауский был выбран преемником короля Рудольфа вместо его сына Альберта, абсолютизма которого все боялись. Цюрихские войска атаковали Винтертур, город Габсбургов, но из-за отсутствия подкреплений потерпели серьезное поражение (1292). Воспользовавшись их тяжелыми потерями, герцог Альберт осадил имперский город Цюрих. Однако велико было его смятение, когда из своего лагеря он увидел грозные силы, выстроившиеся в боевом порядке на Линденхофе, возвышенности в черте города. Воины в доспехах, их шлемы, щиты и копья, сверкающие на солнце, показались врагу признаком превосходящей силы, и Альберт заключил мир с этим замечательным городом. Это было принято с радостью, как и следовало ожидать, поскольку говорят, что ослепительное зрелище, увиденное Альбертом, состояло из местных амазонок, а именно городских женщин, которые прибегли к этой уловке, чтобы спасти свой город.

Король Адольф гарантировал "свободы" Ури и Швица в 1297 году; но после его смерти в следующем году в битве со своим соперником Альбертом Габсбургским они снова оказались под угрозой — поскольку хартии должны были представляться к удовольствию государя при каждом новом восшествии на престол - и фактически никогда не признавались последующим королем. Поскольку целью габсбургов было присоединение Вальдштеттена к своим австрийским владениям, их политика, естественно, заключалась в противодействии свободе этого района. Тот факт, что немецкая монархия была выборной, был весьма благоприятным для швейцарских интересов, поскольку князья и княжеские выборщики со своими личными и эгоистичными целями отвергали могущественную династию Габсбургов всякий раз, когда появлялись кандидаты, которые, по их мнению, с большей вероятностью соответствовали их взглядам. На этом основании был избран Адольф Нассауский, как и позже Генрих Лютцельбургский.

Альбрехт не был таким жестоким, молчаливым тираном, каким его изображали швейцарские хронисты и историки. Фактически, они путали его с предыдущими правителями, главным образом из младшей линии Габсбургов. Альбрехт был настроен на приумножение своего дома, но, во всяком случае, менее эгоистично, чем его отец Рудольф III. Однако он не был сторонником швейцарских свобод и, проживи он дольше, несомненно, пресек бы любые попытки швейцарцев обрести большую свободу. Но он был лишен жизни в самом расцвете сил своим племянником и подопечным Иоанном Швабским, который считал себя обманом лишенным своего наследия. С Джоном были другие молодые швейцарские дворяне — фон Эшенбах, фон Бальм, фон Варт и др.; и они зарезали Альбрехта на виду у его родового поместья Габсбург, когда он направлялся на встречу со своей королевой Елизаветой. Он

упал на землю и испустил дух на коленях бедной женщины (1308). Убийцы ушли, за исключением Варта. Ужасная месть обрушилась на него, а также на друзей и связи беглецов, какими бы невиновными они ни были. По приказу кровавой Елизаветы погибли тысячи жертв. На том месте, где пал ее муж, королева построила монастырь Кенигсфельден (Королевское поле), место, которое впоследствии приобрело большую известность и величие. Витражи церкви, сохранившиеся до сих пор, являются шедеврами швейцарской работы, демонстрирующими всю изысканность отделки четырнадцатого века и свидетельствующими о былом величии аббатства.

В очередной раз Габсбурги были обойдены стороной, и Генрих VII. стал королем Германии. Ему Унтервальден обязан своей хартией, которая политически уравнила три маленьких государства. Однако он умер в Италии, когда собирался получить императорскую корону — предположительно, от яда. После его кончины противоборствующие партии избрали двух государей: Людовика Баварского и Фридриха Красивого Австрийского, сына Альбрехта. Во время короткого междуцарствия, которое произошло после смерти Генриха VII, Швиц начал военные действия против аббатства Айнзидельн, управляющими которым были Габсбурги. Это сильно раздосадовало Фредерика, и его раздражение усилилось, когда он обнаружил, что Лес в целом встал на сторону его соперника. Доведенный до крайности, Фридрих решил нанести сокрушительный удар по мятежным Лесным государствам, и поздней осенью 1315 года начались враждебные действия. Сейчас в нашем повествовании мы находимся накануне знаменитой битвы при Моргартене, которая по праву считается швейцарцами одним из самых благородных эпизодов в их волнующей истории. В мире нет ни одной цивилизованной нации, которой не было бы знакомо имя Моргартен.

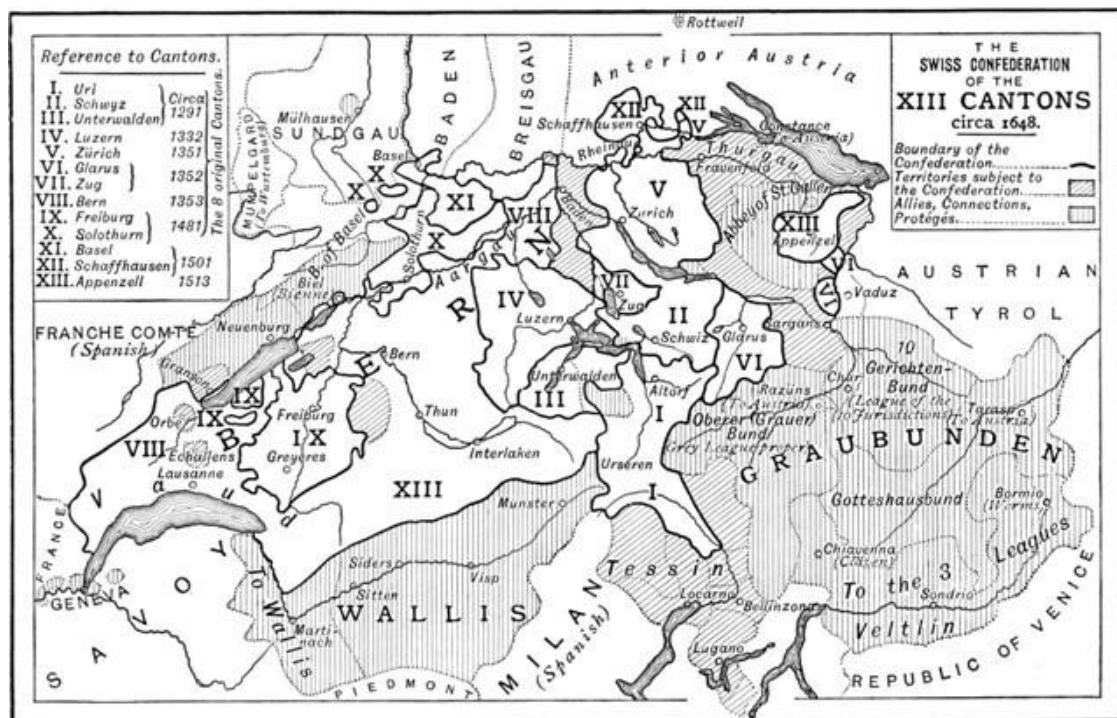
Обе стороны готовились к войне. Кантоны Вальд укрепили те части своего округа, которые не обеспечивали достаточной безопасности, и разместили войска у входа в долину. Герцог Леопольд, младший брат короля, великий чемпион и жаждущий сражений, взял на себя командование кампанией с большим рвением и уверенностью в себе. Он в кратчайшие сроки собрал значительную армию в городах Аргау, Люцерне и Винтертуре и даже Цюрихе, отправив войска, в то время как знать поддержала его дело и встала под его знамена в Цуге. Чтобы разделить силы противника, главнокомандующий приказал части армии под командованием графа Отто Страсберга ворваться в Унтервальден через перевал Брюниг. Сам Леопольд командовал основными силами и направил свою главную атаку на Швиц, который был ему особенно неприятен. Из двух дорог, ведущих из Цуга в Швиц, он выбрал — вероятно, по незнанию — ту, которая была более трудной и стратегически менее перспективной. 15 ноября, за день до праздника святого Отмара, он привел свою кавалерию в Эгери, а оттуда беззаботно двинулся вдоль восточного берега этого озера, не заботясь ни о том, чтобы наблюдать за врагом, ни о том, чтобы разведать его позицию. Среди его багажа была тележка с веревками, которыми он намеревался связать скот, который намеревался захватить. Подгоняемый дворянами и сам рвущийся в бой, он пренебрег даже самыми элементарными мерами предосторожности, которые, по его мнению, были совершенно излишни, когда он выступал против простых крестьян. Его *кортеж* скорее напоминал охотничий отряд, чем армию, ожидающую серьезных боевых действий. Достигнув деревни Хазельматт, войска начали медленно подниматься по крутым и замерзшим склонам Моргартена в направлении Шернена. Вскоре они были окружены озером и горой, когда без малейшего предупреждения на плотные массы всадников посыпались огромные камни, обломки скал и стволы деревьев. Сразу же последовало страшное замешательство. Эта неожиданная лавина была обрушена на них горсткой людей, размещенных на горном хребте и хорошо информированных о передвижении австрийцев. Вскоре основные силы людей из Швица и Ури появились позади Шернена и подобно вихрю устремились вниз по склону на

перепуганного и сбитого с толку врага, который был пойман в узком проходе Моргартена, как в сеть. Отразить такую атаку было совершенно невозможно. Затем эйдгеноссы начали косить австрийцев своим ужасным оружием - алебардой, их собственным изобретением.

Последовала беспорядочная схватка и перепуганная *схватка*, в ходе которой сразу стало ясно, что враг должен сдаться, каким бы полностью дезорганизованным он ни был и почти беспомощным от ужаса. Многие в полном отчаянии бросились в озеро. Вскоре по зимнему полю были разбросаны "цветы рыцарства", среди них графы Кибург и Тоггенбург, а также другие швейцарские дворяне. Самому Леопольду едва удалось спастись, и он поспешил обратно в Винтертур, "выгляда, - говорит монах Иоанн из тех мест, очевидец, - как смерть, и совершенно растерянный". Отто Страсбургский, услышав о катастрофе, отступал с такой быстротой, что умер, сломленный приложенными физическими усилиями. "По всей стране звуки радости и славы сменились воплями плача и скорби". Такова была приснопамятная битва при Моргартене. Что касается числа павших в тот день, то сведения безнадежно расходятся, и мы не осмеливаемся приводить никаких цифр. Пехота, вероятно, бежала и не принимала участия в столкновении.

Таково было первое доказательство молодой Конфедерации своего характера и военного мастерства. Сражение получило название швейцарских Фермопилей, но по своим результатам оно было более удачным, чем у греков. Это подтвердило национальный дух сопротивления дому Габсбургов и положило начало целой серии блестящих побед, которые на протяжении двух столетий приумножали славу, поскольку совершенствовали военное мастерство швейцарской нации. В смирении и в духе истинной преданности победители на поле боя возблагодарили Бога за свое спасение и учредили день благодарения, который следует отмечать год за годом.

9 декабря того же года (1315) эйдгеноссен отправился в Бруннен, чтобы возобновить клятвой и расширить несколькими дополнительными параграфами договор или лигу 1291 года, и это на протяжении почти пятисот лет оставалось основным кодексом соглашений между тремя вальдштеттенами. Лесные кантоны, превратившись в три независимые республики, претендовали каждый на отдельную администрацию или автономию. Идея федерального союза, начатая таким образом лесными жителями, постепенно завоевала популярность у соседних государств, борющихся за независимость; и они, привлеченные таким вниманием, медленно группировались вокруг Лесных кантонов, образуя оплот против общего врага.

КАРТА СТАРОЙ

ШВЕЙЦАРИИ.

XII.

ЛИГА ВОСЬМИ ГОСУДАРСТВ.

(1332-68.)

После великой победы при Моргартене ветер свободы, дувший из Лесных кантонов, один за другим достигал швейцарских земель. Однако лишь очень постепенно и небольшими

группами другие районы вошли в черту Эйдгеноссеншафта. В течение некоторого времени ядро составляли восемь государств; действительно, до окончания бургундских войн в 1481 году они ревностно охранялись от всех незваных гостей. Фактически, конфедеративные штаты смотрели на чужаков просто как на "связи" или подданных и не ассоциировались с ними ни на какой другой основе. Несколько поразительно и необычно видеть республики, правящие подвластными землями, но в данном случае результатом стало более тесное сплочение целого по прошествии столетий. В четырнадцатом веке союз был самого слабого рода; союзы колебались, и на политику влияли отдельные цели. Другие содружества, присоединяясь к Лесным штатам, не собирались отказываться от своей личной жизни, но желали создать организацию, достаточно мощную, чтобы обеспечить независимость от агрессии Австрии; и ценой продолжительной борьбы и не менее замечательного упорства они достигли этой цели.

Привлеченный общими интересами как ближайший сосед и, кроме того, являющийся центром сбыта Лесных кантонов, Люцерн был первым, кто был вовлечен в союз. Этот город приобрел большую независимость под мягким правлением знаменитого аббатства Мурбах. Но в 1291 году монастырь, оказавшись в затруднительном финансовом положении, продал город Габсбургам. Обретя лишь небольшую свободу при своих новых правителях, жители Люцерна образовали в 1332 году с Лесом союз четырех Вальдштеттенов,^[27] с целью сбросить австрийское иго. Люцерн был связан договором не вступать в союз с чужаками без согласия Лесных кантонов.

В 1351 году Цюрих последовал ее примеру. Ее умный и могущественный бургомистр Брун страстно желал возвысить ее до величия. Он был менее внимателен к интересам эйдгеноссенов и действительно имел сильную склонность к Австрии и империи, поскольку это давало более широкий простор для амбициозной политики. Следовательно, он не допустил бы, чтобы ее превосходящее положение имперского вольного города, а также ее иностранные и коммерческие связи пострадали из-за подчинения Лесному контролю, и он внес пункт, который оставлял ей свободу вступать в любые другие союзы, которые она выберет, при условии, что с Вальдштеттеном не будет разорван. Он также обязал Лесные государства договором обеспечить Цюриху собственную конституцию. Документы, связанные с этим союзом, показывают, что пять государств сформировали державу, вполне готовую справиться с Австрией. И хорошо для них, что они были так готовы. Людовик Баварский, защитник Лесных кантонов, был мертв, и его преемником на германском престоле стал Карл IV, сын знаменитого слепого короля Богемии, который так храбро пал при Кресси. Чтобы сохранить свою власть, Карл прибегнул к дружбе Австрии и, чтобы завоевать расположение Альбрехта ("Мудрого" или "Хромого"), он аннулировал все меры, принятые Людовиком против Австрии, меры, которые разрушили власть этой страны в Вальдштеттене. Разрушение Рапперсвиля^[28] (Цюрих) и союз между Цюрихом и другими четырьмя государствами были расценены Габсбургами как вызов и привели к затяжной войне, отмеченной скорее дипломатическими подвигами со стороны Австрии, чем ратными подвигами. Альбрехт желал свести счеты с эйдгеноссенами в целом, но пока он ограничивал свои атаки Цюрихом, их самым сильным форпостом. Штурму шестнадцати тысяч человек в 1351 году был оказан решительный отпор, и он внезапно потерпел крах из-за предложений мира. Королева Агнесса Кенигсфельденская, сестра герцога, была вызвана в качестве судьи, и Брун, тянувший время с Австрией, чтобы спасти свой город, вынес приговор, столь пагубный для жителей Леса, что они отказались от посредничества этой "удивительно проникательной и сообразительной женщины", которая в течение этих тридцати лет влияла на политику Габсбургов, и ссора вспыхнула с новой силой.

Теперь цурхер перешел в наступление и разгромил австрийцев при Тэтвиле под предводительством Роджера Манессе, внука поэта-любителя. Затем они двинулись на Гларус и завоевали эту долину в ноябре 1351 года. Кларона, как и Люцерн, вышла из-под духовного правления и попала под власть Габсбургов, что ей очень не понравилось. Старый хронист сообщает, что "гларнерцы были хорошо расположены к эйдгеноссенам", и нетрудно поверить, что они добровольно согласились быть завоеванными, поскольку весной следующего года они наголову разбили австрийские войска под командованием графа Штадиона, который вернулся с намерением вернуть страну, если это возможно. Союз гларнера с конфедератами был закреплен договором от 4 июня 1352 года, но, что любопытно, их принимали как подчиненных или *протеже* (шуцорт), а не как равных. Конфедераты, без сомнения, рассудили, что приобретение долины с ее открытыми деревнями не дает достаточных преимуществ при дополнительном риске, которому это их подвергает.

Цуг был следующим, кого приняли в профсоюз. Само положение Цуга, окруженного федеральной территорией, делало совершенно необходимым включение этого штата в состав Eidgenossen. Сельские районы сдались при приближении федеральных сил, но город Цуг оказал упорное сопротивление. Однако горожане ничего не слышали от Альбрехта, не говоря уже о том, чтобы получить от него какую-либо помощь, и 27 июня 1352 года сдались. Благодаря большей безопасности, которую она предлагала, Цуг была принята в качестве полноправного члена клуба.

В июле 1352 года Альбрехт возобновил свое наступление на Цюрих с армией, вдвое большей, чем та, которую он впервые выдвинул против нее: Берн, Базель, Страсбург, Золотурн и Констанция, будучи связанными договором, послали войска. Но это второе предприятие также провалилось после решительного сопротивления и большого расточительного опустошения. Этот план штурма имперского города был непопулярен среди соседних городов, и Эберхард "Сварливый", который принимал главное командование вместо хромого герцога, недовольный тайными переговорами, покинул лагерь, и армия была распущена. Австрийцы снова прибегли к дипломатическим махинациям и вернули пером то, что им не удалось сохранить мечом. Бранденбургский мирный договор, или, скорее, перемирие, названное так по имени его автора, восстановил габсбургов в их Лесных владениях. Гларус и Цуг были вынуждены отказаться от союза с эйдгеноссенами и, как и Люцерн, вернуться под власть Габсбургов. Тем не менее, несмотря на внешнее согласие, штаты по-прежнему поддерживали свои дружеские *связи*. И лига пяти государств осталась нетронутой и действительно была усилена союзом Берна с вальдштеттенами, с которыми она была более тесно связана со времен великой битвы при Лаупене, где лесные люди оказались такими верными и полезными друзьями. Договор датирован 6 марта 1353 года.

Альбрехт был недоволен результатами последнего перемирия и возобновил военные действия весной 1353 года. Победа досталась Карлу IV. чтобы вмешаться, этот монарх дважды посещал Цюрих и проводил беседы с ее представителями и представителями Вальдштеттенов. Тем не менее, было очевидно, что его целью было предоставить Австрии все преимущества. Граждане, верившие, что его посредничество будет справедливым, приняли его с "внушительной помпой и великими почестями". Но их большие надежды вскоре рухнули. Под влиянием окружавших его австрийских советников Карл решительно поддержал старые притязания Габсбургов, а во время своего второго визита даже отрицал действительность древних лесных хартий и потребовал от эйдгеноссенов расторгнуть их союз. Естественно, конфедераты не желали отказываться от результатов столетней упорной борьбы и, настаивая на своих неизменных и неоспоримых правах, просто ответили, что его

"взгляды им непонятны". Карл немедленно вернулся в Нюрнберг и оттуда отправил в Цюрих свое объявление войны.

Альбрехт, купивший и перестроивший Рапперсвиль, собрал там свои войска и опустошил берега озера. Король разбил свой лагерь в Регенсберге; и оттуда они двинулись вперед и соединились в Кюснахте. Их объединенные силы, оцениваемые в пятьдесят тысяч человек, образовали самую грозную и великолепную армию, которую видели в том столетии. Опустошив прекрасные виноградники на склонах, сетует современный летописец, они двинулись маршем на Цюрих и, несмотря на вылазки цурхера, направленные на предотвращение подобной участи, полностью окружили город. Полностью отрезанные от всех припасов, жители не имели надежды продержаться сколько-нибудь долго, особенно против врага, в десять раз более многочисленного. Но в самый критический момент город был спасен благодаря хитрости. Ибо внезапно над цитаделью было замечено императорское знамя. Горожане (или их лидер Бран) подняли это как декларацию о том, что они являются подданными Священной Римской империи и не имеют в виду неповиновения королю. Этот инцидент произвел глубокое впечатление на врага, и Карл немедленно снял осаду. Таким образом, в третий раз потерпев неудачу, Альбрехт с большим раздражением удалился в Баден и оттуда начал заниматься мелкими войнами. Что касается короля, то он отправился в Прагу, чтобы обогатить Домкирхе многочисленными реликвиями и древностями, которые он с удовольствием собрал за время своего пребывания в швейцарских землях. Этот король был основателем величия Богемии и великолепия ее столицы.

Вернувшись из Италии в качестве римского императора, он заключил мир в Регенсбурге в июле 1355 года, и война подошла к концу. Результат, как и в случае с предыдущей войной, был нанесен ущерб интересам Конфедерации. Гларус и Цуг остались исключенными из Лиги, а Габсбурги сохранили свои земли в Лесу. Единственным, что осталось, был союз шести государств. Цюрих нес бремя войны в течение последних четырех лет и, если только она не хотела расстаться с самим своим существованием, была вынуждена добиться мира любой ценой. И поскольку она была совершенно измучена, и все же была назначена поручительницей за Вальдштеттен, Эйдгеноссен подчинилась навязанным суровым условиям.

В 1358 году Альбрехт умер, и ему наследовал его предприимчивый сын Рудольф IV. Этот правитель поставил своей особой целью распространить свою власть на Верхнее Цюрихское озеро. Рапперсвиль был укреплен и расширен, а знаменитый деревянный мост через озеро был построен — не для паломников, направляющихся в Айнзидельн, как об этом ходили слухи, а для того, чтобы соединить территории, которые он завоевал или ожидал завоевать. Кроме того, он хотел отрезать Цюрих от прямого пути в Италию и торговли с Ней, а также от Леса. Но в 1360 году умер всесильный Брун, который всегда симпатизировал Австрии; а в 1364 году умерла старая королева Агнес (вдовствующая королева Венгрии), которая двадцать лет прожила в Кенигсфельдене. Рудольф также умер примерно в то же время, и с их кончиной австрийские чары были разрушены, а власть Габсбургов над Цюрихом на некоторое время ослабла. Карл, теперь недружелюбный по отношению к Австрии, пытался завоевать расположение эйдгеноссенов. Он предоставил Цюриху привилегии и санкционировал создание лиги шести государств. Цюрих отказался возобновить Регенсбургский мирный договор посредством присяги и столь же упорно отказывался наказывать жителей Швица за его нарушение. Новая вспышка войны казалась неминуемой, но была предотвращена Торбергским миром 1368 года, который установил лучшее соглашение между Австрией и Конфедерацией. По этому договору Цугу было разрешено вновь присоединиться к лиге. Цуг был завоеван Швицем в 1365 году, в тот момент, когда внимание

Австрии было отвлечено. Гларус не возвращался в Конфедерацию до тех пор, пока, так сказать, не получил права на повторное вступление, одержав самую замечательную победу при Нейфельсе, история которой будет рассказана позже.

СНОСКИ:

[27] Сравните *Виервальдштеттерзее*, что по-немецки означает озеро Люцерн.

[28] См. Главу xiii.

XIII.

ЦЮРИХ - ПРИМЕР ШВЕЙЦАРСКОГО ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

(853-1357.)

Возможно, нам не мешало бы ненадолго остановиться здесь, прежде чем продолжить показывать, как различные швейцарские кантоны были объединены в *Eidgenossenschaft* — процесс, по сути, длительный — и посвятить короткую главу описанию аристократического города, государственное устройство и развитие которого контрастируют с Лесными землями. Цюрих представляет собой прекрасный пример города, происхождение которого восходит к отдаленным временам и чей переход из состояния феодальной территории в положение независимого государства можно четко проследить. То, что *Turicum* - слово кельтского происхождения и что в доисторические времена это место было одним из озерных поселений, а позже римской станцией взимания пошлины, уже было показано.

Однако главными основателями этого аламманнского, или швабского, поселения были каролингцы. Людовик Немецкий построил Большое аббатство и церковь Богоматери (Фраумюнстерабтей) в 853 году, чтобы обеспечить своим святым дочерям, Хильдегарде и Берте, должности и доходы, соответствующие их рангу. Его предки, Пипин Короткий и Карл Великий, основали или расширили собор с его обширными пребендами и Каролином, или духовными колледжами. Оба учреждения были богато наделены землей и обладали многими

прерогативами, особенно *иммунитетом*, самым ценным из всех, а именно отделением от окружной или местной администрации Цюриха. Таким образом, они снова оказались под непосредственным контролем империи, и там возникли два отдельных центра феодальной жизни. Однако третье ядро было сформировано иждивенцами королевской семьи, *фискалинами*, а также последователями монарха и швабских герцогов. Они были сгруппированы вокруг императорского дворца (Пфальц) на Линденхофе, укрепленной крепости на месте римского *каструма* и любимой резиденции немецких монархов, которых привлекала туда природная красота этого места. Дома аламанных свободных крестьян были разбросаны по склонам Цюрихберга и спускались к реке Лиммат. Постепенно эти четыре отдельных поселения приблизились друг к другу, и в десятом веке внутреннее ядро в устье прекрасного озера было обнесено мощными стенами с башнями, и *ансамбль* tout теперь был похож на живописный средневековый город с пригородами. Права высшей юрисдикции в целом осуществлялись королевским губернатором, или представителем суверена. Это была так называемая *Reichsvogtei*, или *Advocacia in imperio*.

Благородные графы Ленцбург были имперскими губернаторами примерно с 970 по 1098 год, но когда заэринги стали губернаторами швейцарских земель, Ленцбурги стали их владельцами до самой своей смерти. Затем *Рейхсвогтей*, то есть город и его окрестности, снова перешли в руки заэрингов и удерживались непосредственно ими до угасания династии в 1218 году. С этого времени ответственность за это была возложена на городскую управу под названием *Vögte*. В Цюрихе госпожа настоятельница не признавала своим начальником никого, кроме правящего герцога Заэрингена, а позже, то есть после того, как династия прекратила свое существование, заняла главенствующее положение. Действительно, Фридрих и гогенштауфен создали свою *рейхсфюрерстин*, принцессу-настоятельница, и таким образом эта должность приобрела особое достоинство и, как правило, присваивалась дамам благородного происхождения. Благодаря приобретению территории, простиравшейся до Эльзаса и Сен-Готарда, привилегиям, приобретенным при сменяющихся друг друга монархах, монополиям (чеканка монет, сборы и пошлины на рынках и ярмарках и т.д.), учреждение достигло поистине королевского величия. Герцоги и графы посещали аббатство, чтобы поухаживать за его прославленной настоятельницей — *Высокой фрау фон Цюрих*, как ее называли, — и поручали своих дочерей ее попечению. И все же этих высокородных девиц следовало готовить скорее к придворной жизни, чем к принятию религиозных обетов. Внутренняя жизнь этого великого монастыря, хотя и очень интересна сама по себе, не может войти в такой краткий очерк, как настоящий. Леди-настоятельница не только имела первостепенное значение для своего духовенства и обширного аббатского дома с его штатом должностных лиц и судом, но и имела власть над самим городом. Когда администрация начала требовать повышенного внимания, она расширила ее совет и председательствовала на его заседаниях. Такое любопытное положение вещей продолжалось до тринадцатого века, когда в немецких городах началась всеобщая политическая эмансипация. Несмотря на кажущееся рабство, горожане действительно выросли под мягким и справедливым женским правлением в могущественную и процветающую организацию и, наконец, начали бороться со своей госпожой за самоуправление.

Фридриху II. Они были обязаны своей эмансипацией. Благодаря ему Цюрих стал свободным имперским городом, управляемым собственным советом. Совет и граждане, постепенно осознавшие свои собственные гражданские интересы, шаг за шагом вырвали гражданскую власть из рук леди-настоятельница и превратились в независимое содружество. К этому времени общество в городе разделилось на три отдельных класса. (1) Духовенство во главе с настоятельницей и ректором. (2) Рыцари, обязанные военной службой императору и

аббатисе, а также бюргеры, или в основном свободные землевладельцы, и важные коммерсанты. Эта вторая категория была правящим классом, и из нее вышли члены совета. (3) Ремесленники, которые занимались своим ремеслом только с разрешения своих хозяев, правящий класс. Рабочие были исключены из любого участия в правительстве, и им даже было запрещено создавать гильдии. Большинство ремесленников и крепостных жили за воротами, во внешнем городе или обнесенных стеной пригородах. Это политическое неравенство в конце концов натолкнулось на яростное сопротивление, и в 1336 году вспыхнула революция.

Трудолюбие бережливого и энергичного населения увеличило материальное благосостояние города, и были заключены торговые договоры с соседними странами, особенно с Италией, и итальянское влияние давало о себе знать с двенадцатого века, на протяжении четырехсот лет, не только в торговле, но и в архитектуре. Цюрих стал торговым центром по производству шелка, а шелковое производство, завезенное из Италии, стало специализацией, которого не было ни в одном другом немецком городе.^[29] Активность, проявленная при строительстве церквей и монастырей, была просто поразительной. Нынешний собор в ломбардском стиле, по типу Сан-Микеле в Павии, был построен в двенадцатом веке, а аббатство было восстановлено благородными дамами в тринадцатом. Частые визиты королей и императоров, которые устраивали здесь свои диеты, естественно, повышали значение города. В целом, Цюрих, должно быть, даже в XIII веке был прекрасным образцом средневекового города, поскольку биограф Барбароссы Отто фон Фрейзинг называет его самым благородным городом Швабии ("Turegum nobilissimum Sueviae oppidum").^[30] Ее политика заключения союзов со швабскими и рейнскими городами, а также с обширной южногерманской коалицией и дружественные политические и коммерческие отношения, которые она поддерживала, показывают, что она полностью осознавала ситуацию и обеспечила ей ту безопасность, которая способствовала развитию ее торговли и промышленности и позволила ей свободно развиваться.

Тринадцатый век распространил просвещение среди невежественных людей средневековья и ускорил рост политической свободы в городах благодаря борьбе между папством и Гогенштауфенами. Цюрих рано освободилась от духовного влияния своей настоятельницы. Уже в 1146 году народ с большим интересом прислушивался к передовому религиозному учению Арнольда Брешийского и в последовавших за этим распрях встал на сторону свободомыслящего Фридриха II. Во время интердикта 1247-49 годов верные приверженцы Фридриха смело изгоняли из города тех священнослужителей, которые отказывались выполнять свои духовные функции. При повторном изгнании из города монахи встали на сторону горожан и буквально подчинились приказу, поскольку вышли из города через одни ворота, вернулись через другие и возобновили свои служения. О том, что цурхеры стали сильными и уверенными в себе, свидетельствует их союз с Рудольфом Габсбургским в борьбе с их общими врагами, соседней знатью, чьи набеги они пресекали, и открытое сопротивление тяжелым налогам, наложенным монархом на город. Однажды — это было во время попойки — главный судья самым гневным образом осудил эту репрессивную политику в самом присутствии королевы и ее дочерей.

Эпоха Штауфенов, бурлящая общественными и политическими движениями, также была полна духа романтизма. Англичане и французы встретились с немцами в Крестовых походах и пробудили в Отечестве любовь к поэзии и романтике. Затем сами великие религиозные войны открыли совершенно новый мир мысли и фантазии. Прославление блистательных подвигов государей Штауфенов, которые сами были поэтами, вдохновило многих на создание величественных или прекрасных песен, высочайшие полеты которых породили

"Нибелунгов" и "*Миннелидеров*". В швейцарских землях также в изобилии звучали менестрели, и Цюрих выделяется как "Уголок поэтов" тринадцатого века. В гостеприимном поместье Роже Манессе, знаменитого рыцаря и магистрата города, или в большом зале аббатства блестящая труппа певцов собиралась вокруг принцессы-настоятельницы Елизаветы, выдающейся женщины, и ее родственников, принца-епископа Констанца, Генриха Клингенбергского и его брата Альбрехта, знаменитого шевалье. Затем князя— настоятеля Айнзидельна и настоятели Петерсхаузена (Констанца), графы Тоггенбург, бароны Регенсберг, Эшенбах и фон Варт вместе со многими другими лордами, духовными и светскими, и многими прекрасными и прославленными дамами - все они столпились в придворном кругу, чтобы послушать выступление *Миннелидера* или, возможно, исполнить свое собственное. Знаменитый Кодекс Манессе, недавно находившийся в Париже, а теперь в Германии,^[31] свидетельствует о романтическом характере эпохи. В нем собраны песни примерно ста пятидесяти немецких и швейцарских менестрелей, которые пели в период с 1200 по 1350 год. Манессе и его сын, каноник собора, взялись за сборник из чистого энтузиазма. Их помощником был симпатичный молодой человек по имени Хадлуб, сын свободного фермера из Цурихберга. Рассказывается прелестная история о том, как во время его механического труда переписывания в нем окрепла любовь к поэзии, и он сам стал поэтом. Ибо он влюбился в высокородную даму при дворе Манессе, которая, однако, его не заметила. Затем он рассказал о своей горе в любовных песнях, которые Манессе добавил в свою коллекцию. Действительно, эти песни завершают цикл швейцарских стихотворений в Кодексе Манессе. Готфрид Келлер из Цюриха, один из величайших немецких романистов современности, описал этот период в своем изысканном романе "Хадлуб" (*Zurcher Novellen*). Место не позволяет нам дать какой-либо отчет об этой истории, и читателю следует обратиться к захватывающей повести в ее нынешнем виде. Хадлуб действительно был последним швейцарским менестрелем, принадлежащим к той плодородной эпохе. Любовь и красота женщины — тема его песен, и в изображении их он особенно преуспевает - настоящий *Миннегесанг*. Уланд, великий поэт-лирик, говорит о нем: "В чистой душе этого поэта прощальная менестрель еще раз отразила свой собственный прекрасный образ".

Но пока поэзия радовала сердца знати, политические тучи быстро сгущались над городом, чтобы, наконец, разразиться диким ураганом. На самом деле, со временем несколько выдающихся семей создали олигархию на месте городского совета. Ремесленники, лишённые какого-либо участия в управлении государством и, более того, находившие недостатки в управлении финансами государства, а также раздраженные властным поведением аристократии, поднялись в яростном сопротивлении. Рудольф Брун, амбициозный правитель, но умный государственный деятель, находясь в противоречии со своей собственной патрицианской партией, внезапно встал во главе недовольных. Свергнув правительство прежде, чем оно успело прийти в себя, Рудольф сам избрал бургомистра, должностное лицо, в руках которого должна была сосредоточиться вся власть. В 1336 году он представил новую конституцию, заставив все собрание присягнуть ей. Чтобы обеспечить его действительность, этот кодекс (*Краткое изложение*) был представлен с санкции настоятельницы и ректора, а также одобрен императором. Эта новая конституция вполне соответствовала политическим взглядам того времени и оставалась в своих основных пунктах ведущим конституционным руководством содружества вплоть до революции 1798 года. Это было любопытное сочетание демократических, аристократических и монархических элементов. Ремесленники, которые до настоящего времени ничего не значили в политике, теперь были объединены в тринадцать корпораций, каждая из которых выбирала своего собственного гильдмейстера, который представлял ее членов в руководящем совете. Знать и богатые бюргеры, не имевшие никакой профессии, или гешлехтеры (патриции), и рантье образовали высокорисковую организацию, известную как

Constafel (констебли), и также были представлены в государственном совете тринадцатью членами, шестерых из которых Бран назвал сам. Положение бургомистра было самым поразительным из всех и фактически напоминало римского диктатора древности или напоминало итальянские тирании Висконти или Медичи. Избираемый пожизненно, наделенный абсолютной властью, бургомистр ни перед кем не нес ответственности, в то время как в верности ему должны были присягать все под страхом потери гражданских прав. Кумир народа, которому он даровал политическую власть, Брун считался истинным пилотом и спасителем в бурные времена. Павшие советники замыслили месть и, будучи изгнаны из города, перебрались в Рапперсвиль, цюрихский *экстра мурос* и на другой конец озера. Там они заключили *коммуну* с тамошним графом Джоном, который желал уклониться от уплаты долгов, которые он получил в Цюрихе. Последовали междоусобицы и стычки, и Джон был убит в битве в 1337 году. Император пытался восстановить мир, но изгнанные советники были полны решимости вернуть старое положение вещей и вернуть себе свои места. Они замыслили покушение на жизнь Бруна и его сподвижников и назначили 23 февраля 1350 года ночное нападение на город с намерением захватить его с помощью одного *государственного переворота*. Они полагались на помощь сочувствующих в городе. Бургомистр, узнав о заговоре, призвал своих верных бюргеров к оружию ударом в набат. На улицах произошла кровавая рукопашная схватка, получившая название *Zurcher Mordnacht*. Заговор был разгромлен большинством, и граф Джон Рапперсвильский, сын вышеупомянутого графа, был брошен в башню Велленберга, знаменитой государственной тюрьмы. Там он провел свое время в составе *Миннелидера*.

Бран плохо воспользовался своей победой. Его жестокость по отношению к заключенным и к Рапперсвилю, который он сжег, неоправданна и кажется необъяснимой для столь дальновидного государственного деятеля. Он был честолюбив и желал не только собственного продвижения, но и своего родного города. Он зависел от Австрии, надеясь возвыситься благодаря ее союзу и помощи, но, внезапно забыв о всякой умеренности и пренебрегая всеми традиционными *связями* с ней, он опустошил территорию графов Рапперсвиль, двоюродных братьев Габсбургов. Это, конечно, втянуло Цюрих в войну с Австрией, которая угрожала сравнять ее с землей. Отдалив соседние государства своими жестокими действиями, или, скорее, действиями Бруна, Цюрих остался один и был вынужден оглядываться вокруг в поисках помощи и утешения. Хотя диктатор Бран отнюдь не был дружелюбен по отношению к смелым Лесным людям, он заключил с ними союз. Вальдштеттенцы были вполне готовы принять в свою лигу такое могущественное и хорошо организованное содружество, как Цюрих, государство, которое, вероятно, станет одновременно их оплотом и торговым центром. Поэтому они охотно согласились с условиями Бруна (1 мая 1351 г.) и, кроме того, согласились с оговоркой, что Цюриху должно быть разрешено заключать отдельные договоры. Эти договоры или союзы были очень распространены в то время, и какими бы изменчивыми они ни были, тем не менее на какое-то время они обеспечивали дополнительную безопасность.

Но хотя Брун ввел *силовой* режим, он все же пошел на уступки массам, предоставив им долю политической власти. И его конституционная система в значительной степени отвечала потребностям города на протяжении примерно четырех с половиной столетий.

СНОСКИ:

[29] Белые шелковые вуали под видом шляпок экспортировались в Вену и даже в Польшу. Это производство шелка, конечно, увеличило процветание города. Он пришел в упадок и был восстановлен в шестнадцатом веке в гораздо более продвинутом состоянии преследуемыми протестантами из Локарно.

[30] Он также сообщает, что на одних из его ворот была надпись "*Нобиле Турегум мултарум копия рерум*".

[31] Так случилось, что он находился во владении курфюрста Пфальцкого и был вывезен во Францию при Людовике XIV. Провинция была опустошена.

XIV.

БЕРН СОКРУШАЕТ ДВОРЯНСТВО: ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА При ЛАУПЕНЕ, 1339 год.

"Бернский альянс" стал отличным приобретением для федеральной лиги. Она сформировала краеугольный камень бургундских государств и ввела их в связь со Швейцарской Конфедерацией и, в конечном итоге, в черту ее влияния. Ее ранняя история была затронута в предыдущих главах. Верный своему первоначальному положению сдерживателя дворянства и являющийся естественной цитаделью, этот гордый город Заэринген демонстрирует исключительно воинственный и действительно доминирующий дух и делает важную военную и политическую карьеру. Берн эффективно сопротивлялся посягательствам старого дома Кибургов (1243-55) и решительно выступал против 40-процентного налога, введенного Рудольфом Габсбургским. И, хотя она потерпела тяжелое поражение при Шоссхальде в 1289 году, катастрофа была более чем компенсирована великой победой при Дорнбюле в 1298 году, и она одержала победу над своим соперником Фрейбургом и знатью хайленда, партнерами последнего. В четырнадцатом веке для государств было самым обычным делом вступать в лиги с целью лучшей защиты от соседних и могущественных врагов. И таким образом Берн собрал все родственные элементы Западной Швейцарии в Бургундскую Конфедерацию — свободную имперскую долину Хасле, богатый монастырь Интерлакен, савойский дом, новый дом Кибург-Бургдорф, епископов Сиона, городов Бьенн, Золотурн, Фрейбург, — все они в то или иное время были в союзе с Берном. Дружба с Фрайбургом, однако, часто нарушалась чувством ревности, которое порой перерастало во вражду, но для Золотурна это было надолго. Фактически, это было основано на сходстве политических взглядов и целей, оба соглашались в отказе признавать королей-соперников, Людовика Баварского и Фридриха Красивого. Вследствие их упрямства Леопольд, потерпевший

поражение при Моргартене и желавший восстановить власть своего брата, осадил Золотурн в 1318 году. Бернцы пришли на помощь городу-побратиму. Во время штурма произошла запоминающаяся сцена. Река Аре в то время сильно разлилась, и мост, переброшенный через нее осаждающими, был унесен наводнением, и их люди в большом количестве тонули. Тогда Золотарники, забыв обо всех ранениях, бросились на лодках спасать своих врагов. Леопольд был так тронут таким великодушием, что немедленно снял осаду и подарил городу красивое знамя.

ЗНАМЕНОСЦЫ

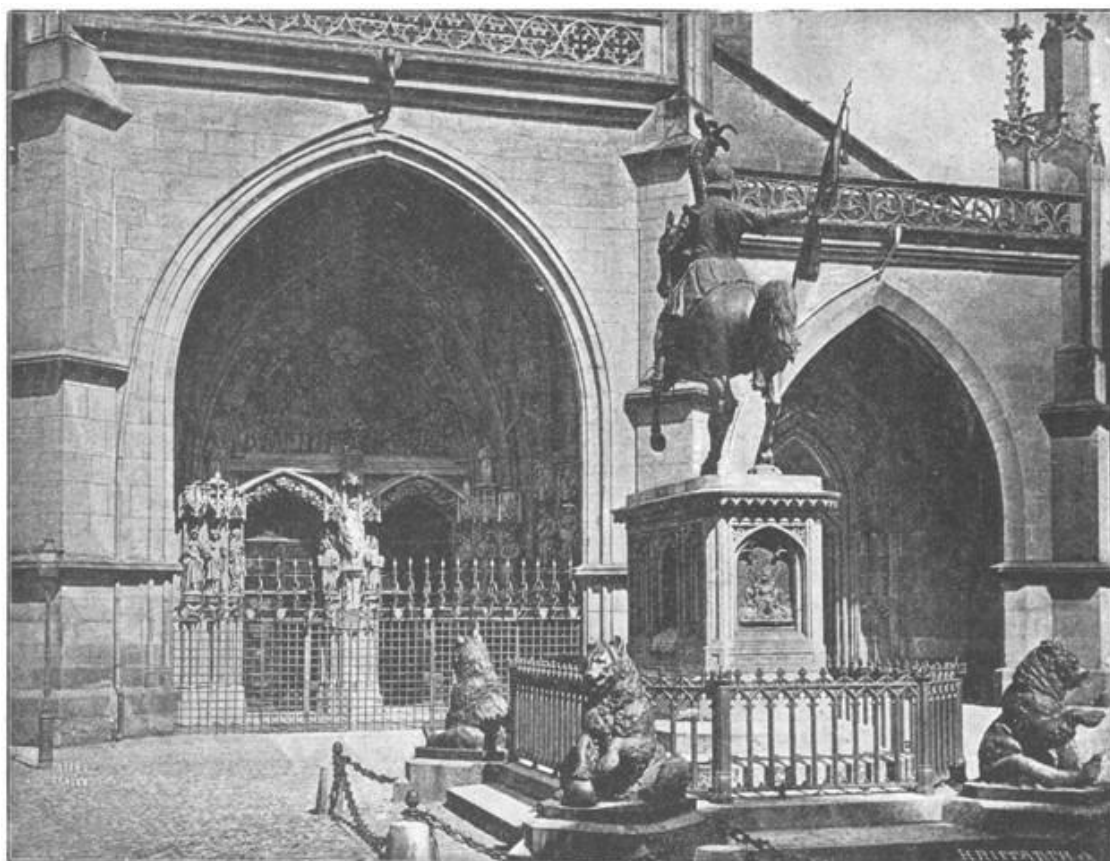
ШВИЦА, УРИ, УНТЕРВАЛЬДЕНА И ЦЮРИХА.

Сильное стремление Берна к территориальному расширению вполне соответствовало захватническим тенденциям Габсбургов. Чтобы закрепиться в кантоне, последний воспользовался преступлением, совершенным среди кибургцев. Этот знаменитый дом, почти разоренный морально и финансово, был вынужден из-за неблагоприятной судьбы

отдать в Церковь младшего сына, Эберхарда. Молодой человек подчинился с большой неохотой. Случилось так, что в замке Тун произошла ссора с Хартманном, вспыхнули громкие слова, за которыми последовали удары, и Хартманн был убит. Это было в 1332 году. Под предлогом мести за убийство Габсбурги предъявили претензии на собственность Кибургов. Берн, однако, подтвердил права графа на его владения и, купив у него Тун, вернул его в качестве феода, потребовав от него дать обязательство, что Бургдорф никогда не будет заложен без ее ведома и согласия. Но Эберхард постепенно забыл об услугах, которые Берн оказала его дому, и, испугавшись ее власти, переехал во Фрейбург и стал гражданином этого города. Затем разногласия переросли в вспышку, которая уже некоторое время была неминуемой. Следует отметить, что Берн во многих отношениях положил начало городу-побратиму; например, он стал имперским вольным городом в 1218 году, после исчезновения заэрингеров, и это придало ему значительный импульс. Затем, в 1324 году, Берн получил в залог Лаупен, превосходную крепость на реке Заане, и изгнал фрайбургеров из этого района. А в 1331 году, после того, как дом Кибургов объединил свое состояние с состоянием Фрайбурга, мощная крепость Гюмминен была разрушена, как и многие замки Кибургов. Гюмминен принадлежал ее сопернице и был местом исключительной стратегической важности.

Но это были всего лишь предварительные эпизоды, за которыми последовали более серьезные боевые действия. Многие окружающие дворяне пережили времена своего процветания и величия, и все же цеплялись за привилегии своего класса, не имея больше средств для их поддержания. Берн воспользовалась всем этим, чтобы добиться собственного возвышения и завоевать для себя больше территории, поскольку первоначально у нее не было земель за пределами своих стен. Бернский Оберланд был первым районом, на который она обратила свой взор. Здесь графы Грейерц, [32] династы Терна (вализская знать) и бароны Вейпенбурга владели главными территориальными владениями и сформировали сильную альпийскую коалицию с австрийскими симпатиями против растущего города Берн. С последним упомянутым Берн боролся за превосходство и взял штурмом их крепость Виммис в Симментале, как город, так и замок, и разрушил *Летцинген*, [33] или укрепления в долине. У старого барона и его племянника не было средств уладить ссору, и они были вынуждены принять условия, продиктованные победителями. Они были обязаны нести военную службу, и от них требовали заложить свои замки в знак покорности, и так далее. Но что их больше всего тронуло, так это потеря Хасла. У этой прекрасной долины, простирающейся от озера Бриенц до перевала Гримзель, с романтическим Майрингеном в центре, была странная история. Сначала жители были свободными аламаннскими фермерами, не обязанными ни одному суверену или лорду, кроме германского монарха, и они выбирали своего Аммана из своей среды или назначали его королем. Они на равных объединились с Берном в 1275 году, но в 1310 году их подчинение было закреплено. Генрих VII, желая получить деньги для своей коронации в Риме, он заложил Хасл баронам Вайпенбурга за 340 марок. В 1334 году Берн выкупил закладную, и долина, таким образом, перешла под власть бернцев. Теперь Берн казался достаточно вероятным, чтобы распространить свою власть даже на покрытые снегом горные земли, и заложил основу ее будущего превосходства среди западных кантонов. Но она вызвала ожесточенное сопротивление, особенно со стороны бургундской знати. Опасаясь за само свое существование, графы Грейерц, Валанжин, Арберг, Нидан, Невшатель, Во, Кибург во главе с Фрайбургом, воодушевленные, хотя и не оказавшие реальной помощи, Людовиком Баварским, поднялись с оружием в руках. Берн обратился за помощью к Хасле, Вейпенбургу и Лесным кантонам, но оказалось, что собрать воедино разрозненные силы непросто. 10 июня 1339 года армия в пятнадцать тысяч пехотинцев и три тысячи всадников выступила против Лаупена, оборона которого была возложена примерно на четыреста

бернцев. 21 числа того же месяца в город прибыли силы эйдгеноссов, насчитывавшие едва ли шесть тысяч человек. Они носили белые матерчатые кресты и маршировали на помощь осажденному городу, воодушевленные волнующими словами Теобальда, священника Тевтонского ордена. Однако на самом деле битва произошла на плато, расположенном чуть более чем в двух милях к востоку от города. В течение дня осаждающие развлекались различными забавами, высмеивая приготовления своих противников, и только к вечеру граф Валанжен начал военные действия. Последовала отчаянная борьба — второй Моргартен. Вальдштеттеры умоляли разрешить им вступить в бой с кавалерией, и это оказалось для них нелегкой задачей. Однако в течение двух часов враг был полностью разбит и обратился в бегство. Не менее полутора тысяч человек лежали мертвыми на поле боя, и среди них графы Валанжин, Грейерц, Нидан, последний граф Во и другие. Было захвачено семьдесят полных доспехов и двадцать семь знамен. С наступлением темноты, когда все было кончено, победители с переполненными радостью и благодарностью сердцами опустились на колени и возблагодарили Бога за Его милость. Иностранному читателю было бы неинтересно давать отчет о дискуссиях, которые имели место относительно руководства бернскими вооруженными силами. Но можно упомянуть, что две выдающиеся генералы, Рудольф фон Эрлах и Ганс фон Бубенберг, разными источниками были удостоены этой чести.

КРЫЛЬЦО

БЕРНСКОГО СОБОРА СЪ СТАТУЕЙ РУДОЛЬФА ФОН ЭРЛАХА.

Война еще не была завершена, но переросла в обычное опустошение. Фрайбургские войска были разбиты Рудольфом фон Эрлахом у самых ворот своего города, согласно некоторым записям, которые, по-видимому, во всяком случае показывают, что он не просто вымышленный персонаж. Берн добавлял победу к победе, и поговорка гласила, что "Сам Бог обратил жительницу этого города сражаться за ее правое дело". В июле 1340 года было

заключено перемирие, и Берн возобновил свои старые союзы с Кибургом, Форестом, Во и даже Женовой. Дипломатическая дама из Кенигсфельдена Агнес, стремясь заполучить столь верного союзника, втянула Берн в союз с Австрией, который просуществовал десять лет и оказал сильное влияние на политику города. Только по истечении срока действия этого союза и после заключения Бранденбургского мира она смогла вступить в союз с лигой семи государств. Это закрыло список из восьми Орте, и лига оказалась бессрочной. Хотя Берн был серьезным сдерживающим фактором для феодальной знати, она все же сама обладала полностью аристократической формой правления, в которой мелкие люди и ремесленники не имели никакой доли.

Безумные планы Рудольфа Кибургского, который надеялся поправить свое положение, завоевав Золотурн и другие города, привели к затяжной войне, в ходе которой Бургдорф и Тун достались Берну путем покупки в 1384 году. Останавливаться на этом в рамках нашего исследования невозможно, но можно упомянуть, что первая осада оказалась неудачной. Возмездие было нанесено осадой Бургдорфа, которая также провалилась из-за вмешательства Леопольда. Судьба дома Кибургов, однако, была предрешена, и он попал под власть Берна. Предательство Габсбургов, нарушивших свое обещание эйдгеноссенам, было одной из главных причин, приведших к битве при Земпахе, самой знаменитой из всех швейцарских битв.

СНОСКИ:

[32] Фон Грейерц все еще встречается среди бернской аристократии.

[33] Летцинены - это стены, построенные поперек долины и характерные для Швейцарии.

XV.

БИТВЫ При СЕМПАХЕ, 1386 год, И НЕЙФЕЛЬСЕ, 1388 ГОД.

Редко, если вообще когда-либо, Швейцария видела месяц, более насыщенный событиями, чем июль 1386 года, поскольку в этом месяце она сражалась и выиграла приснопамятную

битву при Земпахе. Излагать все мелкие детали относительно причин, приведших к этой помолвке, было бы действительно утомительно. Достаточно указать — что является всего лишь прописной истиной, — что между угнетателем и угнетаемыми редко бывает много любви, и Австрия и Швейцарская конфедерация в течение некоторого времени поддерживали такие отношения друг к другу. Между двумя державами действительно был заключен десятилетний мир, но это был фиктивный мир, и этот промежуток был использован обеими сторонами для подготовки к новым конфликтам.

Австрия тайно помогала обедневшему дому Кибургов в ее захватнических экспедициях против городов Конфедерации. Безжалостность была встречена безжалостностью; Цюрих осадил Рапперсвилль с намерением уничтожить одиозный австрийский пункт сбора пошлин; Люцерн сравнял с землей австрийский форт Ротенбург и заключил союзы с Энтлебухом и Земпахом, чтобы свергнуть австрийское господство. Это было равносильно объявлению войны, и война действительно была неминуема.

Герцог Австрии Леопольд III больше всего на свете стремился довести ссору до конца и наказать дерзких швейцарских граждан и крестьян. Швейцарские города вступили в союз с южногерманскими городами, которые, как и они сами, придерживались политики сопротивления посягательствам князей и знати. Эта лига городов обязалась оказывать друг другу взаимную помощь в случае необходимости, но бюргеры немецких городов были всего лишь марионетками в руках Австрии. Она, опасаясь восстания богатых городов, задабривала их прекрасными обещаниями, и они умоляли о покорности и стремились сгладить разногласия между швейцарцами и австрийцами. Однако совсем иного характера были города по эту сторону Рейна; они возражали против слабой и колеблющейся политики своих более северных соседей и были полны решимости сражаться, в случае необходимости, в одиночку и без посторонней помощи.

Леопольд III, потомок того самого Леопольда, который потерпел столь катастрофическое поражение при Моргартене, обладал большинством добродетелей, считавшихся ценными в его время. Он был мужественным, рыцарственным, бесстрашным; он обладал ловкостью как в спорте, так и в более серьезном деле - войне. Его неукротимый дух и личная отвага не знали границ. Однажды он, облаченный в полные доспехи, перешел Рейн вброд во время паводка и на виду у врага, чтобы избежать попадания в плен. Подобно Рудольфу Габсбургскому, он был чрезвычайно амбициозен и стремился обеспечить австрийскому дому богатство и величие. Умный управляющий своими поместьями и щедрый хозяин, он все же не был ни политиком, ни тактиком; будучи человеком действия и преисполненный ненависти к непокорным городам, он не жалел сил, чтобы сдержать их борьбу за независимость. Неудивительно поэтому, что дворяне Южной Германии сплотились вокруг доблестного фехтовальщика и сделали его своим лидером в экспедициях против *буржуазии* и крестьянства. И как только истек срок перемирия (июнь 1386 г.), они направили свое первое нападение на смелую Конфедерацию; не менее ста пятидесяти дворян направили письма с отказом (= вызов) на призыв к войне, разосланный швейцарским правительством.

План Леопольда состоял в том, чтобы сделать Люцерн центром своих военных операций, но чтобы отвлечь внимание от своей реальной цели, он послал пятитысячную дивизию в Цюрих для имитации нападения на этот город. Пока ничего не подозревающие союзники бездействовали в стенах Цюриха, он собрал подкрепления из Бургундии, Швабии и австро-гельветийских кантонов, общая численность которых, по разным оценкам, составляла от двенадцати тысяч до двадцати четырех тысяч человек. Он повел свою армию в направлении Люцерна, но кружным путем, и захватил Виллизан, который поджег, намереваясь *полутно* наказать Семпах за ее дезертирство. Но конфедераты, узнав о его хитрости, покинули

Цюрих, чтобы защищаться, и двинулись напрямик через всю страну в погоню за врагом. Поднявшись на высоты Семпах на склоне Хилтисридена, откуда открывался вид на город и озеро с таким названием, они разбили лагерь в Мейершольце, лесу, окаймляющем вершину холма. Австрийцы, покидавшие Сурзее, за неимением какой-либо более удобной дороги в сторону Семпах, медленно и с трудом продвигались по тропинке, которая ведет от Сурзее к высотам, а затем внезапно сворачивает вниз, к Семпаху. Велико было их удивление и ужас, когда на перекрестке дорог Сурзее и Хилтисриден они внезапно наткнулись на швейцарские войска, которые, как они думали, бездельничали в Цюрихе. Крутые склоны холмов, пересеченные ручьями и живыми изгородями, выглядели полем боя, непригодным для кавалерийских перестроек, и все же молодые дворяне, ликуя от перспективы получить свои шпоры в таком месте, отстаивали это место вопреки здравому смыслу всех людей.

Швейцарцы, уверенные в успехе и уповающие, как в старину, на помощь Бога и святых,

выстроились в боевой порядок, их силы образовали своего рода клиновидную массу, короткий край впереди, а самые храбрые люди заняли передовые позиции. Австрийцы, с другой стороны, гордо полагаясь на превосходство своих высокородных рыцарей и дворян, презрительно смотрели на то, что они считали простым сбродом пастухов. И, по правде говоря, горстка из полутора тысяч человек, недостаточно вооруженных коротким оружием или дубинками, боевыми топорами или алебардами, казалась жалким противником для этой закованной в сталь армии из шести тысяч хорошо обученных улан, кавалерии и пехоты. Но наличие кавалерии в таком месте само по себе не могло дать австрийцам никакого преимущества, и их рыцари спешили и передали своих лошадей на попечение слуг. Чтобы не запутаться ногами в высокой траве близлежащего луга, благородные кавалеры отрезали клювы или кончики своих ботинок — в то время это было модно — и это место по сей день называется "клювастый луг" (Schnabelweide). Заявив о своем праве завоевать честь в тот день, они приказали своей пехоте зайти в тыл. Однако, согласно другому сообщению, их пехота все еще находилась в Сурзее, и благородные всадники отказались от их помощи. По древнему обычаю австрийцы построились в компактную фалангу, самые знатные заняли передние ряды, приготовления велись поспешно и несколько неопределенно.

Натиск был яростным, и австрийские "Отчаянные шпоры", каждый из которых стремился опередить своих товарищей в борьбе за честь, бросились на швейцарцев, оттеснили их немного назад, а затем попытались окружить их и раздавить в своей гуще. Швейцарцы быстро отступили, но около шестидесяти их людей были убиты, прежде чем австрийцы потеряли ни одного солдата. Знамя Люцерна было захвачено; австрийская фаланга еще не была сломлена, и вся удача в битве, казалось, была на стороне швейцарцев, ибо их короткое оружие не могло достать противника, защищенного длинными пиками. Но внезапно сцена изменилась. "Добрый и благочестивый человек", — говорит старый хронист, глубоко огорченный несчастьем своей страны, выступил вперед из рядов швейцарцев - *Арнольд фон Винкельрид*! Крича своим товарищам по оружию: "Я прорежу вам дорогу; позаботьтесь о моей жене и детях!" он бросился на врага и, схватив столько копий, сколько могли вместить его руки, обрушил их на землю всей тяжестью своего тела. Его товарищи перешагнули через его труп, прорвались через брешь, сделанную в рядах австрийцев, и завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Страшный хаос был нанесен швейцарскими дубинками и боевыми топорами в колеблющихся рядах охваченного паникой врага, чьи тяжелые доспехи и длинные копья действительно сильно затрудняли их передвижения. Тем не менее австрийцы храбро сопротивлялись, и Леопольд, который наблюдал за происходящим, теперь бросился в *рукопашную* и пал одним из самых храбрых в отчаянной борьбе. Дворяне и рыцари, позвав своих лошадей, обнаружили, что слуги сбежали вместе с ними. Видя, что все

потеряно, рыцари впали в панику и в величайшем беспорядке носились туда-сюда. Однако там все еще оставалась пехота, и она попыталась остановить бегство незадачливых кавалеристов и восстановить порядок, но все было напрасно. Последовала ужасающая резня, в которой не было проявлено милосердия, и среди простых солдат пало две тысячи человек и не менее семисот дворян. Швейцарцы потеряли всего сто двадцать человек. Богатая добыча — оружие, драгоценности и восемнадцать знамен — перешла в руки победителей.

Это поражение блестящей конной и пешей армии, рыцарей и дворян, хорошо обученных, от всего лишь горстки иррегулярных войск - солдат—горожан и крестьян — было блестящим военным достижением и привлекло внимание и восхищение цивилизованного мира. Она выдвинула на первый план *буржуазию* и крестьянство с их интересами и вселила ужас в сердца их угнетателей. Эта великая победа, одержанная швейцарцами, не только расширила и закрепила путь военной славы, начатый при Моргартене, но и дала Конфедерации независимость и гораздо большее военное и политическое превосходство. Чем Платея была в древности для греков, тем Семпах был для швейцарцев; он нанес смертельный удар древнему и безжалостному врагу. Австрия, столь грубо пошатнувшая свое господство по эту сторону Рейна, была вынуждена отказаться от всех прав на верховенство над Конфедерацией. Не то чтобы она с готовностью отказалась от этих прав; потребовалась такая же катастрофа, как и для ее войск при Нефельсе в 1388 году, прежде чем она действительно и открыто откажется от своих притязаний править Швейцарией.

История героического поступка Винкельрида вызвала много бесплодных, но интересных дискуссий. Правдивость этой истории, на самом деле, не может быть ни подтверждена, ни опровергнута из-за отсутствия каких-либо достаточных доказательств. Но Винкельрид - это не *миф*, что бы ни происходило с другим великим швейцарским героем, Теллем. Есть доказательства того, что семья по фамилии Винкельрид жила в Унтервальдене во время битвы. Но швейцарские летописи, относящиеся к столкновению при Земпахе, были написаны только почти столетие спустя. Австрийская хроника не сообщает о подвиге Винкельрида, и на то есть веские причины, говорят швейцарцы: все бойцы австрийских передних рядов, которые единственные могли быть свидетелями подвига, были убиты, а задние ряды обратились в бегство при первых признаках грозящей им катастрофы. Хроника Цюриха пятнадцатого века, а также многочисленные песни и анналы шестнадцатого века полны восхвалений Винкельрида и его деяний. Но какой бы ни была истинная суть дела, несомненно, что великая старая история Винкельрида и его великолепного самопожертвования неизгладимо запечатлена в благодарных швейцарских сердцах. Был ли это один человек или целая группа людей, пожертвовавших жизнью ради своей страны, это ясно доказывает, что бесстрашный дух независимости, ненависть ко злу и тирании были врожденными в груди старых швейцарцев и привели к освобождению их страны от иностранного гнета. И, несмотря на многочисленные и часто ожесточенные споры последних двадцати лет, память о Винкельриде навсегда останется источником вдохновения и объединяющим фактором всякий раз, когда маленькому отечеству и его свободам будет угрожать опасность.

Памятник

Винкельриду в Станце (с фотографии Аппенцеллера, Цюрих).

Победа Нефельса является достойным дополнением к победе Семпаху, и как таковая не может быть обойдена молчанием. Австрийцы, придя в себя после ужасной катастрофы, а поспешно заключенный "грязный мир" (*faule Friede*) истек, они довели игру до конца. Несмотря на все запреты, Гларус сохранил дружбу с эйдгеноссами и совместно с ними в 1386 году захватил Везен, ключ к округу. Итак, Альбрехт III обратился к Гларусу. теперь все свое внимание он уделит ему. Но сам Гларус, почувствовав себя гораздо свободнее после Семпаху, весной 1387 года впервые собрал своих жителей в качестве ландсгемейнда и разработал для себя конституцию. Существо на Валензее было отбито австрийцами по пути к Гларусу. Это произошло из-за предательства жителей города, которые, встав на сторону своих старых хозяев, открыли свои ворота. Федеральный гарнизон был застигнут врасплох, когда они спали, и предан мечу (февраль 1388 г.). Австрийцы собрали в Везене шеститысячный отряд всадников и пехотинцев и 9 апреля выступили двумя дивизиями. Граф Ганс фон Верденберг, главный организатор этого предприятия, поднялся на противоположные высоты с намерением образовать узел в Моллисе, в то время как граф Донат фон Тоггенбург и другие дворяне повели основные силы вдоль реки Линт. Достигнув Наефельса, у входа в долину Гларус, они обнаружили, что проход им преграждает альпийское укрепление — *Летци*, как его называют, — состоящее из вала и рва. Это, однако, было взято штурмом без труда, так как охраны было недостаточно для его защиты. По правде говоря, гларнеры не знали о передвижениях австрийцев, и хотя Амбюль и его двести человек сражались с предельной храбростью, они не могли противостоять значительно превосходящему их численному составу. Подобно потоку, австрийцы ворвались в открытую и беззащитную долину и, не сомневаясь, что больше нет сопротивления или опасности, которой можно опасаться, рассеялись во всех направлениях, грабя имущество, поджигая дома, угоняя скот. Грабеж и разрушение, казалось, действительно были теперь их единственной целью; но тем временем по долине разнесся набат, призывая жителей деревни к оружию для защиты своей страны. Они быстро стекались под знамена Амбюля, который расположился со своими войсками на крутом склоне Раутиберга, высоко

размахивая знаменем Святого Фридолина, чтобы привлечь своих друзей. Здесь врага поджидали шестьсот человек, включая горстку людей из Швица. Наконец, в беспорядке показались австрийцы, многие из которых задержались ради добычи. Их попытка взобраться на возвышенность, занятую врагом, была встречена градом камней, который привел лошадей в замешательство. С истинно альпийской ловкостью горцы бросились вниз по склонам и обрушились на кавалерию. Последовало ожесточенное столкновение, а затем ужасная погоня, во время которой австрийцы, как говорят, десять раз останавливались в своем бегстве и пытались отбросить своих швейцарских преследователей, но десять раз были вынуждены снова отступать перед обрушившимися на них ужасными ударами. Наступила темнота, а вместе с ней пришел туман и внезапный снегопад. Австрийцами овладела суеверная паника, и они в крайнем смятении бежали в Нефельс, а оттуда попытались вернуть себе верных Существ. Но здесь их ждала новая катастрофа. Столпившиеся на мосту, перекинутом через устье озера, своим весом разрушили конструкцию, и сотни беглецов, которых тянули вниз их тяжелые доспехи, утонули вместе с ними. Граф Верденбург, наблюдавший за катастрофой со своего возвышения, бежал так быстро, как только мог. Эта катастрофа объясняет потерю австрийцами столь непропорционально большого числа людей, а именно тысячи семисот, по сравнению с пятьюдесятью четырьмя погибшими из отряда Гларуса. Последние пали главным образом при защите летци.

Год за годом жители Гларуса, как богатые, так и бедные, протестанты и католики, по-прежнему отмечают эту великую победу. В первый четверг апреля в торжественной процессии они вновь посещают поле битвы, и на месте Ландамманн рассказывает прекрасную старую историю об их освобождении от иностранного владычества, в то время как священник и служитель возносят благодарственные молитвы. 5 апреля 1888 года стало памятной датой в летописях кантона, поскольку исполнилось пятисотлетие с того дня, когда народ обрел свободу. Со всех концов Швейцарии люди стекались в Наефельс, чтобы принять участие в патриотических и религиозных церемониях. Это была поистине волнующая сцена, когда ландамманн представил огромному собранию знамя Святого Фридолина — то самое, которое Амбюль высоко подняла, — и тысячи голосов присоединились к национальному гимну "*Руфст дю майн Фатерланд*", в котором, кстати, та же мелодия, что и в "*Боже, храни королеву*". Если в Швейцарии нет монарха, которого можно любить и почитать, у него все еще есть свои национальные герои и славные предки, которые своей кровью закрепили свободу своей страны.

В 1389 году был заключен семилетний мир, и Гларус вернулся в Конфедерацию. Этот мир был сначала продлен на двадцать лет, а затем, в 1412 году, на пятьдесят лет. Наконец, после более чем столетней борьбы Австрия отказалась от своих притязаний на власть над Лесом и всех своих прав на Цуг, Люцерн и Гларус. Со временем различные взносы были выплачены в обычной форме.

XVI.

КАК В ШВЕЙЦАРИИ ПОЯВИЛИСЬ ПОДВЛАСТНЫЕ ЗЕМЛИ.

(1400-1450.)

В четырнадцатом веке эйдгеноссены создали свою собственную *политическую систему* и закрепили ее независимость; в пятнадцатом они возвысили ее до могущества и возвышения и добились для нее важного военного положения в Европе. И все же, хотя их семейный очаг был создан, еще не все было сделано. Союзные государства не могли остановиться на достигнутом. Они все еще были окружены землями, управляемыми Австрией, Италией, Савойей; землями, которые могли угрожать и действительно угрожали независимости маленькой новорожденной республики. Фактически, на самом раннем этапе приобретение дополнительной территории стало жизненно важным вопросом. Это должно было быть сделано посредством новых союзов, или путем покупки или завоевания. Цюрих, например, уже между 1358 и 1408 годами потратил около двух миллионов франков на покупку земли. Борьба за независимость разожгла аналогичное стремление к эмансипации среди соседних альпийских государств. Но не все предпринятые в результате усилия были одинаково успешными. Некоторые государства перешли из монархического подчинения в подчинение федерации или кантона в качестве подвластных земель (*Unterthanen laender*); другие стали "связями" (*Zugewandte*) или союзниками низшего ранга; другие, опять же, заняли позицию *Schirmverwandte*, или *протекже*. Таким образом, можно было бы действительно пройти через целую градуированную шкалу отношений, сложившихся среди толпы кандидатов, добивающихся приема в лигу. И хотя они пока оставались за пределами лиги, они получили руку помощи от Eidgenossen. Но только в начале девятнадцатого века мы находим составленный список из двадцати двух кантонов. Благодаря посредничеству Наполеона Бонапарта (1803) Сен-Галль, Тургау, Гризонд, Аргау, Во и Тичино были присоединены к конфедерации штатов. А на Венском конгрессе в 1814-15 годах были также добавлены Вале,

Женева и Невшатель. Последняя, однако, все еще оставалась под властью Пруссии, хотя и частично свободного государства, до 1857 года. Читатель ясно увидит, в какую сложную систему союзов превращается лига и что швейцарское отечество не сразу возникло как *свершившийся факт*. Каждый кантон по-своему зарождал свободу, как это было в случае со свободными государствами Древней Греции, которые объединялись в конфедерации с аналогичной целью — защитой от общего врага. Каждое маленькое государство имеет свою отдельную историю еще до того, как оно объединится с генеральной лигой. Мы, однако, отметим только основные черты.

Аппенцелль открывает серию "*Zugewandte*", или "связей". Пастухи и крестьяне, рассеянные у подножия горы Санти, притесняемые настоятелями Святого Галла, начали восстание, носившее революционный характер. Последовала череда героических подвигов — битва при Фогелинзеке в 1403 году, битва при Ам-Штоссе в 1405 году и другие[34] — и прелат, и его союзник Фридрих IV. Австрии ("Пустой карман"), потерпели полное поражение. Несколько любопытно, что мы обнаруживаем графа Рудольфа фон Верденберга, связавшего свою судьбу с судьбой скромных крестьян и опустившегося до унижительных условий, на которых они настаивали. Габсбурги отняли у него его земли, и он надеялся вернуть их с помощью альпестрийцев, что ему действительно и удалось. Но крестьяне относились к нему с некоторой неуверенностью и не доверили бы ему командование. Итак, благородный рыцарь Святого Георгия снял свои прекрасные доспехи и своего великолепного коня и облачился в одежду крестьянина, чтобы быть принятым в их ряды. Воодушевленные чередой своих триумфов, выносливые Аппенцеллеры устремились к новым победам. Вырвавшись за пределы своих владений, подобно стремительному горному потоку, они распространились на соседние земли и даже проникли в далекий Тироль. Крепостные и невольники приветствовали их как освободителей, и целые города и долины вдоль Верхнего Рейна и Инн вступили с ними в союз — *Набережная об-дем-Зее*, над Боденским озером, — который должен был стать защитой на Востоке. Наконец швабское рыцарство набралось достаточно мужества, чтобы противостоять этому горному урагану. При осаде Брегенца в 1407 году они по неосторожности были обращены в бегство. Бунд рухнул, и его престиж упал, но люди добились своей цели, а именно независимости от контроля со стороны аббатства Сен-Галл. Мало-помалу они откупились от части налогов и встретились в своих землях, чтобы посоветоваться о благе своей страны. Это учреждение остается известным вплоть до наших дней. Их прошение в 1411 году о приеме в лигу было удовлетворено, но довольно условно. Берн держался от них в стороне, а Цюрих счел необходимым поставить мат их революционным тенденциям, и их приняли как *Zugewandte*, или союзников второго ранга. Только в 1513 году новоприбывший стал полноправным членом лиги. Сент-Галл тоже стал "связным" — и не более — в 1412 году.

Освобождение Валле (Wallis) - всего лишь очередная череда распрей между местной знатью и Савойей, владельцем Нижнего Вале, с одной стороны, и епископами Сиона и народом, с другой. Фактически это было соревнование между романским населением и немецким населением, последнее из которых французы загнали в угол. Династы Фон Терн приказали схватить епископа Тавелли в его замке и сбросить из его окон в пропасть. Это подлое убийство было отомщено в великой битве при Виспе, где, как говорят, Савойя оставила четыре тысячи убитых (1388). Бароны Рарона потерпели поражение при Ульрихене в 1414 году, хотя им помогали Берн (гражданами которого они были) и Савойя. Эти могущественные дворяне покинули страну, и вализийцы постепенно добились автономии, и, получая помощь в своих расправах от лесных людей, они, наконец, сблизились с Конфедерацией, как *Цугевандте* (1488).

Мы не должны обойти стороной странный обычай, который преобладал среди народа Вале. Этот обычай соблюдался как подготовка к серьезной войне. Если тирану суждено было пасть, он был побежден и обречен Маззе. Это была огромная дубинка, на которой было вырезано страдальческое лицо как символ угнетения, дубинка была обмотана ежевикой. Его носили из деревни в деревню, от деревушки к деревушке, даже в самые отдаленные уголки, и устанавливали в общественных местах, чтобы привлечь внимание людей. Затем один из недовольных выходил вперед, обличал угнетателя перед фигурой и обещал помощь. Рассказывали, что при произнесении имени Рарона фигура низко поклонилась в знак согласия, а повстанцы вонзили гвозди в лицо в знак враждебности, и инструмент был оставлен у ворот замка барона.

Граубюнден (Граубюндон), земля древних и средневековых воспоминаний, рушащихся живописных замков, из-за своей неровной поверхности и почти бесчисленных долин был разделен на бесчисленные территориальные владения. Здесь, в этом скалистом уединении, властвовали Бельмонты, Монфоры, Аспермонты, Сакс-Мизоксы и многие другие, чьи звучные названия говорят об их происхождении. Здесь также были обнаружены семьи Хальденштейн, Верденберг, Тоггенбург и многие другие — итальянские, ретороманские и немецкие, тесно смешавшиеся между собой. И все же верховным лордом из них был епископ Курский, достигший ранга *рейхсфюрера* или герцога, имевший свиту знати, прикрепленную к его квазикоролевскому двору, и владевший землями даже в Италии. Совершенно вопреки обычному правилу, дворяне и крестьяне в целом жили дружно. Политическая свобода государства была обусловлена скорее замечательными коалициями, чем актами войны или восстания. В четырнадцатом веке, когда епископы Кура проявили сильную склонность к Австро-Тиролю, возник Готтхаузбунд как сдерживающий фактор чуждых тенденций князей-епископов. Эта лига была образована в 1367 году *Домстифтом* (капитулом духовенства), знатью и простыми людьми. Сами епископы правили людьми трех разных национальностей. Беглый взгляд на географические названия на карте Бюндена показывает, как древняя латинская раса (романши), итальянцы и мигрировавшая немецкая раса смешались в этом районе. И все же вальхен-романши (валлийцы) медленно отступали перед вальсерами, или немцами из Вале, у которых была сильная склонность к колонизации и культуре. В 1397 году *Graue Bund* (Серая лига) была основана в долинах Верхнего Рейна аббатом Дисентиса, некоторыми дворянами и простыми людьми. После смерти последнего из Тоггенбургов в 1436 году его различные владения Маланс, Давос, Преттигау и др., опасаясь вмешательства Австрии, объединились в лигу, известную как десять *Герихте Бунд* (Юрисдикций), названную так потому, что в каждом из округов было свое место казни. Постепенно три лиги образовали федеральный союз (1471) и проводили свои заседания в одном центре, Вазероле. Таким образом, Бюнден, развиваясь по образцу Лесных кантонов, превратился в тройственную, но все же федеральную демократию, которая, находясь под угрозой австрийского вторжения во время Швабских войн, обратилась за помощью к эйдгеноссам и присоединилась к ним в 1497 году в качестве "связей".

В 1414 году состоялся знаменитый Собор, созванный императором Сигизмундом для устранения зла, обрушившегося на Церковь, тот самый Собор, который по странной иронии судьбы приговорил к смертной казни на костре Яна Гуса, убежденного противника тех самых злоупотреблений, которые Собор был призван исправить. Совет оказался фатальным для интересов Габсбургов на швейцарских землях. Фридрих IV, король Австрии — враг Аппенцелля — отказался от своего оммага немецкому монарху и по материальным причинам поддержал дело Иоанна XXIII, одного из трех свергнутых пап. Иоанн устроил турнир, чтобы прикрыть свой отъезд, и во время представления бежал в поношенном платье фореитора в австрийский город Шаффхаузен, куда последовал и Фридрих. Отлученный от

церкви и объявленный вне закона — в течение нескольких дней не менее четырехсот дворян послали ему вызов — герцог Фридель, как его фамильярно называли верующие ему тирольские крестьяне, которые единственные поддерживали его, был изгнан со своих земель и от своего народа. Со всех сторон немецкие контингенты обрушились на его провинции. Сигизмунд призвал эйдгеноссенов от имени империи выступить в поход на Аргау, землю его предков, пообещав им эту провинцию для себя. Поскольку они только что возобновили мир с Австрией, эйдгеноссены не желали его нарушать, но император настаивал, чтобы их обещание Фридриху не было обязательным. Берн, всегда стремившаяся к самовозвеличиванию и решившая, по возможности, получить львиную долю, отбросила всякие угрызения совести и в течение семнадцати дней захватила как можно больше городов и замков.[35] Цюрих, проконсультировавшись с Эйдгеноссеном, последовал его примеру и захватил Кнонау. Люцерн взяла какой-то фрагмент, и Лес сделал то же самое. Аргау, убежище габсбургской знати, не оказало серьезного сопротивления; но Баден, который был захвачен эйдгеноссенами вместе с замком Штайн, королевской резиденцией Габсбургов, подвергался штурму, когда Сигизмунд попытался прекратить осаду; ибо Фридрих в отчаянии тем временем смиренно подчинился, и ему была возвращена большая часть конфискованных земель. Однако эйдгеноссены не желали из-за нерешительной политики императора отказываться от столь хорошего шанса увеличить свою территорию. Дело было улажено путем выплаты определенной суммы Сигизмунду, который постоянно испытывал финансовые затруднения. С тех пор Фриделя прозвали "С пустым карманом".[36] Аргау был разделен между эйдгеноссенами как подвластная земля, то, что они захватили отдельно, стало кантональной, а то, что совместно федеральной собственностью. Баден и некоторые другие места стали федеральными владениями (*gemeine Herrschaften*), над которыми каждое из восьми государств, в свою очередь, назначало губернатора на два года. С этим прецедентом мы вступаем в любопытный период, когда швейцарские кантоны разделились на две группы: управляющую и управляемых.

В то время как республики соперничали друг с другом в расширении своих границ, две из них, Ури и Унтервальден, не смогли увеличить свою территорию, будучи окруженными высокими горами. Они обратили свои взоры к солнечному югу, за Сен-Готардом, где могли найти дополнительные земли. Подобно ретийцам древности, они часто спускались на ломбардские равнины, хотя и с гораздо более мирными целями. Когда в XIII веке был открыт перевал Сен-Готард, существовал оживленный транспортный обмен между двумя народами — сисмонтанами и трансмонтанами. Жители Леса продавали свой сыр, масло, скот и другие альпийские продукты на рынках ломбардских городов и получали оттуда запасы зерна и других предметов первой необходимости. И они, обитатели Леса, действовали как проводники через горы, как они делали вплоть до эпохи железных дорог. Их молодежь тоже записывалась в ряды итальянских солдат, движимая либо перспективой заработать на жизнь, либо простым желанием развлечься. Таким образом, швейцарцы были в дружеских отношениях с южанами. Но все это приятное общение было внезапно прервано. В то время как эйдгеноссены под властью ослабленной империи добились независимости, могущественные ломбардские города, которые возражали против императорских оков, какими бы легкими они ни были, по странному контрасту пали под тиранией честолюбивых местных династий, и при Висконти из этих свободных итальянских городов возникло миланское герцогство. Ссоры, вспыхнувшие между миланцами и жителями Леса, подготовили почву для приобретения швейцарцами Тичино. В 1403 году Ури и Унтервальден были ограблены своими стадами крупного рогатого скота на ярмарке Варезе чиновниками Висконти, под каким предлогом, неясно. Не добившись возмещения ущерба, они сразу же решили прибегнуть к силе. Они захватили Ливиненталь или Левентину, которые охотно приняли новых хозяев. Новые грабежи в 1410 году были отомщены аннексией Эшенталья

домом д'Оссола, который в значительной степени предпочитал швейцарское господство господству герцога Миланского. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что Джан Мария Висконти был вторым Нероном по жестокости. Людей, ставших жертвами его подозрительности или мести, он разрывал на куски огромными собаками, которые питались человеческой кровью. Чтобы усилить свои итальянские приобретения, Эйдгеноссенсы купили Беллинцону (1418 г.) у баронов Сакс-Мизокс или Мизокко из Граубюндена. Но миланские герцоги не смирились с потерей этих земель, и завязалась затяжная война с переменным успехом. Большинство более отдаленных кантонов, выступавших против этих итальянских завоеваний, отказались прислать помощь, но, услышав, что Беллинцона захвачена Висконти, около трех тысяч эйдгеноссенцев выступили на помощь в 1422 году. Однако они не могли сравниться с двадцатичетырехтысячным войском, собранным знаменитым генералом Карманьолой. Устроив засаду швейцарцам, он преуспел в том, что полностью окружил их в Арбеде, за исключением шестисот человек, которые бежали в долину Мизокс. В течение шести часов маленький швейцарский отряд сражался изо всех сил, отказываясь уступать, хотя ему противостояли силы, в десять раз превосходящие их по численности и хорошо обученные. Внезапно им на помощь пришли их собратья, иначе они были бы раздавлены. Потери швейцарцев составили двести человек, у противника - девятьсот. Но на данный момент завоевания были утрачены. И все же швейцарцы пошли на новую войну, чтобы искупить свои неудачи при Сфорца. Блестящей победой была битва при Джорнико (Левентина) в 1478 году, когда шестьсот швейцарцев под командованием генерала из Люцерны разгромили пятнадцатитысячный отряд миланских солдат. Это в значительной степени способствовало распространению швейцарской военной славы в Италии.

ГЕРБ УРИ.

СНОСКИ:

[34] Рассказывают, что Ули Ротах своей алебардой сдерживал двенадцать австрийцев, уступив дорогу только тогда, когда хижина, к которой он прислонился, была подожжена.

[35] К Берну относятся классические места Габсбург и Кенигсфельден.

[36] В ответ на те, кто его так прозвал, этот экстравагантный принц построил в инсбруке балкон, крыша которого была покрыта золотом, стоимостью тридцать тысяч флоринов — сейчас это стоило бы в двадцать раз больше. Каждого посетителя этого романтического города поразит причудливый *Haus zum goldenen Dachere* (Дом с золотой крышей).

XVII.

ВОЙНА МЕЖДУ ЦЮРИХОМ И ШВИЦЕМ.

(1436-1450.)

Эти гражданские войны представляют собой мрачную картину в истории Швейцарии, отмечая пропасть, разделяющую конфедератов, каждым из которых руководил дух ревнивого антагонизма. И все же было ясно, что городские и сельские сообщества — горожане и крестьяне — образовывали настолько сильные контрасты, что им не всегда удавалось сблизиться. Действительно, тлеющее недовольство внезапно разгорелось в пламя из-за вопросов, касающихся наследования, которые угрожали поглотить всю Конфедерацию. Феодализм в Швейцарии был близок к своему упадку, но казалось, что знаменитые графы Тоггенбург на некоторое время остановят его падение в восточной части страны. Фридрих III (1400-1436) владел тем, что доходило до нынешнего кантона Санкт-Галль, Десятью Герихтами, значительной частью Граубюндена, Форальбергом (который он вырвал у Фриделя "с пустым карманом") и другими округами. Несмотря на народную борьбу за свободу, ему удалось сохранить свой авторитет благодаря ловкой и продуманной политике и союзу с Цюрихом и Швицем, которые поддерживали его в борьбе с внутренними и внешними врагами. Не имея детей, Фридрих пообещал, что после его смерти оба кантона получают его владения к югу от Цюрихского озера, приобретение которых округлит их территорию. Он умер в 1436 году, но не оставил завещания — намеренно, как думали некоторые, с целью втянуть конфедератов в ссоры — "связать им хвосты", как выразительно, но не очень отточенно выразилось это выражение. Как бы то ни было, яблоко раздора вскоре оказалось в самом разгаре, и в качестве претендентов выступили многочисленные сеньоры Граубюндена, бароны из Вале, ближайшие родственники, а также Австрия и империя. Цюрих и Швиц также боролись за обещанный участок земли. Проникать в лабиринт мелких конфликтов, которые последовали за этим, было бы нелепо, поскольку это было бы

невозможно. В соответствии с ее более аристократическими наклонностями Цюрих ухаживал за вдовствующей графиней, в то время как Швиц скорее потакал подданным как будущим хозяевам, и трое последних в конце концов оказались более рассудительными. Борьба, действительно, переросла в соперничество между двумя самыми энергичными и талантливыми государственными деятелями двух содружеств. Одним из этих ведущих людей был бургомистр Штюсси из Цюриха, а другим был Итал фон Рединг из Швица, оба очень одаренные и энергичные люди. С юности они были соперниками, подстрекаемыми императором Сигизмундом, благосклонностью которого они пользовались.

За исключением битвы при Сен-Жаке на Бирсе, война не принесла больших военных подвигов, и поскольку она не произвела существенных изменений, о ней можно очень кратко умолчать. Естественно, он делится на три периода. Первый из них (1436-1442) - это просто серия бессмысленных междоусобиц, которые вели одни конфедераты. Швиц забрал себе все наследство, о котором шла речь, за исключением одной фрагментарной части, оставленной его сопернику. Цюрих, таким образом, лишенный своей доли и разочарованный в своем плане строительства прямой торговой дороги в Италию через Граубюнден, в отместку закрыл свой рынок в Швице и Гларусе, вызвав голод в двух районах. Конфедераты не проявили беспристрастности в этом вопросе, но, возложив всю вину на Цюрих, вынудили ее взяться за оружие. Однако она снова оказалась в проигрыше, поскольку ее территория к востоку от озера, которая была театром военных действий, была ужасно опустошена. Эту часть земель Швиц хотел аннексировать, но этому помешало постановление федерального сейма. Тем не менее Цюрих уступил Швицу и Гларусу три деревни на верхнем озере и остров Уфенау, которым она управляла в течение полувека, и был вынужден вновь открыть свои дороги и рынок.

Глубоко уязвленная позицией конфедератов в рядах оппозиции и еще больше унижением, нанесенным ей крестьянами Швица, гордый, свободный город Цюрих жаждал мести. Так начался второй период конфликта, и в июне 1442 года Цюрих обратился за помощью к иностранному союзу. Стюсси, или его секретарша, которая была его правой рукой, воспользовавшись своими старыми пристрастиями к Австрии, задумала макиавелевский план вступления в союз со смертельным врагом конфедератов. Несмотря на решительное противодействие сильной партии благородных и видных патриотов, коалиция была создана. Было выдвинуто обвинение в том, что "имперскому городу" в силу его исключительного положения и договора, заключенного под покровительством Бруна в 1351 году, было разрешено заключать любые союзы по ее выбору. Таким образом, нелояльность была окрашена демонстрацией правды. Император Фридрих III. и его брат, Альбрехт Австрийский, отправились в Цюрих, чтобы засвидетельствовать почтение и преданность восторженного населения. Сообщники, догадавшись о значении этого шага, попытались убедить участницу-рenegатку в ее вероломстве. Но их усилия потерпели неудачу, все, включая Берн, — хотя она не принимала видного или активного участия, будучи в основном занята своей бургундской политикой, — послали свой вызов Австрии и Цюриху. Война, хотя и более ожесточенная и кровопролитная, чем первая, была столь же неудачной из-за разногласий, возникших среди союзников, поскольку жители Цюриха не желали подчиняться многоголовому австрийскому господству. Борьба велась урывками, однажды конфедераты возвращались домой на ежегодный сенокос. Опустошив территорию Цюриха, конфедераты перешли к нападению на саму столицу. Во время вылазки к Сен-Жаку на Зиле Стюсси пал, защищая мост через эту реку, пытаясь сдержать врага и остановить бегство беглецов. Его героическая смерть заставляет почти забыть о его амбициозной и ошибочной политике. Наконец, цюрихские войска направили свои орудия на Линденхоф, возвышенность в черте города. Один-единственный снаряд творил чудеса, ибо, пробив стены сарая, он опрокинул

стол, за которым сидела компания Гларнера, и снес голову самому верхнему человеку за столом. Сильно впечатленные таким результатом, осаждающие поспешили покинуть помещение, прекратили осаду и начали переговоры о перемирии. Но австрийцы возражали против перемирия, опасаясь примирения между Цюрихом и конфедератами, и они подстрекали толпу выступить против патриотически настроенных советников, которые, как считалось, были главными движущими силами мирных переговоров. Началось состояние терроризма, пятеро ведущих людей были востребованы населением и публично обезглавлены; и еще десятерых постигла та же участь. Таким бессильным стал Цюрих в руках Австрии. Поскольку перемирию, таким образом, помешали, эйдгеноссен приступили к осаде Грайфензее, мощной крепости в центральной части Цюриха. В течение четырех недель гарнизон из восьмидесяти человек держался, но, будучи, наконец, предан крестьянином, был вынужден сдаться по собственному усмотрению. Смертный приговор был вынесен храбрым защитникам большинством конфедератов, и жестокий приговор был приведен в исполнение на лугу неподалеку. Итал фон Рединг стоял рядом и следил за тем, чтобы в данном случае не соблюдался имперский обычай обходить стороной каждого десятого человека. Однако, когда пало шестьдесят человек, он отвернулся, а остальных пощадили. С этим кровавым местом связаны странные истории, и действительно, Немезида вскоре отомстила за жестокий поступок. Конфедераты предприняли вторую осаду столицы, но она оказалась такой же неудачной, как и первая. Жители Цюриха, по сути, отнеслись к осаде легкомысленно, и группа молодых людей даже совершила вылазку и захватила вино и другую провизию.

Желая довести дело до конца, Австрия обратилась за помощью к Франции, прекрасно понимая, что ей самой не справиться с эйдгеноссенами в открытом поле. Кроме того, она устала от бесполезной и безрезультатной войны, которая велась до сих пор. Карл VII. ему не терпелось избавиться от своих наемных войск, свирепых арманьяков, которые он повел против Англии, и он был рад направить их на швейцарские земли. Это сочетание австрийского и французского оружия — цурхеры остались дома, чтобы защищать свой все еще осажденный город, — представляет третью и последнюю часть войны. Дофин (Людовик XI.) с тридцатитысячной армией двинулся на Базель, и эйдгеноссен, не зная численности противника, выступил им навстречу. Оказавшись в пределах видимости врага, они переправились через реку Бирс в самом приподнятом настроении. Вскоре, однако, они были разделены на две дивизии шквальным огнем французов, и одна из них, окруженная на острове на реке, была полностью уничтожена превосходящими силами противника, хотя и сражалась с изумительной храбростью. Другая дивизия заняла позицию за садовыми стенами лазарета Сен-Жак на реке (26 августа 1444 года). Здесь в течение шести часов небольшой отряд численностью примерно в пятьсот или шестьсот человек удерживал свои позиции. Дважды они выдерживали натиск врага, в двадцать или тридцать раз превосходившего их числом, и дважды сами бросались в атаку. Но наконец стены поддались, пробитые насквозь, и враг ворвался в пролом. Последовала рукопашная схватка, пока из-за увольнения из больницы швейцарцы не были вынуждены

Памятник Сен-

Жаку, Базель, работы Шлота. (С фотографии Аппенцеллера, Цюрих.)

сдаться. И все же, несмотря на неудачу, каждый человек умер героем. Некоторые вытаскивали стрелы из своих ран и метали их во врага; другие, потерявшие одну руку, размахивали алебардами другой. Арманьяки, участвовавшие во многих кровопролитных битвах, признавались, что никогда прежде они не встречались с врагом столь бесстрашным, столь не считающимся со смертью. Австрийцы, однако, опровергли такие показания швейцарцев. На следующий день после битвы немецкий рыцарь ехал по полю, утопая в крови, и хвастался своим товарищам: "Сегодня мы, кажется, купаемся в розах". "Вот, ешь свои розы!" - закричал умирающий солдат Ури, швыряя ему в голову большой камень, который сбил его насмерть с лошади. Людовик, потерявший в сражении около четырех тысяч человек, был сильно впечатлен таким проявлением храбрости со стороны швейцарцев и заключил с ними почетный мир в Энсисхайме 28 октября 1444 г. Сен-Жак - это вторые швейцарские Фермопилы, которые навевают бессмертную славу сражающимся. Несмотря на поражение, союзники не были обесчещены. Подобно храбрым спартанцам под командованием Леонида, они предпочли смерть рабству и бесчестью. Это сражение также стало поворотным пунктом федеральной войны; оно сделало конфедератов более сговорчивыми. И хотя разрозненные распри все еще давали о себе знать, в 1450 году был наконец заключен мир, по которому Цюрих был вынужден отказаться от своего союза с Австрией. Федеральная лига была сплочена сильнее, чем когда-либо прежде; старые травмы вскоре были забыты, и эйдгеноссы приняли приглашение в Цюрих присоединиться к карнавальным гуляниям, устроенным в честь примирения в 1454 году. Прискорбный

инцидент с

оружием Швица.

во время празднеств произошел захват эйдгеноссенами в кафедральном соборе знаменитого ученого Феликса Маллеола, каноника Церкви. Родившийся в старинной цюрихской семье, он получил образование сначала в Каролинуме в своем родном городе, а затем в Болонском университете, который был славой Средневековья. Смелый, с несгибаемой волей, рано познакомившийся с развращенностью Церкви и духовенства, он обрушивался с горькими оскорблениями на виновных и нажил себе множество врагов среди духовенства. И в первые годы войны он точно так же нападал на эйдгеноссенов как на врагов своего родного города и называл их неграмотной, неотесанной и воинственной расой. Его собственный капитул возражал против такого сурового человека, как ректор, и поэтому он удовлетворился должностью каноника, которая оставляла ему достаточно времени для учебы и составления ученых брошюр. Когда эйдгеноссен схватил его, он склонился над своими любимыми книгами. Он был поспешно доставлен в Констанцию, и там епископ бросил его в ту же тюрьму, что и мученик Гус. Высшее духовенство, как правило, потворствовало этому поступку, и, хотя ему было обещано освобождение, он был передан пленником монахам в Люцерне. Здесь возвышенные слова Челлано, "*Dies irae, dies illa*", так хорошо известные по их использованию в Заупокойной мессе Моцарта, по-видимому, стали большим утешением для несчастного каноника. Точно неизвестно, когда он умер.

XVIII.

БУРГУНДСКИЕ ВОЙНЫ.

(1474-1477.)

Эти войны подняли на вершину военную славу Эйдгеноссена, и вместо ограниченной сферы, занимаемой большинством предыдущих войн, мы обнаруживаем, что сейчас наблюдаем сцену, представляющую интерес и важность во всем мире. Три Великие державы — Франция, Германия и Австрия, — если такой термин применим в пятнадцатом веке, стремятся к падению четвертого великого королевства, Бургундии, в некоторых отношениях самого могущественного из них. Швейцарская лига, не менее заинтересованная в этом вопросе, становится инструментом для достижения того трагического конца, который навсегда вычеркивает Бургундию из списка будущих королевств.

Елизавета,
жена Альберта II.; Мария Бургундская; Элеонора Португальская; Кунигунда, сестра
Максимилиана.
(Из памятника Максимилиану в Инсбруке.)

Карл Смелый стремился к восстановлению древнего королевства Лотарингия, такого, каким оно было создано по Верденскому мирному договору 843 года.^[37] Это должно было быть срединное королевство между территориями Франции и Германии — королевство, которое, простираясь от Северного моря до Средиземного, поглотит Швейцарскую конфедерацию, а

что касается других территорий, мы не можем сказать. Поразительный план, который, если бы он удался, сильно изменил бы лицо современной политики. Самым смертельным врагом Карла был Людовик Французский, который был непоколебимо настроен на его уничтожение. В политическом отношении эти два человека были полными антиподами друг друга. Романтический герцог - воплощение средневекового рыцарства; трезвый Людовик - воплощение современного абсолютизма. Его правление решает судьбу умирающего феодализма. Людовик подобен непоколебимой скале, о которую тщетно бьются изнеженные Средние века. Он действительно стоит между двумя великими историческими эпохами. Карл обречен на падение, ибо Людовик безжалостно сокрушает своих непокорных вассалов, и феодальная Франция его властью спаяна в могущественную и абсолютную монархию. Честолюбивый отчаянный, воинственный герцог, считает себя вторым Александром. И действительно, во всем христианском мире нет столь великолепного двора, как у него, и столь обширной казны. Его великолепие больше, чем королевское, даже больше, чем имперское, и он сталкивается с бесчисленными запутанными проблемами. Для осуществления своих планов он ставит на карту королевство и жизнь, но, испытывая недостаток терпения и здравого политического суждения, терпит неудачу в своих главных предприятиях.[38]

Предварительные шаги, ведущие к войне, представляют собой дипломатический лабиринт, раскрывающий двурушничество действующих лиц, а также демонстрирующий неопределенное положение Швейцарской лиги в империи. Главной целью было уничтожение этой лиги и свержение Карла Смелого. Лабиринт интриг, действительно, почти непроходим; однако, поскольку предварительные события гораздо менее известны, чем последовавшие за ними войны, а фактические факты часто искажались, они, без сомнения, вызовут всеобщий интерес, и мы постараемся распутать клубки, насколько это возможно. Битва при Сен-Жаке обеспечила конфедератам не только симпатии Людовика, но и союз его отца, Филиппа Доброго Бургундского, миланских Сфорца и других. С тех доблестных времен молодая республика превращалась в процветающую и могущественную нацию, не без своего влияния на континентальные военные дела. Им восхищались, ему завидовали и его боялись, по очереди, его дружбу высоко ценили, и он оказывал защиту всем, кто ее искал. Его любовь к войне была настолько сильна, что он в любое время был готов отомстить за любое зло, причиненное ему самому или его друзьям. Так, Цюрих в 1456 году опустошил земли австрийских рыцарей-разбойников, которые ограбили нескольких страсбургских купцов во время швейцарского обхода. Несмотря на расстояние между ними, два города Страсбург и Цюрих поддерживали тесные дружеские отношения.[39] По приказу Пия II, элегантного латинского писателя, широко известного как Эней Сильвий, который поссорился со своим другом-литератором, герцогом австрийским Зигмундом, Эйдгеноссы завоевали Тургау, который все еще оставался австрийской провинцией, и включили его в число подвластных им земель. Ссоры Мюльхаузена и Шаффхаузена с Австрией втянули их друзей из лиги в войну с Зигмундом (1468), который, чтобы обеспечить мир, согласился выплатить более десяти тысяч флоринов, гарантируя им их недавние завоевания. Эта вражда в Вальдсхуте (Шварцвальд) привела к бургундским войнам.

Экстравагантный, но бедный, Зигмунд не смог найти даже этой скромной суммы и обратился за помощью к Людовику Французскому, но тот направил его к Карлу Бургундскому. Проницательный Людовик понимал, что ссора между герцогами была бы вредной и, возможно, фатальной для Карла, который, совершенно не подозревая о уготованной ему ловушке, с готовностью согласился на предложения Зигмунда. Он стремился объединить Эльзас, Брайсгау, города Аргау на Рейне и т. Д. и выдал пятьдесят тысяч флоринов в качестве залога на владения Зигмунда, ожидая, что вскоре они полностью перейдут к нему. Сент-

Омерским мирным договором 1469 года были зафиксированы таким образом их взаимные условия соглашения: Карл должен был оказать помощь в случае необходимости против швейцарцев, а Зигмунд - способствовать давно запланированному браку между сыном его кузины и Марией Бургундской. Обрадованный таким поворотом судьбы, император немедленно аннулировал Вальдсхутский мирный договор, и Карл Смелый передал новые земли в управление своему фавориту Петеру фон Гагенбаху.^[40] Тиран и распутник, его акты насилия и акты насилия его иностранных солдат привели в ярость немецкое население Эльзаса, Базеля, Берна и Золотурна. Их купцов грабили на Рейне, их послов сажали в тюрьму — один бернец был убит в драке — они жаловались герцогу, но безрезультатно, поскольку жестокость и притеснения продолжались.

Хитрый и всегда настороже Людовик обнаружил, что эйдгеноссы, испытывающие отвращение к жадным наклонностям Карла, быстро теряют взаимопонимание с Бургундией, и попытался привлечь их на свою сторону. Стремясь заполучить друга, швейцарцы охотно прислушивались к лести и инсинуациям коварного Людовика. Ему действительно удалось добиться примирения между эйдгеноссами и Австрией. Это был хитро рассчитанный дипломатический ход, который обеспечил швейцарцам их недавние завоевания, изолировал Карла и усилил оппозицию против него. Людовик назначил Зигмунду пенсию и убедил его выплатить закладную на его земли, в то время как эльзасские города также заключили союз со швейцарцами и фактически выдали Зигмунду требуемую сумму денег. Чарльз, однако, разочаровавшись в своих планах, отказался получать деньги. В Брайзахе произошло народное восстание, и Хагенбах был схвачен, заключен в тюрьму и предстал перед трибуналом, которому помогали некоторые из эйдгеноссов. Он был приговорен к смертной казни и публично обезглавлен, как своего рода всенародный приговор. Хотя Карл был взбешен сверх всякой меры, он все же отложил месть за смерть своего фаворита, поскольку в то время был занят совсем другим. Воспользовавшись этой задержкой, Людовик привлек на свою сторону Фридриха, также расточая лесть швейцарцам и пенсии Николасу фон Дисбаху и его последователям. Этот Николя был бернским дворянином и искусным политиком и был подходящим инструментом в руках короля, который рассчитывал свои планы скорее на *страсти людей к моветону*, чем на их добродетели. Людовик поторопился с началом войны, и 9 октября 1474 года Фридрих призвал эйдгеноссов принять участие в нападении на Карла. Они колебались, но пенсионер и креатура Франции Дизбах, несмотря на сопротивление, оказанное Адрианом фон Бубенбергом, бернским дворянином с гораздо более возвышенным характером, в спешке объявил войну Карлу от имени империи и с согласия Конфедерации. Но как только война действительно разразилась, швейцарцы были превращены своими партнерами в простую кошачью лапу и предоставлены самим себе.

В таком коротком рассказе, как этот, невозможно обсудить достоинства или недостатки различных фракций, а также фракций Хагенбаха или Дизбаха,^[41] однако мы должны ненадолго остановиться на федеральной политике, и особенно на политике Берна. Позиция Швейцарской лиги в начале войны была очень похожа на позицию "Швеции при Густаве Адольфе в Тридцатилетней войне". Находясь под угрозой превосходящей мощи Австрии, она не бралась за оружие до тех пор, пока Франция, в равной степени заинтересованная в падении Габсбурга при Ришелье, не вынудила ее к войне, направив субсидии. Но французское золото ни в коем случае не было действительной и волнующей причиной войны. Этому способствовало многое, и не в последнюю очередь необычайная склонность Берна к возвеличиванию и завоеваниям. Ее агрессивность и дальновидность были весьма примечательны для того времени, а ее политика была задумана в столь широком масштабе,

что ее было уместно сравнить с древним Римом. Граничащий со швейцарской Бургундией, Берн, если можно так выразиться, имел сильные западные пристрастия и очень рано обратил свой взор на Во и Женеву. Она считала гору Юра истинной западной границей, поскольку французская Швейцария все еще находилась за пределами Конфедерации и принадлежала по большей части Савойе или ее вассалам. Какой бы эгоистичной ни казалась политика Берна на таком расстоянии во времени, все же у нее есть неоспоримая заслуга в том, что она присоединила швейцарскую Бургундию к федерации, соединив таким образом французскую часть Гельвеции с немецкой. О политических взглядах Берн ясно свидетельствуют ее международные отношения в то время. Ее дворянство отправляло своих сыновей при иностранных дворах для получения образования и подготовки к военной или дипломатической карьере — Бубенберг, например, провел свою юность при бургундском дворе. Ее лидерами были хорошо обученные военные или опытные политики, а аристократия, составлявшая руководящий орган города, упрямо цеплялась за прерогативы, все еще остававшиеся им в те умирающие средние века.

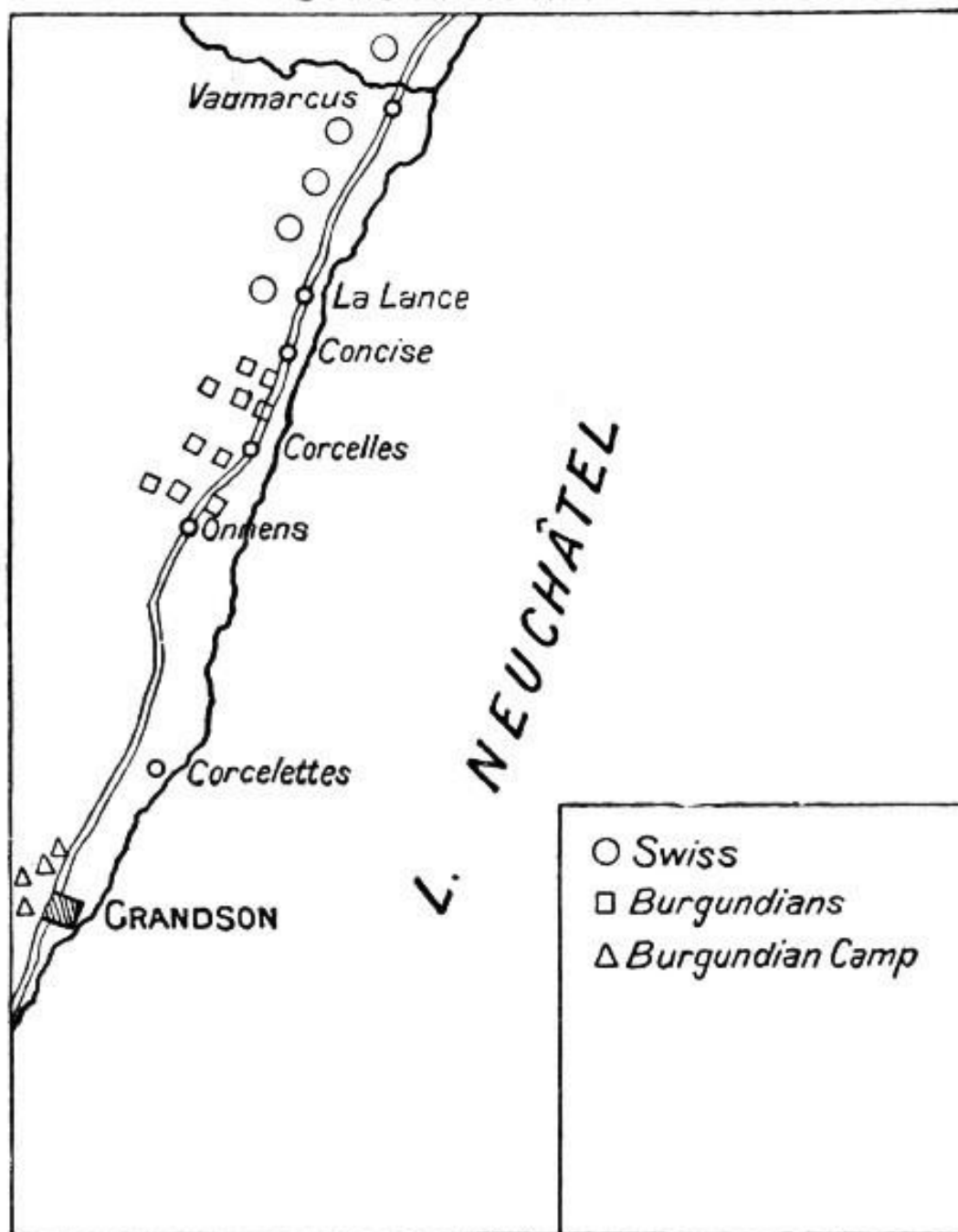
Сельские кантоны были менее заинтересованы в бургундских проблемах, хорошо зная, что Берну достанется львиная доля любых завоеваний. Берн и Цюрих были соперниками и, подобно древним Афинам и Спарте, преследовали каждый свои собственные цели. И все же, когда на карту была поставлена безопасность кого-либо из них или отечества, частные цели и личная вражда были отброшены, и конфедераты сплотились под общим знаменем, проявив тот удивительный героизм, который, кажется, всегда вдохновляла сильная любовь к отечеству.

Первым событием войны стала осада Эрикура близ Бельфора по приказу Фридриха III. Это было в ноябре 1474 года, и последовали опустошительные набеги на Во со стороны Берна, Фрейбурга и Золотурна под предлогом наказания Савойи за то, что она перешла на сторону Карла (1475). Место за местом переходило к победителям, и с помощью Берна Нижнее Вале было отторгнуто от Савойи и возвращено Верхнему Вале. Но как только швейцарцы были по-настоящему вовлечены в войну, все их партнеры сошли со сцены и заключили мир с Карлом. Бургундский принц, таким образом, получив больше свободы в руках, в одиночку предпринял поход против герцога Рене, лотарингского поэта-менестреля, в ноябре 1475 года. В январе следующего года он начал свою кампанию против швейцарцев.

С огромной армией из пятидесяти тысяч самых обученных солдат в Европе, помимо тяжелой артиллерии, он в приподнятом настроении двинулся через Юру, решив сокрушить швейцарских крестьян и сравнять Берн с землей. Граф Ромон был отправлен вперед с инструкциями вновь завоевать Во. Это он осуществил в течение двух недель, поскольку в округе было недостаточно гарнизонов. Затем Карл двинулся на Внук, куда отступили основные бернские силы. Шансы были отчаянными - пятьсот человек против такой огромной армии, и после десятидневного сопротивления гарнизон был склонен к капитуляции тщетными обещаниями безопасности и наглыми подделками. Судьба Динана (Бельгия) ожидала тела 412 сдавшихся мужчин. Их связывали веревками и топили в озере или вешали на деревьях, росших вдоль дорог (28 февраля 1476 года). В грейт-стрейтс Берн призвал на помощь другие кантоны, и 2 марта федеральная армия в восемнадцать тысяч конных и пеших, хорошо обученных и оснащенных, собралась в Невшателе, и Карл отправился навстречу этим силам. Большая дивизия швейцарцев, шедшая впереди, внезапно заметила со склонов виноградников бургундские войска на равнине внизу. Как это было у них принято на войне — в то время они были очень религиозны, почти суеверны, — швейцарцы опустили на колени и простерли руки в молитве. Врагу показалось, что они молят о пощаде, и Карл воскликнул: "Эти трусы наши!" - и приказал своим людям стрелять. Его

артиллерия сметала целые шеренги, но, хотя их ряды были разбиты, швейцарцы стойко удерживали свои позиции против надвигающегося врага. Внезапно Карл приказал своим войскам отступить с двойным намерением - получить больше пространства и соблазнить своего врага спуститься с возвышенности. Но его люди, не подозревавшие о намерениях своего лидера, приняли это движение за настоящее бегство, и в их рядах начали появляться признаки беспорядка. В этот самый критический момент на высотах появились основные силы швейцарцев, их доспехи сверкали на солнце. Оглушительный шум их боевых кличей и боевых рожков (Уристье из Ури, Харстернер из Люцерна) "вселил такой ужас в бургундцев, - сообщает старый хронист из Невшателя, - что они бросились наутек и исчезли из виду, как будто вихрь смел их с лица земли". Однако эйдгеноссенцы не ушли далеко в погоню, ибо "с неопишуемой радостью" они упали на колени, чтобы возблагодарить за великую победу. Когда они приблизились к лагерю Карла, ужасное зрелище, которое они увидели, еще больше разожгло их жажду мести. Их собратья все еще десятками висели на деревьях у дороги.

BATTLE OF GRANDSON—SKETCH MAP. Scale 1 in 150,000.

БИТВА При

ВНУКЕ—ЭСКИЗ КАРТЫ.
Масштаб 1 на 150 000.
КАРТА РАЙОНА ВНУК.

Битва при Внуке примечательна огромным количеством добычи, которая досталась победителям. Ибо Карл и его вельможи имели обыкновение переносить величие своего двора даже в свои лагеря. В руки швейцарцев попали четыреста шелковых палаток, а также ковры из Арраса и сервизы Карла с золотой посудой, вызывавшие восхищение монархов того времени. Его фламандские кружева и тонкое полотно были нарезаны, как домотканые, и разделены между грубыми солдатами; его деньги пошли на каски; его артиллерия, его

прекрасные мечи и ручные ружья и, что самое ценное, его драгоценности были разделены между победоносными швейцарцами. Из трех его знаменитых бриллиантов самый лучший в конце концов перешел к папе Юлию II, другой - к Генриху VIII Английскому, а оттуда к Филиппу Испанскому, а третий - к королям Португалии. Потребовались бы страницы, чтобы дать хотя бы голый список трофеев.[\[42\]](#)

Несмотря на это великое бедствие, Карл не пал духом и в течение двух недель начал собирать свои разрозненные силы. За его передвижениями внимательно следили бернцы, которые сильно укрепили Морат, свой самый сильный форпост, отправив Адриана фон Бубенберга с пятнадцатью сотнями человек удерживать его против герцога. 9 июня 1476 года Карл предстал перед городом с двадцатью пятью тысячами человек, и вскоре его артиллерия произвела ужасный опустошение среди слабых укреплений. Фон Бубенберг, однако, поклялся, что не сдастся до тех пор, пока в его жилах останется хоть капля живой крови. Силы Эйдгеноссена, вернувшиеся домой после последнего сражения, достигли Мората только 21 июня, но решили дать сражение 22-го, поскольку этот день был годовщиной приснопамятного Лаупена. Карл расположил свои войска на плато Мунхвилер, Курлевон и Крессье, напротив Мората, и укрепил свой фронт рвом и баррикадой из деревьев, также разместив вдоль изгороди свою артиллерию и прикрывая ее с флангов своей конницей. Лил проливной дождь; чтобы утомить врага, швейцарцы провели утро, называя рыцарями герцога Рене Лотарингского, вступившего в ряды швейцарцев простым копейщиком, и Ганса Вальдмана, удостоившегося этой чести. Ближе к полудню неожиданно выглянуло солнце, и Ганс фон Халвиль, бернский дворянин, размахивая мечом, воскликнул: "Вперед! храбрые люди. Бог освещает нам путь. Не оставляйте своих жен и детей незнакомцу! Описав на своем фургоне широкий круг, чтобы объехать изгородь, он врезался в правое крыло Чарльза. Видя, что он сражается таким образом, Ганс Вальдман из Цюриха со своим десяти тысячным войском, занимавшим центральную позицию на поле боя, подошел, запрыгнул на укрепление и растоптал изгородь. Взвалив ружья на плечи, они бросились на артиллеристов, которые вели смертоносный огонь, и, отбросив врага, вскоре заставили замолчать их орудия. Затем швейцарские войска сомкнутой фалангой двинулись к центру противника, где стояли Карл с принцем Оранским и другими выдающимися офицерами и где также были размещены английские лучники под командованием Сомерсета. Последовало кровопролитное сражение, Карл сражался как лев, и вскоре полторы тысячи дворян лежали у его ног. Внезапно Бубенберг выступил вперед со своими войсками и атаковал бургундское левое крыло, расположенное между Мунхвилером и Моратом, в то время как Хертенштейн из Люцерна атаковал центр Карла с тыла. Ужасная паника охватила Карла, и его армия внезапно дезорганизовалась и в дикой спешке обратилась в бегство, а швейцарцы последовали за ней в погоню. На всем протяжении от Мората до Авенша происходили ужасные рукопашные схватки, ибо бургундцы стойко сопротивлялись, а швейцарцы не давали пощады. Бесчисленное множество людей было сброшено в озеро, и всего в тот день пало двенадцать тысяч неприятелей, а сами швейцарцы потеряли три тысячи человек. Карл бежал с несколькими всадниками в Морж, но совершенно обезумев от отчаяния, а эйдгеноссены повернули домой, нагруженные богатой добычей. По всей стране зазвонили колокола, приветствуя героических людей, спасших Швейцарию от превращения в подчиненную провинцию Бургундии. Великая битва при Муртене, с точки зрения швейцарцев, чисто оборонительное сражение, все еще оказывает на них такое же воздействие, как Моргартен и Земпах.

СТАРОЕ ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ, СОХРАНИВШИЕСЯ В
АРСЕНАЛЕ ЦЮРИХА.

Несчастный герцог Шарль заперся в своем замке близ Понтарлье, охваченный болезненным отчаянием, но, услышав, что Рене отвоевывает Лотарингию, он снова взялся за оружие и с

новыми силами двинулся на Нанси. Рене вернулся в Швейцарию и даже со слезами умолял Федеральный парламент помочь ему. Парламент сам не стал организовывать новую армию, но разрешил мужчинам по собственной воле записываться под знамена Рене. Около восьми тысяч солдат завербовались в армию и под командованием Ганса Вальдмана 15 января 1477 года отвоевали Нанси. Судьба несчастного Чарльза хорошо известна; его труп был найден в болоте, покрытом льдом и снегом. Популярный стишок таким образом характеризует тройное несчастье Чарльза:

"Zü Grandson das Gut,
Zü Murten den Mut,
Zü Nancy das Blut."

Приобретение победителей никоим образом не соответствовало затраченному труду. Франш-Конте, на который у эйденоссов был титул и который города хотели аннексировать, был продан Людовику за определенную сумму денег, которую он, однако, так и не выплатил. Швейцарцы просто сохранили протекторат над провинцией, послы которой на коленах умоляли принять их в Швейцарскую Федерацию, чтобы предотвратить их попадание в руки Франции или Австрии, судьба, которая, однако, была уготована им самим. Внук Муртена, Бекс и др. остались в Берне и Фрейбурге, но большая часть Во отошла Савойе за выкуп в пятьдесят тысяч флоринов. Женеве пришлось выплатить половину этой суммы в качестве военной контрибуции, и все же путь к аннексии Во был проложен. Фрайбург и Нижний Вале были полностью вырваны из рук Савойи.

СНОСКИ:

[37] См. Главу VI.

[38] Можно привести один любопытный пример его неудач. Бургундская корона была готова для него, и он отправился в Трир (1473), чтобы (римский) император возложил ее на его чело и выдвинул свои имперские притязания. Однако Фридрих III, встревоженный самонадеянностью будущего валлийско-германского государя, прервал переговоры и ночью бежал со своим сыном Максом, который должен был жениться на дочери Карла.

[39] Приятная история связана с тем, что однажды несколько молодых цюрихцев отправились в лодке через Лиммат и Рейн, захватив с собой блюдо горячей чечевицы. Добравшись до Страсбурга вечером, они поставили блюдо, еще горячее, на обеденный стол мэра. Знаменитое стихотворение "Глюкхафт Шифф" описывает это событие.

[40] Хорошо известна по "Анне Гейерштейнской" Скотта.

[41] По этим вопросам читателю предлагается ознакомиться с замечательным эссе Фримена о Карле Смелом.

[42] Доспехи, оружие и знамена — костюм придворного шута Карла, павшего при Морате, находится в Солере — хранятся в музеях различных столиц. Золотая печать Бургундии находится в Люцерне, в то время как в городской библиотеке Цюриха хранится печать Великого Бастарда, брата Карла.

XIX.

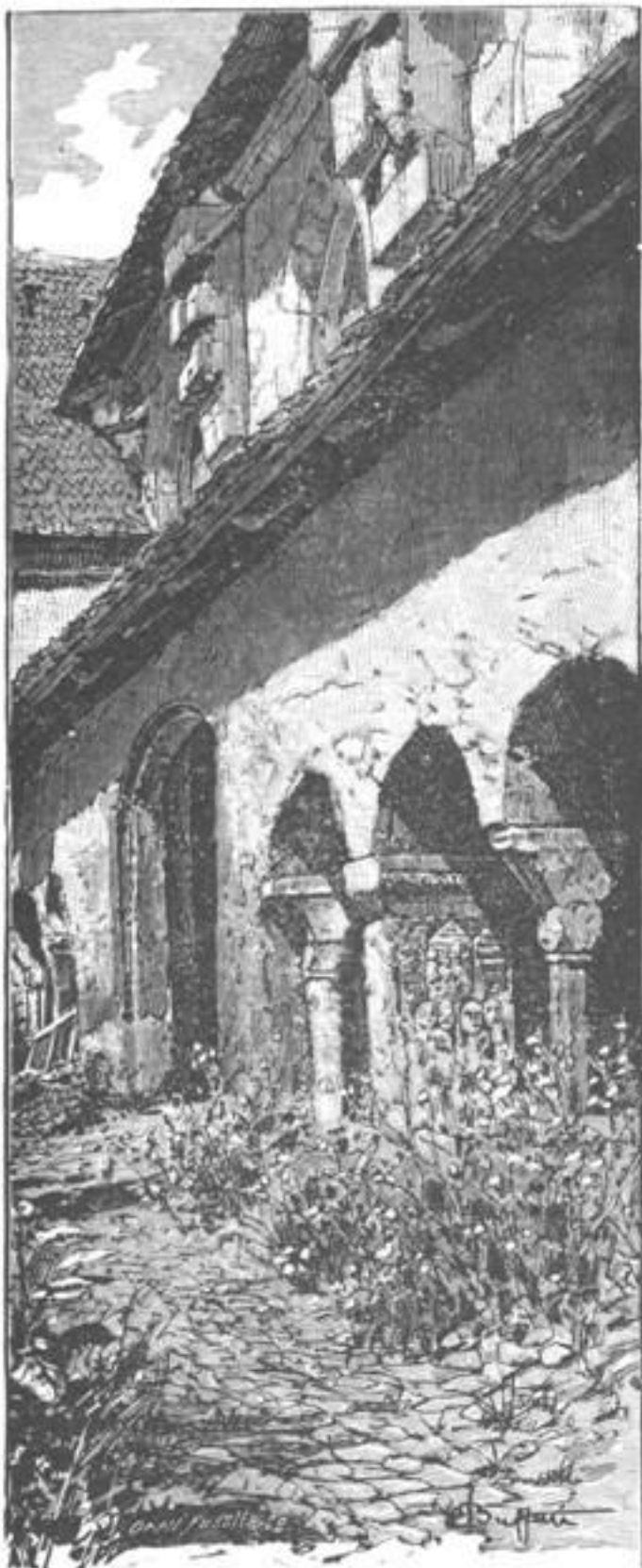
ВСТРЕЧА В СТАНЦЕ, 1481, & С.

Внук, Морат и Нэнси называли эйдгеноссенов *enfants gâtés* Европы и нацией с самым высоким военным статусом на Континенте, более того, даже арбитром в континентальной политике и защитником мира. Все расточали лестные похвалы доблести швейцарцев. Нация за нацией делали им предложения — прежде всего Франция, Италия, понтифик, император, далекая Венгрия и даже Англия, эта последняя желала разорвать французский союз. Заседания Федерального сейма часто превращались в блестящие конгрессы, длившиеся неделями, где принцы и послы соперничали друг с другом в даровании щедрот и милостей швейцарским лидерам, чтобы заручиться их помощью, считая себя непобедимыми, если швейцарцы будут сражаться на их стороне. Период 1476-1512 годов — от Мората до Мариньяно — благородная победа и едва ли менее благородное поражение, добавляет еще одну славную страницу в военную историю Швейцарской лиги, но *revers de la medaille* демонстрирует ожесточенные раздоры и моральный упадок. По правде говоря, бургундские войны завершили славную эпоху, но привели к пагубным переменам перед лицом более благородных войн, поскольку Нанси связан с тем периодом наемничества и иностранной оплаты, который стал проклятием Швейцарии и который не могли остановить даже грандиозные усилия периода Реформации.

Оставив на время внешние войны, давайте взглянем на внутренние дела. Нет необходимости подробно останавливаться на излишествах, которым предавались распущенные солдаты, незанятые и непривычные к регулярному труду после бургундских войн. Подобные вещи почти всегда являются результатом длительной борьбы.

Более серьезная опасность угрожала Лиге из-за возобновления старого антагонизма между странами содружества и городами-государствами. Возникли споры по поводу распределения бургундских завоеваний и принятия Фрейбурга и Золотурна, которые просили об этой милости, в федеральное лоно. В пятнадцатом веке баланс политической власти постепенно склонялся в сторону городов. Цюрих, Берн и Люцерн намного

превосходили "Земли" по численности населения, богатству, влиянию и культуре, и в 1481 году их численность составляла 35 000 человек по сравнению с 15 500 в других пяти кантонах. Они выступали за раздел добычи пропорционально численности их солдат и за получение двух своих товарищей-помощников в предыдущих войнах в качестве вознаграждения. Но три Лесных государства, полагаясь на свой престиж как основного источника и основы лиги и стремясь сохранить свои позиции, сопротивлялись мерам, которые полностью перенесли бы вес власти на противоположную сторону. Их узкие и эгоистичные взгляды и упрямство поставили Конфедерацию под угрозу. Встречи, проводимые для урегулирования разногласий, только усилили горечь. Окончательный сейм был назначен на 18 декабря 1481 года в Станце (Унтервальден), и передовые люди встретились, чтобы договориться, если возможно, о компромиссе. Но они обменялись возвышенными словами, и когда возбуждение достигло апогея, пастор того места, Им Грунд, улизнул и глубокой ночью отправился в пещеру Zum Ranft, расположенную в глуши недалеко от Заксельна. Здесь он посоветовался с Николасом фон дер Флюэ, знаменитым отшельником, который прожил там двадцать лет. Мягкие слова и глубокие мысли исходили от хорошего человека, чья любовь к своей стране всегда была самой сильной. В молодости он служил солдатом и судьей, был женат, и у него родилось несколько детей. Но всегда преданный медитации, он в возрасте пятидесяти одного года внезапно преисполнился религиозного энтузиазма и, не в силах успокоить свою тоскующую душу, простился с семьей и удалился в глубокое уединение. Его община построила ему келью и часовню, которые до сих пор можно увидеть недалеко от Заксельна, на скале под названием die Flüe, отсюда и его имя. Несколько досок служили ему постелью, а подушкой было бревно. В припасах он не нуждался, потому что питался кореньями и дикими ягодами, и среди деревенских жителей распространилась поговорка, что он питался только хлебом святого причастия и не ел никакой другой пищи. Крестьяне относились к его персоне с удивлением и благоговением, и хотя иногда его видели совершающим богослужение в Айнзидельне, ни один мужчина никогда не видел его по пути туда или обратно. Слава о его мудрости распространилась за пределы его собственной страны, и многие высокопоставленные особы приезжали посоветоваться с его оракулом — со всех концов империи и Италии, посланцы Зигмунда и Фридриха. Но в тонкие дискуссии он никогда не вступал, оставляя их скорее своим священникам. "Чистая вода течет не по золотым трубам, а по трубам из свинца", - обычно говорил он тем, кто жаловался на распутную и дегенеративную жизнь духовенства. Итак, добрый пастор излил душу этому человеку и получил от него утешение и мудрые слова. Затем он с трудом вернулся в Станц, 22 декабря. Обнаружив, что Диета распалась, а посланники вот-вот разъедутся по домам, он побежал по разным гостиницам и со слезами на глазах умолял мужчин вернуться еще раз. Вся оппозиция растаяла при упоминании имени Брудера Клауса, посланники собрались вновь и с трепещущими сердцами выслушали глубокие истины, изреченные им. Их разногласия были улажены в течение часа, и "Фрайбург" и "Золотурн" были единогласно приняты в лигу. Благословляя память "Миротворца", делегаты вернулись домой, и радостная весть об установлении согласия повсюду была отмечена колокольным звоном.

БОГОМАТЕРИ. ЛЮТОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЦЮРИХА.

ВНУТРЕННИЙ ДВОР АББАТСТВА

Еще одной особенностью этого памятного дня стало подписание Станцкого соглашения - серии мер, подготовленных заранее, но к которым Николас не приложил руки. Они были

направлены главным образом против эксцессов и бурных восстаний, которые постоянно происходили в сельских кантонах, их целью было восстановить порядок и предотвратить повторение неповиновения, а также ограничить "слишком много свободы в землях". Несмотря на сопротивление Швица, соглашение было ратифицировано и постепенно стало неотъемлемой частью судебных актов Конфедерации. Поскольку они отражают энергичный дух Ганса Вальдмана, самого влиятельного швейцарского государственного деятеля своего времени, эти меры были, хотя и ошибочно, приписаны ему.

Этот Вальдман действительно является самой заметной фигурой в Швейцарии XV века и составляет разительный контраст со скромным отшельником Zum Ranft, поскольку он разделял все превратности своего времени. Полная жизненной энергии, изобилующая возвышенными планами, его жизнь представляет собой яркую картину, однако кое-где омраченную глубокими тенями, отбрасываемыми той волнующей, роскошной, быстротечной эпохой, которая сама была окрашена бургундскими войнами. Карьера этого замечательного человека - это фрагмент моральной, социальной и политической истории, вполне достойный нескольких минут внимания.

Бедный крестьянский мальчик Вальдманн поднялся до самого высокого положения в стране - бургомистра Цюриха и главы, или короля, как ему нравилось это называть, Эйдгеноссена. Подвижные и страстные Цурчеры больше, чем кто-либо другой из членов лиги, поддаются увлечениям и никогда ничего не делают наполовину, будь то во благо или во зло, сегодня бросают своего вчерашнего кумира и передают его палачу, так было сказано. Странной была карьера Вальдмана. Родившийся в кантоне Цуг около 1436 года, он в ранней юности отправился в Цюрих в поисках счастья, а в возрасте шестнадцати лет купил там гражданство. Обученный различным профессиям, он в конце концов обратился к торговле железом, но его беспокойный ум был неизменно устремлен на поле боя, и он записался в солдаты при первом ударе барабанов и ринулся в надвигающуюся борьбу в качестве капитана цюрихских солдат и кондотьера немецких принцев. В периоды спокойствия он снова возвращался к делам, в то же время предаваясь городским удовольствиям. Молодой, пылкий, красивый, с умным лицом и обаятельными манерами, он очаровывал женщин, в то время как его красноречие и жизнерадостность сделали его всеобщим любимцем мужчин, и особенно широких масс. Ходило много историй о его полной приключений жизни, а излишества, которым он предавался в компании других молодых людей города, привели к тому, что его поместили в Велленберг, государственную тюрьму, построенную на озере. И все же в тот век распушенности подобные недостатки не умаляли его личного обаяния и авторитета. Он женился на веселой и красивой молодой вдове из хорошей семьи и называл себя сквайром Дюбельштейна из приобретенного им поместья. Этот союз поднял его положение в обществе, и с помощью Констафеля, органа аристократии, с которым он был связан, он надеялся получить должность в правительстве. Но юнкера, или молодые дворяне, с презрением отнеслись к притязаниям человека, который когда-то был кожевенником, и, соответственно, он обратил свое внимание на ремесленников и гильдии, и в 1473 году они вернули ему пост советника. За его буйным духом и драчливым нравом скрывались выдающиеся способности полководца и политика, дары, которые бургундские войны должны были продемонстрировать миру. От начала до конца он участвовал в кампаниях. В Морате мы видели, как он был посвящен в рыцари и возглавил основную атаку против Карла Смелого; восстановление Нанси было главным образом его заслугой, поскольку именно он выступал за продолжение войны и призыв Рене Лотарингского к оружию на Федеральном сейме. В совете директоров и федеральных собраниях он прославился своими политическими и дипломатическими талантами и показал себя проницательным послом. Направлен ко французскому двору для переговоров с Людовиком XI. уважая Франш Конте, он

поддался французскому влиянию, поскольку его моральные принципы ни в коем случае не соответствовали его интеллектуальным способностям. Он стал пенсионером того же короля, который, таким образом, первым подкупил швейцарских лидеров своим золотом. В своем родном городе Цюрихе Вальдман занимал ряд государственных должностей; в качестве эдила он построил прекрасную Вассеркирхе, Пантеон военных трофеев и т.д. В 1480 году мы находим его занимающим высокий пост трибуна и главы гильдий, а три года спустя он был избран бургомистром. Однако, чтобы получить эту последнюю должность, он сместил могущественного шевалье Гольдейна. Он правил Цюрихом как настоящий суверен, глава республики, а также влиял на внешнюю политику Федерации. Он диктовал условия мира; к нему обращались иностранные князья с просьбой о союзе или вводе войск; и на него они осыпали его своими милостями. Он был назначен гофратом Милана и, став австрийским пенсионером, начал больше склоняться к этой стране, чем к Франции, и, возможно, это было справедливо. Вальдман быстро стал фактически самым влиятельным государственным деятелем и, несмотря на свои экстравагантные привычки и безграничную щедрость, самым богатым из эйдгеноссов. Благодаря его великому влиянию Цюрих был восстановлен в том превосходстве в государстве, которого он лишился в ходе гражданской войны и которое Берн приобрел во времена бургундских смут.

Амбициозный и легко подкупаемый, Вальдманн по-прежнему придерживался высоких взглядов в своей внутренней политике и в своей администрации, и эти взгляды он предлагал претворять в жизнь с помощью основанного им политического клуба. Этот клуб он передал под опеку двенадцати влиятельных граждан, которые следовали его указаниям. По правде говоря, в его личности было особое очарование, а его интеллектуальные способности вызывали восхищение всего его окружения. Он намеревался провести несколько радикальных реформ, которые должны были изменить облик цюрихской республики. И в первую очередь он обратился к дворянству, другом которого не был.

До сих пор аристократия и ремесленники были одинаково представлены в правительстве (Кляйнер Рат, см. Цюрих), у каждого было по двенадцать мест (одно выбыло). Вальдман, однако, покончил с половиной этого числа и заменил их людьми из Zünfte, или Гильдий, которые почти все были на его стороне. Это не только укрепило его власть как диктатора, но и повысило значение демократии в целом, в то время как уменьшило значение дворянства. Он также не щадил духовенство. В 1486 году он издал серию приказов против злоупотреблений и вынудил Иннокентия VIII. дать на них свою санкцию. Вальдман временами добродушно величал себя папой и императором в Цюрихе. В одном из своих произведений он сетует на пагубные последствия бургундских войн и наемнической службы при Рейслауфенах. Иностранное влияние действительно быстро распространялось; богатые переняли дорогие иностранные вкусы, в моду вошла французская и испанская одежда, увеличилось количество общественных увеселений, а великолепные семейные праздники — свадьбы, крещения и тому подобное — стали обычным явлением среди жителей Цюриха. Вальдман начал предпринимать шаги, чтобы упорядочить эти экстравагантные вкусы, хотя сам он не практиковал то, что проповедовал, — зашел так далеко, что установил количество приглашаемых гостей и стоимость преподносимых подарков. Общественные развлечения были пресечены, даже если они носили совершенно невинный характер. Рединг из Швица полностью защищал Рейслауфена.

Неутомимый Вальдман распространил свои указы на сельские округа и, предвосхищая взгляды XVI века, стремился к централизации власти. Это было сделано в надежде укрепить его правительство и подчинить отдельные части страны единому общему своду законов. До сих пор в каждой деревне существовала своя судебная система. Регенсберг, например,

ревниво отстаивал свое любопытное право баловаться ушастикой по цене пяти шиллингов в каждом случае, в то время как в других местах такое же сомнительное развлечение стоило вдвое и утроить эти деньги. Город Вальдман считал главой республики, в то время как сельские районы он рассматривал как менее почетную или подчиненную часть политического тела. Торговлю и обрабатывающую промышленность он монополизировал для города, ограничив сельские районы сельским хозяйством и выращиванием виноградной лозы. Бесчисленны были меры по улучшению положения, которыми смелый реформатор осыпал свою страну, но многие из них были приняты неосмотрительно, а суровость, с которой он осуществлял свои планы, оттолкнула все классы, и никого больше, кроме знати. Вследствие этого юнкерами (Гельдли, Эшерами, мейерами фон Кнонау и др.) был составлен заговор против бургомистра, чье явное богатство опровергало его напускную республиканскую простоту. Но ослепленный лестью толпы и собственной властью, Вальдманн не видел быстро разгорающейся бури.

Опрометчивая казнь Илинга Люцерна, героя Джорнио, по приказу Вальдмана, которого и знамя которого он оскорбил в той кампании, настроила народ против правителя Цюриха, хотя Люцерн, благоговевший перед могущественным бургомистром, не осмелился обвинить его. Но он отдал более абсурдный, хотя и менее незаконный приказ, который в конце концов вызвал разразившуюся против него бурю. Однако, по-видимому, его подстрекали враги, желавшие ускорить его гибель, и он отдал приказ крайне неохотно. Речь шла о том, что сельские жители должны были убить всех своих крупных собак, ссылаясь на то, что животные нанесли ущерб виноградникам и охотничьим угодьям. Ужас был так велик, словно Карл Смелый снова ожил. Некоторые подчинились, но в Кнонау собрались пятьсот крестьян и оказали сопротивление гонцам, посланным устроить резню. Следуя этому примеру, весь округ поднялся с оружием в руках и, двинувшись маршем на Цюрих, потребовал приема 4 марта 1489 года. Описание этой вспышки заняло бы слишком много места; она была остановлена на время, но 1 апреля вспыхнула снова. Вальдман, помешанный на развлечениях, на самом деле вернулся в Баден, веселый курорт недалеко от Цюриха, место встречи *высшего* мира, но он сразу же поехал обратно в город со своим конным отрядом, надеясь своим личным влиянием сдержать восстание. Но большинство было слишком сильным для него, и, сдавшись, он со своими приверженцами был отправлен на веслах в башню Велленберга, где его вздернули на дыбу, однако ничего достойного смерти обнаружено не было. Тем временем горожане провели городское собрание в Вассеркирхе, вынесли ему смертный приговор и поспешно сформировали правительство для утверждения приговора. В свои последние часы Вальдман проявил благородство души; ни одно горькое обвинение в адрес своих врагов никогда не слетало с его уст; и он никогда не падал духом, ибо в глубине души знал, что всегда стремился способствовать величию города, и только к этому. Если бы он обратился к толпе, то, возможно, был бы спасен, но он пообещал своему духовнику, что не будет обращаться с такой просьбой, и по пути на плаху он просто умолял тысячи людей, собравшихся на кровавое зрелище, простить его и помолиться вместе с ним. Люди были тронуты до слез, но как раз в этот момент была распространена ложная тревога о том, что австрийская армия идет ему на помощь. Это ускорило его гибель. Он был казнен на лугу на возвышении за городскими стенами, чтобы не допустить вооруженных людей в город, 6 апреля 1489 года. "Да защитит тебя Бог, мой любимый Цюрих, и сохранит тебя от всякого зла!" - были последние слова умирающего, когда он за мгновение до нанесения смертельного удара обратил свой взор к любимому городу. Новое правительство, получившее название "Рогатый совет", из-за своей недееспособности какое-то время было не в состоянии остановить восстания, и последовали новые казни. "Компромисс Вальдмана" (*Spruch* Вальдмана) обеспечил городу господство над сельскими районами, в то время как самому городу были возвращены его старые свободы. Деревенским жителям еще не

приходило в голову просить о том, чтобы их представили в совете. Возможно, можно добавить, что в Цюрихе часто обсуждается вопрос о том, следует ли устанавливать памятник в память Вальдмана. Мнения по этому вопросу разделились.

ГЕРБ УНТЕРВАЛЬДЕНА.

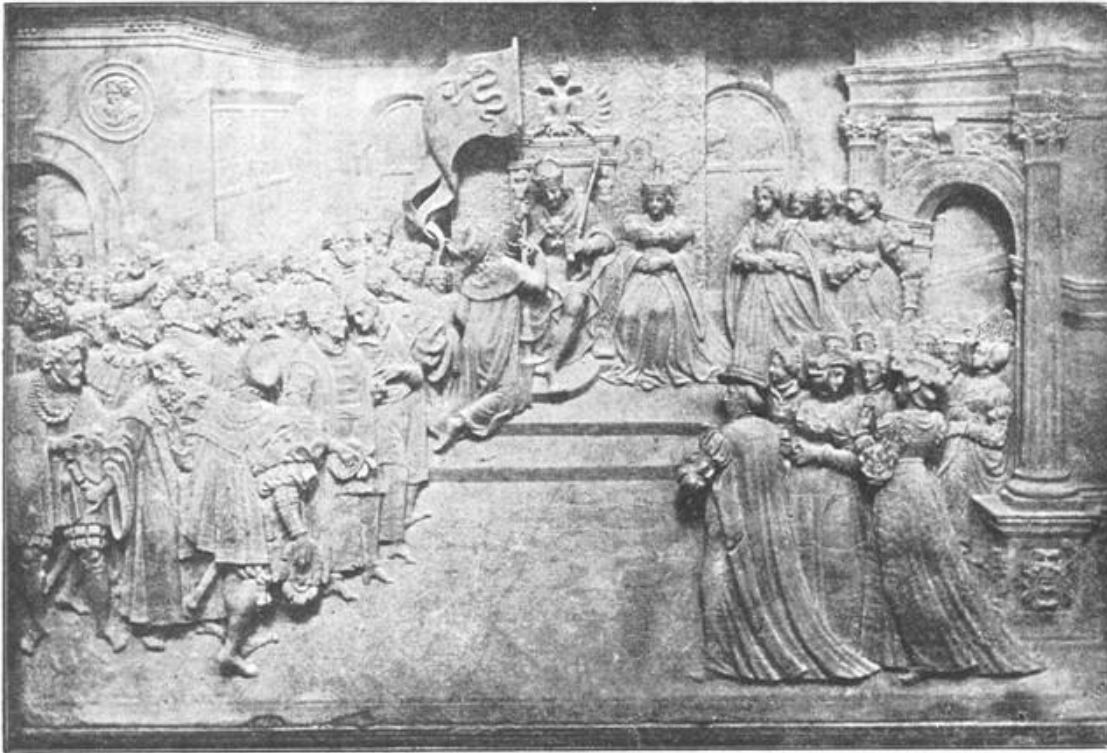

XX.

ЛИГА ТРИНАДЦАТИ КАНТОНОВ ЗАВЕРШЕНА.

(1513.)

Ни один путешественник, посещающий живописный город Инсбрук, не должен пропустить посещение Хофкирхе, чтобы осмотреть один из самых замечательных шедевров немецкого искусства - внушительный памятник, воздвигнутый Максимилианом австрийским самому себе. Среди многочисленных великолепных бронзовых фигур, украшающих этот памятник, мы находим Рудольфа Габсбургского, Леопольда III, павшего при Земпахе, Карла Смелого и многих других, чьи имена знакомы читателю "Истории Швейцарии". Но самая грандиозная фигура там - это сам Максимилиан, персонаж, едва ли менее интересный для швейцарцев из-за роли, сыгранной этим правителем в отделении Швейцарии от империи.[\[43\]](#)

ПАМЯТНИК

МАКСИМИЛИАНУ В ИНСБРУКЕ, МРАМОРНЫЙ РЕЛЬЕФ. (С фотографии оригинала.)

Максимилиан, сын Фридриха III, был первым из длинной череды монархов, которые считали свое высокое призвание серьезным делом и искренне желали благополучия народа, которым они правили; и империи, к сожалению, раздираемой разногласиями между различными фракциями прелатов, князей и городов, каждая из которых преследовала свои особые цели, независимо от благосостояния империи в целом. Желая еще теснее сблизить различные части своего королевства, он стремился ослабить свою власть над Швейцарской конфедерацией, связи между которой и империей со временем ослабли. В то же время он надеялся, что сможет привлечь Швейцарию на свою сторону благодаря своим итальянским планам. Сначала он пригласил, а затем приказал эйдгеноссенам согласиться с новой конституцией (1495 г.) и присоединиться к Швабскому союзу, лиге, созданной знатью и крупными городами под руководством австрийского короля. Но такая жертва своей свободой и независимостью совсем не устроила швейцарцев, и они наотрез отказались. К этому времени они вполне осознали, что их собственный федеральный союз был для них гораздо лучшей гарантией безопасности, чем сомнительная помощь раздираемой партиями Германии. Более того, они чувствовали, что рейхстаг, состоящий только из аристократических элементов, никогда не сможет по-настоящему представлять и продвигать их республиканские и демократические интересы. И, кроме того, их самые сильные чувства были направлены против Австрии. Императорская корона стала почти наследственной в семье Габсбургов, и подчинение имперскому правлению означало для швейцарцев потерю всех политических свобод и преимуществ, которые они приобрели. И последнее, но не менее важное, после двурушничества Фридриха III. во время бургундских войн швейцарцы мало доверяли имперским правителям. Положение эйдгеноссенов действительно было во многом похоже на положение американцев триста лет спустя. Они отказались от верности правительству, которое возлагало на них бремя, но в котором они практически не участвовали. Максимилиан пригрозил швейцарцам вторжением, в то время как его канцлер предложил обрушить на них свое перо. Но швейцарский посланник ответил монарху, что ему

было бы очень опрометчиво пускаться в такое предприятие, в то время как канцлеру он сказал: "Почему, сэр, мы должны бояться ваших гусиных перьев? Известно, что мы не боялись ваших австрийских копий ". Возможно, впервые швейцарцы по-настоящему осознали, что они находятся в исключительно независимом положении и не нуждаются в иностранной поддержке для своей защиты. Ребенок-прогульщик вырос сильным и уверенным в себе и, безусловно, откажется отказываться от своей дорого купленной и столь желанной свободы.

Этот решительный отказ, великая дружба швейцарцев с Францией — ибо со времен Сен-Жака они постепенно переходили на сторону Франции — и их независимое поведение безмерно уязвили их швабских соседей. Последовали взаимные обвинения, и стремление обеих сторон к войне усилилось из-за досадных судебных процессов и серьезных неприятностей в Граубюндене. Наконец пламя вырвалось наружу. Этот "Скалистый остров", где мирно сосуществуют три швейцарские национальности, опасаящиеся попасть под власть Габсбургов — поскольку австрийские и ретийские земли все еще были неразрывно смешаны друг с другом, — искал убежища у эйдгеноссов в качестве связей с Цугевандте (1497 и 1498), за исключением Зенгерихте. Тирольское правительство, воспользовавшись этим событием как предлогом, призвало на помощь Швабскую лигу и в отсутствие монарха ввело войска в Мюнстерталь. Бюнднер ответил призывом конфедератов, и вскоре война бушевала по всей линии Рейна, от Базеля до границ Форальберга и Гризонда. Таким образом, освобождение Реции (Граубюндена) шло шаг за шагом вместе с отделением Швейцарской лиги от империи. Эта война, получившая название Швабской по имени людей, принявших в ней наиболее заметное участие, какой бы славной она ни была во многих отношениях, не может быть описана здесь подробно. Максимилиан был втянут в борьбу, но его войска так и не прониклись духом предприимчивости и были полностью разгромлены. Ни одна швейцарская война не была более плодотворной в плане славных подвигов и актов самопожертвования. В качестве примера мы можем просто сослаться на благородное мужество Бенедикта Фонтаны, вождя Готтесхаузбунда. Он возглавил атаку на мощную крепость, считавшуюся неприступной, в узкой долине Ан-дер-Кальвен (Чиалавайна), на границе с Тиролем. Израненный пулей, он, тем не менее, прикрывал свои раны одной рукой, сражаясь другой, пока не упал в изнеможении, призывая свои войска: "Вперед, товарищи! Я рассчитываю только на

СТЕНЫ МУРТЕНА.

ГОРОДСКИЕ

один человек; сегодня мы ретийцы и союзники, или никогда больше!" Воодушевленные его примером, фон Планта и другие благородные вожди пожертвовали собой; форт был взят, и две лиги были освобождены из австрийских тисков. Швабская война длилась шесть месяцев, сами швабы десять раз терпели поражения, в то время как швейцарцы были отброшены только в двух случаях; немецкая территория за Рейном была опустошена; две тысячи деревень и замков были взяты, а двадцать тысяч их солдат убиты. Неудивительно, что обе противоборствующие стороны стремились к миру, и это было закреплено Базельским договором от 22 сентября 1499 года. Результатом стало отделение Швейцарской лиги от империи, но это было скорее осознано, чем официально выражено. Эйдгеноссены были

освобождены императором из состава рейхскамергерихта, что было равносильно признанию их независимости. Сто пятьдесят лет спустя эта независимость была официально провозглашена по Вестфальскому миру. Некоторое время, однако, сохранялось много любопытных аномалий; швейцарцы по-прежнему представляли свои хартии на утверждение государя, принимали дворянские патенты и так далее. Но последние войны снова завоевали для них уважение и восхищение многих их соседей.

Теперь о приеме в лигу просили Базель и Шаффхаузен, и их просьба была удовлетворена в 1501 году. Базель занимал девятое место в федеральной цепочке и, таким образом, опередил Фрайбург и Золотурн в знак признания своего высокого положения и больших заслуг. Базель действительно значительно продвинулся в процветании. Она открыла свой университет в 1460 году; ее значение как торгового центра было велико; и она стала подходящим краеугольным камнем на Западе. Она гордилась своим союзом с лигой и защитой, которую она ей предоставляла; и чтобы показать полное доверие, которое она испытывала, она распустила всех стражников у своих ворот и поставила вместо них старую женщину с прялкой, которая, к большому неудовольствию соседей, обычно получала плату за проезд. Отныне швабы и швейцарцы рассматривались как разные национальности. Вюртембург и Бавария вступили в союз со Швейцарией уже на следующий год, и даже сам Максимилиан возобновил свою дружбу со швейцарскими государствами. "Может ли быть большой комплимент превосходству Швейцарского союза, - говорит немецкий историк Ульман, - чем этот знак доверия со стороны Максимилиана?" После различных отказов и только после того, как Аппенцелль получил право занять свою должность, он был принят в федеральное лоно в декабре 1513 года, несмотря на сопротивление принца-настоятеля Сент-Галла, в качестве члена на равных условиях и списка XIII. Орте, или кантоны, были завершены и оставались закрытыми в течение трех столетий.

Последующие итальянские войны носят более или менее отпечаток войн наемников и интересны главным образом с военной точки зрения, поэтому здесь будут затронуты только существенные моменты их истории. Было показано, как лига закрепилась в Тичино при Висконти;^[44] и позже швейцарцы не только стремились увеличить свои приобретения в Италии, но и сыграли заметную роль в войнах, которые вели иностранные принцы и державы, претендовавшие на Неаполь, Милан и т.д.

Период французского вторжения в Италию начался в 1494 году, когда швейцарцы помогли Карлу VIII французскому в завоевании Неаполя, который он отнял у Арагонского дома. Его преемник, Людовик XII, отнял Милан у Людовико Сфорца по прозвищу Моро с помощью швейцарцев, пообещав уступить швейцарцам Беллинцону в награду за их услуги. Из многочисленных врагов, которых он возвел против себя, самым ожесточенным был папа Юлий II, который рассчитывал на помощь эйденоссов в деле изгнания французов из Италии, тем более что он нашел среди них подходящий инструмент для осуществления своих планов. Священник Маттеус Шиннер был замечательным человеком. Родившийся в беднейшей семье в Верхнем Вале, он в молодости пел на улицах за хлеб. Имея столь скромное происхождение, он возвысился до положения кардинала и стал близким другом понтифика. Щедро располагая деньгами, индульгенциями и властью, он заключил пятилетний союз между Папским престолом и Швейцарией. Швейцарцы с готовностью заключили это соглашение, поскольку Людовик пренебрег ими, и, более того, их контракт с Францией истек в 1510 году. Испания, Англия и другие державы также вступили в союз с папой Юлием, но его главными сторонниками были швейцарцы. Во время их похода через Ломбардию против французов (1512) Павия сдалась, и Милан также пал в руках победителей. Реформатор Цвингли, присутствовавший в кампании в качестве лагерного проповедника,

сообщает, что было любопытно наблюдать, как послы великих держав явились на Тагзацунг в Бадене, где решалась судьба Милана, и умоляли эйдгеноссов о большей или меньшей доле герцогства.^[45] Несмотря на всю лесть, швейцарские посланники восстановили Максимилиана Сфорца в правах на его наследие, а взамен получили Лугано, Локарно и др.

Попытка Людовика вновь завоевать Милан провалилась. Его прекрасная армия, которой командовали величайшие полководцы того времени Тремуиль и Тривульцио, потерпела поражение при Новаре в 1513 году. Эта осада превзошла все, через что швейцарцы когда-либо проходили, однако они оставили ворота открытыми и в насмешку развесили полотно перед проломами. Иностранные историки сравнивали это сражение с величайшими победами греков и римлян. Историк Макиавелли предсказал, что швейцарцы однажды возьмут на себя руководство Италией, но этому, однако, не суждено было сбыться.

После восшествия на престол Франциска I. Этот молодой и амбициозный принц пожелал ознаменовать начало своего правления возвращением Милана. Стремясь сохранить нейтралитет Швейцарии, он делал предложения, которые были отклонены. Но интриги среди швейцарцев и разногласия среди их союзников сыграли ему на руку, и Берн, Фрейбург и Золотурн приняли мир вопреки интересам Швейцарии, и их люди вернулись домой. Кардинал Шиннер, испытывавший сильную неприязнь к французам из-за ложного сообщения о том, что враг у ворот, в дикой спешке вызвал эйдгеноссена, который до сих пор

колебался. Швейцарцы последовали за своим предводителем, который сидел верхом на коне, его пурпурный плащ развевался на ветру, и столкнулись с врагом при Мариньяно (современный Маленьяно) 13 сентября 1515 года. Последовала ужасающая борьба, затихшая только в полночь, когда зашла луна. Тривульцио прорубил себе путь сквозь толпу своим мечом. Баярд, *"шевалье без страха и упрека"*, впервые в своей жизни бежал. На рассвете швейцарцы возобновили атаку. Их шансы колебались до полудня, когда крики "Сан-Марко!" возвестили о приближении венецианцев. Они, по-видимому, собирались отрезать отступление, и равнина, на которой стояли швейцарцы, была теперь под водой, поскольку французы разрушили дамбы Ламбро, и эйдгеноссы были вынуждены отступить. Это они сделали в идеальном порядке, унося с собой своих раненых и сохраняя оружие и знамена. Действительно, они были скорее отброшены, чем разгромлены, и Франциск, преисполненный восхищения швейцарцами, запретил своим войскам преследовать их. Тривульцио заявил, что восемнадцать сражений, свидетелем которых он был ранее, были всего лишь детской забавой по сравнению с битвой при Мариньяно.

В ноябре следующего года (1516) между Францией и Швейцарией был заключен "вечный мир", и это сблизило Швейцарию с ее могущественным соседом. Материальными результатами войны стали приобретение Тичино (который был признан кантоном в 1805 году), а также Вальтеллины и Кьявенны. Это поражение стало поворотным моментом в истории Швейцарии, установив господство Франции. Роль, которую они до сих пор играли в европейской политике, подошла к концу, и господство, которое они так долго сохраняли как ведущая военная держава, странным образом пошатнулось. Спад был явно неизбежен.

Здесь можно сказать несколько слов о знаменитом монастыре Святого Галла. Монастыри Святого Галла проливали яркий свет на швабские земли в их лучший период, с 800 по 1050 год нашей эры. Этот знаменитый религиозный дом был центром искусства и высокой культуры и был благословением для всей страны. Мы можем лишь сослаться на некоторых из его знаменитых монахов, таких как Ноткерс, Эккехард, Рабберт и так далее; многие известны как поэты, музыканты, ученые, историки и учителя самого высокого ранга. В известной школе при монастыре проживало и получало образование около трехсот сыновей немецкой и гельветической знати. Дисциплина поддерживалась самая суровая. Рассказывают, что король Конрад I, посетив это учебное заведение, пожелал проверить это на практике и распорядился разбросать под школьными скамьями корзину, полную прекрасных яблок. Ни один ученик не притронулся к фрукту, и, чтобы вознаградить их за это замечательное самообладание, Конрад подарил юношам три выходных. Но количество анекдотов, связанных с этим великолепным заведением, бесконечно.

СНОСКИ:

[43] Максимилиан, однако, похоронен в Винер-Нойштадте (Вена). Памятник в Инсбруке был задуман самим императором, хотя на выполнение этой работы ушло несколько поколений (1509-83). Двадцать рельефов были работы Колина Мехельнского и вызвали восхищение даже Торвальдсена. Весь памятник в высшей степени интересен как с художественной, так и с исторической точки зрения. Среди бронзовых фигур наиболее изысканной является фигура короля Артура работы знаменитого Питера Вишера.

[44] См. стр. 187.

[45] "Здесь вы можете наблюдать характер мужчин, - пишет он, - осторожность и хитрость. Они стремятся озадачить друг друга, чтобы извлечь выгоду из возникшей неразберихи. Они претендуют на одно, но надеются получить другое".

XXI.

ВЕЛИКИЕ СОБОРЫ; ЛАНДСГЕМЕЙНДЕ И ТАГСАТЦУНГ, ИЛИ СЕЙМ; ЛИТЕРАТУРА ГЕРОИЧЕСКОГО ВЕКА.

Пожалуй, лучшего места, чем это, нельзя найти для обсуждения конституционных вопросов расширенного Бунда. Описание *административного режима* каждой из тринадцати республик было бы слишком утомительным для читателя, и поэтому мы будем рассматривать их в совокупности, насколько это возможно. Кантоны естественным образом разделились на два подразделения: *Большой совет* и кантоны *Ландсгемейнде*, причем последнее включает в себя страны-республики, три Вальдштеттена, Гларус, Аппенцель и Цуг.

SARNEN, BERN.

Мы видели на примере Цюриха, как возник ее совет и стал главным краеугольным камнем ее конституционной свободы после того, как на протяжении нескольких поколений она зависела от аббатства. В этом последнем отношении Цюрих лишь напоминает Люцерн, Золотурн, Женеву и другие города, которые прошли аналогичные фазы развития. Берн, однако, получил печать независимости при самом своем рождении — в той самой хартии свобод, которая была включена в ее основание, — и его история протекала более гладко. Ее правление сразу же приобрело аристократический оттенок, правила тесная корпорация доминирующих семей; и в этом отношении она чем-то напоминала могущественную Венецию. В восемнадцатом веке этих правящих семей насчитывалось 360, и они держали на расстоянии вытянутой руки ремесленников, которые, однако, не были полностью исключены из участия в правительстве. Обширная личная собственность и дополнительные владения, приобретенные в результате завоеваний, были главным источником могущества Берна и приносили большой доход патрициям. Правление, доминация, управление государством стали главной заботой бернской аристократии, в то время как в Люцерне, Золотурне и Фрейбурге правительство было, по возможности, еще более аристократическим, чем в Берне, и во всех этих случаях руководил Шультхайс, или мэр. В Цюрихской республике был обнаружен более демократический дух, и жители были склонны к промышленным и интеллектуальным занятиям, а не к правлению и завоеваниям. Ее ремесло было значительным, а конституция покончила с прерогативами знати. Благодаря этим событиям для ее бюргеров был открыт путь в правительство, и среди ремесленников возникло честолюбивое стремление подняться по социальной лестнице. Цюрих является прототипом Женевы восемнадцатого века, два города очень похожи друг на друга своими тенденциями и движениями, религиозными и политическими. В Женеве ремесленники, занимавшие *бас-де-ла-виль*, благодаря своей энергии пробивались к *haut de la ville*, или кварталу привилегированных классов. Вся власть принадлежала двум советам — "Большому ратуше", своего рода

ГОРОДСКИЕ

СТЕНЫ ЛЮЦЕРНА.

законодательного органа, насчитывающего сто или двести членов; и "Кляйне Рат", избранный комитет первого, состоящий из двадцати пяти-тридцати шести членов, в руках которого находилась исполнительная и судебная власть. В либеральных кантонах председательствовал бургомистр. Однако Совет посягнул на права народа в целом и лишил его прямого влияния на управление делами. Базель и Шаффхаузен последовали примеру Цюриха. Подлинными демократиями представляют кантоны *в землях Германии*. Правительство воплощало волю суверенного народа и с самой своей древности вызывает наше почитание и заслуживает особого внимания. Древний обычай уходит корнями в незапамятные времена. Это было известно среди греков, и мы встречаемся с этим в "Volksversammlung" ранних германских племен — собирании целого народа вокруг своего короля для отправления правосудия или решения вопросов мира или войны. Эти собрания вновь возникли в XIII веке в Лесных кантонах, но теперь стали политическими собраниями из-за необходимости защиты от общего врага. Правило Ландсгемайнде было принято одиннадцатью альпийскими округами, из которых два, Герзау и Урсерен, были почти микроскопическими. Пять из них были сметены, Швиц в том числе. О них мы не будем говорить. Тем не менее, древние патриархальные обычаи все еще сохраняются в некоторых уединенных альпийских уголках,

чему способствует изолированность этого места и *бережное отношение к природе*, присущее альпийскому народу. Не имея, однако, возможности ясно понять древний Ландсгейм, кроме как применительно к современности, мы предпочитаем привлечь внимание читателя к живому источнику, священному месту, где он может "лицом к лицу взглянуть на свободу в ее самой чистой и древней форме", цитируя прекрасные слова Фримена, — захватывающее зрелище, свидетелем которого стоит стать.

Последнее воскресенье апреля - дата, обычно назначаемая для проведения Landsgemeinde. Все собрания в целом похожи друг на друга, но каждое демонстрирует влияние местности, религии или производственных занятий людей. Но видим ли мы встречу в протестантском и промышленном Гларусе, в католическом и консервативном Унтервальдене или в живописном Сарнене, эту сцену невозможно забыть никогда. Одетые в свои лучшие воскресные наряды и с мечом, символом свободы — так предписывает древний ритуал, — пыльные бюргеры стекаются на национальную арену, или форум, чтобы исполнить свой гражданский долг. После ранней утренней службы и грандиозного парада ландамманов и обслуживающего персонала, алебардчиков, солдат и музыкальных оркестров Ландсгейме открывается в одиннадцать часов религиозной церемонией. В Трогене гимн "Вся жизнь проистекает из Тебя" поют десять тысяч голосов, и по зову Ландаммана огромная толпа склоняется в безмолвной молитве. Эффект грандиозный и торжественный. Следует обращение Ландаммана, а затем переходят к делу дня. Проверка годовых отчетов, выборы мировых судей и должностных лиц, внесение поправок в существующие законы и промульгирование новых - вот главные пункты повестки дня. Все должностные лица, от самого ландаммана до самого скромного государственного служащего, подлежат ежегодным выборам, хотя в случае с главой государства переизбрание обычно происходит в течение многих лет. Действительно, существуют, так сказать, регулярные династии ландамманов, поскольку эта должность может оставаться в одной семье на протяжении многих поколений. Согласие на предложение выражается поднятием правой руки, и толпа делает это с большим рвением. Список кандидатов составляет Ландсгейме, но, как ни странно, свободное обсуждение предлагаемых реформ и новых законов разрешено только в Гларусе. Этот вопрос предварительно обсуждается ландратом, законодательным органом, избираемым приходом. "Консультант по второстепенным ребус-принципам, по главному делу", - пишет Тацит о немецком Volksgemeinde, и эти слова почти одинаково хорошо применимы и здесь. Ландсгейме - это, по сути, верховный суд, который утверждает или аннулирует. Например, совсем недавно, весной 1888 года, Урсерен был лишен своей автономии и присоединен к кантону Ури по приказу Ландсгейме. А в Сарнене пересмотр конституции был согласован на открытом и общем собрании. Избрание Вайбеля, или Призывателя, вызывает много веселья, поскольку для него главным требованием является сила легких, поскольку он является рупором Ландаммана. Установка самого Ландаммана - заключительная сцена, и самая впечатляющая. Медленно и торжественно он приносит присягу на верность конституции, а люди в ответ клянутся быть рядом с лидером. С поднятыми руками огромная толпа слово в слово повторяет фразы, произносимые Ландамманом. Это взаимное взаимодействие между лидером и людьми — их сердца наполнены святостью момента, а голоса сливаются в единый величественный раскат — почти ошеломляет своей трогательной простотой и пылом. То, что обычай сохранился с незначительными изменениями на протяжении стольких веков, свидетельствует о замечательной стабильности народа и пригодности *режима* как такового.

Общим узлом, объединявшим тринадцать автономных штатов в одно, был сейм, или тагсатзунг. Он собирался в том или ином из главных городов — Цюрихе, Люцерне, Берне, Бадене и так далее. Каждому кантону, как правило, разрешалось иметь одного

представителя, и любой из кантонов мог созвать собрание, хотя обычно это делал Vorort или *директор кантона* - должность, которую обычно занимал Цюрих, — член которого также председательствовал. Различные кантоны присоединились к обсуждениям в соответствии со своим рангом и порядком приема в лигу. Это станет более понятным из прилагаемого списка. Ботены, или посланники, не будучи полномочными представителями, будут курсировать туда-сюда между своими правительствами и сеймом, чтобы сообщать о прогрессе и получать инструкции. Поскольку в более поздние времена процесс был зафиксирован в письменной форме, до нас дошла ценнейшая серия записей под названием Abschiede (= оставить или *congé*). Поначалу Диета проводилась раз в год, но иногда в течение двенадцати месяцев она проводилась до пятидесяти раз, в то время как один сеанс длился иногда несколько недель. В какой-то период встречи превратились в международные конгрессы, на которых обсуждались наиболее важные вопросы. Но, по правде говоря, сейм, вплоть до своего исчезновения в 1848 году, никогда больше за время своего долгого существования не оказывал такого огромного влияния, какое он имел в свой блестящий период пятнадцатого века. И все же, несмотря на многочисленные недостатки, а также на медленный и обходной подход к ведению бизнеса, Tagsatzung работал успешно - гораздо успешнее, чем правительство Германии.

Здесь можно дать краткий очерк интеллектуальной и литературной жизни героического периода. С самого начала ясно, что эпоха, столь в значительной степени посвященная войнам и политическому прогрессу, вряд ли породила бы много медитативной или рефлексивной поэзии. "Лязг оружия пугает муз", - гласит старая пословица. (Однако обычно следует делать исключение в случае мирного и защищенного монастыря.) Тем не менее, этот активный и волнующий период породил много национальной литературы. Повсюду мы находим певцов, которые в стихах или прозе воспевают национальную славу, и ни один важный эпизод не обходится без поэтической хроники или интерпретации; национальный энтузиазм находит выход в военных песнях, сатире, пародии на героикку или рифмованной хронике. Бродячие поэты, живущие на скудные доходы от своей *жизни*; ремесленники, взявшие в руки меч; солдаты по профессии — вот барды того времени. Грубыми и неотшлифованными иногда бывают их стихи, ибо средненемецкий язык находится в переходном состоянии, а поэзия уже давно покинула дворы и спустилась в народ. В Германии, как всем известно, сформировался корпус *мейстерзингеров*. Исторические "Народные песни" (*Volkslieder*) - это излияние сердец нации, взволнованных до глубины души захватывающими сценами вокруг, и они являются истинным выражением настроения того времени. Нам достаточно сослаться на песни, вдохновленные Семпахом и Нефельсом, и на пламенную "песню Мората" Файта Вебера, эльзасца, сражавшегося в рядах швейцарцев, исполненного патриотического энтузиазма. Люцерн также породил многих поэтов — Ауэра, Вика, Виола, Биркса и других, — которые воспевали славу великих войн. Примерно в это же время появились песня и пьеса, посвященные Теллю.

Вместе с поэтом появляется летописец, и встречаются многочисленные примеры такого рода. В Берне мы находим Юстингера (1420), первого, кто черпал исторические знания из *народного вождя*, Дибольда Шиллинга (1484) и Ансхельма; в Швице - Джона Фрунда; в Люцерне - Мельхиора Русса, Дибольда Шиллинга, капеллана, чей отчет о встрече в Станце наиболее достоверен, Петермана Эттерлина и Николаса Шрадина; в Цюрихе - Герольда Эдлибаха, благородных рыцарей Стреттлингера из Берна, которые написали хроники, носящие их имя, и автор "Белой книги Сарнена" завершает список. Современные авторы часто ссылаются на "Белую книгу". Возможно, самым блестящим летописцем является Чуди, о котором упоминалось в главе об основании лиги. Какими бы предвзятыми ни были авторы — от "Таймс" ничего другого и ожидать нельзя, — их записи свидетельствуют о

национальном духе швейцарцев и происходящем интеллектуальном возрождении. Первая гельветийская типография была создана Альбертом фон Бонштеттенем, цюрихским дворянином, деканом Айнзидельнского университета и одним из главных ученых своего времени. Он дал достоверный отчет о Николасе фон дер Флюэ и бургундских войнах. Другим великим ученым был его друг Николас фон Виль, дворянин из Аргау.

Возрождение литературы привнесло в утонченную схоластику того времени мир новых мыслей, знаний и утонченных литературных вкусов — *humanismus*, как выразительно называют это немцы. Николас фон Виль - один из старейших немецко-швейцарских гуманистов. Он перенес итальянское возрождение на свою родину своими виртуозными переводами Петрарки, Боккаччо, Поджо и других. Эней Сильвий, элегантный поэт, романист и оратор, достигший папского сана как Пий II, хотел бы, чтобы мир забыл его увлекательные, но мирские труды. "Отвергайте Эней, уважайте Пий", - такова была его просьба. Двадцать лет Эней трудился над тем, чтобы принести классическую культуру в варварскую Германию. Его самый ранний ученик, фон Виль, [46] стала большой фавориткой при немецких дворах и в литературном кругу, который высококультурная герцогиня Вюртембергская собрала вокруг себя. Фон Виль перевел некоторые латинские произведения Феликса Маллеола, своего друга и благодетеля; например, его едкую сатиру на праздных лоллардов и "Нищих". Он умер в Цюрихе.

Но если двор и знать способствовали распространению Нового Образования, то университеты были его главной опорой. Базельский собор был открыт в 1460 году под эгидой Пия II. (Эней Сильвий), который даровал устав о его основании. Он быстро собрал в своих стенах несколько самых ярких умов того времени, среди которых нам достаточно упомянуть всемирно известного Эразма и реформатора Цвингли.

СНОСКИ:

[46] Проф. "Швейцарско-немецкая литература" Бахтольда.

XXII.

РЕФОРМАЦИЯ В НЕМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

(1484-1531.)

Эпоха Возрождения положила начало столетию интеллектуальной революции и произвела замечательные изменения в искусстве, науке, литературе, религии и во всех сферах человеческой жизни и энергии. Пространство, имеющееся в нашем распоряжении, позволит нам коснуться только одного из этих явлений - религиозного. Но разнообразная история религиозных движений почти полностью заполняет шестнадцатый век.

Возрождение образования усилило дух Реформации, хотя большинство ученых не одобряли это движение, как в случае с Эразмом и Глареаном, известным швейцарским ученым. Но хотя образование Лютера было скорее монашеским, чем научным, и хотя он был, если уж на то пошло, противником Нового Образования, великий швейцарский реформатор был ученым первого порядка, который черпал свои глубокие и либеральные идеи из изучения классики. И это любопытный и заслуживающий внимания факт, что с распространением литературы в Швейцарии на ее земле появилось множество равнодушных людей^[47] которые, образовав, так сказать, школу учеников, поддержали дело своего великого лидера Цвингли и продвигали его, каждый в своем кантоне. Это одна из особенностей швейцарской реформации.

Вырождение Церкви превзошло все ожидания и было, как всем известно, первичной и главной причиной Реформации на Континенте; но в Швейцарии была еще одна причина, не менее важная, которая дала толчок движению — пагубные последствия войн наемников, затронутые в предыдущих главах. Иностранное жалованье имело непреодолимую привлекательность как для капитана, так и для рядового, и страна постоянно лишалась своих самых стойких рук и храбрых сердец. Трудно было переоценить пагубные последствия этой практики для национального благосостояния, и из всех благородных людей, которые сожалели об этих результатах, никто не чувствовал этого так, как Ульрих Цвингли. Ученый-энтузиаст, одаренный проповедник, ревностный патриот и удивительно способный политик, он посвятил свою жизнь делу спасения своего народа и страны от морального упадка. Это он предполагал осуществить посредством действия Божественного Слова. Лютер предоставил распутывать запутанный клубок политики своим знатым друзьям, но Цвингли, напротив, не боялся никаких политических трудностей, обременений или осложнений. Для его ясного и дальновидного ума социальные и политические реформы были неразрывно связаны с религиозными изменениями и прогрессом. Одно было бы бесполезно без другого, и великой целью его жизни стало полное возрождение содружества — как церкви, так и государства.

ULRICH

ZWINGLI.

(В честь Аспера.)

Ульрих Цвингли родился в Вильдхаусе, среди любящих песни тоггенбургеров, в кантоне Санкт-Галль, 1 января 1484 года. Талантливый юноша был предназначен для Церкви своим отцом, весьма уважаемым магистратом, и был отправлен в школу в Базеле, а затем учился в Берне. Здесь пробудился его энтузиазм к изучению классической музыки под руководством знаменитого Лупулуса, в то время как монахи были настолько поражены его музыкальными талантами, что изо всех сил старались удержать его в монастырях. Однако в 1500 году он уехал в Венский университет, а два года спустя мы обнаруживаем, что он стал преподавателем латыни в Базеле и студентом тамошнего университета. Погруженный в Новые знания, он теперь обратил внимание на изучение Священного Писания просвещенным Виттенбахом. В Базеле он также подружился со знаменитым Эразмом.

Получив степень *магистра философии* в 1506 году, он был назначен пастором в Гларусе и с сожалением покинул это место обучения. Во время его десятилетнего служения в Гларусе (кантон Ландсгемайнде) проявились его природный вкус и талант к политике. И хотя он основал латинскую школу для умных юношей, энергично занимался собственными исследованиями и поддерживал обширную переписку с Эразмом, Глареаном и другими известными учеными, он не был простым педантом или книжным червем, но проявлял глубокий интерес к политической жизни того волнующего века. Дважды он сопровождал людей Гларуса в их итальянской экспедиции в качестве полевого капеллана, но, хотя он, естественно, радовался славе, которую приобрело их оружие, все же у него полностью открылись глаза на катастрофические результаты войн наемников. Его прямые и беспощадные нападки на *Рейслауфенов* и иностранную пенсионную систему вызвали такую бурю против него, что он был вынужден укрыться в Айнзидельне в 1516 году. Его двухлетнее тихое уединение в знаменитом аббатстве позволило ему взглянуть на вопиющие злоупотребления, распространенные в Церкви. Сначала он взывал к сановникам Церкви с просьбой исправить зло, но в конце концов, движимый, без сомнения, видом окружающих его суеверий, он ввел те радикальные меры реформы, которые покончили со всеми остатками латинизма, которые оставались в евангелической церкви. Обращаясь к тысячам людей, стекавшихся к чудотворному образу Богородицы, его проповеди, полные силы, новизны и содержательного красноречия, быстро распространили его славу за рубежом. Он подружился с другими учеными и религиозными реформаторами. Рим делал ему заманчивые предложения с целью отвлечь его от Швейцарии и дела его жизни, но, сопротивляясь всем ее уговорам, он принял вызов в Цюрих в качестве *плебана* в Кафедральном соборе в декабре 1518 года. Цюрих был передовым городом Конфедерации, но по праву слыл распутным городом, мало чем отличавшимся от тогдашней Женевы. Его просвещенный Совет увидел в Цвингли энергичного лидера.

Его вступительная проповедь в День Нового 1519 года удивительным образом взволновала слушателей и сразу же закрепила за ним репутацию евангелического реформатора необычного типа. Он вкратце обрисовал план, которым он предлагал руководствоваться в своих будущих проповедях. Его сюжеты были бы взяты только из Библии, [48] особенно из Нового Завета, и он следовал бы руководству Святого Духа, а не человеческому руководству. Его страстные и красноречивые слова произвели настолько глубокое впечатление, что некоторые слушатели объявили его "новым Моисеем, который восстал, чтобы спасти свой народ от духовного рабства". Ученый Платтер пишет, что во время проповеди он "почувствовал, как его поднимают над землей за волосы". В самый первый год служения Цвингли в Цюрихе две тысячи душ были "спасены молоком Святого Евангелия". А о его практической доброте сердца свидетельствовало его усердное внимание к больным во время чумы 1519 года, во время которой он сам был поражен и был очень близок к смерти. Три гимна, сочиненные в это трудное время, раскрывают его полное смирение и спокойное доверие Богу. Хотя он яростно выступал против продажи индульгенций, из Ватикана не раздавалось громовых раскатов в его адрес, подобных тем, что были обрушены на Лютера. [49] Эйдгеноссен, будучи полезным Папскому престолу, был довольно снисходителен; сейму даже намекнули, что они должны выслать обратно из Берна монаха Бернхарда Самсона, который проповедовал там с большим успехом, если он окажется несносным. С неослабевающим рвением и мужеством Цвингли следовал своему идеалу в политике, а именно: создать республику по типу греческих свободных государств древности, с совершенной национальной независимостью. Благодаря его влиянию Цюрих в 1521 году отменил *Рейслауфена* и систему оплаты труда иностранцев. Этот шаг, однако, навлек на главу Цюриха гнев двенадцати братских республик, которые только что подписали военный контракт с Франциском I. Цвингли обратился к Швицу со "Святым увещанием" не служить ни

папе, ни императору; его увещевания, однако, послужили лишь увеличению числа его политических противников.^[50] Полагаясь скорее на разум, чем на силу, он подготовил почву для своих реформ с исключительной умеренностью и снисходительностью.

Только в 1522 году он начал выпускать брошюры против злоупотреблений в Церкви - поста, безбрачия духовенства и тому подобного. 29 января 1523 года Цвингли добился от Совета Цюриха открытия публичной религиозной дискуссии в присутствии всего духовенства кантона и представителей епископа Констанца, которых Совет пригласил помочь в дебатах. В шестидесяти семи тезисах, замечательных своей проницательностью и ясностью, он в общих чертах изложил свое исповедание веры и план реформы и совершенно опроверг все возражения своих оппонентов, показав соответствие своих тезисов Священному Писанию. 25 октября 1523 года началось второе обсуждение практических последствий реформированной доктрины — отмены мессы и поклонения изображениям. Система Цвингли практически совпадала с системой Кальвина, но была задумана в более широком духе и позже осуществлена Буллингером в гораздо более мягкой манере. Однако здесь было бы неуместно проводить полное сравнение двух систем. Совет полностью одобрил Реформацию.

В 1524 году Цвингли женился на Анне Рейнхард, вдове цюрихского дворянина (Мейер фон Кнонау), и таким образом отказался от практики обретения безбрачия среди священников. Она стала ему превосходной женой и помощницей и родила ему четверых детей. Музыкальное мастерство реформатора часто сказывалось на его детях, когда они были склонны к непослушанию; он успокаивал их, погружая в мир и покой своими выступлениями на лютне или другом инструменте. Для своего пасынка Джеральда Мейера он был превосходным отцом. Высокий, с серьезными, но обаятельными чертами лица, с добрым и щедрым сердцем и обаятельными манерами, Цвингли был самой очаровательной личностью. Ученый, но не педант, простой, но энергичный оратор, обладающий здравыми и практичными суждениями, обширными познаниями и необычайной возвышенностью ума, он также обладал широтой взглядов и состраданием. Можно упомянуть, что он предоставил на острове Уфенау в Цюрихском озере последнее убежище Ульриху фон Гуттену, который был отвергнут Erasmus и изгнан из Германии.

В 1524 году Цвингли начал осуществлять самые радикальные изменения с целью ниспровержения всей структуры средневековых суеверий. В направлении реформ он пошел намного дальше Лютера, который сохранил устную исповедь, алтарные изображения и т.д. Внедрение его реформ в Цюрихе вызвало лишь небольшое противодействие. Правда, были восстания анабаптистов но они были одинаковыми повсюду, и восстание крестьян было общей чертой того времени.^[51] Картины и изображения были удалены из церквей по указанию правительства, и не осталось ничего, что могло бы отвлечь внимание людей, поскольку Цвингли стремился восстановить первобытное христианство в его чистой, простой и библейской форме. Священное Писание, изложенное избранными служителями Бога, должно было стать высшим руководством и поддержкой людей. В Ландемайндене,^[52] созданный с этой целью, люди с энтузиазмом согласились с его доктринами и заявили, что готовы "умереть за евангельскую истину". Таким образом, была создана национальная церковь, отделенная от Констанцской епархии и переданная под контроль Цюрихского совета и церковного синода. Монастыри были превращены в школы, больницы и богадельни. Знаменитый Хорхерренштифт, основанный каролингами, был превращен в Университетский колледж, продолжающий называться Каролином. Это продолжалось до 1832 года, когда он был преобразован в университет и гимназию наших дней. Цвингли был избран ректором и читал лекции по теологии. Он также был предан изучению греческого

языка, и в День Нового, 1531 года, состоялось великолепное представление одной из пьес Аристофана, для которой он сам написал музыку, сопровождавшую ее, и серьезные государственные деятели присоединились к профессорам и студентам в представлении. Теперь Цвингли действительно был кумиром народа и держал в руках скипетр в своем маленьком государстве. При нем Цюрих стал центром образования и религиозного просвещения, и его влияние распространилось на другие швейцарские земли, Южную Германию и другие места.

Реформатская вера проникла, но лишь постепенно, в северные и восточные кантоны. Берн был взят в 1528 году после блестящего диспута, состоявшегося в этом городе. За ними в 1529 году последовали Базель и Шаффхаузен, а затем Санкт-Галль, Аппенцелль, Граубюнден и Золотурн, хотя некоторые из них вели серьезную внутреннюю борьбу и лишь частично согласились с реформами. Но в Центральные или Лесные кантоны встретилось самое ожесточенное сопротивление. К такому результату привело сочетание многих факторов. Во-первых, этот район был оплотом католических и консервативных настроений, а религия была тесно связана с приятными воспоминаниями о славном прошлом. Из-за самой простоты своей жизни люди игнорировали вырождение духовенства, и среди этих скотоводческих народов священники отличались более простыми манерами и более нравственной жизнью, чем жители городов; они не любили ученость и просвещение.

Кроме того, существовало старое чувство антипатии к городам вкупе с сильной неприязнью к реформам, которые упразднили *Рейслауфена*, этот постоянный источник дохода кантонов. "Люцерн", купленный за французское золото, боролся с "Цюрихом" за лидерство. Оппозиция зашла так далеко, что католические округа большинством голосов настаивали (в сейме) на мерах по подавлению ереси в Цюрихе, в то время как некоторые были за исключение этого кантона из лиги. Лесные кантоны издали приказ о том, что Цвингли должен быть схвачен, если его обнаружат на их территории; следовательно, он держался подальше от великого собрания в Бадене в 1526 году. Возникли серьезные коллизии, но останавливаться на них здесь невозможно.

Пропасть между двумя религиозными партиями становилась все шире и шире, и Цвингли в конце концов сформировал "Христианскую лигу" между швейцарскими протестантами, некоторыми немецкими городами и курфюрстом Гессенским. С другой стороны, католики вступили в союз с Фердинандом Австрийским, решительным врагом реформатской религии. В конце концов протестантская партия пришла в неопишное раздражение, и Цюрих объявил войну Лесным кантонам, а сам Цвингли присоединился к превратностям кампании. Его лагерь представлял собой "картину хорошо организованной, богобоязненной армии истинно пуританского толка". Столкновение при Каппеле в июне 1529 года, однако, приняло мирный оборот благодаря посредничеству Ландаммана Эбли из Гларуса, к большому неудовольствию Цвингли, который пророчески воскликнул, что когда-нибудь католики станут более сильной партией, и тогда они не будут проявлять столько умеренности. Всякое недоброжелательство, действительно, улеглось, когда две армии оказались в пределах видимости друг друга. Здесь произошел любопытный и трогательный эпизод, известный как *Kappeler Milchsuppe*. Группа веселых католиков раздобыла большую миску молока, но, за неимением хлеба, они поставили ее на границе между Цугом и Цюрихом. Тут же появилась группа цюрихцев с несколькими буханками, и вскоре вся компания принялась весело есть *Молочный суп*. 29 июня 1529 года был заключен мир, по которому Австрийская лига была распущена, а свобода вероисповедания предоставлена всем.

Последние годы жизни Цвингли были посвящены обширным планам европейской политики. С целью формирования прочного союза швейцарских протестантов с иностранными

державами, поддерживающими реформатскую веру, и в противовес императору Карлу V. Он вступил в переговоры с Францией, некоторыми германскими государствами, Венецианской республикой и другими. Его планы были слишком смелыми и размахистыми, чтобы быть практичными, и сошли на нет. Однако его отношения с Лютером требуют особого внимания. Своим трактатом "О вере и ложной религии" (1525) Цвингли, хотя и неохотно, бросил вызов виттенбергскому лагерю. Эта работа должна была стать научным опровержением католической доктрины пресуществления, и возникла словесная перепалка. Спор вел каждый из спорящих, тем более, что Лютер вел его с присущей ему авторитетной и бурной горячностью, а Цвингли - с присущей ему хладнокровной аргументацией, достойным и вежливым стилем и республиканской откровенностью. Вскоре возникло сильное желание заключить союз между немецкими *протестантами* и швейцарскими *реформаторами* — таким образом, эти двое отличались друг от друга — импульс к этому был дан "Протестом" Карла V. Против протестантов. Ландграф Филипп Гессенский, политический лидер немецких реформаторов, пригласил Лютера и Цвингли встретиться в своем замке Марбург с целью примирения двух секций. На религиозном *коллоквиуме* присутствовали многие ученые, принцы, дворяне и все главные лидеры Реформации, и он мог бы совершить великие дела, но потерпел неудачу из-за упрямства Лютера, как хорошо известно, или, скорее, из-за его решимости не одобрять ничьих взглядов, если они не будут в точности совпадать с его собственными. Лютер настаивал на буквальном толковании слов "Сие есть тело мое", в то время как Цвингли видел в них лишь метафорическое или символическое значение. Логика и хладнокровные, ясные рассуждения Цвингли были признаны превосходящими логику его оппонента, но Лютер требовал полного подчинения. Короче говоря, конференция ни к чему не привела и едва не закончилась открытым разрывом между двумя лидерами. Цвингли протянул руку в знак дружбы и доброй воли, но Лютер отказался от нее. Правда заключалась в том, что эти двое мужчин смотрели на этот вопрос с совершенно разных точек зрения. У Лютера религия была почти полностью на мистической основе, вероучением сердца, в то время как Цвингли требовал удовлетворения своего разума. Один боролся в душевных муках с духами тьмы; другой взирал на Божественную, всеобъемлющую любовь, под властью которой все творение покоится в доверии и счастье и под властью которой все люди - братья, дети одного всеблаготворного Отца.

Вернемся на минуту к внутренней политике. Мир 1529 года был недолгим. Цвингли, озабоченный только распространением реформированной веры по всей республике, не осознавал ясно ненависти Лесного округа к новому вероучению. Затем были ошибки с обеих сторон — цвинглианской партии и вальдштеттенцев, — но история их слишком длинна и слишком незначительна, чтобы приводить ее здесь. Не последнюю из ошибок, однако, допустил сам Цвингли, претендуя на почти абсолютную власть в двух главных реформированных городах, Цюрихе и Берне. Опять же, отказ вальдштеттенцев помочь Граубюндену в борьбе с итальянским вторжением был воспринят с серьезным подозрением и вызвал много неприязни к ним. Война была неизбежна, и ее действительно страстно желали обе стороны. Берн, обнаружив, что война, вероятно, нанесет ущерб ее частным целям, настояла на прекращении торгового сообщения между противоборствующими округами,^[53] но Цвингли презирал использование такого средства, чтобы заставить врага заморить себя голодом и таким образом заставить его подчиниться. Однако Цюрих получил больше голосов в Христианской лиге (16 мая), и Лес был исключен из продажи на рынках этого города и Берна. Об остальном можно легко догадаться. На Цюрих была обращена вся ярость изголодавшихся лесных жителей, и они послали вызов в октябре 1531 года. Во второй раз враждебные армии встретились при Каппеле, но позиции поменялись местами. Цюрих оказалась не готова к встрече с врагом, вчетверо превосходящим ее по численности, а Берн не решался прийти ей на помощь. Однако Гельдлин, капитан небольшого отряда,

безрассудно вступил в бой с армией противника, неизвестно, из-за предательства или неспособности, но он определенно был противником реформированной веры. Цвингли простился со своим другом Буллингером, как будто предвидя собственную смерть в предстоящей борьбе, и присоединился к цюрихскому отряду. Он был под главным знаменем и вместе с примерно пятью сотнями своих превосходящих по силе товарищей пал в самой гуще сражения. Среди убитых было большинство видных людей города, члены городского совета, духовенство, друзья и родственники Цвингли. Среди этих последних был его любимый пасынок, который сражался рядом с ним. Каноник из Цуга, увидев тело Цвингли, разрыдался, восклицая: "Какой бы ни была твоя вера, я знаю, что ты был храбрым эдженоссе". Согласно варварскому обычаю того времени, тело было четвертовано, затем сожжено и развеяно по ветру. И вскоре за ужасной катастрофой, постигшей Цюрих, последовала другая.

Но реформация имела слишком глубокие корни, чтобы быть уничтоженной таким образом. Буллингер, друг Цвингли, а позже и Кальвина, достойно занял пост главы цюрихских реформаторов. Держась подальше от политики, к которой у него не было склонности, он сосредоточил свое внимание на совершенствовании цвинглианской церковной системы; стремясь к строгой морали без ограниченности ума, к национальной независимости, к поиску света и истины, к истинному благочестию в сочетании с доброжелательностью и милосердием. Цвингли совершал политические ошибки, но его преданность своему делу, его самоотречение и трагическая смерть полностью искупили их.

В Золотурне католицизм снова взял верх, и реформаторам пришлось уйти. Вспыхивали междоусобицы, и действительно, первый выстрел действительно прозвучал, когда благородно настроенный Шульхайсс, Николас фон Венги, католик, бросился под жерло пушки и воскликнул: "Если суждено пролить кровь бюргеров, пусть моя прольется первой!" Отряд Венги сразу же отказался от нападения, и дело было улажено мирным путем.

СНОСКИ:

[47] Должно быть достаточно простого списка имен: Люпулус, Виттенбах, Коломпад, Вадриан, Кономий, Коллин, Миконий, Пелликан Платтер, Глареан (поэт-лауреат, увенчанный венком императора Макса). Ученые того времени имели обыкновение латинизировать свои имена в своем увлечении классикой.

[48] Необходимо иметь в виду, что в то время Библия была почти неизвестной книгой для простых людей. Были даже священники, у которых не было экземпляра Священного Писания и которые не смогли бы прочесть его, если бы имели.

[49] Цвингли был в таких хороших отношениях с понтификом, что один из папских легатов прислал к нему своего врача.

[50] "Кардиналам подобает носить красные плащи и шляпы", процитирую отрывок из Увещания; "если вы встряхнете их, с них упадут короны и дукаты, но если вы их сожмете, прольется кровь ваших отцов, ваших сыновей и ваших братьев".

[51] В Германии происходили аналогичные восстания, но Лютер не прилагал никаких усилий, чтобы успокоить крестьянство.

[52] Ландгемайнден, или собрания приходов, способ обращения к народу, ставший прототипом современного референдума.

[53] Движение, абсолютно необходимое Лесным кантонам для снабжения провизией.

XXIII.

РЕФОРМАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

(1530-1536.)

История Французской Швейцарии еще не затрагивалась, и на то есть веские причины. Трудно осознать, что даже в шестнадцатом веке французские швейцарцы все еще томились под гнетом древних форм феодализма, и это в то время, когда их немецкие братья уже давно наслаждались благами национальной независимости и наполнили мир своей военной славой. Но, по правде говоря, французы медленно пробуждались к республиканской свободе и искали избавления от политического рабства скорее в Восточной Швейцарии, чем в самих себе. Примечательным фактом является то, что Реформация была проведена при содействии этих опытных государственных деятелей, бернцев, связующего звена между восточными частями Швейцарии и изолированным западом. Хорошо известно, что Берн справедливо рассчитывал извлечь выгоду из этого перехода.

СОБОР в БЕРНЕ

. (С фотографии.)

Однако, прежде чем перейти к самой Реформации, мы должны вкратце обрисовать политическое состояние Во и Женевы того времени, единственное, что нас здесь интересует. Невшатель по-прежнему фактически оставался отдельным княжеством, хотя и временно (1512-1529) находившимся под властью Швейцарии. Во в свое время повидал много хозяев, что, возможно, объясняет его отсталость в принятии самоуправления. Его природная красота и приятный климат сделали его желанным местом во все времена, в древности, в средневековье и, как мы увидим, даже в наше время. Поначалу это была сцена смуты, вызванной ссорами могущественной знати, но затем она пала под скипетром Савойи

Петра, выдающегося принца Савойского, прозванного "Маленьким Карлом Великим", преуспевшего в установлении своей власти над местной знатью. После присоединения к Савоие судьба Во, естественно, зависела от судьбы савойской династии. Петр попытался аннексировать епископство Лозанна, но потерпел неудачу, Во был разделен на части, и там бок о бок существовали духовное и светское владычество. Из двух частей, находившихся под властью церкви, та пользовалась меньшей свободой. Лозанна была местом, которое часто посещали паломники, и рынком индульгенций, но она не обладала и намеком на автономию. Она "бездействовала у основания своих многочисленных церквей". Когда в пятнадцатом веке могущество Савойского дома пошло на убыль, страна Во быстро погрузилась в состояние анархии, знать с обнаженными кинжалами выступила против бюргеров, а жители гор вступили в смертельную вражду с виноградарями равнины. Но в начале шестнадцатого века Лозанна была выведена из летаргического состояния попытками Карла III. Савойского добиться господства над городом. Таким образом, находящийся под угрозой и раздражаемый внутренними распрями, Во в своей беспомощности, казалось, призвал Берн вмешаться в это дело, и этот город, со своей стороны, был только рад случаю вмешаться.

Женева была товарищем Во в беде, ей угрожали те же опасности, и ее раздражала та же борьба. Здесь епископ также был верховным лордом, но в данном случае мужественные бюргеры вырвали у него значительную часть самоуправления. Его заклятым врагом тоже был герцог Савойский. Но жители Женевы слишком любили независимость, чтобы спокойно подчиняться враждебной агрессивности и посягательствам; на протяжении веков даже они держали в страхе коварную знать. Однако в свое время герцог Савойский присвоил себе права наместничества, то есть светского правосудия епископа как своего вассала. Обладая, таким образом, временной юрисдикцией, *nomine episcopi*, над городом, он стремился полностью аннексировать его. Женева была почти полностью окружена территорией Савойи. В конце концов Савоия присвоила себе право назначать на престол, и ее кандидаты, само собой разумеется, всегда были членами ее собственного дома. Мальчики двенадцати-четырнадцати лет, даже внебрачные сыновья, нередко возводились в епископский сан. Это не добавило спокойствия району, и приверженцы соответствующих савойских и жевевских фракций разгуливали вооруженные до зубов.

Восшествие на престол Карла III в 1504 году открыло для Женевы период борьбы. Стремясь сохранить свою свободу против коварного и злобного принца и его приспешника, низкопробного епископа, город раскололся на две партии: патриотически настроенных *эйдгенотов*, названных так из-за их надежды на помощь Швейцарской конфедерации, и савояров, получивших прозвище мамелюков (лжецов). Примерно половина населения была савойцами по рождению. Среди патриотической партии мы находим "Детей Женевы", веселую и несколько шумную группу патриотических энтузиастов, которые любили сражаться и не боялись смерти. Во главе стояли остроумный Тилиберт отчаянный, Франсуа Бонивар, приор Сен-Виктора и известный жевевский хронист, и Хьюг Безансон, умный государственный деятель, отец и освободитель своей страны. Когда Карл потребовал от жевевцев поклониться ему, они отказались, твердо ответив, что "Женева предпочла бы просить милостыню и быть свободной". В 1519 году, во время своего пребывания в городе, Карл со страшной суровостью наказал этого смелого борца за свободу; все были запуганы до подчинения, кроме Бертелье, который презирал "подчиняться человеку, который не был его хозяином". Его голова упала одной из первых. Но вскоре казни того или иного рода стали почти ежедневным явлением во время пребывания Чарльза. Четыре года спустя Чарльз и его прекрасная невеста Беатрикс с большой помпой въехали в Женеву, и принцесса даже осталась там на рождение своего первенца. Карл хотел, чтобы город привык к королевскому великолепию и испытывал настоящую симпатию к туземному правителю. Но все его планы

провалились. Своим красноречием и патриотизмом Хьюз растопил сердца жителей Фрейбурга и преуспел в том, чтобы убедить их, а также жителей Берна заключить союз с его собственным городом. Этот союз поставил крест на планах Савойи. Но успех женевцев возбудил зависть "Оруженосцев Ковша". Это любопытное прозвище было дано необычной группе дворянства, живущей в окрестностях Женевы. Они встретились за самым скромным ужином и поклялись разрушить город. Герцог подавал блюдо с рисом большой ложкой или половником, когда один из гостей внезапно яростно взмахнул этим инструментом и воскликнул: "С этим я проглочу Женеву!" Собравшиеся мужчины поклялись уничтожить отвратительный город и повесили себе на шею черпаки в знак приверженности. Эти "сеньоры де ла Куилье", хотя и не смогли осуществить свой замысел, все же смогли причинить много вреда Женеве, отрезав ее от предметов первой необходимости и ведя против нее беспорядочную, но от этого не менее изматывающую войну. Более того, Бонивар был по приказу герцога изгнан из своего жилища и брошен в Шильонский замок в 1530 году.^[54] Однако в том же году новое нападение со стороны Савойи было остановлено Берном и Фрейбургом, и Карл был вынужден подписать Сен-Жюльенский мирный договор, гарантирующий независимость и свободу от посягательств Женевы. Было оговорено, что в случае нарушения Савойей договора она должна передать Во Берну.

Примерно в это же время Берн отважился на внедрение реформатской веры во Французской Швейцарии, надеясь тем самым усилить ее интерес к этому кварталу. Она нашла подходящий инструмент в лице Гийома Фареля, пылкого француза из Дофине. Самый бесстрашный и отважный из поборников Евангелия, он бежал со своей родины в Швейцарию, чтобы избежать религиозных преследований, и был изгнан из Базеля за свой фанатизм. Поддерживаемый "Вашими превосходительствами господами из Берна", как называлось правительство этого города, он странствовал как странствующий реформатор, посещая Во и Невшаталь. Благодаря его усилиям последний кантон принял доктрины Цвингли в 1530 году, Во упрямо отказывался от реформации, за исключением той части округа, которая подчинялась Берну. Проповеди Фарела всегда возбуждали толпу, и его разглагольствования обычно заканчивались потасовкой. Он часто останавливал священника на дороге и бросал в реку оберег или реликвии, которые тот нес. Было даже известно, что он врывался в церковь во время мессы и с кафедры проклинал Антихриста. Побои и тюрьма не смогли остановить его усилия, поскольку, какой бы грубой ни была его манера вести полемику, он все же был глубоко серьезен. Отправившись в Женеву в 1532 году, само его имя так взволновало тамошних католиков, что он был вынужден бежать, спасая свою жизнь. Протестантская партия в городе была сильной и хорошо организованной, и они рассчитывали на помощь Берна, а это важное государство, стремившееся обратить в свою веру, по возможности, весь запад, угрожало Женеве своим недовольством, если Фарель не будет благосклонно принят. Таким образом, Женеве внезапно пришлось выбирать между дружбой Берна и дружбой Фрейбурга, где доминировала католическая партия. Страх перед Савойей отдал предпочтение Женеве в пользу Берна, который, безусловно, был более могущественным союзником, чем Фрайбург. Фербити, красноречивый священник, которого выбрали для опровержения учения реформаторов, должен был быть уволен, а Фарель Фромман (другой француз) и Вире, очень способный водау, один из учеников Фареля, были основаны в Женеве в 1534 году по желанию Берна. Новая вера быстро распространялась, и новые нападения Савойи на Женеву только способствовали ее распространению. Религиозная дискуссия, организованная Берном и проведенная (со стороны реформаторов) Фарелем, состоялась в Женеве в 1535 году и привела к полному утверждению доктрины цвинглианства в этом городе. Во время диспутов в городском совете присутствовало посольство бернцев, чтобы

объявить волю правящего государства, во многом в манере гордых и суровых римских сенаторов древности.

Но ни изгнанные католики, ни Савойя не были склонны покорно подчиняться такому положению вещей. Женева была идеальным очагом раздора. Герцог Карл осадил город как с суши, так и с воды. Внезапное изменение французской политики побудило Берн проявить более активную энергию, чем это было в последнее время. Появились два претендента на Миланское герцогство, Франциск I и император Карл V. Чтобы облегчить его завоевание, первый также планировал аннексию Савойи, намереваясь включить Женеву как ключ к долине Роны. Берн, видя, таким образом, угрозу безопасности города, которой он сам жаждал, объявил войну Савойе и двинул шесть тысяч человек маршем в страну Во. Предлогом, выдвинутым Берном, было то, что Савойя нарушила Сен-Жюльенский мирный договор. Во был захвачен без единого удара, а части Савойи, Жекса и Шабле были аннексированы. С большим триумфом бернская армия вошла в Женеву, но страх перед Францией и гордая и благородная осанка женевцев помешали бернцам попытаться привести в исполнение любые планы, которые они могли вынашивать по аннексии республики. Именно в этой кампании Бонивар был спасен.

Велико было разочарование Во, обнаружившего, что он всего лишь сменил хозяев; был спасен из лап Савойи, чтобы попасть под власть Берна, хотя последний хозяин, безусловно, во всех отношениях превосходил первого. Всем понятно, что такое обращение со стороны Берна впоследствии привело бы к серьезным неприятностям. Действительно, по сей день Во затаила обиду на своего бывшего хозяина. Однако могущественный кантон наладил порядок и дисциплину в дезорганизованном районе Во и наделил его *отличительной чертой* образцового управления. Он был разделен на правительственные районы и управлялся восемью бернскими ландвегте. Это соответствует законам Берна, хотя местная администрация была оставлена за ним. Были приложены все усилия для утверждения реформатской веры, и в Лозанне состоялся диспут. В нем Кальвин принял участие, но не слишком заметное. Результатом, однако, стало падение католицизма в округе, хотя он и пустил глубокие корни. Были открыты школы, а Академия была основана Берном. Таким образом, французские позиции в стране были закреплены за восточной половиной. Только после Великой революции прерогативы управляющих кантонов были поколеблены, огромные богатства Лозаннского собора пошли на пополнение государственной казны Берна, а средства различных церквей были оставлены на содержание школ.

СНОСКИ:

[54] Для более полного описания Бонивара читателя отсылают к книге Марка Монье "Женева и ее поэты". Конечно, хорошо известно, что, хотя приключения Бонивара навели на мысль о прекрасном "Шильонском узнике" Байрона, история, изложенная в поэме, почти полностью вымышлена. По правде говоря, Бонивар был освобожден Берном в 1536 году и взялся за написание анналов своего города Женевы. Он был женат не менее четырех раз. Похоже, его часто привлекали к ответственности перед Консistorией за азартные игры и другие подобные правонарушения.

XXIV.

ЖЕНЕВА И КАЛЬВИН.

(1536-1564.)

Политические и религиозные перемены вызвали в Женеве смятение, уменьшить которое Фарель чувствовал себя неспособным. Поэтому яростными призывами и даже угрозами он убедил Кальвина присоединиться к нему в его миссионерской работе, поскольку Кальвин уже был известен миру как автор "Institutio Christianæ Religionis", труда, который снизошел на людей подобно откровению. Джон Кальвин, или Ковен, родился в Нуайоне, в Пикардии, в 1509 году и был северным французом, обладавшим незаурядным умом и образованностью, но мрачным, аскетичным нравом с большой примесью фатализма в его взглядах.

Предназначенный для Церкви, он учился в Париже в раннем возрасте тринадцати лет, но по желанию отца изменил свое намерение и занялся изучением права в Орлеане и Бурже. Этим последним исследованиям он был обязан той замечательной легкостью в систематических рассуждениях, которая так заметна в его трудах. Но смерть его родителя в 1531 году снова привела Кальвина в Париж, где он быстро оказался втянутым в новое религиозное движение, которое завоевывало себе дорогу во Франции. Глубокие богословские изыскания и тяжелая внутренняя борьба привели к его обращению в реформатскую веру в следующем году. В 1535 году мы находим его в Базеле, куда он удалился, чтобы избежать дальнейших преследований из-за своих крайних взглядов. Здесь он опубликовал свою "Christianæ Religionis Institutio", которая является его самой знаменитой работой и которая пролила неувядающий блеск на его имя. Завораживающая своей глубокой ученостью, непоколебимой логикой и удивительным пылом, эта книга сразу же стала всеобщей любимицей и была переведена на все цивилизованные языки. Нет необходимости делать что-то большее, чем просто представить читателю одну или две существенные черты этого великого произведения. Она обладает математической точностью и является самой основой его замечательной религиозной системы, в то время как она также намечает его схему реформации. Эта схема была основана на доктрине предопределения, доктрине, которую Кальвин воспринял с энтузиазмом. Предопределение действительно было для него религиозной аксиомой,

самоочевидной истиной, которая не нуждалась в доказательствах и не допускала споров, и он сделал ее краеугольным камнем своей новой религиозной системы. Его теория заключалась в том, что из всех людей, *априори* одинаково виноватых, одни от начала мира были предназначены Богом для вечного счастья, другие - для вечной гибели. Кто был избранным, а кто отвергнутым, оставалось открытым вопросом. Какой бы несовместимой с человеческими чувствами, какой бы непримиримой с доктриной искупления эта вера ни казалась многим, ее все же было достаточно для пылких умов шестнадцатого века, искренне искавших какую-то практическую и, так сказать, осязаемую веру. Каковы бы ни были возражения против этой доктрины, именно на этом была построена кальвинистская церковь, и ее дух поколебал эту Церковь.

В 1536 году Кальвин поселился в Женеве. Вместе с Фарелем он предпринял реорганизацию Церкви в соответствии с принципами, изложенными в его "Институтах", полностью отменяя предыдущие реформы. Было составлено "исповедание веры", под которым подписался народ, и была принята новая церковная конституция, которая предусматривала установление церковной цензуры, или, скорее, церковной полиции. Однако насаждаемая строгая дисциплина вступала в противоречие с представлениями женеvцев о нынешней свободе, и гражданские магистраты решительно оспаривали право кафедры придирааться к светскому правительству или вмешиваться в государственное управление. Ибо женеvцы были веселым народом, любящим удовольствия, и, кроме того, они были шумными, недисциплинированными и любили поспорить. Национальная партия выступила со смелой позицией против "папства на озере Леман". Дух оппозиции усилился из-за разочарования Берн в свержении ее реформационного движения и ритуала, [55] и иммиграции французских беженцев, которые укрепили партию Кальвина. Последовали ссоры, беспорядочные сцены, беспорядки как внутри, так и за пределами церквей, и прямое неповиновение Кальвина и Фарела гражданскому декрету о временном отстранении от должности побудило правительство вынести им приговор о высылке в 1538 году. Под поношения и улюлюканье толпы они покинули Женеву: Фарель отправился в Невшатель, где оставался до своей смерти в 1565 году, а Кальвин - в Страсбург.

В этом более терпимом немецком городе он ежедневно соприкасался с работой представителей лютеранских и цвинглианских профессий. Он попытался стать посредником между ними с целью примирения их противоположных взглядов на Евхаристию, но потерпел неудачу. Он восхищался Меланктоном, но считал, что его выжидательные меры привели к ослаблению дисциплины. Он также был огорчен недостаточным вниманием, проявляемым к духовенству, и их зависимостью от двора, и размышление обо всем этом укрепило его в его собственных взглядах. Он никогда не упускал из виду цель своей жизни — сделать Женевскую церковь, которую он любил как свою душу, объединяющим пунктом для своих преследуемых соотечественников. Его планам в значительной степени способствовали несколько обстоятельств: ссоры, сотрясавшие Женеву во время его изгнания, и неспособность нового министерства там; прежде всего, вполне обоснованный страх перед превосходством Берна. Этот страх привел к появлению партии, получившей прозвище Гильермины, в честь Гийома Фареля, которая буквально загнала женеvцев в лоно кальвинизма. Однако Кальвин поначалу не решался возвращаться. "Зачем мне снова погружаться в эту зияющую пропасть, - пишет он Фарелю, - учитывая, что мне не нравится нрав женеvцев и что они не могут привыкнуть ко мне?" Но, веря, что он призван Богом, он уступил, и среди одобрительных возгласов и ликования его приветствовали возвращением в город в 1541 году.

Грубо говоря, Кальвин начал свои реформы там, где остановились Лютер и Цвингли; они растопили лед для него и указали ему путь. Он требовал безоговорочного повиновения Божественному Слову, ибо человеческий разум, по его словам, "подобен дыму в очах Бога". Его целью было основать царство Божье в духе древних пророков, где правили бы столь же строгие законы. Лишив народ прямого контроля в церковных делах, он возложил главную власть на духовенство, класс, который также должен был иметь преобладание в государстве. Благодаря умелой организации он установил теократию с сильными аристократическими наклонностями, при этом демократический элемент был почти полностью исключен. Женева действительно стала "городом духа стоицизма, построенным на скале предопределения". Но самым любопытным учреждением кальвинистской церкви была *Консистория*, орган из двенадцати человек, избранных из старейших советников и городского духовенства, во главе которого обычно стоял сам Кальвин. Этот трибунал был авторитетом как в духовных, так и в моральных, общественных и частных вопросах. Намерением Кальвина было превратить грешный город в освященный город - "град Божий". Члены Консистории имели право входить в частные дома и регулировать даже самые незначительные жизненные вопросы, и они делали увещевания или наказывали нарушителей так, как считали нужным. Даже самые тривиальные вещи были в его ведении; он предписывал моду, вплоть до цвета платья, и устанавливал *меню* стола не в меньшей степени, чем требовал посещения религиозных богослужений. Стол также ни в коем случае не был обильно накрыт, разрешалось только одно блюдо из мяса и одно из овощей, никакой выпечки и только местное вино. Мы находим девушек, привлеченных к суду перед Консисторией за катание на коньках, мужчину за нюханье в церкви, двух других за разговоры о делах, когда они выходили из церкви. Время от времени Бонивара привлекали к ответственности за игру в карты и другие хулиганские поступки. Парикмахер, украшавший волосы дамы, вместе с присутствующими друзьями был отправлен в тюрьму. Для женевцев посещение театра было главным занятием в жизни, но, тем не менее, театральные представления были приостановлены и оставались таковыми незадолго до прихода Вольтера, который, действительно, прославился тем, что вернул стесненных в средствах женевцев к мирской суете и удовольствиям. Но был запрещен не только театр, но также танцы, игры и музыка, за исключением пения псалмов. Неудивительно, что музы покинули Женеву! Такие иконоборцы, как Кальвин, выступали против предметов искусства и даже домашнего уюта. Некогда веселая Женева превратилась в унылый, ограниченный город истинно пуританского типа. Действительно, как хорошо известно, она послужила образцом для более позднего пуританства. Консистория сохранила за собой право отлучения, то есть исключения из Причастия, хотя светские или физические наказания были оставлены на усмотрение Совета.

Криминальная история Женевской республики отражает характер времени и дух церковных лидеров. Порок был безжалостно наказан, а пьянство, богохульство и неверие были поставлены в одну категорию с убийством. С тревогой читаешь о состоянии терроризма, царившем во время эпидемии чумы, свирепствовавшей примерно в середине века. Суеверия были распространены и усиливались, и использовались все виды пыток, чтобы добиться признаний от обвиняемых. В то время как чума была в самом разгаре, меч, виселица, кол были одинаково полезны. Тюремщик утверждал, что его тюрьмы были переполнены, а палач жаловался, что у него устали руки. В течение трех лет было вынесено пятьдесят восемь смертных приговоров, семьдесят шесть - к изгнанию и от восьми до девяти тысяч - к тюремному заключению в отношении тех, чьим преступлением было нарушение церковных уставов. Оскорбления против себя лично Кальвин рассматривал как богохульство, поскольку он отождествлял себя с древними пророками. Каким бы странным ни было это утверждение, его можно поддержать. Достаточно одного примера. Некто Пьер Амио, член городского совета, однажды в компании отозвался о Кальвине как о плохом

человеке. Реформатор объявил это богохульством и отказался снова проповедовать, пока ему не будет принесено удовлетворение.[56]

Таким образом Женева была вынуждена подчиниться. Однако прогрессу Кальвина мешало одно серьезное препятствие, а именно усилия национальной партии, "Детей Женевы", как они себя называли, или "Развратников", как прозвали их противники.[57] Кальвин рассказывает своему другу Буллингеру в Цюрихе, что отличным способом нейтрализовать влияние них было изгнание местных жителей и принятие французских *эмигрантов* в гражданство Женевы. "Собаки лают на меня со всех сторон", - жалуется он тому же другу и время от времени устраивает чистую зачистку своих противников. Женевцы, естественно, смотрели с неодобрением на политику Кальвина, возражая против французских беженцев не столько из недоброжелательства, сколько из естественного нежелания покидать город, к которому они были так преданно привязаны, и видеть, какие почетные должности и влияние занимают чужеземцы. Наконец, сверх всякой меры раздраженные приемом новой партии беженцев, либертинцы предприняли попытку *государственного переворота* против правительства Кальвина в мае 1555 года. Попытка провалилась, зачинщики были казнены или заключены в тюрьму, а большая часть рядовых была изгнана из города. Чтобы заполнить возникшие таким образом большие пробелы, триста пятьдесят девять французских семей были постепенно приняты в гражданство, и таким образом за несколько лет население увеличилось с тринадцати тысяч до двадцати тысяч. Такие своевольные действия - можно было бы назвать их массовыми запретами — привели к тому, что колеса заработали достаточно гладко, и теперь Кэлвин был полным хозяином положения. Заключение в тюрьму и сожжение Сервета за отрицание учения о Троице еще раз взъерошило гладкую поверхность дела, но помогло, по возможности, повысить престиж и влияние Кальвина. Всем известно о бесконечных дискуссиях, которые с тех пор велись относительно роли Кальвина в предании смерти ученого и несчастного испанца. Но собственная защита Кальвина, по-видимому, показывает, что именно он был главным лидером в этом вопросе.[58]

Его превосходительство, теперь полностью установленное и признанное, Кальвин основал Академию в 1559 году, чтобы обеспечить служителей для реформатских церквей в целом. Ученые французские *эмигранты* были назначены на профессорские должности, а Теодор де Без (Beza) был назначен ректором, и учебное заведение стало славой города. Со всех концов в Женеву стекались сочувствующие — итальянцы, англичане,[59], однако, испанцы, немцы, в основном французы и итальянцы — и появились церкви, соответствующие разным национальностям. На озере Леман они нашли другой Рим и другого вдохновенного и непогрешимого папу, хотя и протестантского. При первом взгляде на священный город они опустились на колени и запели песни радости и хвалы, как будто увидели новый Иерусалим. Виттенберг был свидетелем подобных сцен. Не менее тысячи трехсот французских и трехсот итальянских семей сделали Женеву своим вторым домом, и выдающиеся люди поселились там временно или навсегда. Миссионеры отправились во Францию, чтобы сплотить и укрепить гугенотов, и около двух тысяч общин были обращены в новую веру. Религиозные деятели, такие как бесстрашный Джон Нокс, Питер Мартир, Марникс (де Сент-Альдегонде), отправились в Шотландию, Англию или Нидерланды, чтобы продвигать дело кальвинизма. На Женеву как на свою церковь-мать могут смотреть пуритане и пресвитериане.

Кальвинизм мало повлиял на Швейцарию в целом при жизни ее основателя. Его абсолютизм и ограниченность вступали в противоречие с более мягкими, продвинутыми и, если можно так выразиться, более идеальными взглядами на цвинглианскую систему. Именно благодаря примирительному духу Буллингера и его благородным усилиям Церкви Цюриха и Женевы — в

то время как другие страны были отвлечены религиозными различиями — объединились как друзья, и их доктрины были объединены в официальных "исповеданиях" веры. Попытки Вире насадить кальвинизм в Во потерпели неудачу, как и попытки Фареля в Невшателе.

И если Женева не относилась к своему великому учителю с любовью, то она склонялась перед ним с глубоким почтением. Без него древний, легкомысленный и сварливый город вряд ли смог бы сдерживать своих многочисленных врагов. Но получив образование в школе кальвинизма, она набралась моральных сил и стала "обителью интеллектуального света, который сиял на протяжении трех столетий и который, хотя и меркнет, все еще не угас".

ТАЛЕР 1564

ГОДА.

(Laus et gloria soli Deo optimo maximo.) (Moneta nova Civitatis San Gallensis, 1564.)

Кальвин был выдающимся работником, глубоким теологом, опытным лингвистом, государственным деятелем и организатором высочайшего мастерства, а также превосходным корреспондентом. Двадцать четыре печатных станка работали день и ночь, размножая его труды на разных языках. Собрано не менее 2025 его проповедей и 4721 письмо. Для французского языка Кальвин сделал многое из того, что Лютер сделал для немецкого. Его тело, всегда слабое, еще больше ослабело из-за продолжающейся болезни, и казалось невозможным, чтобы он был физически готов к такому труду, каким занимался, но его религиозный энтузиазм смог восторжествовать над телесными недугами. Яркие, искрящиеся глаза освещали его бледное и изможденное лицо. Чуждый земных радостей, равнодушный к народным аплодисментам, обладавший сильной и негибкой волей, хотя и не лишенный глубоких чувств, он вызывал у людей скорее благоговейный трепет, чем привязанность. Его ближайшие друзья были преданно привязаны к нему, и после смерти его жены, которая ушла из жизни, лишившись своих детей, его нежность прорывается в письмах к своим друзьям. "Если бы я не предпринял решительных усилий, чтобы умерить свое горе, - пишет он Вирету, - я бы сдался". Он умер в мае 1564 года, и даже в свои последние минуты у него были слова порицания в адрес тех, кто пришел проститься с ним. Его смерть зарегистрирована в таких любопытных выражениях: "Достойный внимания Жан Кальвин всегда умирал, был и остается, слава Смерти, смысл и значение". Беза был избран его преемником; и, будучи менее суровым и более миролюбивым, чем его друг и предшественник, он оказывал большое влияние как в Женеве, так и в реформированных странах в целом. Смерть Безы наступила в 1603 году.

СНОСКИ:

[55] Бернский, то есть цвинглианский, ритуал сохранил несколько вещей, которые отвергли французские реформаторы, среди прочего, четыре праздничных дня, купель для крещения и использование пресного хлеба при Причастии.

[56] Амье провели в рубашке по городу с зажженным факелом в руке, и от него потребовали признаться в своей вине на трех разных общественных площадях.

[57] Эти "Любители свободы" были заклеены противоположной стороной как "люди распущенных нравов", но таких было немало среди самих кальвинистов.

[58] Швейцарские церкви под руководством Буллингера согласились не столько из духа нетерпимости, сколько из опасения, что влияние Сервета может подорвать французский протестантизм. Рим завидовал Кальвину, которому выпала честь предать Сервета огню.

[59] Среди англичан мы находим имена Спенсера, Кокса, Чемберса, епископа Хупера и епископов Эксетера, Норвича, Дарема и Солсбери.

XXV.

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ.

Выгоды, принесенные Швейцарии Реформацией, были уравновешены религиозным расколом, который разделил страну на две антагонистические части и парализовал политический прогресс. Религиозный энтузиазм в Европе иссяк в первой половине шестнадцатого века, и проявленная им энергия вызвала соответствующую активность среди католиков. Их возглавлял знаменитый Филипп II Испанский, но, к счастью, английская королева Елизавета смогла противостоять нападению, направленному против ее страны. Но новый орден иезуитов, недавно запущенный в мир, чтобы свести на нет работу религиозных

реформаторов, вышел на поле боя сплоченными рядами; в то время как, с другой стороны, протестантам, расколотым на части и спотыкающимся о догматические вопросы, не хватало единства цели, необходимого, чтобы успешно противостоять столь грозному нападению. Шмалькальденские войны (1547-49) нанесли протестантской Германии такой же ущерб, каким каппельская катастрофа нанесла реформатской Швейцарии. Волна реформации откатилась в Германии, и жители Цюриха с горечью и негодованием наблюдали за падением своего сильного союзника в деле религиозной реформы Констанции после ее отчаянного выступления против императора Карла V. Внутренние разногласия и католическая нетерпимость помешали Цюриху оказать помощь Констанции, и, более того, он был вынужден освободить Мюльхаузен и Страсбург от их евангелического союза с ней. Таким образом, Женева, которую паписты угрожали сравнить с землей, оказалась в изолированном положении и была близка к тому, чтобы стать добычей вторгшейся Савойи. Рассматривая внутреннее состояние Конфедерации, мы вполне можем спросить, что же спасло маленькую республику от полного разрушения во время ужасной бури реакции, прокатившейся по Европе, если не сама сила Федерального союза и общее владение различными швейцарскими бейливиками, которые так прочно связали части воедино и которые восторжествовали как над партийными чувствами, так и над частными интересами. Благодаря умеренности протестантов войны удалось избежать, и страна вошла в состояние относительного покоя. Благодаря усилиям Цвингли Швейцария распространила *на всех* международное право, и с тех пор она выполняла свою миссию нейтральной державы. Именно защита, столь безвозмездно предоставляемая беженцам Женевой, Цюрихом и другими швейцарскими городами, освещает историю этого мрачного периода реакции.

Генрих II, стремившийся привлечь Швейцарию на сторону католиков, попросил швейцарцев стать спонсорами его дочери Клавдии и принял их посольство с заметным отличием. Берн и Цюрих, однако, не были склонены к союзу с Францией этими уговорами. Франция желала сохранения мира из личных интересов. Но она высоко превозносила доблесть швейцарцев и называла их самой "сердцевинной" своей армии. Швейцарцы преуспели в единоличных ратных подвигах, и среди католических военачальников заметно выделяется доблестный Людвиг фон Пфиффер из Люцерна, который в плане политического влияния играл роль, мало чем отличающуюся от роли Вальдмана, и получил прозвище "швейцарский король". Богатство, накопленное им за время службы во Франции, он щедро тратил на католическое дело.

Выдающимся среди тех, кто работал на католическое возрождение, был знаменитый Карло Борромео, архиепископ Милана и племянник Пия IV. Он жил жизнью святого и в свое время был канонизирован. Его престолу принадлежали швейцарские владения в Тичино и Вальтеллине. Неутомимый в своих трудах, постоянно посещая каждую часть своей епархии, добираясь до альпийских хижин, он собирал разрозненные стада в папское лоно, будь то мягкостью или силой. Потрясенный состоянием религиозных вопросов в Лесных кантонах, он основал семинарию для священников, на которую Пфиффер сразу же выделил очень крупную сумму денег. Для распространения католических доктрин он использовал три различных средства. Он основал Collegium Helveticum в 1579 году в Милане,^[60] где швейцарские священники получали бесплатное образование. Он послал иезуитов в страну и назначил нунция в Люцерне в 1580 году. В 1586 году между семью католическими кантонами была подписана Борромеанская, или Золотая лига, направленная против реформаторов, а в следующем году те же кантоны, за исключением Золотурна, заключили коалицию с Филиппом Испанским и Савойей. Иезуиты обосновались в Люцерне и Фрейбурге и вскоре приобрели влияние среди богатых и образованных людей, в то время как капуцины, обосновавшиеся в Альторфе, Станце, Аппенцелле и других местах, завоевали сердца масс

своей скромностью и преданностью. Таким образом Рим стремился восстановить свое влияние на швейцарские народы, и вскоре эффект его политики ощутили в полупротестантских и подвластных странах. О впечатлении, произведенном усилиями капуцинов, свидетельствует большой раскол в Аппенцелле, кантон фактически распался на две враждебные части. Католики переехали во Внутренний, а реформаторы - во Внешний Роден, и каждый управлял своими делами независимо от другого; последний, однако, вскоре начал процветать больше, чем первый. В Вале протестантская партия, хотя и была сильна, была полностью вытеснена иезуитами до 1630 года и бежала в Во и Берн. История разорванного Граубюндена займет следующую главу.

Больно читать об акте насилия, совершенном папистами при изгнании евангелистов из Локарно зимой 1555 года, когда вокруг Беккариа образовалась небольшая группа из двухсот приверженцев цвинглианской церкви. Цюрих поддерживал их, несмотря на противодействие Франции и даже некоторых протестантских кантонов, и Буллингер был их утешением и опорой во всех сделках. Однако Беккариа был вынужден бежать в долину Мизокс, откуда он тайком служил своей пастве. В январе 1555 года были приняты более решительные меры, и мужчин и женщин согнали через заснеженные высоты в Мизокс, жалкую замену роскошным домам, которые некоторые из них оставили в Локарно. Но вскоре папский легат двинул их дальше, и в мае около 120 человек из группы прибыли в Цюрих, где Буллингер устроил им радушный прием. Эти новоприбывшие возродили старую торговлю с Ломбардией и возобновили производство шелка, которое, будучи монопольным, стало источником огромного богатства Цюриха. Таким образом, город был вознагражден за свое гостеприимство. Некоторые современные аристократические цюрихские семьи ведут свое происхождение от этих беженцев из Локарно.

Город Цюрих действительно был в то время общим убежищем для религиозных беженцев со всех концов света. Туда бежали немцы, итальянцы и англичане, и особенно изгнанники Мэриан из Англии. Мы находим Питера Мученика из Оксфорда профессором Каролиниума, а Оккино - служителем итальянской конгрегации в Цюрихе, Социнуса и других известных итальянцев.^[61] Мученик и Социн умерли в Цюрихе и похоронены в его кафедральном соборе. В течение нескольких лет Питер Мартир и Буллингер жили в условиях самой тесной дружбы друг с другом, и их письма показывают, насколько тесной была связь между ними. Их соответствующие религиозные взгляды, естественно, имели тенденцию к большему взаимному сродству. Буллингер, как и Кальвин, поддерживал обширную переписку с реформатскими церквями и часто общался с монархами, принцами, могущественной знатью и учеными врачами. Читатели настоящего рассказа, естественно, почувствуют наибольший интерес к отношениям между швейцарской и английской церквями, и, возможно, будет лучше оставить в стороне запутанный клубок религиозных разногласий, которые будоражили Европу, и показать на основе достоверных источников^[62] — главным образом писем — как швейцарские церкви и швейцарские богословы повлияли на Реформатскую церковь Англии.

Хотя Английская реформация при Генрихе VIII. находилась под большим влиянием Лютера при Эдуарде VI. церковь больше склонялась к швейцарским взглядам, причем Кранмер особенно сильно склонялся к цвинглианству. С 1536 года прелат был в самых дружеских отношениях с Буллингером, и в том же году несколько молодых англичан, Батлер, Удроф и Партридж, по желанию Кранмера, поселились в Цюрихе, чтобы изучить его религиозный аспект и насладиться общением с выдающимся Буллингером. В следующем году Элиот и другие прибыли с аналогичными намерениями, и между молодыми людьми и их духовным наставником возникла большая привязанность. По просьбе студентов Буллингер адресовал

Генри два трактата об "Авторитете Священных Писаний" и о "Достоинстве и должности епископов" соответственно, и впоследствии ему сказали, что эти трактаты очень заинтересовали как короля, так и архиепископа. "Невероятно, какую славу вы приобретаете в Англии своими произведениями", - говорит Элиот в своем письме Буллингеру в 1539 году; "книготорговцы богатеют благодаря вам". При Эдуарде VI отношения Буллингера с Кранмером и Хупером, с Уориком и Дорсетом, а также с Коксом и Чеке становились все теснее и теснее, и Цюрихская церковь восстановила свое господство. В доме Буллингера Хупер провел свое второе изгнание, и он говорит, что его приняли с восторгом, "как истинного христианина", и он утверждает, что его вера была значительно укреплена трудами знаменитого цюрихского богослова. Дружба между этими двумя мужчинами была самой тесной. По желанию Хупера Буллингер посвятил серию своих проповедей о "христианской вере" Эдварду, который был от них в большом восторге и приказал перевести их на английский. Во время своего заключения Хупер написал замечательный трактат, адресованный парламенту в защиту цвинглианского учения о Вечере Господней, и Трахерон заявляет (1548), что Англия в целом склонялась к цвинглианской точке зрения. В 1550 году король Эдуард направил посланника просить Цюрихское государство объединиться с Англией в связи с Церковным собором и, что достаточно любопытно, в связи с примирением этой страны с Францией.[63]

Очаровательным эпизодом в жизни Буллинджера стало зарождение дружбы с леди Джейн Грей, тогда юной и прилежной четырнадцатилетней девочкой. Три письма, написанные ее рукой и до сих пор хранящиеся в Цюрихе, свидетельствуют об этой дружбе. Из посвященного ей трактата "Христианский брак" она перевела часть на греческий и преподнесла его в качестве рождественского подарка своему отцу. Проповеди и письма Буллингера приводили ее в восторг и были для нее "как самые драгоценные цветы из сада". Она спросила его совета относительно наилучшего метода изучения иврита и считала, что он особенно благодетельствован милостью Божьей. Это был тот, чье учение пробудило в ней любовь ко Христу и оказало ей и ее семье такую поддержку в их последующих великих испытаниях. Даже в свой последний час она думала о нем, потому что на плацу сняла перчатки и пожелала, чтобы их отправили ее швейцарским друзьям.[64]

Именно на Континенте, среди реформатских церквей, Хупер и другие обрели вкус к простой форме религиозного богослужения. Когда в 1550 году Хупер был назначен епископом Глостерским, он отказался как от присяги, так и от епископского облачения и за свой отказ был отправлен в тюрьму. Его оппозиция, действительно, посеяла зародыши того религиозного развития, которое так сильно волновало Церковь при Елизавете и которое, переросшее в открытый раскол, привело к расцвету пуританства, а позже и движений несогласных в целом. И, как хорошо известно, пуритане бежали в Новую Англию вместо того, чтобы отказаться от своей религиозной свободы. Хупер был освобожден от принесения присяги, но вынужден был уступить в вопросе облачения. Во время своего епископства Буллингер всегда был его верным и мудрым советником, и когда его настигла мученическая смерть, он порекомендовал свою преследуемую страну своим швейцарским друзьям. "Из всех людей, привязанных к тебе, - уверяет он Буллингера в 1554 году, - никто не был более предан, чем я, и у меня никогда не было более искреннего друга, чем ты".

В Цюрихе обосновались многие другие марианские изгнанники, о которых, однако, можно сказать лишь мимоходом. Один только Буллингер часто принимал до двадцати гостей одновременно, и оба министра и магистрата — Гуальтер, Лафатер и другие — принимали английских изгнанников "с нежностью и привязанностью, которые заставляли их до конца своей жизни как можно больше благодарить за это", цитируя слова одного англичанина.

Переписка между швейцарскими хозяевами и их английскими гостями доказывает, насколько тесными были дружеские отношения, сложившиеся между ними. Среди этих корреспондентов мы находим английских архиепископов Гриндала и Сэндиса, епископа Пилкингтона, графа Бедфорда и других известных людей. Можно привести бесчисленное множество других доказательств тесной связи между Швейцарией и Англией в религиозных вопросах в шестнадцатом веке, но того, что было сказано, должно быть достаточно.

Было сказано достаточно, чтобы показать, как реформатские швейцарские церкви оказали влияние на английский протестантизм; на англиканскую церковь в отношении доктрины; и на инакомыслящую Церковь, то есть пуританство, в отношении как доктрины, так и формы богослужения. Реформатская церковь является результатом объединения двух материнских Церквей Женевы и Цюриха, объединение было достигнуто по желанию лидеров Кальвина, Фареля, Безы, Буллингера, которые, стремясь к миру и согласию, пошли на взаимные уступки.^[65] Таким образом, в Швейцарии уость кальвинизма была смягчена примесью более широкого и просвещенного учения Цвинглиуса, или, скорее, основой учения является учение Цвингли, а Кальвин подтвердил, усилил и дополнил его. По Франции, Англии, Шотландии, Голландии и Северной Америке реформатская вера пустила свои корни, "чтобы вырасти в деревья того же семейства, но разной формы и размера в зависимости от почвы, из которой они выросли". То, что Швейцария, за исключением Женевы, сильно склонялась к цвинглианству, мы уже показали. Адекватно рассмотреть вопрос о религиозном влиянии Швейцарии на другие европейские страны было бы невозможно в рамках этой работы. Но о том, что ее влияние было очень велико, говорить не нужно. И не только в Европе, ибо пуританский дух был перенесен за океан, а реформаторы Швейцарии имели своих учеников в далекой Новой Англии. Даже современный унитаризм является, в некотором смысле, прямым потомком цюрихской реформации, а его апостолы — Уильямс, Ченнинг, Паркер — до сих пор являются преемниками Цвингли и Буллингера.

Возрождение образования, свидетелем которого стал шестнадцатый век, в полной мере проявилось в Швейцарии. Жажда знаний была настолько велика, что люди были готовы претерпеть практически любые лишения в своем стремлении к ней. Томас Платтер — приведу лишь один пример из многих — прошел путь от скромного пастуха до выдающегося знатока иврита и классической литературы в Базеле. В молодости он занимался плетением веревок, или стал слугой, или даже просил милостыню на улицах. Его сын Феликс был известным врачом. О великих реформаторах уже говорилось. Помимо вышесказанного,^[66] мы можем просто упомянуть среди католиков Глареана, выдающегося ученого-классика своей страны, коронованного императором Максимом I поэта-лауреата; и Чуди из Гларуса, блестящего рассказчика, автора национального эпоса "Телль" и на протяжении веков первого авторитета по истории Швейцарии; Парацельса из Айнзидельн: из протестантов Мануэль (Берн), поэт-сатирик и художник из *Тодтен-танце в стиле Гольбейна*; и, прежде всего, Гесснер из Цюриха, ученый, философ, натуралист, "Плиний из Германии".

Кляйнкунст, малое или практическое искусство, также добилось блестящих успехов в Швейцарии. Роспись по стеклу, резьба по дереву, изготовление расписных изразцовых печей превратились в отрасли, почти характерные для этой страны по своему совершенству. Это подтверждается осмотром великолепных образцов этих искусств, которыми изобилует страна, — великолепных расписных окон, красивых деревянных панелей, изысканных рельефов, красивых изразцовых печей и так далее.

Несколько слов о событиях в Женеве должны завершить наш рассказ о шестнадцатом веке. Герцоги Савойские, не желая отказываться от своих притязаний, продолжали преследовать город. Генрих IV, король Франции, выступил в качестве защитника, а

Елизавета, королева Англии, направила швейцарским кантонам и реформатским городам письма, примечательные благородными чувствами и ясным суждением, выраженными в них.^[67] Она призвала их не выбрасывать ключ от Швейцарии. Однако в ночь на 21 декабря 1602 года герцог Карл Эммануэль отважился на вероломный *государственный переворот* в городе, известный как знаменитая "Эскалада". Восемь тысяч человек были выстроены перед его воротами, и около трехсот уже взобрались на его стены, когда внезапная стрельба бдительной стражи пробудила у горожан ощущение грозящей им опасности. На улицах произошел ожесточенный конфликт, и, к счастью, злоумышленники были побеждены. Это событие вызвало величайшее возмущение по всей Европе, но оно закрепило независимость Республики. Женевцы до сих пор с уважением относятся к годовщине победы.

СНОСКИ:

[60] Это все еще существует в связи с епископальной семинарией.

[61] Фауст Социн, племянник этого Лаэлия Социна, превратил идеи своего дяди в регулярную систему и действительно подготовил почву для современного унитаризма.

[62] Архивы Цюриха удивительно богаты материалами, относящимися к периоду Реформации. Коллекция Симмлера содержит копии восемнадцати тысяч подлинных писем. "Эпистола Тигурина", опубликованная Лондонским обществом Паркера в 1842 году, содержит копии оригинальных писем марианских изгнанников цюрихским богословам. В Цюрихе сохранились оригиналы писем Эразма, Генриха Четвертого Французского, леди Джейн Грей и других.

[63] "Жизнь Буллингера" Песталоцци, Цюрих.

[64] "Жизнь Буллингера" Песталоцци.

[65] В Англии общее название "кальвинистский" применяется к некоторым доктринам Реформатских церквей, но не совсем уместно, поскольку Кальвин был лишь одним из учителей этих доктрин.

[66] Глареан и Чуди были католиками, Мануэль протестантом.

[67] Копии сохранились среди цюрихских писем.

XXVI.

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.

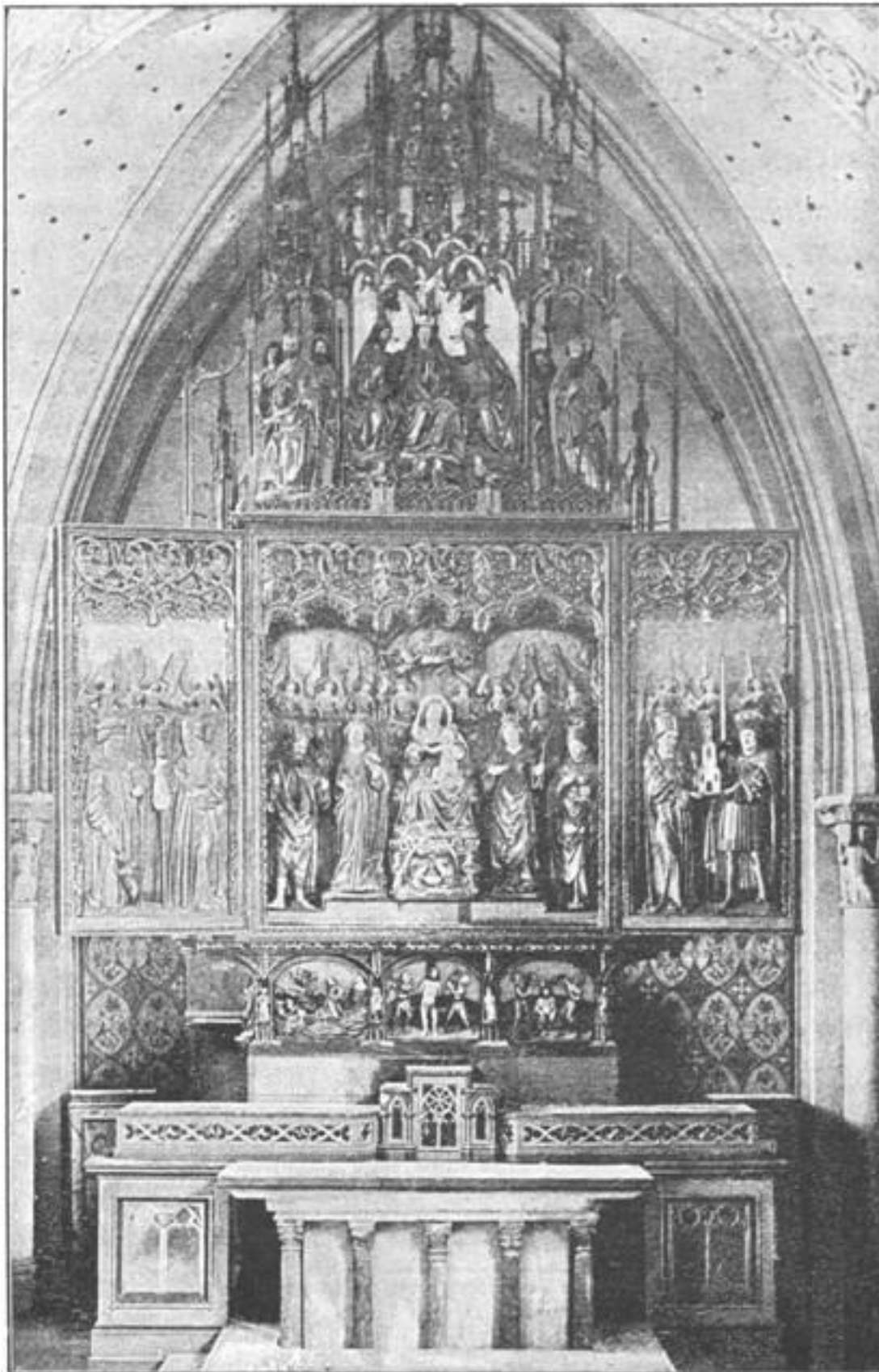
(1600-1712.)

В жизни народов не меньше, чем отдельных людей, случаются превратности, чередование процветания и невзгод. Если четырнадцатый и пятнадцатый века были свидетелями славного подъема швейцарского народа, то семнадцатый и восемнадцатый стали свидетелями политического упадка Республики. Даже сама Реформация привела к этому упадку, передав всю власть — политическую, финансовую, моральную и образовательную — в протестантских кантонах в руки правительств. Патриотизм шел на убыль, и старая мания использовать дипломатическую службу как средство получения иностранного золота снова вспыхнула. Даже Цюрих, который на протяжении почти столетия непоколебимо следовал патриотическим принципам Цвингли, теперь поддался уговорам Франции. Действительно, Швейцарское содружество быстро превращалось в простой вассалат этой страны при деспотичном Людовике XIV. Швейцарское правление приобретало тот оттенок абсолютизма, который окрашивал правительства почти всех европейских государств. Людовик, олицетворение абсолютного правления, запечатлел в столетии свой облик, и аристократия и олигархия заняли место старых демократических правительств. Это кажется несовместимым со старыми швейцарскими республиканскими принципами. И все же, находясь под влиянием монархических государств, как Швейцария могла избежать воздействия этого влияния в большей степени, чем Венеция или Генуя?

Политические и религиозные страсти и вражда предыдущего столетия теперь нашли выход в ужасной Тридцатилетней войне, которая с 1618 по 1648 год сотрясала Европу. Благодаря своей удаче и дальновидности Швейцария не была втянута в конфликт, за исключением своего юго-восточного угла, как бы близко он ни находился к театру великой борьбы. Наибольшую тревогу вызывало сохранение нейтралитета страны, однако ее территория нередко подвергалась нарушениям. Приведу один пример: генерал Хорн повел своих шведов на территорию Швейцарии, чтобы осадить Констанц. Германия и Швеция — особенно Густавус Адольфус[68] — сделали все возможное, чтобы привлечь Швейцарию на свою сторону, но у швейцарцев хватило здравого смысла противостоять любым уговорам и терпеливо переносить досадные вторжения. Ужасных сцен, происходивших по ту сторону Рейна, было достаточно, чтобы подавить все внутренние споры в самой Швейцарии, а сравнительный мир и процветание, царившие в пределах ее границ, вызывали зависть соседних земель. Немецкий путешественник рассказывает о своем удивлении, не обнаружив в Швейцарии ни грабежей, ни убийств, но безопасность и довольство. Какой бы грубой и неровной ни была ее поверхность, маленькая республика казалась ему земным раем.

Иным, однако, был опыт Граубюндена, тогда отдельного свободного государства, входившего только в Конфедерацию. По правде говоря, история этой древней ретийской

земли того времени образует, так сказать, поразительную подвеску к великой драме европейской борьбы. Латино-германские жители, сочетавшие северное благоразумие с южной страстностью, с середины шестнадцатого века были погружены во внутренние раздоры из-за религиозных разногласий, вызванных Реформацией. Протестантская партия под руководством фон Салиса и католики во главе с фон Плантой были в смертельной вражде друг с другом и встали на сторону Франции и Венеции, а также Австрии и Испании соответственно. Джон фон Планта, глава своего клана и генеральный солиситор Папского престола, подозревался в намерении вновь ввести папство в Граубюндонах. Соответственно, альпинисты толпами спустились со своих Альп и устремились в Кур. Там они предали суду Планту и приговорили его к смертной казни, и его падение стало лейтмотивом последовавшей трагедии. С началом семнадцатого века конфликт стал более ожесточенным, национальные интересы и внешняя политика теперь неразрывно переплетались. Владычица прекрасной итальянской синьории Вальтеллина, Бормио, Кьявенны и Альпийских перевалов, контролирующих вход в Тироль и Италию, Граубюнден стал яблоком раздора между южными государствами Европы. Австрия и Испания, овладевшие Миланом, не теряли надежды взяться за руки в Граубюндене, и Франция была оптимистична в своем успехе

ГЛАВНЫЙ

АЛТАРЬ КУРСКОГО СОБОРА.
(С фотографии.)

в предотвращении этого. Это последнее государство вместе с Венецией заключило союз с протестантским Бюнденом, и эта партия решительно выступала против союза с Испанией, к которому стремился энергичный, но упрямый Рудольф фон Планта. Испанец Фуэнтес,

губернатор Милана, разъяренный оказанным сопротивлением, возвел цепь мощных фортов на озере Комо с целью отрезать Вальтеллины. Вскоре Джордж Дженач из Энгадина, Чуш и другие благородные и патриотически настроенные протестанты начали осуждать испанский план, и поднялись беспорядки. Нападение на поместье Планта Зернез (1618), потерпев неудачу из-за побега Рудольфа, Замбры, Ландаммана в Брегалье и Руски, священника в Вальтеллине, оба седовласые старики, были схвачены. Они были приговорены к смертной казни новым судом, который был создан в Тузисе, судом, который несколько месяцев бушевал против папизма и распространял терроризм. В Энгадине произошла странная вещь. Соответствующими вождями враждебных кланов были два брата фон Траверс, и когда между противоборствующими сторонами началась рукопашная схватка, жены, дочери и сестры сражающихся внезапно бросились к ним, как сабинянки древности, и остановили их. Первой среди этих благородных женщин была энергичная Анна Ювальта. Планта сейчас были в изгнании и вступали в сговор с Австрией. Их двоюродный брат Робустелло (Вальтеллина) по заданному сигналу врывался в дома протестантов и с помощью наемных убийц предавал заключенных мечу. Это было 19 июля 1620 года, и по всей долине не было пощады. Цюрих и Берн, услышав об этой шокирующей резне — "Св. Варфоломей из Вальтеллины" — послал войска, но они были разбиты при Тирано испанскими войсками и их приверженцами. Планта вернулись из ссылки и попросили жителей Лесных кантонов поддержать их партию, и те не отказались; но сам заговор был встречен протестантами Граубюндонами с презрением и яростью. Дженач проник в замок Планта в Ритберге, и Помпей пал от его рук (1621). Католики потерпели поражение при Валендасе, и страна была очищена от войск Лесных кантонов и испанцев. Однако Дженачу не удалось взять Вальтеллину.

Австрийцы по-прежнему претендовали на господство над частью *Зенгерихте*,^[69] и мы находим, что с 1620 по 1629 год они дважды вторгались в Граубюнден и оккупировали его. Самыми ужасными жестокостями была отмечена кончина их генерала Бальдилона, и католицизм был восстановлен силой. В 1629 году император Фердинанд достиг вершины своего успеха и величия, и Бюнден со всеми его владениями лежал ниц у его ног. Франция пришла на помощь. Ришелье проводил политику Генриха IV. восстановить баланс сил путем подрыва престижа Габсбургов. Стремясь добиться превосходства для Франции, он втянул Швецию в Тридцатилетнюю войну; а после смерти Густава Адольфа, когда рвение несколько ослабло, он возродил его, послав французские войска в Эльзас, Южную Германию и Гризонд. Командование франко-гризонской армией было доверено герцогу Генриху де Рогану, крестнику Генриха IV Французского (и крестному отцу Карла I Английского), одному из самых благородных персонажей своего времени. Де Роган также был назначен послом в Эйденоссенских штатах в 1631 году. Он был лидером гугенотов и поддержал Нантский эдикт в противовес Людовику XIII. Вследствие этого он стал несносен королю и удалился в Венецию. Там он написал трактат о стратегическом значении Граубюндона, как будто предвидел свою будущую миссию.^[70] Во время своего пребывания в Швейцарии он ревностно следил за ее интересами, сглаживая трудности в парламенте, чтобы избежать войны. Ришелье не прислал ему ни денег, ни помощи, а предоставил ему самому выпутываться, насколько это было возможно, из своего положения в этой изолированной горной твердыне; и все же Роган был кумиром своих солдат и народа Граубюндона, и они всегда говорили о нем как о "добром герцоге". В 1635 году, когда Франция делала все возможное, чтобы вытеснить Австрию, разразилась открытая война, и Рохан одержал четыре блестящие победы подряд — Дженач выступал в качестве местного гида и бойца заранее, его превосходная тактика оказалась непосильной для австро-испанских войск. Однако "доброму герцогу" вскоре предстояло пасть жертвой вероломной политики Ришелье и вероломства Дженача. Этот последний представлял собой странную смесь благородства и

подлости — свирепый и амбициозный, искатель наживы, но в то же время человек чести, полный дикого патриотизма и жажды свободы. Стремясь освободить свою страну из-под власти чужеземца, он и вспыльчивый Бюнднер, во главе которого он стоял, внезапно обнаружили, что они всего лишь поменялись хозяевами. Ни перед чем не останавливаясь ради достижения своих целей, Дженач вступил в тайное соглашение с Австрией и Испанией и даже стал католиком, чтобы завоевать их расположение. Затем, забыв о многих проявлениях доброты, которые он получил от своего друга Рохана, он предал его своим врагам. Следует отметить в скобках, что спорным вопросом была Вальтеллина, и Роган не получал от Ришелье никаких инструкций о возвращении этой территории. Внезапно французский генерал оказался в окружении враждебных войск из Граубюндона и был вынужден капитулировать (1637). Не в силах больше выносить вида Франции, он сражался за нее под знаменами Бернхарда фон Веймара и пал при Райнфельдене, в Ааргови, скорее ища смерти, чем боясь ее. Дженач, однако, недолго наслаждался плодами своего преступного деяния. Два года спустя он был зарезан на офицерском банкете во время карнавала каким-то человеком в маске. Некоторые говорили, что это совершил Рудольф Планта, сын Помпея, в то время как другая история гласит, что мстителем была сестра Рудольфа, Лукреция, которая горела желанием отомстить убийце своего отца.^[71] Один из первых немецких романистов нашего времени, Фердинанд Мейер из Цюриха, воплотил эти захватывающие эпизоды в свой прекрасный рассказ "Дженач". Герой был с помпой похоронен в Куре, но его убийца остался безнаказанным. Таким образом, Граубюнден после почти столетней борьбы вернул себе как независимость, так и утраченную территорию.

Это памятное событие семнадцатого века, подписание Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну, хотя, с одной стороны, оно санкционировало расчленение Германской империи, но в то же время ратифицировало независимость швейцарских республик. Этот результат был достигнут главным образом благодаря благородным усилиям двух человек — Веттштейна, бургомистра Базеля, который наиболее эффективно отстаивал интересы Швейцарии на Конгрессе; и Анри д'Орлеан Лонгвиля, графа и правящего принца Невшательского, французского представителя на той же конференции, который поддержал претензии Швейцарии.

Здесь нельзя останавливаться на религиозной борьбе в Вильмергене в 1656 году, закончившейся поражением протестантов. Достаточно отметить, что это поражение было полностью исправлено второй войной с таким названием в 1712 году. Более важным событием было крестьянское восстание 1653 года. Оно обещало вырасти до угрожающих размеров, но было подавлено правительством. Это восстание, однако, заслуживает внимания, поскольку указывает на огромную пропасть, образовавшуюся между трудящимися и правящими классами. Крестьянство находилось теперь в состоянии полного подчинения и терпеливо ожидало рассвета более светлого дня, который, тем не менее, наступил только с Французской революцией. То, на что они претендовали, было восстановлением их старых свобод, освобождением от чрезмерных налогов и общим улучшением их материальных интересов. Но многие из правящих классов, члены совета, *ландвегтеи* другие служили за границей при иностранных дворах, прониклись духом абсолютизма и были проникнуты им не меньше, чем какой-нибудь Яков I или Людовик XIV. с представлениями о "божественном праве" привилегированных классов управлять. Они претендовали на места в администрации как на законное право. Со своего высокого положения они смотрели на трудящиеся классы свысока и почти не испытывали к ним симпатии. За исключением названия, швейцарскими кантонами так же безраздельно управляла аристократия, как Францией - Людовик XIV. Ничто так не смехотворно и так ясно не свидетельствует о жеманстве и узком педантизме того времени, как детское восхищение

длинными или высокопарными титулами, которыми швейцарские "регенты", как их называли, обращались друг к другу и к которым обращались даже иностранцы. "Ваши превосходительства", "благородного происхождения" и тому подобное были столь же распространены среди швейцарских республиканцев, как и в любой монархии.^[72] Они также не отставали в принятии придворной моды, париков, оборок и тому подобного; в то время как они жадно охотились за дворянскими патентами и так бесстыдно ставили "фон" перед своими именами, что высшие классы и действительно знатные люди по большей части отказались от него на время.

Эйдгеноссы, однако, были в высшей степени полезными солдатами, и Людовик XIV в 1663 году уговорил их возобновить союз с Францией, союз, к которому Ле Бард тщетно пытался склонить их в течение тринадцати лет. Коварный Людовик пригласил швейцарское посольство к своему двору и целую неделю развлекал и льстил своим гостям чередой банкетов, церемоний и увеселений. Мольер играл перед ними по королевскому приказу. Таким образом, послы были соблазнены признанием некоторых наиболее важных пунктов договора, нейтралитета Бургундии, погашения старого долга и т.д. 18 ноября в присутствии всего французского двора в Соборе Парижской Богоматери швейцарские представители согласились на позорную и унижительную сделку с Людовиком. Однако король не был склонен расточать на них деньги, как это делали его предшественники. Однажды Лувуа пожаловался ему, что швейцарские войска ему дороги, что за те деньги, в которые они обошлись ему и его предшественникам, можно было бы вымостить монетами дорогу от Парижа до Базеля. Ступпа из Граубюндон, услышав это, быстро возразил: "Сэр, вы забываете, что швейцарской кровью, пролитой на французской службе, вы могли бы заполнить канал от Базеля до Парижа".

Несмотря на обязательства перед Францией, которые Швейцария заключила, она никогда не переставала давать приют французским беженцам, бежавшим от преследований Людовика — вальденсам и гугенотам. Говорят, что после отмены Нантского эдикта шестьдесят шесть тысяч эмигрантов нашли убежище в Швейцарии. Среди швейцарских городов Женева выделяется своей большой доброжелательностью. Не говоря уже об огромном объеме оказанной частной помощи, муниципалитет потратил на помощь религиозным беженцам не менее пяти миллионов флоринов в период с 1685 по 1726 год. Постепенно эйдгеноссы осознали реальный характер Людовика и его переговоры с ними, и им стало стыдно за собственное отсутствие патриотизма. Действительно, уже в 1689 году мы находим швейцарских посланников из Берна и Цюриха в Париже, отвергающих его взятки, его золотые цепи и многое другое. И по возвращении домой они слышали восхваления своего народа за его целостность и независимость. Постепенно союз с Францией был отменен или проигнорирован. Тем не менее система наемничества оставалась злом — можно сказать, злокачественным злом — в швейцарской политике последующих веков.

СНОСКИ:

^[68] Апеллирует к абсурдным мнимым национальным отношениям между шведами и швейцарцами, этимологии средневековья.

^[69] Смотрите главу о швабских войнах.

^[70] Рохан был большим другом Цюриха и подарил его городской библиотеке, которая тогда формировала его "Parfait Capitaine", Библию на иврите и свой портрет. По его собственной просьбе он был похоронен в Женеве, и реформированные города глубоко сожалели о его

смерти. Письма, написанные его семьей в ответ на "Соболезнования Цюриха", до сих пор хранятся в библиотеке. Смотрите брошюру профессора фон Висса о Рохане.

[71] В романе Мейера Лукреция обручена с Дженатчем и принимает постриг после убийства Дженатча, но на самом деле эта история не имеет под собой никаких оснований.

[72] Можно отметить несколько из этих великолепных названий или эпитетов: "Hoch", "Wohlgeachtete", "Edle", "Fromme", "Fürsichtige", "Fürnehme", "Weise Herren" и многие другие подобные.

XXVII.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

В политическом отношении Швейцария в XVIII веке представляла собой во многом тот же аспект, что и в предыдущем столетии, и здесь требуется всего несколько слов, чтобы более четко отразить дух времени. В швейцарских землях, как и везде, мы имеем неизбежное разделение на два класса: правителей и управляемых. Рядовые члены "царствующих семей", *полковые чиновники*, патриции или плутократы, строго сохраняли всю полноту власти за собой и господствовали над обычными бюргерами и простым народом. Бесконтрольное правление и превосходство, легкая и роскошная жизнь, с одной стороны; слепое подчинение и тяжелый труд - с другой, особенно в сельской местности. Даже в кантонах, считающих себя демократическими, встречается тот же самый деспотизм; вожди и семейные "династии" захватывают бразды правления и господствуют в *ландсгемейнде*, в то время как они борются друг с другом за верховенство. Точно так же, как в случае с олигархиями, *жители* земли максимально используют свое "божественное право" управлять страной. Неудивительно, что имели место восстания, как левентайцев против сурового *ландвегте* Ури, так и верденбергцев (Санкт-Галль) против Гларуса, хотя эти восстания были напрасными. В Цюрихе, Шаффхаузене и Базеле притеснений было меньше, гильдии держали

дворянство в страхе, хотя сама эта гильдейская система была не лишена недостатков. Главные города или кантональные *шеф-повара*, все без исключения, обладали суверенной властью над присоединенными к ним сельскими округами, но, подобно старому дворянству Франции, переложили на свои плечи почти все налоги, монополизировав торговлю и промышленность. Таким образом, крестьянство было раздавлено тяжестью налогов, податей, десятины и всего остального.

Религиозные различия усилились после второй Вильмергенской войны (1712), которая выдвинула протестантов на первый план и установила принцип религиозного равенства. Католики, утратив свое господство в некоторых бейливиках или подчиненных округах, начали мечтать о восстановлении утраченного положения. С этой целью они заключили секретное соглашение (*ligue à la cassette*) с Людовиком XIV Французским незадолго до смерти этого монарха. Однако только в 1777 году Франция по-настоящему добилась своего. В том году общий страх перед Австрией побудил и протестантов, и католиков вступить в союз с Людовиком XVI. Таким образом, впервые со времен Реформации конфедераты стали единым целым или, по крайней мере, пришли к согласию относительно своего совместного плана действий.

Какой бы интересной ни была задача, здесь невозможно исследовать различные условия правления в подвластных землях — Аргау, Тургау, Тичино, Во, части Сен-Галля, участках, завоеванных в результате завоевания, или фрагментах, приобретенных путем покупки. Мы должны встретиться с любопытными пережитками феодализма и странными смесями средневековья и модерна. Но наше пространство позволит лишь бегло взглянуть. Подвластные земли были лишены всякого самоуправления, и *ландвегте* управлял ими так, как восточный сатрап мог бы управлять своей сатрапией. Несколько странное соглашение для республики, которое она заключила и разрешила; но все же, в целом, правительство было превосходным, и такое положение вещей сохранялось в течение длительного периода. Злоупотребления, взяточничество, вымогательства и тому подобное, конечно, имели место, но следует помнить, что *земельные участки* строго контролировались центральным правительством.^[73] Многие из них, особенно в Берне, содержали большое состояние; имели лошадей, экипажи и ливрейных слуг и держали дом открытым. В своих владениях они правили как настоящие государи, но заботились о своем народе, как и подобает хорошим государям. Они действительно были больше похожи на патриархов древности, награждавших или увещевавших свои народы по мере того, как того требовали обстоятельства. Одним из представителей этого класса очень восхищался Гете, а именно ландвогтом Ландольтом фон Грайфензее (Цюрих). Несколько черт помогут выделить человека и систему. Этот губернатор принадлежал к старой школе и ненавидел просвещенных крестьян и современные революционные идеи. Он выступал за обязательное посещение церкви и твердо верил в порку как в наиболее рациональную форму наказания. С другой стороны, он был одновременно доброжелательным и гуманным человеком и с отеческой заботой заботился о своем народе. Он в равной степени стремился улучшить их фермы и нравственность. Он имел обыкновение разгуливать *инкогнито* — обычно переодеваясь тирольцем - и посещал типографии, чтобы познакомиться с игроками и пьяницами. Последних он поместил во вращающуюся клетку до тех пор, пока они не протрезвеют. Ссорящиеся парочки он запирали вместе и заставлял их есть *одной ложкой!*^[74] Но во многих предметных областях система сильно изменилась.

Крупнейшим владельцем подвластной территории был Берн с его сорока четырьмя лордствами или бейливиками, следующим шел Цюрих с двадцатью девятью. Самым крупным подчиненным округом был Во, и благодаря его процветающему сельскому

хозяйству и мудрой, хотя и суровой администрации Берна он значительно процветал. Воду в целом спокойно подчинились бернскому правлению, хотя высшие классы среди них не радовались своему исключению из ведения государственных дел. Однако, смирившись с неизбежным, они предались наслаждению жизнью, полной удовольствий, и интеллектуальным занятиям. Примерно в это же время Лозанна, их столица, стала курортом для таких людей, как Гиббон, Фокс, Рейналь, Вольтер и многих менее известных. Их привлекла красота пейзажа и высокая репутация дворянства Во за хорошее воспитание и приветливость. Эти знатные семьи открывали свои салоны для выдающихся иностранцев, которые проживали среди них, и Гиббон, по-видимому, особенно ценил их хорошие качества.[75] Историк провел большую часть своей жизни в Лозанне. В 1723 году майор Давел предпринял неудачную попытку вызволить Во из плена Берна. Этот восторженный патриот сам сострепал заговор и попытался осуществить свои планы, не поставив в известность о своих намерениях ни единого человека. Собрав своих людей, Давел под каким-то предлогом повел их в Лозанну, где в то время заседал совет, поскольку *ландвегте* находился в Берне, и проинформировал совет, что он собирается делать. Но члены совета еще не были готовы добиваться освобождения и, симулируя взаимопонимание, выдали незадачливого патриота властям Берна. "Ваши превосходительства" — таков был официальный титул бернских правителей — воспользовались дыбой, чтобы вытянуть из него имена его сообщников, но тщетно, и он был обезглавлен.

Среди ведущих городов Конфедерации Цюрих выделялся как центр либеральных тенденций и интеллектуального прогресса, в то время как Берн был политическим центром и ведущим финансовым центром.[76] Подобно современному Ротшильду, Берн затем предоставлял кредиты различным европейским государствам. Часть ее сокровищ пошла на оплату экспедиции Наполеона в Египет. Среди своих городов-побратимов, Фрайбурга, Золотурна и Люцерна, Берн представлял собой самый совершенный пример олигархии, которым восхищались Монтескье, Наполеон и даже Руссо. Ее решительной склонностью была дипломатия, и она была полностью поглощена правлением и администрацией, и у нее было мало других вкусов. Торговлю и промышленность она считала ниже своего достоинства; даже литературные занятия в значительной степени. Бернские аристократы были политиками, так сказать, от рождения, и у молодых людей было любопытное общество между собой, "Ауссер Стенд", общество, созданное с целью совершенствования дипломатического искусства и практики парламентского ораторского искусства и тактики, особенно их более формальной внешней стороны. Таким образом, обученные манере держаться и церемониалу, они приобрели свой столь ценный политический *апломб*. Берн был французским по моде, манерам и языку, а немецкий язык так же мало ценился среди бернских патрициев, как и при дворе Фридриха Великого. Конституция содержит некоторые черты, совершенно уникальные в своем роде. Существовала исключительность, которая сохранилась во всей своей силе даже до наших дней; и возникли три класса общества, столь же далеко отделенные друг от друга, как различные касты в Индии. Вся власть принадлежала 360 "царствующим семьям"; в конце концов, благодаря смерти и ловким манипуляциям, число их сократилось до восьмидесяти, а то и меньше. Только из этих семей избирались советы, и только их членам назначались губернаторские должности. Если не хватало наследников мужского пола, то места в совете отдавались дочерям в качестве приданого. Этот руководящий орган был настолько эксклюзивным, что даже Галлеру, великому поэту, не разрешили войти в него. Следующим классом, более низким по рангу, было сословие бюргеров, *ewige habitanten*, не имевших политических прав и никаких следов власти в содружестве. Им не разрешалось занимать офицерские должности за границей, но торговля, промышленность, школы и церкви принадлежали им. Наконец, пришли анссиге (поселенцы), пролетариат, включая сельских рабочих, иностранцев, беженцев и

простолюдинов в целом. Многие из них были инвалидами; им не разрешалось покупать дома, крестить своих детей в городе, устанавливать надгробия над могилами членов своей семьи.^[77] Они могли даже не появляться на рынке, пока те, кто получше, не закончат свои дела, а именно в 11 часов утра, и им было строго запрещено проносить корзины под арки (*аркады города*), чтобы они не повредили нижние юбки патрицианок с обручами.^[78] Берн часто сравнивали с древним Римом, и, безусловно, его суровый совет чем-то напоминает своей строгостью, торжественностью и помпезностью августейший римский сенат. Неудивительно, что было предпринято множество попыток заставить правительство смягчить свою строгость. В 1744 году некоторые граждане обратились с петицией в совет с этой целью, но были изгнаны за свои старания. Пять лет спустя известный человек по имени Хенци с несколькими сообщниками организовал заговор против совета, но они были раскрыты и казнены.

Но на самом деле восстания произошли почти в каждом кантоне. Здесь можно затронуть только самые замечательные из них, те, что находятся в Женеве. Это настоящая конституционная борьба, и, действительно, она является прелюдией к Французской революции, на которую действительно их история проливает немалый свет. Эти волнения в Женеве мало чем отличаются от волнений периода Гракхов в римской истории. По Конституции 1536 года Женеве было предоставлено право "Генерального совета", но этому совету никогда не разрешалось действовать или собираться. Патриции, оккупировавшие *верхнюю часть города*, присвоили себе почти всю власть. Но уже в 1707 году бюргеры, всегда готовые вернуть себе свободы, восстали с целью восстановления Генерального совета 1536 года. Движение возглавлял щедрый и благородно мыслящий Пьер Фатио, сам патриций. В пламенных речах, произносимых на открытых местах города, он отстаивал права народа, с горячностью утверждая, что правители были не хозяевами и наставниками народа, а исполнителями его суверенной воли. Попытка добиться народной свободы провалилась, Фатио был расстрелян в тюрьме, а его последователи сосланы. Тем не менее, идеи Фатио продолжали жить среди рабочего класса и позже снова были поддержаны в брошюрах Микели дю Крэста. В 1734 и 1737 годах восстания вспыхнули с новой силой и привели к принятию Конституции 1738 года, которая на четверть века обеспечила счастье, которого она никогда прежде не знала.

Однако вторая половина века стала свидетелем новых разногласий между бюргерами и патрициями. Этим последних называли, в качестве прозвища, "негатифами", потому что они отрицали народную реформу, в то время как бюргеров называли "Репрезентантами", потому что они подавали петиции о политической свободе. Класс артизан получил прозвище "натифы". Здесь невозможно внимательно проследить за этими "ссорами за чашкой чая", как называл их Вольтер, но симпатии философа были на стороне *высшей части города*, в то время как Руссо, напротив, был на стороне *низов города*.

Из всех швейцарских земель наиболее справедливым было правление в Невшателе при Фридрихе Великом (1740-1786). Это государство по собственной воле в 1707 году приняло герцогскую власть королей Пруссии, чтобы вырваться из-под власти Людовика XIV. Однако в свое время Фридрих II. настолько забылся, что нарушил право "штатов" на налогообложение, и полуреспубликанское герцогство сразу же подняло восстание. Годом, вице-губернатор, преданный министр Фредерика, был застрелен в драке (1768). Тем не менее, благодаря мудрой умеренности монарха и вмешательству Швейцарской конфедерации буря утихла, и Невшатель продолжал жить в своем мирном и счастливом состоянии. Ясно, что в

Швейцарии было много горючего материала, и для разжигания пожара требовалась только Французская революция.

СНОСКИ:

[73] Неправедный и жестокий Ландвогт Чарнер был приговорен к смертной казни правительством Берна в 1612 году.

[74] Для получения дополнительных сведений об этом оригинальном человеке читателя отсылают к очаровательному роману Келлера, носящему его имя ("Zurcher Novellen" Келлера).

[75] Madame de la Charrière, the novelist, writes: "Nous vivons avec eux, nous leur plaisons, quelquefois nous les formons, et ils nous gâtent."

[76] Бернское крестьянство достигло необычайного богатства благодаря превосходному управлению и строгой администрации своего правительства.

[77] Проф. Vögelin, "Schweizergeschichte," p. 344.

[78] Смотрите "Патрицианку", недавний увлекательный роман Видманна, бернского писателя.

XXVIII.

ШВЕЙЦАРИЯ И ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ. ВЛИЯНИЕ ВОЛЬТЕРА И РУССО.

Бесплодной и непривлекательной является политика Швейцарии в этот период нашего повествования, и казалось, что республика тихо прекращает свое активное существование. Но литературный и научный ренессанс проходит через все это, как оплодотворяющий поток, и спасает его от полного бесплодия. Какой бы слабой ни была Швейцария в политическом отношении, она все же со всех сторон производила выдающихся людей в науке, литературе, философии. Время не в состоянии рассказать о них всех, и мы должны ограничиться кратким описанием трех великих течений движения, которые сосредоточились соответственно

вокруг Женевы, Цюриха и Гельветического общества. О двух первых из них действительно можно сказать, что они составляют часть (и важную часть) великого всеобщего пробуждения восемнадцатого века, пробуждения, начавшегося с французского "периода просвещения" и увенчавшегося эпохой немецкого классицизма. Однако само французское движение было основано на английском влиянии. Точно так же, как во времена Реставрации Англия скопировала Францию Луи Куаторзе, так и Франция в ответ черпала интеллектуальную силу из Англии второй половины восемнадцатого века — Англия тогда была значительно впереди Континента — и породила *"школу философии"*. Из великих французов, получивших образование в школе английской мысли, Монтескье, Руссо и Вольтер стоят на первом месте, и из них Вольтер, бесспорно, занимает самое высокое место. Вольтер был не только основателем, но и самым сердцем философской школы, которая подняла свой фронт против уставов, традиций и притязаний Церкви. Во время своего изгнания в Англии он глубоко проникся духом Ньютона и Локка и распространил за границей их взгляды и открытия с помощью своего гения, своего искрометного остроумия, хлесткой сатиры и изящного стиля. Никто в равной степени, как он, не натурализовал на континенте английскую свободомыслие и английский рационализм. Вольтер и Руссо были как два великих маяка, установленных в столетии, направляющих, как они могли бы, курс философии. Оба были поборниками личной свободы и религиозной терпимости в эпоху невежества и угнетения. Но влияние этих двух мужчин проявлялось совершенно по-разному, ибо у одного оно основывалось на голове, у другого - на сердце. Вольтер, реалист, своими ядовитыми и даже безрассудными сатирами на Церковь и христианство нанес серьезный удар религии в целом. Руссо, идеалист, погрузился в тайну добра и зла и потерпел крушение из-за самой непрактичности своей системы.

Вольтер, как хорошо известно, провел последние двадцать лет своей жизни — свою *"веру в жизнь"* — почти у ворот Женевы, а Руссо, фактически один из ее граждан, провел большую часть своей жизни, скитаясь за границей, хотя он так сильно любил Женеву, что однажды упал в обморок от волнения, покидая ее. И все же, хотя оба сражались, так сказать, из Женевы, ни один из них не считался пророком в этом городе. После того, как Вольтер провел пару лет в *"Les Délices"* — это было после его разрыва с великим Фредериком — он купил Турне и Ферни, недалеко от Женевы, чтобы *"держаться в стороне от монархов и епископов, которых он боялся"*. Ферней с его *парком а-ля Версальи* прекрасным замком стал его резиденцией; и там его племянница оказывала почести бесчисленным гостям, которые съезжались со всех концов, чтобы отдать дань уважения знаменитому *"Аубергисту Европы"*, как он сам себя любезно называл. Не салоны Ферне побудили его поселиться там, а забота о своем здоровье и желание избавиться от всякого страха перед бастилией.

Женева, как уже говорилось, не была склонна преклоняться в восхищении перед своим знаменитым соседом. К тому времени она стала крупным интеллектуальным центром. Там собирались люди науки, естествоиспытатели и философы, и, поскольку наступила реакция против постоянного изучения теологии, моду на которую ввели беженцы-гугеноты, ее место заняло изучение природы. Пока Францией правили Помпадур, Женевой управляло общество ученых, склонных, правда, к абсолютизму и узкому кальвинизму, но все же ученых. Распространенной ошибкой является предположение, что влияние Вольтера пустило глубокие корни в Женеве. Вольтер действительно задал направление всему миру, но Женева особо не пострадала. По правде говоря, большинство ее ученых мужей были не склонны делать больше, чем следовать Вольтеру, так сказать, наполовину в его философии, в то время как некоторые из них, как, например, Шарль Бонне, были особенно узки в своих взглядах и даже были охотниками за еретиками. [79] Спор Вольтера с городскими властями по поводу создания театра является хорошей иллюстрацией отсутствия у него там реальной власти и

влияния. Ему очень нравилось совращать "педантичный город, все еще держащийся за своих старых реформаторов и подчиняющийся тираническим законам Кальвина", с древнего пути и объявлять войну его ортодоксальности. И в рамках своего плана он решил ввести в городе театральные представления. Бал был пущен в ход статьей Д'Аламбера в "Энциклопедии", но аргументы, приведенные там в пользу театра, оказались безрезультатными. Руссо выступил с яростным ответом и заявил, что театр наносит ущерб нравственности маленького городка. В большом городе, где нравы уже были испорчены, это не имело значения. Консистерия была в смятении, поскольку делала вид, что женевцы питают огромную любовь к легким развлечениям. Однако однажды Вольтер пригласил городские власти в "Les Délices" и там угостил их представлением своей "Зари", и для коварного старого интригана было немалым триумфом то, что его аудитория была переполнена эмоциями. "Мы довели до слез почти весь совет — Консисторию и магистратов; я никогда не видел большего количества слез", - восхищенно сообщает он. "Никогда кальвинисты не были более нежными! Благословен Бог! Я развратил Женеву и Республику". Тем не менее, ему не суждено было восторжествовать. Театр "Les Délices" пришлось закрыть. Он несколько раз открывал свой театр в других местах на территории Женевы и начал привлекать толпы зрителей, но каждый раз был вынужден снова закрываться. По правде говоря, только в 1766 году в Женеве появился собственный театр, да и то он просуществовал всего два года. Здание было подожжено какими-то пуританами и, будучи всего лишь деревянным, быстро сгорело. Толпы людей бежали к месту пожара, но, обнаружив, что горит всего лишь театр, они опорожнили свои ведра, крича: "Пусть те, кто хотел театр, тушат огонь!" "*Перрукес* или *тиньясс*", - раздраженно воскликнул Вольтер, - с Женевой все равно. Если вы думаете, что поймали ее, она сбегает".

Руссо (1712-1778) был сыном женевского часовщика и в юности получил лишь очень отрывочное образование. Еще мальчиком он проникся республиканским и кальвинистским духом своего родного города, отсюда его демократические пристрастия. Он любил природу, любил уединение и был наделен глубоким религиозным чувством, хотя его религия была основана на чувствах. Он был свидетелем восстания 1735-1737 годов и, как *сторонник народа*, восстал против тирании патрициев и дал выход своему негодованию в своих произведениях. Таким образом, он стал рупором угнетенного народа, жаждущего свободы, общества, пресыщенного культурой. Его призовое эссе на тему "Искусства и науки" является отрицательным ответом на вопрос, предложенный Дижонской академией, привело ли Новое обучение к улучшению нравственности. Его следующее эссе на тему "Происхождение и фонды изящных искусств" - это вылазка против состояния общества. В ней он выступает за возвращение к состоянию природы, на что Вольтер саркастически ответил: "Я почувствовал огромное желание встать на четвереньки". "Эмиль" (1762), который Гете называет "евангелием образования", выступает против пустоты нашей искаженной и чрезмерно утонченной цивилизации и выступает за более рациональное обучение, основанное на природе. А Песталоцци, педагог и филантроп, хотя и называл "Эмиля" "книгой грез", все же питался идеями Руссо. "Эмиль", с одной стороны, выступает против деизма и материализма, а с другой - возражает против откровения и чудес и заявляет, что существующая религия односторонняя и неспособна спасти человечество от интеллектуального рабства. Волнение, вызванное книгой, было огромным с обеих сторон, и она была публично сожжена как в Париже, так и в Женеве. Ее автор был вынужден бежать.

ROUSSEAU.

ПОРТРЕТ

ПЕСТАЛОЦЦИ.

(С фотографии статуи в Ивердоне, работы Ланца.)

Аналогичная неблагоприятная судьба постигла знаменитое "Социальное противоядие" того же автора, возможно, самое важное политическое произведение XVIII века. В этом Руссо продвинулся гораздо дальше Монтескье. Действительно, первый был сильным

радикалом, в то время как второго более уместно было бы назвать вигом. Руссо защищает республиканизм, или, скорее, демократию, как наилучшую форму правления; в то время как Монтескье указывает на конституционное правление Англии в качестве своего образца, настаивая на праве на равенство всех перед законом. "Социальный контраст", как хорошо известно, много сделал для продвижения революционного дела и действительно стал учебником демократии и лег в основу Конституции 1793 года. Но сам Руссо не был агитатором. Напротив, когда женевские бюргеры поднялись на его защиту, чтобы спасти "Эмиля" и "Контрат" от пламени, он, не колеблясь ни минуты, умолял их подчиниться порядку, поскольку не любил беспорядков и кровопролития.

Его роман "Новая элоиза" (1761) привнес романтический элемент и открыл новую эру в литературе. Фактически, это был манифест против одурманенной и напудренной цивилизации. Поэзии предлагалось покинуть салоны и снова жить с природой. Но этот внезапный натиск на жесткий конвенционализм и ограниченность того времени был слишком силен, и последовала вспышка возбуждения и чувств, которые мы в наши дни едва ли можем осознать. Огромный поток чувств хлынул в литературу и породил тот бурный период "бури и напряжения" (*Sturm und Drang*) в Германии, из которого возникли шиллеровские "Räuber" (Разбойники). Гете уловил преобладающий тон сентиментальности и сверхчувствительности в своем "Вертере" (1774). Этот полный слез, неистовый период - всего лишь всплеск сдерживаемых чувств нации, вызванный ее внезапным освобождением от рабства условностей. И это проложило путь к золотой эре немецкой литературы, эпохе Шиллера и Гете.

Блестящий литературный двор мадам де Сталь в Коппе сменил двор Вольтера в Фернее. Хотя она родилась в Женеве, в душе она была француженкой, и ее родная страна мало повлияла на ее характер. "Я бы предпочла проехать несколько миль, чтобы послушать речь умного человека, чем открыть окна своей комнаты в Неаполе, чтобы увидеть красоты Залива", - характерная ее речь. И все же среди женщин-писательниц мадам де Сталь, пожалуй, самая щедрая, самая возвышенная и величественная фигура. Ее энергичная оппозиция Наполеону, ее изгнание, ее блестящий *кружок* в Коппете и ее знаменитые литературные произведения - темы, представляющие наибольший интерес, но поскольку они не касаются конкретно Швейцарии, здесь можно лишь намекнуть на них.

HALLER.

Из самой депрессии, политической и социальной, царившей в швейцарских землях, возникла тяга к литературе и научной культуре, которые в рассматриваемый нами период породили в стране столь плодотворную литературу. И это возрождение письменности проявилось не только в Западной Швейцарии. Базель гордился своими натуралистами и математиками Мерианом, Бернулли и Эйлером, в то время как Цюрих мог похвастаться своими ботаниками Шейхцером и Джоном Гесснером. В Берне родился самый выдающийся натуралист Галлер, который также был поэтом; Шаффаузен утверждает, что Йоханнес фон Мюллер - блестящий историк; и Брюгг (Аргау) Циммерман, философ и королевский врач Ганновера. Бодмер и Брайтингер сформировали эстетический критический форум в Цюрихе. И ни в одной стране подобного масштаба не было такого количества ее сыновей, занимающих почетные должности в зарубежных университетах. Целая колония швейцарских ученых обосновалась в Берлине, привлеченная туда великим Фридрихом; других можно было найти в Галле. Галлер, живший в Геттингене с 1736 года, также получил приглашение от Фридриха, но обнаружил, что не может принять его, испытывая сильное отвращение к Вольтеру и его влиянию. Прекрасный поток швейцарского интеллекта хлынул в Германию, и благодаря своей южной самобытности, большей силе выражения и истинно немецкому инстинкту он усилил немецкую национальность и свидетельствует о том, что между двумя странами постоянно проходит интеллектуальный поток.^[80] В рамках настоящего тома невозможно сделать больше, чем коснуться наиболее характерных литературных течений того периода.

Среди высших классов Швейцарии безраздельно царила французская культура, так же как и французская мода, французские манеры и, можно сказать, французский язык. Тем не менее, швейцарцы были первыми, кто отказался от французского превосходства в литературе, обратившись скорее к Англии как к более подходящему ориентиру и образцу. Бодмер

говорит о Шекспире и Мильтоне "как о высших проявлениях германского гения". Что касается самой немецкой литературы, то она все еще находилась в состоянии беспомощности — из— за Тридцатилетней войны и того, что немецкое дворянство поддалось французским вкусам и французскому влиянию - и формировалась на иностранный манер до окончания Семилетней войны в 1763 году, когда она заняла лидирующее положение, которое с тех пор сохраняет.

Берн и Цюрих, которые оба достигли богатства и независимости, были решительными противниками французской политики. Оба города были родиной *художественной литературы*, а Цюрих был настоящим "уголком поэтов". Главной фигурой там был Бодмер, который управлял литературным скипетром в Швейцарии и Германии почти полвека. Брейтингер был его коллегой по работе и почти неразлучным компаньоном, и эти двое больше, чем кто-либо другой, помогли разрушить французские чары. Бодмер (1698-1783) был сыном пастора из Грайфензее, и сам поначалу был предназначен для церкви, хотя в конце концов его привлекли к торговле шелком. Но ни одно призвание не могло удержать его от любимых писем, и в 1725 году он стал профессором истории и политических наук в Цюрихском Каролинууме. Его целью было вывести литературу из ее безжизненного состояния. Еще в 1721 году он вместе с Брайтингером и другими основал еженедельный журнал по образцу "*Зрителя* Аддисона — "Discurse der Maler". Брайтингер был профессором иврита, а позже каноником Цюрихского кафедрального собора и обладал глубокой образованностью и утонченным вкусом. В новой газете обсуждались не только социальные вопросы, но и поэзия и *художественная литература* в целом. Готшед (1700-1766), занимавший кафедру риторики в Лейпциге, был выдающимся литературным критиком. У него были французские вкусы, и он брал за образец французскую классику. В своем "Критическом искусстве поэзии" (1730) он пытается научить тому, что можно назвать *механикой* поэзии, основанной на разуме, и делает вид, что во власти любого действительно умного человека создавать поэтические шедевры. В 1732 году появился бодмеровский перевод "Потерянного рая", к огорчению Готтшеда, который, чувствуя, что теряет позиции, яростно атаковал последователей Мильтона. Его насмешки над слепым поэтом вызвали гнев Бодмера, и он ответил своей работой "Чудесное в поэзии". Ожесточенная полемика бушевала в течение десяти лет. Во имя Мильтона талантливые молодые люди встали на сторону Цюриха, то есть немцев, в противовес французскому влиянию в литературе. Результатом стало то, что усилиями таких людей, как Халлер, Клопшток, Виланд и Клейст, французское влияние было вытеснено, и национальное немецкое влияние вышло на первый план.

Альбрехт фон Галлер (1708-1777), которого Гете называет "отцом национальной поэзии", был первым представителем новой школы поэтов, которые начали обращаться к природе за вдохновением и иллюстрациями, а не просто к мертвым формам. Его стихи об Альпах (1732) рисуют величественную красоту Бернского нагорья и противопоставляют скромную и мирную, но естественную жизнь пастуха роскошной и искусственной жизни патриция и городского жителя. Труды Галлера произвели огромное впечатление на светский мир.^[81] Клопшток был, однако, тем, кого Бодмер приветствовал как предвестника новой эры, как немецкого Милтона. Клопшток получил образование в швейцарской школе мысли и считал "Критическое искусство" Брайтингера своей эстетической библией, в то время как перевод Бодмера "Потерянного рая" вдохновил его на эпос "Мессия". Первые три песни появились в "Bremer Beiträge" в 1748 году и произвели такой *фурор*, что он был объявлен бессмертным поэтом. Первые стихи Виланда были опубликованы в 1751 году в "Швейцарском критике" и встретили прием едва ли менее благосклонный, хотя и несколько менее восторженный. Между Бодмером и молодым Клопштоком возникла крепкая дружба, первый предложил поэту временный дом в своем Тускулуме (который все еще стоит) на склонах Цюрихберга,

чтобы он мог продолжить свою великую эпопею. Прекрасный вид на озеро и горы, на "высококультурный город внизу", высоко ценился Гете, который восхваляет его в "Wahrheit und Dichtung". Однако Бодмер был разочарован своим юным гостем, поскольку Клопшток любил общество молодых мужчин и девушек своего возраста, а прогресс, достигнутый с "Мессией", был почти *нулевым*. Однако именно пребыванию Клопштока там мы обязаны некоторыми из его прекрасных од, особенно той, что написана на Цюрихском озере. Но тем временем дружба Бодмера остыла, и Клопшток отправился в дом (в самом Цюрихе) Хартмана Рана, который позже женился на сестре поэта. С этим же Раном несколько лет спустя был связан философ Фихте, когда он жил в Цюрихе (1788). Фихте фактически женился на дочери Рана, Иоганне. В 1752 году Виланд^[82] отплатил Бодмеру за его предыдущие разочарования, пробыв у него около двух лет.

Рвение Бодмера к развитию литературы было неослабевающим. Хотя сам он не мог похвастаться большим поэтическим гением, он был плодовитым писателем как в прозе, так и в стихах. Его великая заслуга в том, что он вновь извлек на свет божий прекрасную старую средневековую поэзию, давно забытую. Рукопись "Миннезенгера" и знаменитых "Нибелунгов" он откопал в чулане замка Хоэнems. Он перевернул небо и землю, чтобы добиться королевской защиты и покровительства немецкой литературе. Но мало чего он добился при дворе великого Фридриха. Мюллеру, который подарил "Нибелунгов", его величество ответил в характерной для него манере, что это произведение не стоит и единого "заряда пороха". Не менее характерным был ответ Вольтера, когда к Клопштоку была обращена просьба о королевской милости. "Новый "Мессия" - это слишком хорошая вещь, старый еще не прочитан".

Влияние Бодмера на молодого человека из партс заметно. Он собрал вокруг себя большое количество последователей из числа молодых Цюрихеров, у которых был вкус к литературе. Толпы из них сопровождали его во время вечерних прогулок по авеню Платцшпитц, впитывая его остроумие и мудрость. Из учеников, собравшихся таким образом вокруг "отца" Бодмера — ибо так его ласково называли, — некоторые достигли немалого положения в дальнейшей жизни. Среди них мы можем упомянуть Зульцера, который стал профессором искусств в Берлине и пользовался большой благосклонностью короля; и Соломона Гесснера, художника-поэта, чьи словесные картины едва ли менее прекрасны, чем творения его кисти. Его "Идиллии", опубликованные в 1756 году, принесли ему европейскую известность. Произведение было переведено на все литературные языки, и во Франции и Италии его читали с большим нетерпением, первое издание на французском языке было распродано в течение двух недель. Другим важным произведением является "Кляйнджогг" Хирцеля, или "Сократ полей". В этом Хирцель, который был врачом и филантропом, выдвигает на первый план презируемое крестьянство. "Кляйннйогг" - это не только художественное произведение, но и рассказ о Якобе Гуджере, который жил в маленькой цюрихской деревушке. Якоб был человеком большого ума, неукротимой решимости и практической мудрости, который благодаря своему замечательному руководству превратил убогий загородный дом в образцовую ферму. Гете, который в гостях ел за его столом, был в восторге от крестьянина-философа и назвал его "одним из самых восхитительных созданий, когда-либо созданных землей".

Генрих Песталоцци, филантроп, но более известный своими усилиями в области образования, также был уроженцем Цюриха. Его принципы воспитания воплощены в романе о сельской жизни "Линхард и Гертруда" (1781). Его идеи частично позаимствованы у Руссо, но ему не удалось реализовать их на практике. Работа Песталоцци сразу же завоевала европейскую известность. Людвиг Мейер фон Кнонау, сельский магнат, был поэтом и

художником и писал "Басни". Йоханнес Каспер Лафатер, любимый ученик Бодмера, до глубины души пробудил патриотические чувства своих соотечественников своим знаменитым "Швейцерлидером", который он сочинил для Гельветического общества в 1767 году. Действительно, литературные вкусы, по-видимому, были очень распространены среди швейцарцев в то время. Больше великих работ Винкельмана по эстетике было продано в Цюрихе и Базеле, чем в наши дни, вероятно, будет продаваться в таких городах, как Берлин и Вена. И мы обнаруживаем, что Золотурн привлек в три раза больше подписчиков на произведения Гете, чем только что упомянутые великие города.

ЛАФАТЕР.

После Бодмера Лафатер стал главной достопримечательностью Цюриха, и незнакомые люди в большом количестве стекались туда, чтобы посмотреть на него. Он был основоположником физиогномики, и его работы по ней в то время читались очень широко. Сам Гете присоединился к Лафатеру в своих "Очерках по физиогномике". Будучи исключительно обаятельной личностью, философ был одним из самых влиятельных людей своего времени. Он был пастором церкви Святого Петра и был полон высокого религиозного энтузиазма. Он желал вывести христианство из его безжизненного состояния и сделать его живым существом, и был решительно настроен против рационализма — англо-французского деизма, — который тогда медленно вкрадывался, несмотря на суровые репрессивные меры против него. Гете в течение многих лет был близким другом Лафатера и вел с ним блестящую переписку. Можно утверждать, что великий поэт нанес не менее трех визитов в Цюрих, а именно в 1775, 1779 и 1797 годах. Он считал свое общение с Лафатером "печатью и венцом" всей поездки в Швейцарию в 1779 году и называет божественное "венцом человечества", "лучшим среди лучших", а свою дружбу сравнивает с "пастбищем на границе небес". Более

поздние годы жизни Лафатера были отмечены многими эксцентричностями, и он впал в религиозный мистицизм. Но швейцарцы не так-то легко забудут его неоспоримые заслуги.

Словом о гельветическом обществе следует завершить настоящую главу. Это общество было основано в 1762 году с целью объединения тех, кто был движим политическими устремлениями. Оно постепенно объединило всех, кто желал политического возрождения своего отечества, и самые выдающиеся люди как Восточной, так и Западной Швейцарии, причем обеих конфессий, присоединились к новому обществу. Молодые патриоты регулярно встречались, чтобы обсудить методы улучшения страны и ее институтов, и это несмотря на запреты узколобой исполнительной власти и строгий контроль прессы. План Стокара по объединению свободных штатов в единую республику сильно тронул сердца как католиков, так и протестантов, и их усилия положили начало многим практическим реформам. Наиболее заметным результатом этих усилий стал подъем национального образования. Цюрих с его высшими школами занял лидирующее положение в деле реформирования, и Песталоцци основал в своем собственном поместье школу для бедных. К сожалению, это замечательное учреждение потерпело крах из-за отсутствия надлежащего руководителя. Позже, после Революции, когда почва была лучше подготовлена для нее, система Песталоцци пустила крепкие корни.

СНОСКИ:

[79] "Французская литература восемнадцатого века" Хеттнера.

[80] Швейцария была колыбелью немецкой драматургии в шестнадцатом веке; даже пьеса "Страсти в Обераммергау" имеет швейцарское происхождение (Бахтольд).

[81] Халлер, стремясь вернуться на родину, принял низший пост директора соляных шахт в Бекс (Во), Берн, его родном городе, игнорируя его большие заслуги, отказавшись предложить ему либо профессорскую должность, либо место в правлении.

[82] Дочь Виланда также была замужем за сыном его большого друга, поэта Гесснера.

XXXI.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ШВЕЙЦАРИЯ.

(1790-1798.)

Никому из наших читателей не нужно будет рассказывать историю Французской революции или показывать, что она была естественным результатом прежнего плохого правления и угнетения. Каждый читал о страданиях низших классов — невыносимых, не поддающихся описанию; о поразительной неспособности дворян и духовенства увидеть, что среди всего своего эгоизма и удовольствий они жили на самом краю ужасающего вулкана; о *государственном* управлении и его освободительном движении, которое, перерастая свои первоначальные намерения, привело к ряду колоссальных перемен; о Наполеоне, о том, как он остановил этот беспорядок и как превратил всю Европу в один огромный театр военных действий. Все это, поскольку это история Франции, может быть здесь только упомянуто, но, поскольку Швейцария была втянута в водоворот перемен, мы должны остановиться на некоторых последствиях великой революции. Не менее отчетливо, чем в самой Франции, крик "*Свобода и равноправие!*" разнесся по швейцарским землям, наполняя сердца несвободных и угнетенных большими надеждами. И все же только после ужасных страданий и бесконечных превратностей либеральные принципы Революции вышли на первый план и получили практическое воплощение, которое должно было привести к более благородной и счастливой жизни людей.

ЛЕВ Из

ЛЮЦЕРНЫ.

(С фотографии оригинала.)

Из многих народных восстаний в Швейцарии, вызванных влиянием Франции, мы можем кратко коснуться тех, которые предшествовали Бернской катастрофе 1798 года. В сентябре 1791 года Нижний Вале восстал против *ландвегте* Верхнего Вале, но вмешательство Берна

остановило восстание. В апреле следующего года Прунтрут (в Бернской Юре) отказался от своей верности князьям-епископам Базеля и провозгласил себя независимой территорией в стиле "Рауракской республики", а три месяца спустя само широко разветвленное епископство было объединено с Францией как "департамент Мон Терриш". Именно 10 августа того же года (1792) были убиты швейцарские гвардейцы, защищавшие Тюильри от парижской черни. Все знают эту историю. "Мы швейцарцы, а швейцарцы никогда не сдают свое оружие иначе, как ценой своей жизни", - таковы были гордые слова сержанта Блейзера, обращенные к толпе, разъяренной против защитников королевской власти и требующей, чтобы они сложили оружие. Когда Людовик был в безопасности, швейцарская гвардия была отозвана. Но при выходе из дворца на них внезапно напала многотысячная толпа. Соппротивление было явно бесполезным, но швейцарцы не захотели бежать и были безжалостно перебиты. Из 760 солдат и двадцати двух офицеров лишь немногие избежали этого ужасного натиска. Красивый и широко известный памятник Торвальдсену — "Лев Люцерна" - с надписью "Helvetiorum fidei ac virtuti" до сих пор хранит память о героическом мужестве швейцарских гвардейцев.^[83] Это оскорбление вызвало сильное возмущение дома, но не могло быть отомщено. Подданные князя-настоятеля Беды из Сент-Галла добились при его мягком правлении отмены крепостного права. Однако его преемник Форстер, отказавшийся санкционировать эту меру, был изгнан со своего престола — до тех пор, пока не вернулся под покровительство Австрии, — и большой сельский округ Сент-Галл получил автономию и свободу от правления аббатства в 1797 году. Женева претерпела почти все возможные изменения. Одно время ее спас Берн в Цюрихе, но в 1798 году она была поглощена Францией. Необычайно суровое отношение Цюриха к сельским районам привело к широкомасштабному восстанию в Штафе в 1795 году; однако восстание было энергично подавлено. Итальянские лорды, с которыми Граубюнден жестоко обошелся, пожелали быть включенными в создаваемую Бонапартом Цис-альпийскую республику, и генерал посоветовал этому свободному государству принять его в свой состав в качестве четвертого члена равного ранга. Обнаружив, что его совету не последовали, он внезапно провозгласил памятную максиму: "ни один народ не может подчиняться другому народу без нарушения законов природы", - и присоединил Вальтеллину, Бормио и Кьявенну к Ломбардии. Это соглашение он ратифицировал Кампо-Формийским мирным договором 1797 года, который уничтожил Венецианскую республику, фактически передав ее Австрии, а Франция получила Нидерланды и Милан в качестве своей доли добычи.

Мало что могло привлечь внимание Франции к швейцарским землям больше, чем Гельветический клуб в Париже. Этот знаменитый клуб был основан в 1790 году недовольными, в основном из Во, Женевы и Фрайбурга. Они были настроены на освобождение Швейцарии от аристократического господства и желали ассимилировать форму правления с Французской. Это в точности устраивало французскую директорию, их целью было опоясать Францию прочным поясом вассальных государств. Среди них Швейцария должна была служить бастионом или, во всяком случае, полем битвы против Австрии; и Франция не теряла надежды наполнить свои *казначейства* швейцарскими сокровищами, которые теперь, после долгих лет мира, достигли огромных размеров. Среди группы патриотов двое мужчин выделяются как лидеры. Одним из них был Сезар де Ла Арп, благородно мыслящий и полный энтузиазма водау, который, однако, больше заботился о своем собственном кантоне, чем о Швейцарии в целом. Другим был Петер Окс из Базеля, проницательный и способный человек, но честолюбивый и приверженец Франции. Ла Гарпе однажды подвергся насмешкам со стороны бернского дворянина, который напомнил ему, что Во был подданным Берна, и этого он никогда не забывал. Даже при дворе Екатерины II в России, куда он был призван в качестве наставника императорских внуков, он никогда не забывал о своих республиканских принципах. В 1797 году, вернувшись из России и получив

запрет на въезд в Во, он вступил в парижский гельветический клуб и оттуда выпустил свои памфлеты против Берна. И в Директории все шло против того, чтобы этот несчастный кантон, Рубель, объявленный врагом, получил место. Наполеон тоже не был в восторге от Берна. По пути на конгресс в Раштатте в 1797 году он проезжал через Швейцарию и, приняв восторженный прием, оказанный Базелем и Во, полностью отказался отвечать на прием в Берне и Золотурне. Петер Окс пользовался полным доверием Наполеона, и тот вызвал его в Париж, где ему было поручено разработать проект новой конституции Швейцарии по образцу Директории. Таким образом, Ла Гарп и Окс стремились к одной и той же цели, хотя мотивы этих двух людей сильно различались.

LA HARPE.

Во с восторгом приветствовал Французскую революцию и самым показным образом отпраздновал падение Бастилии; Берн, с другой стороны, с тревогой наблюдал за развитием событий и в январе 1798 года послал полковника Вайса с войсками в провинцию. Франция ответила, немедленно направив войска для оккупации южного берега Женевского озера. Это было сделано по просьбе Гельветического клуба, который привел в качестве предлога старый мирный договор 1564 года, по которому Франция гарантировала свою поддержку Во. Тщетно Вайс выпускал манифесты; Берн пребывал в нерешительности, а Во, чувствуя себя в безопасности под эгидой Франции, провозгласила создание "Леманской республики" с

резиденцией правительства в Лозанне (24 января 1798 г.). Простой несчастный случай, приведший к гибели пары французских солдат, был их генералом преувеличен как *аттентат* "бернских тиранов" против "великой нации". Французские войска двинулись маршем на Вайса, вытеснили его без необходимости наносить удар, а затем взыскали с Во сумму в 28 000 фунтов стерлингов за оказанные услуги. Такие действия вселили ужас в сердца швейцарцев, и многие кантоны — Базель, Шаффхаузен, Люцерн и др. — приступили к реформированию своих правительств. В связи с рассмотрением этого вопроса сейм постановил принести национальную федеральную присягу - процедуру, которой пренебрегали в течение трехсот лет. Но это притворство о единстве было всего лишь притворством, как, впрочем, и все эти поспешные попытки реформ. Они не смогли предотвратить надвигающуюся бурю, поскольку правители не сумели правильно прочесть знамения времени. Растерянный и беспомощный Тагсатзунг распался 1 февраля.

В ходе последовавших операций главное командование французскими войсками в Швейцарии было передано от Менго Брюну, якобиту школы Дантона. Брюн направил свой главный удар на Берн, который, раздираемый раздорами, колебался между миром и войной. С проницательностью Макиавелли Брюн склонил город к перемирию. Это перемирие, которое должно было продлиться до 1 марта, было наиболее пагубным для интересов Берна, поскольку оно давало время как Брюну увеличить свои собственные силы, так и Шауенбургу присоединиться к нему с группой войск из Эльзаса. Бернцы были практически парализованы и, что вполне естественно, подозревали измену среди своих приверженцев. К несчастью также и для нее, Берн был далек от популярности среди ее родственных кантонов, и она была практически предоставлена самой себе. Ее главными союзниками были Золотурн и Фрайбург, но они сдались Шауенбургу и Брюну при первом же ударе, 2 марта. Затем французские войска двинулись на Берн, разрушив по пути национальный памятник в Морате. Но фон Графенрид одержал решающую победу над Брюном при Нойнеке. С другой стороны, Людвиг фон Эрлах, пытавшийся противостоять Шауенбургу при Фраубруннене, совершенно не смог удержаться и был отброшен назад к Граухольцу, в нескольких милях от Берна. Последовала борьба не на жизнь, а на смерть, даже женщины и дети хватали все оружие, какое могли, и отчаянно сражались, многие из них даже до смерти. Бой длился три часа, и бернцы, сражаясь со своей былой храбростью, сохранили свою солдатскую честь. Старый Шультхайсс фон Штайгер, "дрожащий телом, но храбрый сердцем", подбадривал своих людей, невзирая на град пуль, падавших вокруг него, но не причинявших вреда. Четыре раза швейцарцы выдерживали ужасный натиск французов, но в конце концов были вынуждены уступить силам, столь превосходящим их по численности и тактике. И даже когда лязг оружия все еще звучал, пришло известие, что Берн капитулировал. Эрлах и Штайгер бежали в Оберланд, намереваясь там возобновить боевые действия; но войска, обезумев от подозрений, что капитуляция была результатом государственной измены, убили первого, Штайгер чудом избежал подобной участи. 5 марта 1798 года французы с триумфом вошли в Берн, однако Брюн соблюдал строгую дисциплину. 22 числа предыдущего месяца в Лозанне Брюн добился провозглашения того, что французы прибыли как друзья и носители свободы и будут уважать собственность швейцарских граждан. Несмотря на это, он опустошил сокровищницы и склады Берна, а 10 и 11 марта отправил одиннадцать фургонов, запряженных четверками лошадей, полных добычи, девятнадцать знамен и трех медведей, которых они прозвали соответственно Эрлах, Штайгер и Вайсс, - французы с триумфом унесли.

Так пал Берн, оплот аристократии, и с его падением судьба Швейцарии была предрешена, хотя еще многое предстояло сделать, прежде чем она будет завершена. Директория теперь отменила старую Конфедерацию и провозгласила вместо нее "единую и неделимую

Гельветическую республику", навязав ей новую конституцию, разработанную по проекту Питера Окса. У самого Брюна был план тройного раздела территории, но предпочтение было отдано объединенной республике, поскольку ею легче управлять из Парижа. Тринадцать старых кантонов вместе с различными подвластными землями и соединениями были сформированы в двадцать два подразделения. После провала *ландера* их число сократилось до девятнадцати, три Лесных кантона с Цугом были объединены в один в качестве наказания. Некоторые перестановки и разделы были очень любопытными. Можно привести некоторые из них. Кантон Оберланд был отделен от Берна, а Баден - от собственно Аргау. Санти включал Аппенцелль и северную часть Санкт-Галла, а Линт включал остальную часть Санкт-Галла и Гларуса; Тессин был разделен на Беллинцону и Лугано; Во, Вале и Бюнден были присоединены без изменений. Женева и Невшатель остались за пределами. Таким образом, было сформировано объединенное гельветическое содружество, центральное правительство которого было установлено последовательно в Арау, Люцерне и Берне. Принятие законов было возложено на сенат и большой совет. Существовала Директория из пяти членов, к которой были добавлены четыре государственных министра — войны, юстиции, финансов, искусства и науки. Верховный суд состоял из девятнадцати представителей, по одному от каждого кантона. Это были радикальные изменения, и необдуманный способ, которым они были навязаны народу, помешал их проведению с общим одобрением. А затем Франция завоевала искреннюю неприязнь швейцарцев в целом своим отношением к этой стране. Швейцария считалась завоеванной и подвластной страной и была безжалостно разорена французами. Швейцарская аристократия была обложена контрибуцией в шестнадцать миллионов франков - помимо восьми миллионов франков, вывезенных из Берна при его падении.^[84]

Десять кантонов, особенно Берн, Цюрих, Люцерн и Во, *то есть* городские кантоны, чувствуя, что сопротивление невозможно и реформа необходима, согласились с новым порядком; но *земля*, за исключением Обвальдена, подстрекаемая священниками и местными патриотами и опасаясь, что религия и свобода умрут вместе, оказали самое бескомпромиссное сопротивление. По их словам, они предпочли "быть сожженными под своими пылающими крышами, чем подчиниться диктату иностранца". Очень благородной была защита, предпринятая лесным народом, но мы можем лишь вкратце коснуться ее. После мужественного сопротивления Гларус был разбит при Рапперсвиле 30 апреля 1798 года, а затем Шауенбург двинулся со всеми своими силами на Швиц. Для его защиты был собран отряд численностью около четырех тысяч храбрых мужчин под командованием Рединга, молодого и красивого офицера, только что вернувшегося со службы в Испании. Рединг был восторженным патриотом старого образца, глубоко проникнутым консервативными принципами. Люди с готовностью встали под его знамена и дали торжественную клятву "не бежать, но победить". Рединг и его маленькая армия одержали три блестящие победы при Шинделлеги, Арте и Моргартене соответственно, показав себя достойными потомками старых героев 1315 года. Однако французы проникли через гору Этцель из-за неспособности священника Херцога выстоять против них, и хлынули через брешь в подавляющем количестве. На какое-то время они были отброшены назад у Ротентурма, но Швиц был слишком измотан, чтобы продолжать неравную борьбу, и Рединг был вынужден вступить в переговоры, хотя и почетного характера, с Шауенбургом.

РЕДИНГ.

Затем последовало мрачное 9 сентября, записанное как "конец света" в "анналах Мидвальдена",^[85] день, который практически уничтожил этот полукантон. Оказав яростное сопротивление "гельветикам", этот округ навлек на себя гнев Франции. Воодушевленные духом Винкельрида, все до единого - даже его достойные сыновья, его женщины и дети - маленький отряд — их было всего две тысячи против шестнадцати тысяч — в течение нескольких дней вели неравную борьбу. Маленькая бухта Альпнах (Alpnacher See) и лес Кернс (Kernserwald) были красны от крови врага. Но такое положение вещей не могло продолжаться долго. Внезапно французы прорвались и хлынули со всех сторон. Ужасные столкновения произошли в Ротцлохе и Дракенриде, и был предпринят штурм Станца, главного города округа. К полудню этот город был действительно взят, но, несмотря на это, ожесточенный бой продолжался до вечера. Это было 9 сентября 1798 года, день, который Шауенбург назвал самым жарким в своей жизни. "Подобно фуриям, - говорится в отчете, - черный легион французских галерных рабов убивал и свирепствовал по всему району". Когда наступила ночь, Станц выглядел опустошенным, дымящимся городом крови и смерти. Европа смотрела с изумлением, но в то же время с восхищением и сочувствием на этот героический уголок земли. И Англия, и Германия присылали провизию и деньги, и даже Шауенбург проникся состраданием к бедным жителям Мидвальда и раздал им еду. Возможно, здесь следует отметить, что вскоре Станц снова фигурирует в истории Швейцарии, но на этот раз в гораздо более мирной и гуманной манере. Именно здесь Песталоцци возобновил свою благородную просветительскую работу. Чтобы залечить раны своей благородной страны, насколько это было в его силах, министр Штапфер основал учебное заведение для детей-сирот округа. И здесь Песталоцци правил не столько как простой педагог, сколько как настоящий отец, вверив маленьких несчастных его заботе.

СНОСКИ:

[83] Это грандиозное произведение искусства высечено на поверхности огромной скалы по образцу Торвальдсена — раненый лев со сломанным копьём, олицетворяющий несчастное, но благородное мужество. Работа была выполнена в 1821 году.

[84] Точная сумма, выплаченная Берном, неизвестна, но, вероятно, она достигла семи или восьми миллионов франков. Потери бернцев до 1813 года оценивались в семнадцать миллионов франков. Также было захвачено сто шестьдесят пушек и шестьдесят тысяч мушкетов. Берн держал трех медведей (в Баранграбене города) со времен битвы при Новаре в 1513 году. Как ни странно, медведи, унесенные в той битве, были французскими трофеями.

[85] Горный хребет, протянувшийся от Титлиса на северо-запад, а затем на северо-восток до Станцер-Хорна, с Кернвальдом в центре, разделяет Унтервальден на Обвальден (над лесом) и Мидвальден (под лесом).

XXX.

"ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ ГЕЛЬВЕТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА".

(1798-1803.)

День "единой и неделимой Гельветической республики" был периодом "бури и напряжения", недолгим, полным творческих идей и обширных планов, с большой борьбой за то, что было самым благородным в принципах Революции. Однако Гельвеция была раздираема внутренними раздорами, а ее энергия парализована гражданской и внешней войной, зависимым положением и финансовыми трудностями. Гельветическая схема объединения различных членов Конфедерации в одно государство с уничтожением кантонов — схема, часто планируемая с тех пор, но по сей день нереализованная и пока еще неосуществимая

— из-за своих неизбежных тенденций к выравниванию вызвала сильное отвращение и ненависть среди наиболее консервативных швейцарцев. По правде говоря, все зашло слишком быстро и слишком далеко в направлении централизации. *Земля* была лишена своих земель, городские кантоны - своих советов, а независимые государства - своего суверенитета. Казалось, все перевернулось с ног на голову. Кантоны превратились в простые административные округа.^[86] Барьеры между ними, а также между различными классами общества, были разрушены. Подвластные земли были признаны равными по статусу остальным, а жителям предоставлены полные права гражданства. Среди многих предложенных благотворных мер можно упомянуть главную. Были сняты все ограничения на торговлю и промышленность, десятина, откупные и земельные налоги могли быть погашены за небольшую плату; были гарантированы свобода в вопросах религии, свобода печати и право на подачу петиций, а пытки были подавлены. Это дитя революции, "гельветик", действительно, выступал за многие реформы и породил множество новых идей, которые требовали времени, размышлений и спокойствия, чтобы довести до зрелости и полезности. Но время еще не пришло, мира не хватало, и многие вещи скорее предлагались, чем претворялись в жизнь. И все же мы с интересом оглядываемся назад на многие идеи того времени, поскольку они проложили путь к большей части нашего современного прогресса и привели к нему.

Превосходные люди, люди состоятельные, мудрые и умеренные, наблюдали за первыми днями молодой республики; среди них Устери, Эшер (из Цюриха), Секретан и Каррард (Во), а также Майер (Берн). Но постепенно французские партизаны, выдвинутые из Парижа, были возвращены в Швейцарскую директорию, а Окс и Ла Гарп были назначены руководителями гельветических дел. Вскоре было установлено "царство террора" — возможно, в более мягкой форме, но, тем не менее, это было правление терроризма — с целью принудить страну к подчинению "*великой нации*". Был введен рекрутский набор, чтобы набрать в общей сложности восемнадцать тысяч человек - количество, которое швейцарцы не смогли предоставить иностранцу. Они возражали против этой принудительной службы и взялись за оружие за границей, в то время как такие люди, как Лафатер и Рединг, которые бросали вызов как французской тирании, так и "гельветическому" деспотизму, были сосланы или брошены в грязные темницы крепости Аарбург. 19 августа 1798 года был заключен роковой франко-гельветический союз — наступательный и оборонительный - несмотря на мольбы и предупреждения более дальновидных патриотов, таких, например, как Эшер (фон дер Линт). Таким образом, швейцарский нейтралитет был отброшен, и дверь была открыта для австро-русского вторжения, запланированного второй европейской коалицией с целью вытеснения Франции со швейцарской территории. Ненавидя новый *режим*, раздраженные французским превосходством и французским вымогательством и желая, чтобы был восстановлен *прежний статус-кво* 1798 года, реакционеры с восторгом приветствовали приход австрийцев, точно так же, как "патриоты" до этого приветствовали вмешательство Франции. Легион швейцарских *эмигрантов* за границей, собранный Ровереей в Водуа, который в предыдущей борьбе был на стороне Берна, присоединился к австрийской армии. Имевшая место иностранная оккупация, превратившая Швейцарию в единый военный лагерь, не может быть рассмотрена здесь во всех деталях. И все же следует отметить один или два момента, прежде всего, те замечательные альпийские марши, которые Суворов совершил, хотя и против своей воли. Эти марши совершенно уникальны в военной истории.

После поражения французов в Южной Германии, Тироле и Италии от эрцгерцога Карла Хотце и Суворова они должны были быть изгнаны из Швейцарии. Маршал Массена, сменивший Шауенбурга на посту командующего французскими войсками, в начале войны захватил Граубюнден и вынудил его, хотя это было свободное государство, присоединиться к

Гельветической республике, против которой она так решительно возражала. Но в мае 1799 года он был отбит Хотце, доблестным фехтовальщиком швейцарского происхождения;^[87] который дослужился до звания фельдмаршала в австрийской армии. Хотце изгнал французов с центрального нагорья, Ровереа также принимал видное участие в экспедиции. Примерно в это же время эрцгерцог Карл вступил в Швейцарию в Шаффхаузене и, увлекая всех за собой, двинулся к Цюриху. Этот город после различных стычек в его окрестностях он захватил 4 июня, вынудив Массену отступить на высоты за рекой Лиммат. Но теперь из-за разногласий между Австрией и Россией на несколько месяцев было прервано прекращение военных действий, и вместе с этим произошла смена тактики. Эрцгерцог Карл отступил, и его место занял Корсаков с сорокатысячной русской армией. Теперь был согласован план, согласно которому Суворов должен был присоединиться к Корсакову из Италии, а затем они должны были объединить свои силы в грандиозном наступлении на французов 26 сентября. Массена был полон решимости предотвратить это. С помощью превосходного маневра он расположил свои восемь дивизий в Восточной и Центральной Швейцарии, его силы составляли не менее семидесяти пяти тысяч человек. Высокогорья Швиц, Ури и Гларус удерживались Лекурбом, опытным стратегом, чувствующим себя в Альпах как дома, а вход на перевал Сен-Готард был блокирован. Маршал Султ дал сражение Хотце в болотистой местности между Цюрихским озером и Валензее 25 сентября, в результате чего Хотце был убит, а австрийские войска отступили с территории Швейцарии. Везде, где австрийцы укрепляли позиции, реакционеры пользовались этим, чтобы восстановить *статус-кво*. 25 и 26 сентября Массена атаковал русские войска под Корсаковым в Цюрихе. Эта вторая битва за Цюрих — бои продолжались (снаружи) на самых улицах — привела к полному разгрому Корсакова. К счастью, сам город, остававшийся нейтральным, избежал жестокого обращения, но Лафатер, к несчастью, был ранен во время боя, когда нес помощь нескольким раненым солдатам.^[88]

ДИЛИЖАНС,
ПЕРЕСЕКАЮЩИЙ ПЕРЕВАЛ СИМПЛОН.

Совершенно не подозревая о том, что делается в Швейцарии, Суворов 24 сентября достиг высот Сен-Готарда и, обнаружив, что перевал занят противником, блестяще прорвался через него. В то время как часть русских — например, при Тойфельсбрюхе — сдерживала

французов, большая часть их армии спускалась по крутым скалам, обрамляющим Ройсс, под огнем французов. Перейдя вброд быстрый поток, они поспешили вниз по долине к Флюэлену, намереваясь продвигаться к Люцерну и Цюриху. Но, к своему великому ужасу, они не нашли дороги, огибающей озеро Ури, и все лодки были убраны. Таким образом, они оказались запертыми в лабиринте горных крепостей, выходы из которых были перекрыты их врагами. В этом отчаянном положении им ничего не оставалось, как перебираться через горы, насколько это было возможно, по любой неровной тропинке, которая могла представиться. Однако на самом деле эти перевалы были не большими дорогами для армий, а всего лишь узкими тропинками, которыми время от времени пользовались пастухи или охотники. Преданные своему лидеру, русские войска с трудом поднялись из мрачного Шахенталя и прошли труднопроходимый перевал Кинциг, преследуемые врагами. Достигнув Муотты, они узнали удручающую новость о том, что Корсаков потерпел поражение. Неудивительно, что по обветренному лицу храброго старого генерала катились слезы, когда он отдавал приказ отступать. Но Суваров не был склонен сидеть сложа руки и роптать, и, не уstraшенный своей недавней ужасной борьбой с природой, сразу же возобновил свой марш через труднопроходимый перевал Прагель в кантон Гларус, где у него были большие надежды найти австрийских друзей. Но по прибытии он узнал, что австрийцы покинули этот район. Таким образом, снова сбитый с толку и неспособный из-за противника добраться до равнин у Нефельса, он был вынужден снова отступить и снова предпринять ужасную попытку перехода через горы. Преодолев перевал Паниксер, который поднимается на высоту восьми тысяч футов, он столкнулся с большими трудностями, чем раньше. Недавно выпал снег, и все следы тропинки исчезли. В течение пяти ужасных дней отряд поредел, умирая от холода, голода и усталости, босиком — их сапоги были совершенно изношены — они пробирались по этим зимним регионам, ползая, как гусеницы, по снежным стенам и ледяным вершинам. Сотни людей и лошадей провалились в скрытые расщелины, в которые также с внезапным грохотом упало множество артиллерийских орудий. Добрая треть доблестного отряда погибла во время этого ужасного перехода. Измученные и изголодавшиеся выжившие достигли Граубюндена 10 октября, а оттуда направились на территорию Австрии. Суваров потерпел неудачу, но память о бесстрашном и решительном старом генерале увековечена в бессмертной славе. Неудача иностранных вторжений означала также неудачу реакционеров в их попытке свергнуть "Гельветическую республику".

Неописуемые страдания были следствием иностранных войн, и они были усилены французской оккупацией, и особенно позорной системой грабежей, практикуемой французскими генералами и агентами Менго, Лекарлье, Рапина и др. Можно привести несколько примеров обращения, которому подверглась Швейцария со стороны французских "освободителей". Урзеренталь, одна из долин Ури, была призвана в период с октября 1798 по октябрь 1799 года обеспечить продовольствием в общей сложности 861 700 человек, а также симпатичную деревушку во Фрейбурге для двадцати пяти тысяч человек в течение полугода. В течение четырех месяцев Тургау потратил полтора миллиона франков, а Баденский округ - почти пять миллионов на снабжение французских войск в течение года. Все протесты жителей о неспособности действовать были бесполезны; Рапина[89] и другие, подобно вампирам, высосали из несчастного швейцарца саму жизнь. У "Гельветической республики", правда, была своя благородная сторона, но французская оккупация, благодаря которой она поддерживалась и которая действительно стала ее результатом, заставила людей в целом относиться к гельветическому плану с отвращением и ненавистью.

Ярчайшая сторона "Гельветической республики" проявилась в замечательных усилиях благородных патриотов — в первую очередь среди них Ренггера и Штапфера — смягчить последствия всех этих бедствий путем продвижения, несмотря на все трудности или вопреки

всем превратностям времени, материальных и идеальных интересов народа. И Ренггер, и Штапфер были высокообразованными людьми, и оба были государственными министрами, причем первый отвечал за финансы, а второй - за искусство и науку. Ренггер направил свои усилия на улучшение торговли и сельского хозяйства; одним из его практических достижений стало внедрение английских хлопкопрядильных машин. Стэпфер, с другой стороны, работал над распространением народного образования. "Только духовная и интеллектуальная свобода делает свободным", - утверждал он. Следует отметить в скобках, что он сам родился в одной из новых подвластных земель, получивших избирательные права. Он разработал замечательную схему национального образования, схему, охватывающую ребенка в начальной школе и молодого человека в Национальном университете. Эта мечта о национальном университете, кстати, до сих пор не реализована,^[90] но Штапфер предполагал, что он должен увенчать всю его систему национального образования и должен сочетать немецкую глубину с французской многогранностью и итальянским вкусом. Большая часть грандиозного плана Стэпфера осталась неиспользованной из-за нехватки средств и времени, но для того времени это был очень замечательный план. И все же многое было сделано. Возникло множество школ, и в каждом кантоне был свой образовательный совет и свой школьный инспектор. Люцерн, который до сих пор сильно отставал в этих вопросах, теперь основал школы во всех своих коммунах (к 1801 году), а Арау открыл гимназию. Около четырех тысяч детей из опустошенных сельских районов были привезены в города и получили образование; в то же время было открыто множество журналов и основано множество литературных и художественных обществ. Возможно, главная заслуга Стэпфера в почетной памяти - это его признательность Песталоцци и его помощь ему. Покинув Станц из-за конфессиональных разногласий, великий филантроп основал свою знаменитую школу в Бургдорфе, снискав себе этим европейскую известность.

Эти благородные усилия, направленные на интеллектуальное развитие страны, вызывают тем большее восхищение, что страна была охвачена конституционной борьбой. С первых дней революции возникли две политические школы: централисты, которые^[91] хотели видеть одно единое государство с единым центральным правительством; и федералисты, которые цеплялись за исторические традиции своего отечества и за *прежний статус-кво* 1798 года. Эти последние желали, чтобы кантональное самоуправление преобладало над центральной властью. Это была борьба не на жизнь, а на смерть между продвинутыми либералами и стойкими консерваторами. За короткий пятилетний период в стране произошло не менее четырех *государственных переворотов*, полных свержений правительства и конституции. Мы можем отметить только основные моменты в истории этих изменений. Первое потрясение было вызвано переходом Франции от Директории к консульству и возвращением Наполеона из Египта 9 ноября 1798 года. Окс, которого почти все швейцарцы ненавидели как орудие Франции, был отстранен от своего высокопреосвященства; и Ла Гарп последовал их примеру, Швейцарская директория была заменена исполнительным комитетом. Люневильский мирный договор, заключенный в феврале 1801 года, предоставил швейцарцам свободу выбора собственной формы правления, но сам Наполеон постепенно перешел к федералистским взглядам. Проекты новых конституций быстро сменяли друг друга, и каждый, в свою очередь, был расстроен тем, что последовало за ним. Эскиз Мальмезона, составленный федералистами, восстановил Тагзацунг и независимость кантонов в мае 1801 года. Еще одно свержение, и затем Алоис Рединг занял пост первого ландаммана и главы Консервативного правительства (28 октября 1801 года). Рыцарственному и непоколебимому в решимости Редингу не хватало гибкости, необходимой государственному деятелю, и он желал, чтобы Во снова оказался под властью Берна. "Скорее солнце повернется с запада на восток, - яростно воскликнул

Наполеон, - чем Во отправится обратно в Берн". Рединг был лишен своего поста и заключен в тюрьму в Аарбурге - участь, которая постигала его несколько раз при Бонапарте. В июле 1802 года Наполеон вывел французские войска с территории Швейцарии якобы для соблюдения Амьенского мирного договора, но на самом деле для того, чтобы показать швейцарцам, насколько они бессильны без его помощи. Это послужило сигналом к всеобщей вспышке гражданской войны, в шутку названной *Stecklikrieg*, или *Партизанским движением*, в намеке на безразличное снаряжение солдат. Находившееся тогда у власти правительство Гельветии бежало из Берна и обосновалось в Лозанне. Его небольшой отряд был разбит федералистами при Авенше, которые двинулись к городу Леман, когда из Парижа до них дошел приказ сложить оружие. Через генерала Раппа Наполеон предложил свои услуги в качестве "посредника" в гражданских беспорядках Швейцарии, а по пятам за ним последовал маршал Ней с сорокатысячной армией для наведения порядка.

СНОСКИ:

[86] Полный провал ясно показывает, насколько мало такая централизация управления, не оставляющая кантонам простора для действий, могла бы удовлетворить отдельные штаты Конфедерации в любое время. Название "кантон" впервые использовалось в договорах Франции со Швейцарией и с тех пор стало общим термином. Оно вошло в обиход не так поздно, как гельветический.

[87] Он был уроженцем большой деревни в районе Цюриха.

[88] Он целый год страдал от раны, а затем умер, до последнего отличавшийся любовью ко всему человечеству и особенно к своей стране.

[89] Следующие строчки, которые впоследствии часто звучат в устах мужчин, рассказывают свою собственную историю:—

"La Suisse qu'on pille et qu'on ruine
Voudrait bien que l'on decidât
Si Rapinat vient de rapine,
Ou rapine de Rapinat."

[90] И вряд ли это будет реализовано, поскольку соответствующие кантоны цепляются за свои четыре университета и две академии, которые являются их гордостью.

[91] По-немецки - *Centralisten* или *Unitarier*.

XXXI.

ЗАКОН О ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ И НАПОЛЕОН.

(1803-15.)

С конституционной точки зрения этот период — период посредничества (1803-13) - является наиболее удовлетворительной частью эпохи между французскими революциями 1789 и 1830 годов. Наполеону нравилось брать на себя роль направляющего провидение в альпийские земли. И, обнаружив, что федералисты и централисты Швейцарии — *laudatores temporis acti* и прогрессисты — были совершенно неспособны прийти к компромиссу, он с удовлетворением принял новую конституцию страны. Он прекратил их ссоры, созвав в Париж "Гельветическую консультацию". Шестьдесят три депутата, из которых только пятнадцать были федералистами, подчинились этому призыву, среди них были многие выдающиеся государственные деятели. Те, кто не подчинился повестке, такие как Рединг и его партия, были арестованы (ноябрь 1803 г.). В официальном вестнике Наполеон с удовольствием отзывался о швейцарской нации как о той, которая "всегда выделялась в истории как образец силы, мужества и хороших манер", и он выразил пожелание, чтобы швейцарцы "стремились к хорошему управлению и приносили свои партийные чувства в жертву своим реальным интересам, славе и независимости". Таким комплиментарным был его язык, а кропотливая забота и вдумчивое рассмотрение, которые он проявил при реорганизации швейцарских дел, представляют великого деспота в исключительно приятном свете; и Акт о посредничестве, который он составил, был бы, если бы не эгоистичная *пенсия*, проходящая через него, был одним из его самых благородных и благотворных политических актов.

На основе черновиков и данных, представленных Конференцией, Наполеон за два месяца (25 ноября- 24 января) составил свою знаменитую схему. Сначала он вынес этот вопрос на рассмотрение всего собрания, затем он выбрал внутренний комитет из десяти человек для дальнейшей и окончательной консультации. Это произошло 29 января в Тюильри, заседание продолжалось с часу до восьми вечера. Французские комиссары^[92] впоследствии заявили, что они никогда не были свидетелями подобной сцены и что "никогда Первый консул не уделял такого пристального внимания даже самым важным вопросам европейской политики". Швейцарская партия, представлявшая как политические круги, так и четырех французских комиссаров, сидела вокруг стола, а сам Наполеон находился в центре, сияя грациозным дружелюбием. Были зачитаны предложения, касающиеся трех классов кантонов, и двум делегатам, Штапферу, о котором мы слышали ранее, и Хансу фон Рейнхарду,^[93] было предложено высказать свои соответствующие мнения. Последовала общая дискуссия, консул уделял пристальное внимание каждой детали. Его собственные речи свидетельствовали о близком знакомстве со швейцарскими делами и, будучи полными практической мудрости, также свидетельствовали о его подлинном интересе и симпатии к маленькой республике. Он отметил, что Швейцария совершенно не похожа ни на одну другую страну по своей истории, своему географическому положению, по тому, что в ней

проживают три национальности и три языка. Характеристики и прогресс трех наций, по сути, должны были учитываться и поддерживаться. Сама природа явно предназначила, чтобы это было федеративное государство. Лесным кантонам, которым, по его признанию, вся республика обязана своим характерным колоритом, он восстановил освященный веками *landsgemeinde*, "столь богатый воспоминаниями о прошлом"; городским кантонам он вернул их древние советы, переделанные в соответствии с современными идеями; а подвластным землям он предоставил автономию. Положение этих последних в прошлом, по его утверждению, было несовместимо с современным характером республики, и его превращение их в новые кантоны является особой заслугой его плана. Идя навстречу взглядам федералистов, предоставив независимость или самоуправление каждому кантону, он также пошел навстречу централистам, спланировав хорошо организованное центральное правительство в форме *Тагзаунга* с расширенными полномочиями. Во главе всего этого он поставил швейцарского ландаммана с почти *пленерным стилем*. Наполеон выбрал первым ландамманом человека, которого он высоко ценил, — Луи д'Аффри из Фрейбурга, сына графа д'Аффри. И отец, и сын служили во Франции офицерами и государственными деятелями, и Людовик был одним из немногих, кто избежал резни в Париже в 1792 году. Он был идеальным придворным, мягким и консервативным в своих взглядах. Стоит упомянуть, что во время *интермеццо*, которое состоялось в пять часов, когда по кругу разносили закуски, консул, стоя у камина в окружении делегатов, непрерывно говорил о швейцарской политике и не жалел усилий, чтобы убедить своих слушателей, насколько интересы Швейцарии связаны с интересами Франции. Нельзя было ошибиться в его словах, которые, надо отдать ему справедливость, он и не пытался скрывать. Члены Конференции, к которым Наполеон относился с заметным почтением, вполне осознавали опасность, угрожавшую их стране, но верили, что какой-нибудь поворот колеса может предотвратить ее. После этих переговоров консул переработал Акт о посредничестве и 19 февраля лично представил его на подпись, после чего отклонялся от всей делегации.

Ла Гарп завоевал для швейцарцев расположение императора Александра, а Пруссия и Австрия были вовлечены в территориальную грызню, и никакого вмешательства не последовало. Эпоха мира и процветания последовала за всеобщей амнистией (15 апреля 1803 г.), объявленной Законом о посредничестве. Период затишья был нарушен только Бокенкригом в 1804 году, восстанием, в ходе которого сельские жители Цюрихского кантона предприняли попытку выступить против невыплаченной арендной платы за землю и десятины, все еще причитающихся городу.^[94] Восстание было подавлено силой.^[95] Новым законом были образованы шесть новых кантонов — Бюнден, Санкт-Галль, Тургау, Аргау, Во и Тичино; и они были добавлены на равных правах к тринадцати *Alte Orte*, каждому было предоставлено право самостоятельно управлять своими делами. Либеральные принципы, провозглашенные "гельветиками", в значительной степени учитывались, хотя низшие слои населения по-прежнему были исключены из прямого политического представительства. Войны наемников, военные передвижения и союзы между отдельными кантонами были строго запрещены; но так же было запрещено содержание федеральной армии, за исключением небольших сил для поддержания порядка, и, таким образом, страна была лишена адекватных средств обороны. Фрайбург, Берн, Солер, Базель, Цюрих и Люцерн, в свою очередь, становились управляющими или диктаторскими кантонами на один год подряд. То есть они были резиденциями сейма, и их главный судья — шультхайс или бургомистр, в зависимости от обстоятельств, — становился Ландамманом. За более крупными кантонами, т.е. с населением не менее ста тысяч человек, в сейме было отдано два голоса, за меньшими - один голос. Здесь нет необходимости вдаваться в более мелкие детали, поскольку между этим периодом и 1874 годом необходимо отметить многочисленные конституционные изменения.

Таким образом, что бы ни думали о конечных целях Наполеона, именно благодаря ему Швейцария наслаждалась покоем, процветанием и совершенным самоуправлением в то время, когда Европа в целом была раздираема раздорами и погрязла в войне. Швейцарский народ уделял все свое внимание внутренним делам и стремлению к интеллектуальному и материальному прогрессу, как это было во времена гельветов, но теперь с большим успехом. Были основаны благотворительные общества, открыты средние школы и возникли учреждения для развития литературы, науки и искусства. Многие известные люди активно пропагандировали идеальную сторону жизни; среди них мы можем упомянуть романиста Зшокке,^[96] из Аргау; Мартина Устери, поэта-художника; и Георга Негели, Сангерватера, или "Отца песни". Оба последних были родом из Цюриха, и Негели дал большой импульс основанию музыкальных обществ и многое сделал для распространения искусства пения, столь распространенного в районах Германии и особенно культивируемого в Базеле и Цюрихе. Песталоцци основал новую школу в Ивердоне в Во; а его друг и бывший ученик фон Фелленберг из Берна, превосходящий своего учителя в практическом менеджменте, основал свое знаменитое учебное заведение в Хофвиле. Это включало в себя целую серию школ, средних школ, школ для среднего класса, сельскохозяйственных школ и начальных школ для бедных. Патер Жирар, друг Песталоцци по Фрейбургу, сделал для католиков многое из того, что эти люди сделали для протестантов. Другим благородным и преданным человеком был Эшер, который, хотя и сам был аристократического происхождения, все же был ревностным работником на благо беднейших классов. Его главной работой была канализация канала между Валензее и Цюрихским озером, благодаря чему около двадцати восьми тысяч акров нездоровых болот превратились в ценные сельскохозяйственные угодья. За этот любовный труд, которому он пожертвовал своим здоровьем, диета предписала ему и его семье почетное добавление "Фон дер Линт".^[97] Внедрение машинного оборудования дало большой толчок торговле и промышленности. В 1800 году монастыри Сен-Галль были превращены в первую швейцарскую прядильную фабрику, а в течение следующего десятилетия в кантоне были открыты еще четыре фабрики. В 1808 году Генрих Кунц, "Король прядильщиков на Континенте", заложил в Цюрихе фундамент первой из своих многочисленных фабрик. В 1812 году крупная фирма Rieter and Co., чьи станки вскоре приобрели всемирную известность, начала свою деятельность в Винтертуре.

Однако не все было гладко в маленьком швейцарском государстве. Швейцария была вынуждена не только заключить тесный оборонительный союз с Францией, но и постоянно снабжать французскую армию шестнадцатью тысячами швейцарских солдат. Утечка этого "налога крови" была настолько велика, что в некоторых кантонах пришлось открыть даже тюрьмы, чтобы можно было восполнить этот налог. Швейцария стала *перевалочным пунктом* для английских контрабандных товаров; и трианонский декрет 1810 года предписал конфискацию этих товаров и ввел налог на английские товары в размере половины их стоимости. Все это тяжелым бременем легло на Швейцарию, и трогательное заявление ландаммана Наполеону о том, что двадцать тысяч семей быстро остаются без хлеба, осталось без внимания. В 1806 году деспот отдал Невшатель своему любимому генералу Бертье, а в 1810 году передал Италии Тичино под предлогом того, что в этом районе хранились английские контрабандные товары. В том же году он присоединил к Франции округ Вале, где несколькими годами ранее (1802) построил знаменитую Симплонскую дорогу в Италию. Швейцарцы, естественно, протестовали против этих увечий, но он пригрозил аннексировать всю страну, и Д'Аффри и Рейнхарду, которые поддерживали его, пришлось приложить немало усилий, чтобы утихомирить его. Однако, когда пылкий Сидлер из Цуга и героический Рединг бросили ему вызов и посоветовали оказать вооруженное сопротивление на сейме, Наполеон послал Рейнхарду сообщение, что он отправит пятьдесят тысяч человек в страну и заставит швейцарцев объединиться с Францией.

Но ситуация начинала меняться; зенит Наполеона миновал. За роковой русской экспедицией, в которую его толкнули гордость и безрассудное честолюбие в 1812 году, последовала ужасная катастрофа при Лейпциге, "битва народов". Союзные армии подошли к Парижу и вынудили императора отречься от престола. Такой поворот событий, естественно, очень сильно повлиял на положение швейцарцев, но, вполне довольные своей новой конституцией, они отказались присоединиться к союзным государствам. По приказу ландаммана фон Рейнхарда генерал фон Ваттенвиль разместил свои скудные силы численностью около пятнадцати тысяч человек вдоль границы, чтобы, по возможности, обеспечить соблюдение нейтралитета. Но при приближении союзных войск Ваттенвиль понял, что сопротивление было бы безумием, и отдал приказ своим людям отступить и быть осторожными, чтобы не спровоцировать военные действия. Примерно на Рождество 1813 года объединенные австрийские и немецкие войска — Александр был за то, чтобы пощадить швейцарцев, — численностью в сто семьдесят тысяч человек прошли маршем прямо через страну, направляясь к столице Франции. В целом стране был нанесен небольшой материальный ущерб, но Закон о посредничестве, по самой причине его возникновения, был обречен на провал. 29 декабря сейм был вынужден объявить о своем собственном прекращении. Парижский мир, заключенный 31 мая следующего года, гарантировал Швейцарии ее независимость. Позже должна была появиться новая конституция.

Отмена Закона о посредничестве ввергла Швейцарию в новые волнения. Все реакционные элементы вышли на поверхность. Берн возродил свои старые претензии на господство над Во и Аргау; и Фрейбург, Золотурн, Люцерн и Лесные кантоны, действуя в том же духе, поддержали Берн в ее притязаниях. Цюрих, с другой стороны, выделялся среди девятнадцати кантонов и возглавлял оппозицию Берну. И снова мы увидели прискорбное зрелище разделенного государства с двумя конфедерациями и двумя диетами. Одна из них, со штаб-квартирой в Люцерне, была, однако, вынуждена распасться под иностранным давлением, главным образом под влиянием Д'Истрии, российского посла в Цюрихе. Теперь все кантоны направили своих представителей в сейм, заседавший в этом городе с последним названием, с целью выработки нового федерального пакта. Но партийная борьба была очень ожесточенной, и сессия длилась с 6 апреля 1814 года по 31 августа 1815 года - необычайно долгий срок, поэтому ее называли "Долгой диетой". Затянувшееся разбирательство было вызвано главным образом Берном, который упрямо отказывался ослабить ее претензии на два округа (Во и Аргау). Было, однако, много незначительных разногласий, и все они имели тенденцию озлоблять и затягивать сессию. Было ясно, что урегулирование могло быть достигнуто только путем компромисса и больших уступок со стороны некоторых членов. На самом деле несколько вопросов остались нерешенными. Эта Цюрихская конституция должна была быть принята до Венского конгресса, который открылся 3 ноября 1814 года и которому предстояло распутать многие узлы европейской политики.

Монархи, принцы, послы, министры и генералы из всех государств встретились в веселом городе на Дунае, чтобы изменить карту Европы. История этого странного международного сборища хорошо известна, с его Ярмаркой тщеславия благородных леди и джентльменов, его великолепными празднествами, балами, маскарадами, скачками с препятствиями и бесчисленными гуляниями. Говорят, что Франциск I потратил не менее тридцати миллионов флоринов на развлечения своих гостей, и веселая сцена и приподнятое настроение составляли странный контраст с прежним унынием, царившим на Континенте в целом. *"Танцевальный конгресс - это не марш па"* - такова была поговорка, которая распространилась за границей. И все же не было ничего странного в том, что люди чувствовали радость. Тяжесть руки Наполеона теперь была снята, и мир вздохнул свободнее.

Все страдания последней четверти века были забыты, и, следует опасаться, урок, который следовало извлечь из них, не был усвоен. Изменений было слишком много, слишком внезапных и слишком стремительных, чтобы позволить чему-либо пустить корни. Но семена, оставленные революциями и войнами, расцветут и принесут плоды позже. Каждое разумное движение должно развиваться постепенно. Только так мы можем объяснить реакцию, возвращение к старым принципам устройства и общественной жизни после падения Бонапарта.

Швейцарии предстояло уладить на Конгрессе множество вопросов, и, действительно, к отчаянию членов Конгресса, она, казалось, была склонна вынести на обсуждение все свои внутренние дразги. В целом, комиссары проявили большую доброжелательность по отношению к Швейцарии и приложили большие усилия, чтобы превратить эту страну в сильный форпост против французской экспансии. Фон Рейнхард, первый представитель Швейцарии на Конгрессе, заслужил много похвал своим достоинством и проникательностью, и император Александр полностью разделял его либеральные взгляды и устремления, совпадавшие с взглядами Ла Гарпа. Берн и ее притязания, которые были так же сильны, как и всегда, доставляли больше всего хлопот, Во и Аргау, естественно, настаивали на сохранении своей независимости. В конце концов был достигнут компромисс, и большая часть Базельского престола (Бернская Юра и др.) и Бьенна были переданы Берну. Бейливики земли выкупили свою свободу; остальные кантоны, более щедрые, не требовали никакой компенсации. Подвластные земли были освобождены навсегда, и страна получила свои нынешние границы. Тичино был восстановлен Наполеоном, а Вале, Женева и Невшатель были признаны кантонами наравне с остальными, и, таким образом, мы получаем теперь знакомое число в двадцать два кантона. Список был закрыт, хотя по странной аномалии Невшатель по-прежнему оставался не только швейцарским кантоном, но и прусским герцогством. Женева была, так сказать, дополнена добавлением Версуа (Gex) и некоторых савойских коммун.^[98] Женева давно хотела быть принятой в Федерацию, и теперь, когда ее мечта осуществилась, она была очень рада. Таким образом, Швейцария получила великое благо независимости и была поставлена под защиту Великих держав. Бюнден потерял свои придатки - Вальтеллину, Кьявенну и Бормио, которые отошли Австрии, но взамен получил район Разунс. Новая конституция, принятая Швейцарией, явно уступает "Закону о медиации". Произошла реанимация старой системы узких прерогатив; несколько кантонов получили *право голоса* в противовес федеральным властям; города сохранили свое превосходство над сельскими округами, а богатые и аристократия - свою власть над своими более бедными собратьями. Только военные вопросы были лучше обеспечены. Таким образом, мы сейчас обнаружим, что Революции пришлось начинать свою работу заново. Берн, Цюрих и Люцерн по очереди стали резиденциями сейма, и каждому кантону был отведен только один голос. Мидвальден оказал фанатичное сопротивление новой конституции, но был вынужден уступить и лишился Энгельберга с его знаменитым монастырем и всей долины, которые были переданы Обвальдену.

СНОСКИ:

^[92] Бартелеми, Редерер, Фуше и Десменье.

^[93] Этот Ганс фон Райнхард был бургомистром Цюриха и ландамманном; он принадлежал к одной из старинных аристократических семей своего родного города.

^[94] Ликвидация этого территориального долга была чрезвычайно сложным делом и играла важную роль в восстании сельских округов, однако справедливо осторожному городу приходилось учитывать и другие интересы, помимо интересов деревенских жителей. Многие

благотворительные городские учреждения для больных и бедных содержались на доходы, получаемые от крестьянских сборов.

[95] "Необходимо, чтобы сельские районы перестали испытывать антипатию к городу, иначе они заслуживают того, чтобы снова попасть под его власть", - заметил Наполеон во время Парижской конференции представителям Цюриха Рейнхарду и Полю Устери. Он добавил, что личный характер представителей является гарантией того, что они примирят две партии, которые они представляют.

[96] Немец по происхождению.

[97] Эшер умер вскоре после завершения строительства канала Линт (1822), и сейм установил в его память памятник в кантоне Гларус. Характерную историю о нем стоит повторить. Какой-то бедняк, увидев, как он усердно работает по пояс в воде, воскликнул: "Ах, сэр, если бы я был так богат, как вы, я бы вообще не работал". "Именно поэтому Бог не дал тебе богатства", - был тихий ответ Эшера.

[98] Она возражала против получения большей полосы савойских и французских земель (на озере и Роне), которую Конгресс хотел ей выделить, опасаясь быть поглощенной католицизмом, и, более того, она боялась встревожить своих старых друзей. Факты часто искажались. Шабле и Фосиньи, которые когда-то временно удерживались Берном, были объявлены нейтральными и поставлены под гарантии Держав. То есть в случае войны швейцарские войска четвертуют округ, как в 1870-71 годах.

XXXII.

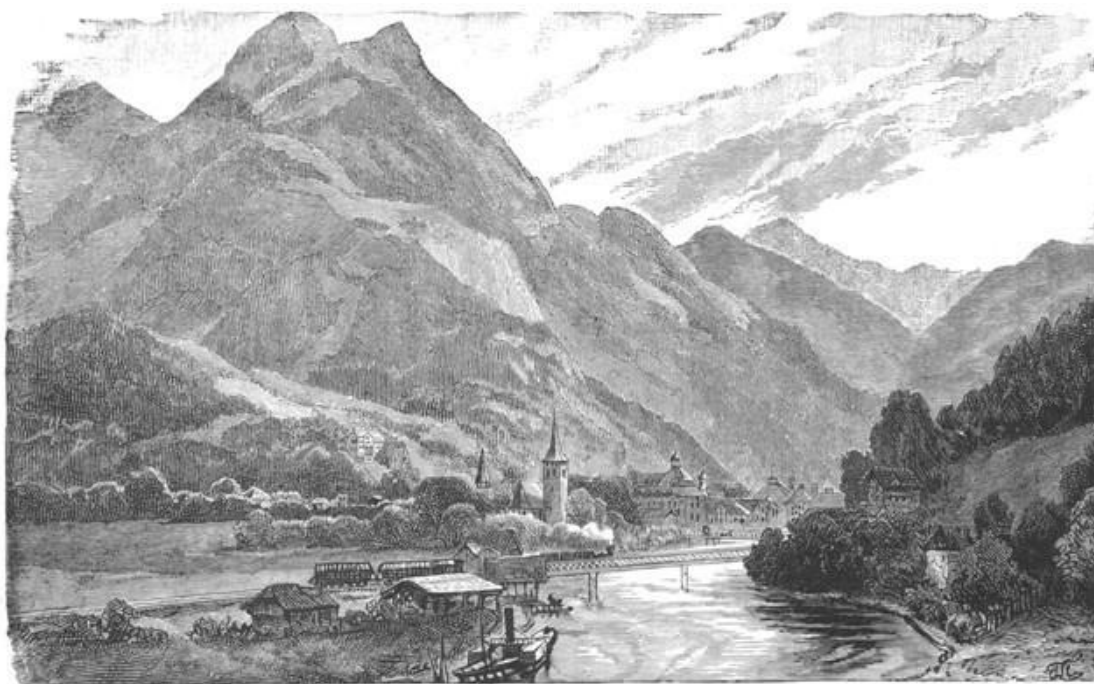
ШВЕЙЦАРИЯ В СООТВЕТСТВИИ С КОНСТИТУЦИЕЙ 1815-48гг.

История тридцати трех лет, последовавших за 1815 годом, может быть, применительно к Швейцарии, суммирована в этом описании — это был протест, сначала скрытый, а затем

открытый и заявленный, швейцарского народа против постановлений Венского конгресса, которые имели тенденцию остановить колесо прогресса. Швейцарцы боролись вперед, преодолевая конфликты политического развития, и боролись со всем, что было для них препятствием в конституции 1815 года, державы смотрели на это с опасением, если не с тревогой, не понимая знамений времени. Тем не менее, к 1848 году, когда троны Европы снова были потрясены революциями, Швейцария получила то, за что боролась, и превратилась в мирную и возрожденную *Бундестаг*. Мы показали, что урегулирование 1815 года во многих отношениях было возвращением к старым традициям как в церкви, так и в государстве. Говоря в целом, Церковь значительно выиграла от новой конституции, возвращение иезуитов было одобрено, религиозные учреждения по-прежнему содержались со скоростью, которая действительно превышала финансовые возможности государства, и духовенству была предоставлена полная свобода действий. Затем старая власть аристократии была в значительной степени восстановлена, и городам было возвращено их прежнее огромное превосходство над сельскими районами. Берн, например, получил двести мест в Совете против девяти. Реакционный режим с 1815 по 1830 год фактически был политически бесплоден, хотя ближе к его концу некоторые кантоны начали проводить реформы. Среди них был и Тичино, в который закрались некоторые фатальные злоупотребления. Чтобы восполнить свои политические недостатки и вновь разжечь тлеющий патриотизм, швейцарцы, как они делали это раньше, обратились к прошлой истории своей страны. Они основали патриотические и литературные клубы, а также либеральные и доброжелательные учреждения. Памятники были установлены в классических местах — Морат, Сен-Жак, памятник льву и так далее. Выдающиеся художники, такие как Фогель и Дидари, выбирали национальные исторические события для своих полотен; а Рудольф Вип сочинил прекрасный национальный гимн "*Руфст Дю майн Фатерланд*".[99] Были созданы клуб натуралистов в Женеве, студенческая ассоциация в Зофингене и общество стрелков, которые все еще существуют, в то время как старое гельветическое общество восемнадцатого века оставило позади свои теоретизирования и дискуссии и стало активным политическим клубом. Все это имело большую тенденцию к распространению и популяризации швейцарского либерализма, из которого появилось много благородных сторонников, сейчас и в предыдущий период, таких как трио ветеранов — Виктор фон Бонштеттен, друг мадам де Сталь, Ла Гарп и Устери; таких как Трокслер, Цшокке, Моннар, фон Орелли и другие, слишком многочисленные, чтобы даже перечислять их здесь. При таких людях Швейцария двигалась вперед. "Никакие человеческие усилия не могут привести к успеху в том, чтобы навсегда вернуть человечество к старым традициям ушедшей и менее просвещенной эпохи. Бороться вперед и достигать поставленной цели - вот оживляющий стимул в каждом мыслящем существе". Таковы были ободряющие слова Устери, защитника, которого партия прогресса считала оракулом. Военное дело получило большой импульс благодаря созданию центральной офицерской школы в Туле и увеличению армии с пятнадцати тысяч до тридцати тысяч человек. Вряд ли нужно говорить, что, когда началась борьба греков за независимость, они пользовались искренним сочувствием и поддержкой швейцарцев.[100]

В 1830 году Июльская революция свергла с трона Карла X и возвела на его место Луи Филиппа. Как ни странно, последствия этого движения ощущались едва ли не сильнее за границей, чем в самой Франции. Несомненно, его влияние на Швейцарию было очень значительным, и он ускорил различные изменения радикального характера в этой стране, изменения, однако, которые долго готовились. Конституционная борьба, как федеральная, так и кантональная, продолжалась в течение следующих нескольких лет, и конфессиональные трудности, как правило, немало ее ускорили. Почти во всех штатах, за исключением некоторых земель, главной целью теперь стал пересмотр их уставов, с тем

чтобы привести их в большее соответствие с принципами прав населения и равенства. Гларус, Ури и Унтервальден пока не склонны были вносить изменения, какими бы оправданными и желательными они ни казались остальной части страны. Реформы по большей части проводились тихо, но кое-где встречались народные протесты и бурные споры. Берн поначалу был склонен к консерваторству, но, вступив на путь реформации, решительно встал на сторону более прогрессивного Цюриха. Фрейбург вернул толпу из пятидесяти семи священников и семнадцати профессоров, все из ордена иезуитов, и они отстранили Жирара, католика Песталоцци, от его благородной работы в колледже Святого Михаила. Цюрих протекал мирно и интересно. Здесь, как и в других случаях, город обладал значительным перевесом политической власти над сельскими районами кантона. Четырнадцать тысяч граждан избрали сто тридцать представителей по сравнению с восьмьюдесятью шестью, назначенными двумстам тысячам сельских жителей. Дело сельских жителей умело и без ожесточения отстаивали два красноречивых оратора, Гайер и Хегетшвейлер; и было внесено предложение, которое выделяло сельским округам две трети мест в совете директоров. Этот "день Устера", как его называли, стал важной вехой в политическом развитии. Суверенитет народа теперь был основой, на которой проводились реформы. Был заложен фундамент для улучшения управления, улучшения социальной ситуации и внесения необходимых изменений в конституцию. Чтобы защитить свои конституции от влияния реакционеров, семь кантонов вступили в лигу — *Зибнеровский конкордат* — март 1832 г. Это были Берн, Цюрих, Люцерн, Золотурн, Санкт-Галль, Аргау и Тургау.

ИЗ ФЕЛЬЗЕНЕГГА.

ИНТЕРЛАКЕН,

Менее удовлетворительным был ход событий в Швице, Базеле и Невшателе. В Швице временное разделение на два полукантона - Внутренний Швиц - было вызвано отказом первого предоставить равные права второму, который ранее был в основном подданным или приобретенным земельным участком. Базель, город миллионеров и мануфактурщиков, смог благодаря своему огромному значению удержать свое господство над сельскими округами, и таким образом возникло разделение на Базельштадт и Базелланд, в последнем из которых *шеф-поваром вместо* был Листаль. Но все это после трехлетней гражданской войны. Город Базель присоединился к Католической лиге,

созданной в Сарнене в ноябре 1832 года в качестве противовеса *Конкордату Зибнера*. К этой лиге также присоединились "Ури", "Иннер-Швиц", "Унтервальден", "Вале" и "Фрайбург". Жители Невшателя преследовали двойную цель: реформирование своей конституции и отделение, по возможности, от Пруссии, поскольку двойной режим им очень не нравился. На замок было совершено покушение, но оно провалилось, и Федерация восстановила порядок и старый статус-кво. Роялистская партия в Невшателе теперь нацелилась на отделение от Швейцарии.

Но естественным следствием пересмотра конституции в отдельных кантонах был пересмотр федерального пакта с целью укрепления связей, объединявших штаты. Проект новой конституции Швейцарии был представлен в Люцерне в июле 1832 года умеренной партией, но он потерпел неудачу, как и многие другие попытки, которые столкнулись с эгоизмом тех кантонов, которые больше думали о кантональном самоуправлении, чем о благе страны в целом. Дальновидная политика требовала укрепления центрального правительства, создания сейма, способного в полной мере защищать интересы Швейцарии как в самой стране, так и за рубежом. То, что сейм был совершенно неспособен проводить в жизнь свои постановления для общего блага, было ясно показано положением дел в Базеле, о котором говорилось выше.

Однако, несмотря на все эти недостатки, период с 1830 по 1848 год стал свидетелем подлинного возрождения - социального, политического, интеллектуального. Никогда еще образование не достигало такого поразительного прогресса. Именно этому периоду страна обязана возрождением образовательного рвения и улучшением школ и методов преподавания, которые составляют великую славу современной Швейцарии. Кантон соперничал с кантоном, а власть с властью в своем благородном энтузиазме к образованию. Цюрих, Берн, Тургау, Золотурн, Во - все они основали превосходные учительские семинарии. Были улучшены начальные школы, открыты средние школы в каждом кантоне, а во всех наиболее важных городах были основаны гимназии. В Цюрихе эти освященные временем учебные заведения, Хорхеррентифт и Каролину, были в 1832 году преобразованы в нынешнюю гимназию и университет, а в следующем году аналогичные учреждения были открыты в Берне. Таким образом, постепенно осуществлялись благородные устремления "гельветического" периода, особенно стремления Штаффера.

Однако нередко возникали прискорбные конфликты с иностранными державами. Беглецы из других стран тогда, как и сейчас, делали Швейцарию своим пристанищем, и многие из них злоупотребляли ее гостеприимством и вовлекали ее в разногласия с иностранными правительствами, точно так же, как мы видим, происходит в настоящее время. Многие из политических эмигрантов были людьми выдающимися, но место позволит нам отметить только двоих, Луи Филиппа и Луи Наполеона, впоследствии Наполеона III. Принц де Шартр несколько лет прожил в Граубюндене, занимая под фамилией Шабо должность магистра математики в известном учебном заведении в Райхенау. Довольно странно, что впоследствии он отказал человеку, который должен был стать его преемником на троне Франции, в привилегии укрыться в швейцарских землях, то есть очень сильно возражал. Ибо в 1838 году он внезапно потребовал, чтобы швейцарский сейм выдал Луи Наполеона под предлогом того, что он был интриганом. Эта просьба на самом деле была требованием, и швейцарцы не могли этого вынести. Наполеон на самом деле был швейцарским гражданином, натурализовался, прошел военную школу в Туне и стал капитаном швейцарской армии. Его мать некоторое время жила со своим сыном в замке Арненберг (в кантоне Тургау), который она приобрела вскоре после 1814 года. Благодаря усилиям доктора Керна, представителя этого государства в сейме, швейцарское правительство смогло

опровергнуть обвинения, выдвинутые против Луи Наполеона, и сейм решительно отказался высылать принца. Разъяренная Франция пригрозила войной своему "неспокойному соседу" и фактически выставила армию численностью в двадцать пять тысяч человек. Окончательно воодушевленный, сейм направил войска к границе под всеобщие возгласы одобрения, Женева и Во были заметны в своих усилиях по защите своих границ. Эти два кантона получили особую благодарность от центрального правительства. Принц, однако, преодолел трудности, покинув швейцарскую землю.^[101]

Цюрихские конфликты 1839 года, получившие название "Цюрихпутч", от местного слова, означающего толчок или схватку, требуют пристального внимания. Этот кантон, возможно, более тщательно, чем любой другой, провел реорганизацию своего законодательного органа и администрации. Здесь была создана наиболее совершенная система школ, от начальной школы до университета, кафедры которых занимали люди, превратившие город в настоящий интеллектуальный центр — Окен, Хитциг, Швейцер, фон Орелли, Бланчли и другие. Однако события развивались слишком быстро. доктор Шерр, немецкий *эмигрант-рационалист*, возглавлявший превосходный педагогический колледж, но отказавшийся разрешить преподавание Библии. Затем правительство, стремясь превратить город Цвингли в центр свободомыслия, назначило знаменитого Штрауса, автора "Жизни иисуса", на вакантное место в штате университета, несмотря на предупреждения местных профессоров. Сельский люд поднялся в диком неистовстве, подстрекаемый реакционной партией, желавшей вернуть себе бразды правления. Недовольство этим назначением было настолько велико, что Штрауса отправили на пенсию еще до того, как он увидел город. Тем не менее, волнение было очень велико, и под предводительством пастора Хирцеля сельские жители в большом количестве стекались в Цюрих. Совет был вынужден уйти в отставку, и в течение значительного периода реакционеры держали власть в своих руках. Несколько человек, но не так много, были убиты во время беспорядков. Последствия этого *контрпереворота* в самом развитом городе республики вскоре ощутили и в других местах, в Тичино, Люцерне и Фрайбурге, где были возвращены консервативные правительства и соответствующим образом изменены кодексы. Цюрих и Люцерн вышли из *соглашения Зибнера*.

Но событие, которое выделяется более заметно, чем любое другое в этот период, - это Зондербундская война 1847 года. Этот конфликт, угрожавший самому существованию государства, является прелюдией к европейским беспорядкам следующего года. Этот спор 1847 года представляет собой старую борьбу между централистами и федералистами, или, скорее, прогрессистами и реакционерами, причем спор усиливается религиозными разногласиями. Необходимо кратко отметить основные моменты конфликта. В некоторых кантонах католики, хотя и составляли меньшинство, имели преимущества перед протестантским населением, и когда в 1841 году Аргау пересматривал свою конституцию, последние потребовали, чтобы их поставили в равные условия со своими братьями-католиками. В этом был категорически отказано, и в кантоне произошла ссора, причем некоторые монастыри сыграли ведущую роль в разжигании ссоры. Восстание, однако, ни к чему не привело, и сейм по предложению Келлера приостановил деятельность монастырских домов под предлогом того, что они были рассадниками интриг. Этот шаг явно противоречил принципам Конституции 1815 года и в течение многих лет вызывал большие проблемы. Невозможно подробно изложить здесь историю споров: достаточно сказать, что сейм пошел на компромисс, простив четыре монастыря, которые держались в стороне от восстания (1843). Но в 1844 году Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг, Фрейбург и Вале сформировали тайную лигу — лига Сарнена давно распалась — для защиты католических интересов и назначили иезуитов на высшие посты в государстве. Появление ордена в Ворорте вызвало большое волнение, но Сейм воздержался от вмешательства, опасаясь

усугубить ситуацию. Теперь имели место две неудачные экспедиции "Свободных копейщиков", либералы из Люцерна и других кантонов пытались захватить этот город. Попытки полностью провалились, и это естественно, учитывая, в каком дезорганизованном состоянии находились партизаны. Но в январе 1847 года протестантам удалось получить большинство в сейме, и они потребовали роспуска Зондербунда, как он к тому времени стал называться. Иностранные дворы — Париж, Вена, Берлин и другие — встали на сторону швейцарского Зондербунда, стремясь сохранить *статус-кво* 1815 года; Франция и Австрия, в частности, присылали деньги и обещали дальнейшую поддержку. Одна только Англия благоволила протестантам Швейцарии и оказала им большую услугу. Пальмерстон был категорически против иностранной интервенции, и когда державы выпустили манифест против швейцарцев, он отложил его до 30 ноября, когда все было тихо улажено. Тем временем Зондербунд созвал Военный совет и приготовился к боевым действиям. Парламент сделал все, что было в его силах, чтобы примирить враждующих религиозных деятелей, и английский посол в Берне настоятельно рекомендовал умеренность и взаимные уступки.^[102]

Видя, что, несмотря на все их усилия, война неизбежна, сейм собрал армию в девяносто восемь тысяч человек, во главе которой был поставлен женеvский генерал Дюфур. Зондербунд собрал семьдесят пять тысяч человек под командованием генерала Салис-Соглио, протестанта из Бюндена. Дюфур был солдатом старой наполеоновской школы и непревзойденным тактиком, и его соотечественники уважали его за патриотизм, благородный характер и высокую культуру. Именно под его руководством были составлены первые в своем роде швейцарские топографические карты— носящие его имя. Его избрание генералом вызвало большое удовлетворение. Благодаря способностям Дюфура кампания была короткой, продолжавшейся всего с 4 по 29 ноября 1847 года, а потери были сравнительно небольшими. Дюфуру со всех сторон оказывали почести, даже члены Зондербунда искренне признавали его великие заслуги.

Между противоборствующими религиозными партиями было достаточно горя и ревности, которых было в избытке. 29 октября 1847 года, в последний раз, когда сейм пытался примирить католиков и протестантов, произошли крайние разногласия и вражда. Но природа швейцарского патриотизма такова, что, когда три коротких месяца спустя страны вокруг Швейцарии были охвачены революциями, а швейцарским землям угрожало вторжение, враждующие религиозные деятели полностью забыли о своих внутренних распрях. И было замечено великолепное зрелище: католики и протестанты стояли плечом к плечу, готовые соперничать друг с другом, встречая опасность и смерть во имя защиты своего общего и любимого отечества. Не осталось и следа враждебных партийных чувств. Так было всегда в Швейцарии.

СНОСКИ:

^[99] Уип учился в Геттингене, который все еще находился под английским правлением, и там был впечатлен английским национальным гимном, имитацией которого является его собственный, позаимствованный из "Боже, храни королеву".

^[100] Одним из ведущих сборщиков подписей в помощь грекам был Эйнард, богатый женеvец, чьи собственные взносы были самыми щедрыми.

^[101] "La Suisse a montré qu'elle était prête à faire les plus grands sacrifices pour maintenir sa dignité et son honneur. Elle a su faire son devoir comme nation indépendante; je saurai faire le

mien, et rester fidèle à l'honneur.... le seul pays où j'avais trouvé en Europe appui et protection.... Je n'oublierai jamais la noble conduite des cantons qui se sont prononcés si courageusement en ma faveur... surtout Thurgovie" (Выдержки из благодарственного письма Наполеона ландамманну Тургау, опубликованного в журнале доктора Керна "Souvenirs politiques").

[102] См. "Политические сувениры 1838-83 годов" доктора Керна, посла Швейцарии в Париже, Берне и Самиздате, 1887, стр. 51, 52.

XXXIII.

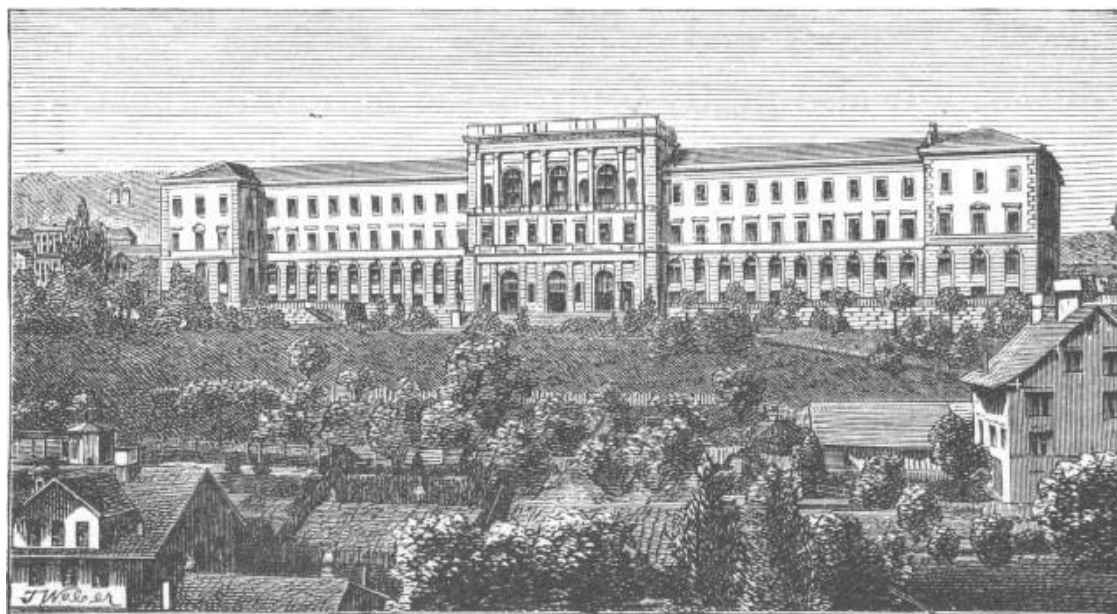
В СООТВЕТСТВИИ С КОНСТИТУЦИЕЙ 1848 ГОДА.

1848 год, увенчавший благородные устремления периода Возрождения Швейцарии, знаменует новую отправную точку в истории страны. Провидение обошлось милостиво с маленькой республикой. Франция, Пруссия и Австрия боролись с "Февральской революцией" и, таким образом, не смогли передать ей судьбу несчастной Польши. Тем временем видные швейцарские государственные деятели разрабатывали проект новой Федеральной конституции, которая должна была объединить различные национальности в единый народ, а двадцать два кантона - в сплоченный Бундестаг, государство, которое благодаря своей политике, процветанию и независимому духу вскоре должно было завоевать уважение даже самых враждебно настроенных держав.

12 сентября 1848 года среди канонады, иллюминации и всеобщего ликования был провозглашен новый пакт. Старый и покалеченный Тагсатцунг был упразднен. Новая конституция позаимствовала некоторые черты у конституции Соединенных Штатов и, хотя во многом соответствовала Закону о посредничестве, гораздо удачнее сочетала центральную и федеральную системы. Здесь можно отметить только существенные моменты.

Центральное правительство, *смыслом существования которого является поддержание мира и порядка внутри страны и защита национальной чести за рубежом*, подразделяется на три органа власти: Федеральное собрание, законодательный орган; Федеральный совет,

который является исполнительным органом; и Федеральный трибунал. Федеральное собрание состоит из двух палат, Национального совета и Совета штатов; первый избирается швейцарским народом в целом, второй представляет различные кантоны. Национальный совет избирается путем тайного голосования сроком на три года, по одному члену на каждые двадцать тысяч человек. В настоящее время (1889 г.) в нем насчитывается 145 членов. Правительства кантонов избирают членов другой палаты, по два от каждого кантона и по одному от полукантона. Федеральный совет (бундесрат) является исполнительной властью и состоит из семи членов. Его председатель или президент обладает высшим достоинством в стране, хотя его полномочия не превышают полномочий его коллег-министров. Весь кабинет несет коллективную ответственность за ведение всех государственных дел и является держателем *summum imperium*. Таким образом, весь Федеральный совет, а не только его президент, занимает положение, аналогичное положению президента Соединенных Штатов.^[103] Существуют различные департаменты исполнительной власти — Иностранных дел, внутренних дел и образования, юстиции и полиции, Вооруженных сил, финансов и таможни, промышленности и сельского хозяйства, почты и железных дорог. Федеральное собрание собирается два раза в год и избирает как бундесрат, так и бундесгерихт (Трибунал). Кабинет министров подлежит переизбранию каждые три года, но обычно одни и те же министры избираются снова и снова. Трибунал, или судебный орган, состоит из девяти членов, которые избираются каждые шесть лет, со штаб-квартирой в Лозанне (с 1884 года).

ПОЛИТЕХНИКУМ В ЦЮРИХЕ.

Берн, из-за своего положения между немецкоязычными и франкоязычными округами, был выбран резиденцией центрального правительства. Цюрих должен был стать резиденцией Национального университета, но план провалился, и теперь здесь находится Национальный политехникум, или технический университет. Таким образом, два ведущих города Конфедерации сохраняют свои старые характеристики, соответственно как правительственные и интеллектуальные. Претензии Цюриха на интеллектуальное различие неоспоримы. Его великолепная система школ и т.п., вероятно, одна из самых совершенных в Европе, если не в мире.

Было бы утомительно, поскольку нет необходимости подробно описывать полномочия центрального правительства по сравнению с полномочиями отдельных кантонов. Достаточно сказать, что Бунд безраздельно властвует во всех отношениях с иностранными государствами — только через центральное правительство любой кантон может вести

переговоры с иностранной державой, — что он контролирует все военные вопросы, регулирует чеканку монет (монетных дворов), меры веса, почту и телеграф и устанавливает таможенные пошлины. Он также частично контролирует национальное образование — например, Политехникум в Цюрихе является полностью федеральным предприятием, — но в целом каждый кантон предоставлен в этом вопросе самому себе. Таким образом, хотя каждый швейцарец гордится своими школами, единого стандарта во всем государстве нет.

Каждый гражданин обязан нести военную службу, и в любой момент на поле боя могут быть выставлены силы в 200 000 человек из *элиты* первого резерва, не считая ландштурма. Со времен франко-германской войны военные вопросы привлекают серьезное внимание страны, учитывая центральное положение Швейцарии и нестабильное состояние Европы.^[104] Остается сказать, что новая Конституция гарантировала свободу в вопросах религии, хотя иезуитам было отказано в свободном поселении, а евреи не были признаны до 1866 года. *Octroi*, или пошлины между кантонами, не были отменены до 1887 года, и то только после ожесточенной борьбы со стороны некоторых кантонов, особенно Берна, для которого эти пошлины были большим источником прибыли.

Эта проблема требует всех сил опытных государственных деятелей, чтобы два швейцарских суверенитета — федеральный и кантональный — управлялись бок о бок, не позволяя ни одному из них вторгаться на территорию другого. И это весьма спорный вопрос, насколько это отвечает национальному благу - расширять полномочия федерального правительства. Централизация правительства, несомненно, обеспечивает лучшее управление в большинстве пунктов, но кантоны ревностно следят за любым нарушением их прав со стороны Федерации. Они верят, что здоровое соперничество и соперничество между государствами - это хорошо, и от него нелегко отказаться.

Вскоре новому бундесрату пришлось проявить свой характер, поскольку в Невшателе начались волнения. Этот кантон до 1848 года был настоящим средневековым пережитком по своей форме правления — смесью монархии и свободного государства. Немногие места в Европе имели более типичную и характерную историю, чем Невшатель, и, если бы позволяло место, было бы очень интересно проследить эту историю вниз, от ее соединения с империей в 1033 году; через ее правление местными лордами, графами Невшатель, до их исчезновения в 1395 году; ее вассалитет дому Шалонов; сюзеренитет семьи Орлеан-Лонгвиль; регентство Марии де Немур (1679-1707). Но здесь достаточно сказать, что из-за страха перед замыслами Людовика Куаторца Невшатель с радостью признал герцогское превосходство королей Пруссии. В 1815 году он был включен в состав Конфедерации как кантон с равными правами и статусом по сравнению с остальными. Несмотря на это, Пруссия все еще претендовала на роль своего сюзерена, и таким образом возник двойной режим, что было явно неприемлемо. В 1848 году Конфедерация пыталась добиться освобождения кантона от прусского владычества мирными методами дипломатии, но тщетно. В 1856 году был раскрыт заговор с целью отменить работу 1848 года — дарование Невшателю более демократической конституции. Во главе этих роялистских заговорщиков стояли граф Поустат и Де Мерон. Однако их планы провалились, и пятьсот человек были взяты в плен. Из них двадцать пять были по приказу федерального правительства задержаны для предания суду как повстанцы. Фридрих Вильгельм IV, король Пруссии, потребовал их безоговорочного помилования и капитуляции - приказ, выполнение которого означало бы отказ от кантона и неповиновение федеральному правлению. Требование было отклонено, и вопрос об освобождении стал центром, вокруг которого теперь вращались все переговоры. В этой чрезвычайной ситуации Наполеон III из Франции предложил свои услуги посредника, памятуя о гостеприимстве, оказанном ему в старину Швейцарией. Далее он пообещал

поддержать швейцарское дело, если заключенные будут освобождены, и для Швейцарии его предложение имело больший вес, чем все обещания Пруссии. "Я буду действовать в этом вопросе так, как если бы я был швейцарским правительством", - заверил он доктора Керна, который был направлен в качестве специального посланника при французском дворе, и в дальнейшей беседе всячески пытался доказать свою симпатию к маленькой республике.^[105] Англия дала аналогичные обещания. Однако прусский король не предпринял никаких попыток, и ни Франция, ни Англия не дали достаточных гарантий того, что Невшатель должен быть передан Швейцарии, и поэтому швейцарское правительство отказалось идти дальше на этих расплывчатых условиях. Фридрих Вильгельм пригрозил войной и начал мобилизацию своих войск. Федеральный совет также начал свою подготовку, и без внешних признаков страха или колебаний, но с единодушным чувством героического энтузиазма по всей стране швейцарцы продолжали создавать свою военную организацию. Были засвидетельствованы самые трогательные примеры преданного патриотизма — от седовласого старика до простого мальчика люди предлагали свои услуги; соотечественники за границей присылали большие суммы денег; даже школьники предлагали свои сбережения. Католики и протестанты, французы и немцы, итальянцы и ретороманцы - все были движимы одним духом, все были одинаково готовы защищать честь и независимость своей любимой страны. Дюфур был вновь избран главнокомандующим федеральными силами. Толпе, устроившей ему великолепную овацию, он ответил такими запоминающимися словами: "Я рад закончить свою жизнь на службе моей стране. Я стар, — ему было семьдесят, — и моя задача тяжела, ибо враг силен, но я верю, что выполню свою миссию во имя Бога нашего Рютли, который никогда не переставал защищать наше Отечество ". Такой всегда была и всегда будет любовь швейцарцев к своей родной земле, любовь, которая основана не только на красоте их земли или совершенстве ее институтов, но и на знании того, что это оплот благородной свободы, оплот их собственного воспитания. Гордая осанка швейцарца произвела большое впечатление на Державы и особенно возбудила восхищение Наполеона, который, забыв о прежнем недоверии, проявленном к нему, снова предложил свои услуги в качестве посредника. По его совету пленников перевезли во Францию и там освободили 16 января 1857 года, и они оставались в изгнании до разрешения спора. Это было окончательно достигнуто 26 мая на Парижской конференции, когда прусский король формально навсегда отказался от всех притязаний на Невшатель, будь то герцогство или кантон, сохранив, однако, титул фюрста фон Нойенбурга. Таким образом, округ был полностью передан Швейцарии.

Уступка Ниццы и Савойи Наполеону III Виктором Эммануилом в 1859-60 годах привела к разногласиям с императором, которые могли бы перерасти в серьезные, поскольку у швейцарцев были некоторые претензии на Шабле и Фосиньи. Этот вопрос еще не решен. Также были споры с Папским престолом, вызванные развитием старокатолического движения и посягательствами папы римского. Хотя старая женевская епархия давно была упразднена, Пий IX назначил Мермиллода епископом. Лаша, епископ Золотурна, отстранил от своих исцелений нескольких священников за то, что они отказались принять догмат непогрешимости. Возмущение в стране было велико, два епископа были изгнаны из Швейцарии, а папский нунций был уволен. Вернуться Мермиллоду разрешили только в 1883 году.

Остается кратко рассказать о некоторых изменениях конституции, которые имели место вплоть до 1883 года или даже до настоящего момента. В 1874 году в Федеральный пакт были внесены поправки. Вкратце, улучшение по сравнению с пактом 1848 года состояло главным образом в организации лучшей и более эффективной централизации в финансовых, военных и судебных вопросах. Опыт выявил многие недостатки представительной системы. Личные,

местные или классовые интересы часто имели для делегатов большее значение, чем национальные; или иногда министр присваивал себе слишком большие полномочия. Чтобы предоставить людям более прямое участие в законодательстве, были созданы два института, характерных для Швейцарии. Это "Инициатива" и "Референдум". Они, возможно, являются самыми дальними достижениями демократии, которых когда-либо достигли, и в настоящее время вызывают значительный интерес в англоязычных странах.

Эта инициатива является развитием права на подачу петиций. С его помощью любой избиратель или избиратели могут предложить новый закон, и если удастся заручиться поддержкой необходимого числа избирателей, подписав официальную петицию в его пользу, вопрос должен быть вынесен на всенародное голосование. Необходимое количество подписей составляет пять тысяч в случае кантонального законодательства и пятьдесят тысяч в случае федеральных вопросов. Таким образом, народ всегда имеет право инициировать обсуждение любого вопроса, независимо от того, насколько сильно Совет или законодатели могут возражать.

ВИД НА СИОН.

(С фотографии.)

Референдум, который, кстати, применяется гораздо чаще, гарантирует, что любой закон, принятый кантональными ассамблеями или Федеральным Собранием, должен быть вынесен на рассмотрение всего народа^[106]—относится ко всей массе избирателей — если снова удастся собрать необходимое количество сторонников. В кантональных вопросах это число такое же, как и в случае с Инициативой; в вопросах, касающихся Конфедерации, необходимо тридцать тысяч голосов, или восемь кантонов. Существует два вида референдума, принятых в разных частях страны: "факультативный", или факультативный референдум, в Санкт-Галле, Цуге, Люцерне, Базельштадте, Шаффхаузене, Во, Невшателе (1882), Женеве, Тичино (1883); и "обязательный", или обязательный референдум, который проводится в Цюрихе (1869), Берне (1869), Тургау, Аргау, Золотурне, Швице, Граубюндене и Базелланде. Ури, Гларус, два Унтервальдена и два Аппенцельских кантона все еще цепляются за свои старые земли в Германии, в то время как в Вале проводится финансовый референдум, а Фрайбург доволен своей старой представительной формой правления. В Швейцарии сильно разделились мнения относительно ценности Референдума. В этом, вероятно, большинство швейцарцев

согласны с тем, что соглашение, ставящее суверенную волю народа выше воли властей и законодательных органов, является хорошим соглашением при условии, что люди в целом умны и образованны. И здесь Швейцария демонстрирует большое преимущество. Вероятно, ни один народ в мире не осознал так полно и так ясно, что "только образование делает свободным". Швейцарская система образования такова, что она охватывает самых бедных детей и проникает в самые отдаленные долины. Все начальное образование бесплатное и обязательное. Если какой-либо народ по своему образованию и интеллекту заслуживает того, чтобы ему были доверены полномочия, подобные тем, которые были предоставлены Референдумом, то это швейцарцы. И все же люди любого политического толка признают, что референдум - это обоюдоострое оружие, которое может действовать в обе стороны. В любом случае, это не новость для Швейцарии. Оно может быть объявлено *ландсгемейндом* путем *голосования*. И еще в шестнадцатом веке вопрос о Реформации был вынесен на Референдум — правда, несколько по—другому - как в Цюрихе, так и в Берне. В своем нынешнем виде Референдум, конечно, является современным. Любопытно обнаружить, что, хотя она и была введена передовой демократической партией, на самом деле она работает как решительно консервативная мера. Иногда это может остановить принятие разумных и полезных мер, но, скорее всего, это остановит необдуманное и недостаточно продуманное законодательство, поскольку швейцарцы от природы не любят ненужных изменений. Пара примеров может послужить иллюстрацией этого. Базелленд трижды выдвигал законопроект о пересмотре своего кантонального кодекса; трижды законопроект отклонялся в ходе обязательного референдума. Совсем недавно (весной 1889 г.) в Цюрихе Большой совет пожелал принять новый закон для улучшения образования масс путем улучшения дополнительных школ. Сельские рабочие большинством отклонили эту меру, возражая, как утверждается, против дополнительных расходов. Однако следует надеяться, что эта мера в конечном итоге будет реализована. В целом, возможно, "факультативный" референдум следует предпочесть обязательному. В заключение мы можем упомянуть, что из 107 законопроектов, принятых Федеральным советом в период с 1874 по 1886 год, девятнадцать были вынесены на референдум, и из этих девятнадцати, но шесть в конечном итоге были приняты всей группой избирателей, к которым таким образом обратились.^[107]

СУДЫ В

ЛОЗАННЕ.

СНОСКИ:

[103] Фактически, в Швейцарии нет должности, подобной должности президента Соединенных Штатов, хотя иностранцы почти всегда говорят о *президенте Швейцарской Республики*, имея в виду просто *председателя кабинета*.

[104] Читателя отсылают за более полной информацией к интереснейшему рассказу сэра Ф. О. Адамса и мистера Каннингема в "Швейцарской конфедерации" (Лонгманс).

[105] Керн, "Souvenirs Suisses", стр. 124-129, где упоминаются другие примеры доброй воли Наполеона в 1848-9 гг.

[106] Законодательные акты, по сути, передаются *всему народу* для одобрения или неодобрения, поскольку в ограниченных монархиях они передаются *суверену*. Но в Швейцарии право вето, которым обладает народ, является *реальной* вещью, а не виртуальной невозможностью, как, например, в Англии.

[107] Дополнительные заметки о референдуме см. в "Швейцарской конфедерации" Адамса и Каннингема, упомянутой выше. Референдум, похоже, привлечет все большее внимание, особенно в Англии и Америке.

XXXIV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ, ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ, ОБРАЗОВАНИЕ - "ПРАВО НА УБЕЖИЩЕ".

Наш рассказ следует завершить кратким изложением нескольких важных вопросов, о которых пока ничего не было сказано, а именно о промышленном состоянии страны и ее материальном прогрессе. Едва ли какой-либо другой стране приходилось бороться с таким количеством естественных недостатков, как Швейцарии, при развитии своей промышленности и налаживании торговли. Труднопроходимая местность, отсутствие угля и железа, отсутствие судоходных рек, скудные плодородные почвы в более возвышенных районах, отсутствие морского побережья — все это и другие факторы увеличивали остроту борьбы в гонке за богатством. Тогда она как бы огорожена защитой. В противовес этим недостаткам существует изобилие энергии воды. Но очевидно, что одного сельского хозяйства недостаточно, чтобы прокормить всех жителей, и таким образом получается, что швейцарцы замечательным образом направили свою энергию на создание и развитие мануфактур. Здесь можно отметить в скобках, что бедность страны в те дни, когда еще не было производства, объясняет и в некоторой степени оправдывает старую и предосудительную практику швейцарцев наниматься в солдаты тому, кто больше заплатит. Сырье в огромных количествах импортируется, а готовая продукция отправляется на экспорт. Швейцария успешно конкурирует с некоторыми из крупнейших производственных стран — Англией, Бельгией, Францией — более того, учитывая ее численность населения, она почти превосходит их. Если сложить импорт и экспорт вместе, объем торговли Швейцарии составляет 60 000 000 фунтов стерлингов в год, импорт состоит в основном из угля, железа, шелка-сырца, хлопка, золота и другого сырья, экспорт промышленных товаров. Стоимость импорта превышает стоимость экспорта не менее чем на шесть с половиной миллионов фунтов стерлингов (Федеральная статистика, 1887 г.), причем противовес составляют туристы и проценты с иностранных инвестиций. Швейцарцы - энергичный и деловой народ, и уже в первой половине нынешнего столетия они перенесли свои предприятия за границу, особенно в главные морские порты. Еще в 1812 году Эгг, гражданин Цюриха, набрал двести рабочих и открыл хлопчатобумажную фабрику в Пьедимонти, недалеко от Неаполя, несмотря на блокаду, оборудование доставлялось через Триест и Адриатическое море. Сейчас швейцарцев, как всем известно, можно встретить по всему миру.

Может быть интересно привести несколько подробных данных об импорте и экспорте. Они взяты из официальной статистики за 1887 год.

Импорт.

Продукты питания

242 935 277 франков.

Сырье и материалы	330,324,615	"
Готовая продукция или полуфабрикаты	263,775,024	"

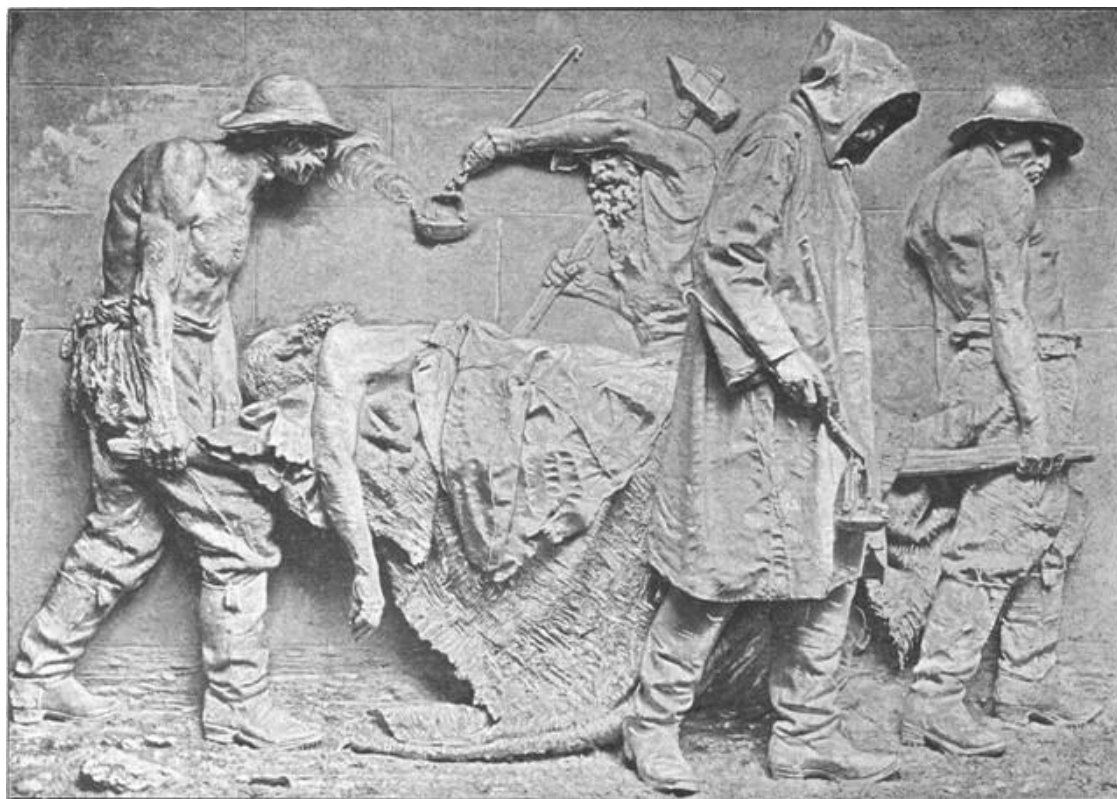
Всего	837,034,916	"

Экспорт.

Продукты питания	78 565 548	франков.
Сырье	95,922,106	"
Готовая продукция	496,604,979	"

Всего	671,092,633	"

Швейцария импортирует в основном из соседних стран, но ее экспортная торговля ведется в основном с Англией и Америкой, а также с Германией и Францией. Из отраслей промышленности страны крупнейшей и старейшей является производство шелковых изделий, датируемое тринадцатым веком, главными центрами которого являются Цюрих и Базель. Производство хлопка ведется в Цюрихе, Аргау, Санкт-Галле и других местах; вышивку производят в Санкт-Галле и Аппенцелле; а часы - в Невшателе и Женеве. В этом последнем городе также широко торгуют ювелирными изделиями и музыкальными шкатулками. Кроме того, здесь широко производятся машины, сыр, сгущенное молоко и другие товары, а также широко распространена резьба по дереву. Согласно последним отчетам, экспорт шелка составил 198 768 230 франков, хлопка - более 158 000 000 и часов - более 84 000 000.

"ЖЕРТВЫ

ТРУДА", ТУННЕЛЬ СЕН-ГОТАРД, С БАРЕЛЬЕФА ВЕЛЫ.

(Фотография сделана Гюлером. С разрешения скульптора.)

Здесь не место вдаваться в подробности, касающиеся железнодорожной системы, но можно отметить, что общая протяженность швейцарских линий в настоящее время составляет более трех тысяч километров. Особой особенностью альпийских трасс, как всем известно, является мастерство, с которым были преодолены инженерные трудности. Линия Сен-Готард с ее пятьюдесятью туннелями является наиболее заметным из этих успехов. Это грандиозное международное предприятие обязано своим осуществлением доктору Альфреду Эшеру из Цюриха и знаменитому инженеру Луи Фавру из Женевы. Вела, тичинский скульптор, создал прекрасную группу рельефов в память о многих бедных жертвах великого начинания. Длина туннеля составляет от девяти до десяти миль, и его строительство было завершено за семь с половиной лет.

Нет никаких сомнений в том, что процветающее состояние Швейцарии обусловлено главным образом тремя причинами — бережливостью людей, их природными способностями и, возможно, в большей степени, совершенством системы образования. По этому последнему пункту много написано покойными Мэтью Арнольдом и сэром Ф. О. Адамсом, и за подробностями читателю следует обратиться к их работам. Однако здесь мы можем упомянуть, что помимо начальных, средних и высших школ, которые можно найти в каждом кантоне, Швейцария заметно выделяется количеством и совершенством своих технических и профессиональных учебных заведений. Великий политехникум Цюриха - гордость страны, а в Базеле, Цюрихе, Берне и Женеве есть университеты, а также академии Невшателя и Лозанны.^[108] Начальное образование полностью бесплатное, и за ним закреплена большая доля голосов за образование — в 1887 году на образование было выделено почти семнадцать с половиной миллионов франков из общей суммы в двадцать шесть с половиной миллионов. Посещение школы является обязательным, и в 1887 году начальные школы посещали 467 597 детей.

ПОРТРЕТ ПОЭТА

ГОТФРИДА КЕЛЛЕРА. (После фотографии.)

Швейцария произвела на свет многих людей с интеллектом, талантом, художественными, научными или литературными способностями и приютила еще больше. Многочисленные академические институты, литературные, научные и музыкальные общества объединяют большое количество выдающихся интеллектуалов. Среди бесчисленных людей науки,

живущих сейчас или недавно, можно упомянуть Агассиса, Десора, Де ла Рива, Хира, Мериана, Штудера и доктора Фердинанда Келлера, первооткрывателя озерных жилищ. В литературе у нас есть Вьет, Марк Монье, Цшокке, а также Лойтхольд, Готфрид Келлер и Фердинанд Мейер. Келлер имеет репутацию более чем европейскую; его называют немецким Шекспиром. Он родом из Цюриха. По случаю его семидесятилетия (июль 1889 г.) состоялась замечательная демонстрация. Ассамблея одобрила его обращение, и восторженные поздравления посыпались на него со всех сторон. Из Германии сам фон Мольтке возглавил список восхищенных друзей, приславших послания. Келлер признан величайшим из ныне живущих немецких поэтов. Среди художников - Кален, Дидэ, Жирарде, Глейр, Вотье и Беклин, которого немцы считают одним из величайших ныне живущих живописцев; а из скульпторов - Вела и Ланц. Гюстав Вебер и Йоахим Рафф - хорошо известные музыкальные композиторы, в один ряд с которыми мы должны поставить Баумгартнера, превратившего "О, майн Хайматланд" Келлера во второй национальный гимн.

Мы видим в Швейцарии страну, которая когда-то играла заметную роль в европейских военных делах, но которая теперь стала страной мира, нейтралитета которой Державы удостоили на Венском конгрессе. Занимая исключительное положение, которое она занимает, она считает частью своей миротворческой миссии содействие общему благосостоянию всего мира, насколько это в ее силах. Большинство важных международных институтов обязаны своим возникновением или, по крайней мере, успешным созданием Швейцарии. Таким образом, она положила начало Женевской конвенции под председательством генерала Дюфура в 1864 году. Этот Съезд имел своей целью смягчение ужасов войны, и на нем были представлены все европейские нации. Декларация нейтралитета всех медсестер, медиков, больниц и т. д. С обеих сторон и принятие отличительного знака - Женевского креста - слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в описании здесь. Затем по предложению Германии на встрече в Берне был основан Международный почтовый союз. И совсем недавно рассматривался вопрос о созыве Международного конгресса делегатов труда с целью решения некоторых социальных вопросов, затрагивающих труд. Особенно интересный швейцарский фонд был основан в 1886 году для оказания помощи бедным солдатам, выведенным из строя войной, и родственникам, находящимся на иждивении погибших в бою. Он был основан в честь пятисотлетия Земпаха и соответственно назван *Winkelriedstiftung*.

Право предоставлять убежище во время войны она считает одной из своих самых ценных привилегий. Однако, видя, как часто ее благонамеренные намерения неверно истолковываются, а ее гостеприимством злоупотребляют, ей, вероятно, придется ограничить свои предложения убежища. Фактически, бундесрат даже сейчас рассматривает вопрос о том, как наилучшим образом сохранить свои права в этом отношении, следя при этом за тем, чтобы не было нанесено ущерба иностранным интересам. Одно можно сказать наверняка: она не откажется от права на убежище. Между тем, непокорные иностранные элементы, проживающие в Швейцарии, не только ставят под угрозу ее безопасность, но и наносят вред характеру ее народа. Беспорядки 1848-9 годов привели на территорию Швейцарии беглецов со всех концов Европы. Около десяти тысяч бежали из Великого герцогства Баден, когда прусские войска подавили там восстание. Многие выдающиеся люди, которые в противном случае встретили бы смерть или на неопределенный срок оказались бы в тюрьме, нашли безопасное убежище в Швейцарии. Нам достаточно упомянуть великого композитора Рихарда Вагнера, а также Рюстова, Моммзена, Земпера, Йоха. Шерр, Кинкель, Кехли - из числа множества ученых, которые нашли там убежище и на годы обосновались в швейцарских университетах. Стипендия и деятельность Кехли привели к исключительно

успешному периоду классического обучения в Цюрихском университете (1850-64),^[109] и его преемник, Арнольд Хуг, был не менее преданным и успешным.

В 1853 году Австрия самым жестким образом изгнала шесть тысяч швейцарцев (тичинеze) из Ломбардии под предлогом того, что итальянцам было разрешено объединиться на швейцарской земле против Австрии. Шесть лет спустя у швейцарцев появилась возможность подбросить углей в огонь на голову Австрии, поскольку, когда австрийский гарнизон был изгнан из форта Лавено на озере Маджоре, солдаты были не только свободно допущены на территорию Швейцарии, но и подверглись щедрому обращению. Мадзини, тоже итальянский патриот, искал безопасности в Швейцарии, доставив ей, между прочим, немалые неприятности. Франко-германская война, опять же, предоставила швейцарцам множество возможностей проявить свою обычную доброжелательность и милосердие по отношению к попавшим в беду иностранцам. К немцам, которым пришлось покинуть Францию с началом войны и пробираться домой через Швейцарию, швейцарский народ проявил неисчислимую доброту, многие из них были бедны и лишены даже самого необходимого. И когда швейцарцы услышали об осаде Страсбурга, их старого друга и союзника многовековой давности, они послали депутацию, чтобы пригласить слабых и нежных отправиться с ними домой. Это было сделано с согласия обеих воюющих сторон, и тысяча четыреста человек, в основном женщины, дети и старики, приняли приглашение. Это была трогательная сцена, когда они уходили со своими защитниками, и лишь у немногих глаза оставались сухими. Всем известно, как Бурбаки, не сумев освободить Бельфора, был вынужден бежать на швейцарскую территорию со своими восьмьюдесятью пятью тысячами человек и девятью тысячами лошадей (1 февраля 1871 года). Войска были разоружены, расквартированы по всей стране и оставались там до заключения мира.

Высокопоставленные и низшие, богатые и бедные швейцарцы соперничали друг с другом в доброте к беженцам. Крайне плачевным было их состояние по прибытии, но они ушли отдохнувшими, улучшившимися внешне и полными благодарности. Когда они уходили, воздух был наполнен криками "Да здравствует Швейцария". Той же весной, когда во многих округах Франции не хватало семян, которыми можно было бы засеять землю, швейцарцы прислали большое количество картофеля, овса, ячменя и фасоли, а также другой семенной кукурузы, помимо денег и одежды. А во время войны швейцарская помощь распределялась между французами и немцами беспристрастно.

Швейцарцы поступают так не из корысти или тщеславия, а из побуждений гуманности и великодушия. И хотя "правом на убежище" можно злоупотреблять, не следует забывать о его более благородной стороне. Следует надеяться, что Швейцария когда-либо сохранит свою нынешнюю независимость и нейтралитет, само существование которых свидетельствует о более гуманных тенденциях современной европейской политики.

Остается лишь привести несколько цифр, касающихся нынешней численности населения. Они взяты из официальных отчетов, и хотя отчет носит лишь предварительный характер,^[110] можно считать, что цифры в основном верны. Таким образом, получается, что общая численность населения Республики на 1 декабря 1888 года фактически составляла 2 934 057 человек, или 2 920 723 человека, проживавших на постоянной основе. В 1850 году фактическое население составляло 2 392 740 человек, таким образом, прирост за тридцать восемь лет превысил полмиллиона. Из 2 934 057 человек, перечисленных на 1 декабря 1888 года, 1 427 377 были мужчинами и 1 506 680 женщинами; 2 092 530 были говорящими по-немецки, 637 972 - по-французски, 156 606 - по-итальянски, 38 375 - по-романски, 8 574 были других национальностей; 1 724 957 были протестантами, 1 190 008 католиками и 19 092 других религий, или вообще ни одной. Кантоном с наибольшим населением был Берн с 539

271 жителем, на втором месте Цюрих с 339 014 жителями, в то время как кантоном с наименьшим количеством душ был Нижний Унтервальден с 12 524 жителями. Самым густонаселенным городом является Цюрих с населением 90 111 человек, следующими по порядку идут Базель с населением более 69 000, Женева - 52 000, Берн - 45 000, Лозанна - 33 000.

ИНТЕРЬЕР

КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА ЛОЗАННЫ. (С фотографии.)

На этом мы должны закончить наш краткий очерк этого замечательного маленького государства. С самых ранних времен его народы были особенно интересны — от доисторических озерников с их почти уникальной серией поселений, вплоть до сменявших друг друга народностей гельветов и римлян, аламаннов и бургундов до современных немцев,

французов, итальянцев и ретороманцев. Швейцария породила или была тесно связана с некоторыми из самых гордых правящих семей в европейской истории — Габсбургами и церингами, карловингами и бургундцами, гогенштауфенами и савойцами. Некоторые из самых славных побед, зафиксированных в истории, были одержаны маленькой швейцарской нацией при защите своего любимого отечества; слава Моргартена, Семпахы, Внука и Мората вряд ли угаснет, пока существует европейская цивилизация. С конституционной точки зрения история Швейцарии представляет исключительный интерес. Шаг за шагом мы видели, как горстка доблестных людей освобождалась от гнета императора или герцога, принца или сеньора, прелата или монаха монастыря. Дюйм за дюймом народ в целом добивался своих политических прав от иностранных правителей или от местной аристократии. Мы видели, как крошечная конфедерация из трех мелких штатов превратилась в лигу восьми, а затем в тринадцать независимых округов, и как это превратилось в федеральное государство из двадцати двух кантонов наших дней. Наконец, некоторые институты страны, в частности Инициатива и Референдум, практически уникальны в своем роде и, безусловно, представляют наибольший интерес для изучающих политическую историю и развитие; в то время как благородные усилия Швейцарии по улучшению положения и на благо человечества в целом не могут не вызывать нашего восхищения.

"Il est à nous, notre libre avenir;
Morgarten, Grandson, jours de fête,
Si vous ne deviez revenir,
O Saint Jacques, O sainte défaite,
Dans ton pourpre linceul, tu nous verrais dormir."^[111]

Конец.

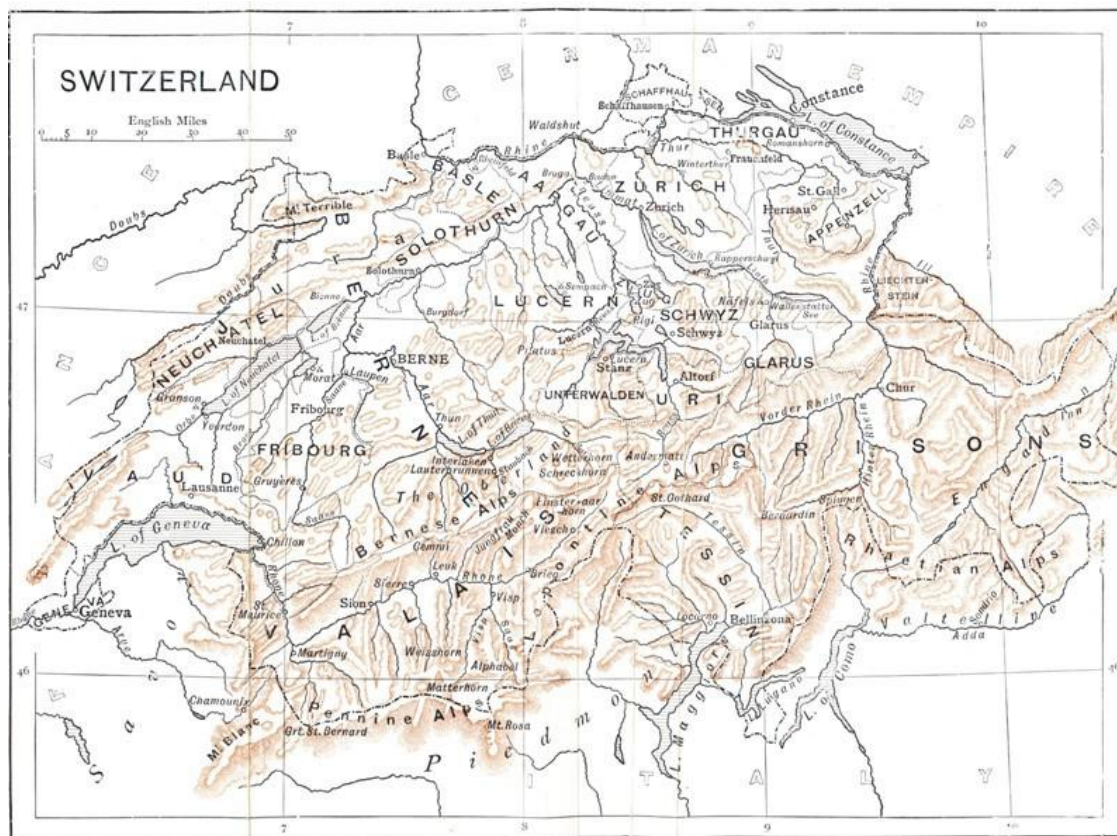
СНОСКИ:

^[108] Университет в Лозанне будет преобразован.

^[109] "Жизнь Кехли" профессора А. Хуга, 1878.

^[110] "Результаты поиска по eidg. Volkszählung vom 1 Dezember, 1888."

^[111] Де ла Рив, женевский поэт.

История народов.

СЫНОВЬЯ мистера Г. П. ПАТНЭМА с удовольствием объявляют, что в сотрудничестве с мистером Т. Фишером Анвином из Лондона они готовят к публикации серию исторических исследований, цель которых - представить в наглядной форме истории различных народов, занявших видное место в истории.

В форме рассказа отчетливо показано течение жизни каждого народа, а его живописные и заслуживающие внимания периоды и эпизоды представлены читателю в их философском отношении друг к другу, а также ко всеобщей истории.

План авторов разных томов состоит в том, чтобы проникнуть в реальную жизнь народов и представить их читателю такими, какими они на самом деле жили, трудились и боролись — как они учились, писали и как развлекались. При осуществлении этого плана не будут упущены из виду мифы, с которых начинается история всех стран, хотя они будут тщательно отделены от реальной истории, поскольку труды признанных исторических авторитетов привели к определенным выводам.

Сюжеты различных томов планировались так, чтобы охватывать связующие и, насколько это возможно, последовательные эпохи или периоды, так что по завершении книги в виде всеобъемлющего повествования будут представлены главные события великой истории народов; но, конечно, не всегда целесообразно выпускать несколько томов в их хронологическом порядке.

"Рассказы" напечатаны хорошим читаемым шрифтом и в красивой форме 12мо. Они надлежащим образом иллюстрированы и снабжены картами и указателями. Они продаются отдельно по цене 1,50 доллара за штуку.

В настоящее время готовы следующие тома (апрель 1890 г.):

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ. Профессор Джас. А. Харрисон.

" " РИМ. Артур Гилман.

" " "ЕВРЕИ. Профессор. Джеймс К. Госмер.

" " " ХАЛДЕЯ. З. А. Рагозин.

" " " ГЕРМАНИЯ. С. Бэринг-Гулд.

" " " Норвегия. Ялмар Х. Бойсен.

" " ИСПАНИЯ. Преподобный Э.Э.Э. и Сьюзан Хейл.

" " " ВЕНГРИЯ. Prof. A. Vámbéry.

" " " КАРФАГЕН. Профессор. Альфред Дж. Черч.

" " " САРАЦИНЫ. Артур Гилман.

" МАВРЫ В ИСПАНИИ. Стэнли Лейн-Пул.

" "НОРМАННЫ. Сара Орн Джуэтт.

" ПЕРСИЯ. С. Г. В. Бенджамин.

" " " ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ. Профессор Гео. Роулинсон.

- " " " ИМПЕРИЯ Александра. Профессор Дж. П. Махаффи.
- " " " АССИРИЯ. З. А. Рагозин.
- " " ГОТЫ". Генри Брэдли.
- " "ИРЛАНДИЯ. Достопочтенная. Эмили Лоулесс.
- " " ТУРЦИЯ. Стэнли Лейн-Пул.
- " " МИДИЯ, ВАВИЛОН И ПЕРСИЯ. З. А. рагозин.
- " " СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФРАНЦИЯ. Проф. Gustav Masson.
- " " " ГОЛЛАНДИЯ. Профессор Дж. Торольд Роджерс.
- " " " МЕКСИКА. Сьюзан Хейл.
- " "ФИНИКИЯ". Профессор Гео. Роулинсон.
- " " ГОРОДА ГАНЗЫ. Helen Zimmern.
- " " " РАННЯЯ Британия. Профессор. Альфред Дж. Черч.
- " " БЕРБЕРИЙСКИЕ КОРСАРЫ. Стэнли Лейн-Пул.
- " "РОССИЯ. У. Р. Морфилл.
- " " "ЕВРЕИ Под РИМОМ. У. Д. Моррисон.
- " " ШОТЛАНДИЯ. Джеймс макинтош.

Сейчас в печати для немедленного выпуска:

ИСТОРИЯ ШВЕЙЦАРИИ. Р. Стэд и миссис *Арнольд Хаг*.

- " " " ВЕДИЧЕСКАЯ ИНДИЯ. З. А. Рагозин.
- " " "ТРИНАДЦАТЬ КОЛОНИЙ. Хелен А. Смит.
- " " " СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ. Эмили Кроуфорд.
- " " " КАНАДА. А. Р. Макфарлейн.

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА Т. ФИШЕР АНВИН
 Нью-Йорк Лондон